

Министерство науки и высшего
образования Российской Федерации
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Философский факультет

**INITIA:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
(22–23 апреля 2022 г)**

**Материалы XXIV Международной
конференции молодых ученых**

Томск
2022

УДК 30
ББК 60Я43
А43

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Председатель – **А.Б. Ворожцов** проректор по научной и инновационной деятельности НИ ТГУ
Ответственный секретарь конференции – **Ю.Н. Овсянникова**, доцент, к.филол.н., НИ ТГУ

Е.В. Сухушина, декан, доцент, НИ ТГУ

Е.А. Аверина, ст. преп., зам.декана по УР ФсФ., НИ ТГУ

В.А. Суровцев, профессор, д.филол.н., НИ ТГУ

В.Н. Сыров, профессор, д.филол.н., НИ ТГУ

А.Ю. Рыкун, профессор, д.социол. н. НИ ТГУ

В.В. Кашпур, доцент, к.соц.н, НИ ТГУ

Н.Н. Зильберман, доцент, к.филол.н., НИ ТГУ

И.В. Черникова, профессор, д.филол.н., НИ ТГУ

А43 **Актуальные проблемы социальных наук (22–23 апреля 2022 г.) Материалы XXIV Международной конференции молодых ученых / Под редакцией Ю.Н. Овсянниковой.** – Томск, 2022. Мб. [Электронное издание]. – Систем. требования: процессор x86 с тактовой частотой 500 МГц и выше; 512 Мб ОЗУ; Windows XP/7/8; видеокарта SVGA 1280x1024 High Color (32 bit). – Загл. с экрана.

Представлены материалы XXIV Международной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук», прошедшей 22–23 апреля 2022 г. в Томском государственном университете.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

УДК 30
ББК 60я43

© Авторы статей, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>Атаманов А.В.</i> Трансформация функций ритуалов «живое – мертвое».....	8
<i>Белова Е.Е.</i> Теория жертвоприношения Р. Жирара в контексте современного общества.....	11
<i>Булгаков Р.М.</i> Todestrieb, jouissance и wille как причины человеческих страданий	13
<i>Вяткина А.А.</i> Эссенциалистская интерпретация мужского и женского. проблема «бесполости» культуры в эссе Г. Зиммеля «женская культура».....	15
<i>Гордок П.Ю.</i> Субъект неолиберализма и утрата политического.....	17
<i>Григорюк А.А.</i> Юмор и философия как инструменты сохранения и опосредования идентичности.....	19
<i>Гуськова В.С.</i> Дисциплинарная власть: существует ли кризис?.....	21
<i>Дубовая Е.А., Наумова А.С.</i> Контрастные философские течения постиндустриального общества.....	23
<i>Зыонг Тхи Кам Н.</i> Буддийский взгляд на применение геной инженерии для клонирования человека.....	25
<i>Кротова А.С.</i> Социалистическая идеология: фабианский социализм и шведский опыт.....	27
<i>Куницын А.М.</i> Философия личной свободы Ж.-П. Сартра как путь в социальной теории.....	29
<i>Лях Е.Е.</i> Образовательная политика в условиях нарастающей виртуализации общества.....	31
<i>Малырев Д.В.</i> История понятия «новая этика».....	33
<i>Марон Р.Е.</i> Триада постмодернизма. смерть бога, смерть автора, смерть субъекта.	35
<i>Моисеев С.В.</i> Эрих Фромм: концепция деструктивного общества.....	37
<i>Наумов Ф.В., Коварж Г.Ю., Завгородняя А.В.</i> Социальная ситуация и регистр как элементы социально-семиотической теории языка М. Халлидея.....	39
<i>Пегов И.А.</i> Задача современной философской антропологии.....	42
<i>Плюснин Л.В.</i> Рациональное антиципативное участие - перспективы игровой рациональности.....	44
<i>Рогожина К.Ю.</i> Влияние современных представлений общества о нравственности на формирование правосознания личности в РФ.....	47
<i>Севастов К.В.</i> Кризис профессиональной идентичности в постмодернистской концепции феномена игры.....	50
<i>Сединин Я.А.</i> Параллакс политики: война без вражды.....	52
<i>Сотников Я.С.</i> Гуманизм в 21 веке.....	55
<i>Теплов И.Г.</i> Ценностно-ориентированное восприятие в структуре dasein.....	58
<i>Тетерин А.Ю.</i> значение фигуры дьявола в «Левиафане» Томаса Гоббса.....	61
<i>Федосов Р.Д.</i> Проблема объекта в объектно-ориентированной онтологии.....	63
<i>Чечихина А.Н.</i> Смех как феномен, освобождающий от иллюзий в немецкой философии XVIII-XIX вв.....	66
<i>Шипицын А.И.</i> Проблема субъекта власти в свете концепции «признания» Г.В.Ф. Гегеля.....	68

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Артюх Е.С.</i> «Постправда» как новый вид истины.....	70
<i>Белянин В.С.</i> Двухуровневая структура типологии культуры П. Сорокина.....	72
<i>Брайченко В.В.</i> Эффект наблюдателя в квантовой физике.....	74
<i>Деянова К.А.</i> Э науки: технофобия и неолуддиты	76

<i>Думов А.В.</i> Философия и наука: мнимость проблемы демаркации.....	78
<i>Кручинин А.Д.</i> Понятие паттерна в философии биологии Юджина Такера.....	80
<i>Логиновская Ю.В.</i> Развитие концепта человекоразмерности в постнеклассической философии и методологии науки.....	82
<i>Мединцева А.В.</i> Интерсекциональный анализ как специфический метод гендерных исследований.....	84
<i>Риль Е.С.</i> Критический анализ биогенетического подхода к определению природы человека.....	86
<i>Сазанов А.В.</i> Философский аспект значения чувственного отражения в познании и научно-техническом преобразовании окружающей действительности	88
<i>Стельмахов Д.А.</i> Феноменологический метод как связующее звено эпистемологии и когнитивной науки	90
<i>Тунда Е.А.</i> Этические проблемы цифровизации.....	92
<i>Черезова Е.Б.</i> Причинная замкнутость физического мира в моделях ментальной каузальности Э.Дж. Лоу.....	94

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЛОГИКА

<i>Ананьева А.З.</i> «Требование базовой легитимации» в политической философии Бернарда Уильямса.....	96
<i>Быков Е.В.</i> Рациональное в трудах Фомы Аквинского и Мейстера Экхарта.....	98
<i>Ветус М.А.</i> Трансгуманизм и постчеловек.....	100
<i>Дмитриев Я.А.</i> Символизм и декадентство: эволюция семантической структуры текста.....	102
<i>Дремлюгов Н.Н.</i> Критика Ф. Рамсеем «Логико-философского трактата».....	104
<i>Думов А.В.</i> Убеждение и степень рациональной уверенности: стратегии понимания связи понятий.....	106
<i>Каребо А.С.</i> О применимости концепции У. Куайна к актуальной проблеме перевода.....	108
<i>Ковалева Е.С.</i> Забота в феноменологически-экзистенциалистской концепции Мартина Хайдеггера.....	111
<i>Максимов К.А.</i> Против холизма: эмерджентность как перевод.....	113
<i>Меньшикова А.А.</i> Онтология языка: символическое vs референциальное.....	116
<i>Михневич Е.Н.</i> Теоретические системы и возможность / невозможность и их предельного обоснования.....	118
<i>Мухаметшина И.И.</i> Первопорядковая модальная логика с λ -оператором.....	120
<i>Нанкевич А.А.</i> Понимание цвета через призму языка: случай с врожденной слепотой.....	123
<i>Потапова Д.Д.</i> Социально-политическое положение женщин Античной Греции в трудах Платона и Аристотеля.....	125
<i>Ратуш Е.В.</i> Связь абсурда и самоубийства.....	127
<i>Ситдикова А.Г.</i> Синтез философии и литературы в творчестве М.Унамуно и Ф.М. Достоевского.....	130
<i>Смакотин А.П.</i> Кризис репликации и концепция личностного знания М. Полани.....	132
<i>Хорошилов М.А.</i> Решение проблемы «единого и многого» на примере диалектики Гераклита.....	134
<i>Хромченко А.С.</i> Трактат Л. Витгенштейна как критика логико-философских идей Г. Фреге.....	135
<i>Ярочкин Д.А.</i> Музыка как антропотехника у Платона.....	137

ГУМАНИТАРНАЯ ИНФОРМАТИКА

<i>Балавина П.А., Данилова М.Р.</i> Функции менеджера в условиях удаленной работы	139
<i>Калафат Е.А.</i> Перспектива использования платформы Stepic в российской системе образования.....	142
<i>Коваленок Е.Е.</i> Редизайн сайта Института дистанционного образования Томского государственного университета.....	144
<i>Конюшков А.В.</i> «Забота о себе» в контексте обществ контроля.....	147
<i>Лямзин Н.С.</i> Особенности дизайна интерфейсов виртуальной реальности в концепции диегезиса	149
<i>Меженцова Ю. А., Чуняева Ю. Д.</i> Влияние технического прогресса на визуальное искусство.....	151
<i>Нарушева К.С.</i> Обучающая информационная система по сортировкам числового массива.....	153
<i>Скоробач Л.Д.</i> UX/UI-дизайн системы управления контентом.....	155
<i>Столярова А.Л.</i> Свобода человека в информационную эпоху.....	158
<i>Хузин Ю.С.</i> Боль и сильный искусственный интеллект	160
<i>Черепашин А.Е.</i> Онтология как принцип выделения жанра «souls like»	163

СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

<i>Андрющенко А.С., Круглик П.А.</i> Репрезентация нематериального культурного наследия эвенков в социальной сети «ВКонтакте».....	166
<i>Аплина А.Д.</i> Оценка и восприятие молодежи межнациональных браков в России	169
<i>Баландина М.С.</i> Интернет-блоггинг как технология потребительской социализации молодежи	171
<i>Бахтин Е.Л.</i> Цифровизация precarious трудовой деятельности молодежи.....	173
<i>Борисюк Л.А.</i> Отношение взрослого населения города Красноярска к высказыванию личного мнения по общественно-политическим вопросам.....	175
<i>Городилова Е.С.</i> Социальная адаптация студентов-первокурсников к обучению в вузе.....	177
<i>Демешкин И.А.</i> Типология наследования малого бизнеса в предпринимательских семьях.....	180
<i>Демина В.В.</i> Представления молодежи об изменении гендерных ролей (на примере студентов киргизских и российских вузов).....	183
<i>Егренцова А.А.</i> Отношение студентов г. Томска к платным онлайн-кинотеатрам	186
<i>Ефименко П.И.</i> Способы повышения конкурентоспособности граждан на рынке труда.....	188
<i>Ефименко П.И.</i> Роль профсоюзной организации в формировании имиджа вуза...	190
<i>Жеребцова Н.М.</i> Теоретический анализ адаптации молодых специалистов в различных организациях и предприятиях в современных реалиях.....	193
<i>Кожевникова К.Г.</i> Гендерное неравенство в обществе: история и современное состояние вопроса.....	196
<i>Латышев Д.М.</i> Здоровый образ жизни в исламских СМИ России: репрезентация телесности и качеств индивида.....	199
<i>Маркова Е.А.</i> Надпрофессиональные навыки обучающихся и их роль в построении жизненных стратегий	202
<i>Михайлова Т.А.</i> Социология физической культуры и спорта: история и современность.....	204

<i>Назарова А.В.</i> Особенности занятости в современном мире в представлениях студента	206
<i>Пискунова А.В.</i> Space mining: социологическая интерпретация публичного дискурса.....	209
<i>Сипкина А.Г., Буртовая К.В., Андрющенко А.С., Кулеева Ж.А.</i> Контент-анализ вакансий для соискателей с социологическим образованием на рынке труда России	211
<i>Тартынова К.В.</i> Мода как фактор выбора направления обучения молодежью....	213
<i>Федоров А.Ю.</i> Мажорный и минорный цвет: корреляция лада музыкального произведения с тонном и яркостью оттенков.....	217
<i>Филатов Н.А.</i> Представление «Германия-Запад» в общественно-политическом дискурсе постперестроечной России: на материале социологических опросов в социальных сетях.....	220
<i>Шишкин А.В.</i> Практики использования интернета в условиях пандемии.....	222
<i>Ху Циньцин</i> Гендерные различия у иностранных студентов из Китая при обучении за границей в России.....	224

SCHOLARLY WRITING AND PRESENTATION

<i>Булгаков Р.М.</i> Todestrieb, jouissance and wille as a cause of human suffering.....	227
<i>Зыонг Тхи Кам Н.</i> Mind and wisdom trainings in Buddhism as a scientific method limits genetic engineering of human cloning.....	230
<i>Имзбиан В.К.</i> The influence of rap music on Nigerian youths	233
<i>Кротова А.С.</i> Socialist ideology: Fabian socialism and the Swedish experience.....	235
<i>Лаврентьев А.В.</i> The program for English language learning enhancement in educational institutions.....	237
<i>Марон Р.Е.</i> The triad of postmodernism. the death of god, the death of the author, the death of the subject.....	239
<i>Меньшикова А.А.</i> Language ontology defined through translating.....	241
<i>Пискунова А.Е.</i> Darkness as part of the urban space experience (case of Novokuznetsk).....	243
<i>Рахматуллин С.С.</i> History of the formation of modern linguophilosophy.....	245

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

<i>Билалова А.Р.</i> Роль игры в процессе социализации детей дошкольного возраста...	247
<i>Василишин В.А.</i> Работа с созависимостью в реабилитационных центрах г. Томска.....	251
<i>Ворошилова П.М.</i> Адаптация – первые полгода (на примере студентов ТГУ из Таджикистана).....	253
<i>Даутова А.Р.</i> Проблемы адаптации женщин из семей мигрантов из Центральной Азии в Томске.....	255
<i>Диканов А.З.</i> Отношение к дистанционному обучению как классовая характеристика.....	256
<i>Касперский М.А.</i> Подходы к определению гендерного равенства.....	259
<i>Крохта А.Р.</i> Специфика реализации государственной социальной программы «Пушкинская карта» в г. Томске.....	261
<i>Лежнина Е.П.</i> Особенности профилактики и коррекции девиантного поведения подростков в условиях сельских и городских школ.....	263
<i>Мариненко Е.С.</i> Образ матери в современной социальной рекламе.....	266
<i>Маттер Р.В.</i> Возможности и ограничения организации универсального дизайна (на примере общественного транспорта города Томска).....	269

<i>Орлова А.Е.</i> Проблема буллинга в восприятии томских школьников.....	271
<i>Пучинкина А.А.</i> Анализ популярности скулшутинга в социальных сетях в России и меры борьбы с трендом.....	273
<i>Строганова У.П.</i> Репрезентация информации о домашнем насилии в сети интернет (на основе метода контент-анализа).....	276
<i>Шумаева К.М.</i> Культурные особенности русских и таджикских студенток в матриониальной сфере (на примере студенток первых курсов ТГУ).....	278
<i>Щетникова Ю.В.</i> Анализ мероприятий Центра доступности образования.....	280
<i>Яндакова Е.А.</i> Отношение студентов к репрезентации образа ЛГБТ в современной массовой культуре.....	283

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ РИТУАЛОВ «ЖИВОЕ - МЕРТВОЕ»

А.В. Атаманов

Научный руководитель: д.ф.н. В.В. Чешев

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Тема ритуалов «живое - мертвое» достаточно табуирована. Общество современной культуры «вытесняет» тему смерти. Возникает проблема непонимания «как?», «каким образом относиться к умершему человеку?», «как себя вести?», «что говорить?», и так далее. Как любой сакральный ритуал, ритуалы перехода «живое - мертвое» призваны исполнять свои социальные функции. Эти ритуалы являются феноменом традиционной культуры. Представитель современной культуры не всегда может понять содержание ритуала. Субъекты ритуальных действий не испытывают переживаний, подразумеваемых в ритуалах другого времени.

Изучением ритуала, его значений, типологии, семантикой занимались А.К. Байбурун, Ю.М. Лотман, Э.Б. Тайлор, А.О. Седакова и др. Описанием феномена «красных похорон» занималась С.Г. Маслинская (Леонтьева).

Традиционный ритуал прощания с усопшим включал в себя следующие сакральные символические действия: омовение, одевание в ненюшеную одежду, связывание рук и ног, домовина или гроб, отпевание – как отдельный сакральный христианский ритуал, проводы до кладбища, поминальная трапеза, частные поминальные дни – девятины, сорочины, и календарные дни особой памяти об умерших (Родительские дни). Каждое действие и предмет носят определенный смысл и, будучи понятными субъектам ритуала, выполняют определенные функции, как психологические, так и социальные. Длительный и подробный ритуал позволял человеку принять смерть близкого человека (психотерапевтическая функция), согласиться со своей неминуемой кончиной (мировоззренческая функция). В итоге, человек возвращался к своей обычной жизни. Социум возвращался к прежнему существованию, но уже без умершего своего члена. Результатом ритуала перехода от жизни к смерти является продолжение спокойного существования социума (выделяющая функция).

В России после революции похороны известных людей начинают использоваться для политических целей. Часто они сопровождаются манифестациями. Современная «гражданская панихида» является результатом такой трансформации ритуала. Яркими примерами похорон-манифестаций были похороны Льва Толстого и жертв Февральских выступлений на Марсовом поле.

Советское общество строилось на новых основаниях. Все, что-либо напоминающее религиозную жизнь должно было исчезнуть. «Диалектика природы»

Энгельса предлагает два варианта конечного жизненного исхода. Первый предполагает распад тела на составные элементы. Другой – вечно живую идею, которая остается после человека. Очень ярко это смог сформулировать Маяковский.

Борьба с «религиозными пережитками» широко распространяет «красные похороны». Новый ритуал призван вытеснить традиционный ритуал «живое - мертвое» и, в том числе, должен был стать пропагандой революционных идей, носителем которых являлся умерший.

Символами нового ритуала стали обязательная манифестация, красный цвет гроба, ленты, венки, пение маршей, оркестр. Постепенно «красные похороны» проникают во все слои населения, даже в село, хотя, чаще всего никаких «принципов» после умершего не оставалось, и он претендовал разве что на распад на элементарные частицы.

Возникает еще одна проблема после прихода новой секулярной культуры. В архитектуре города не остается места кладбищу. Монастырские кладбища и приходские погосты становятся лишними в черте города. Многие из них превращены в парки, когда возникла необходимость рекреационных зон, другие же попросту снесены. Кладбище вытесняется за городскую черту. Остаются лишь мемориальные захоронения (Марсово поле, захоронения возле Кремлевской стены и т. п.), выполняющие идеологическую функцию.

Новый секулярный ритуал погребения появляется не только в революционной России. Подобные явления отмечаются и в Европе. Такова тенденция промышленного общества, общества урбанизированного с его новым «светским» сознанием.

Мы считаем, что новые ритуалы «живое - мертвое» не выполняли функций прежних традиционных ритуалов. О чем свидетельствует резкое и повсеместное возвращение к прежним формам этих ритуалов в 80–90 годы после падения советской идеологии.

Появляются трансформированные традиционные ритуалы с элементами «красных похорон». Красный гроб, венки, гражданская панихида, использование музыкального сопровождения – не вызывают конфликта в ритуале погребения с традиционными символическими ритуальными элементами.

В современном социуме отношение к смерти продолжает изменяться. Смерть вытесняется из жизни людей. Развитие медицинской помощи, научные достижения позволяют увеличить срок жизни. Люди долго могут жить с неизлечимыми болезнями. Диагноз СПИДа, рака и многих других болезней, которые раньше вызывали ужас, не звучат смертным приговором. Донорство органов, «экологические похороны», изготовление драгоценных камней из праха – являются символическими признаками вечной жизни. Конечно, бессмертия мы не достигли, но хотя бы в таком виде человек хочет продолжать свое существование. Ритуал «живое - мертвое», как и любой другой ритуал, отражает реальную жизнь социума. Современный человек не может себе позволить многодневные ритуалы для прощания с умершим. Виртуальные кладбища, генераторы аккаунтов умерших людей – такие и подобные им новые ритуальные действия говорят о том, что человек не готов умирать как физически, так и виртуально и символизируют его бессмертие. Что говорит и о необходимости ритуала с его социальными функциями. Мы полагаем, это связано с той же неготовностью к смерти – ни физической, ни виртуальной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: Структур.-семант. анализ восточнослав. обрядов / А.К. Байбурин; Рос. АН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб: Наука, 1993.
2. *Лотман Ю. М.* Семиосфера : Культура и взрыв; Внутри мыслящих миров; Статьи; Исследования; Заметки. СПб: Искусство-СПБ, 2010.
3. *Маслинская С.Г. (Леонтьева).* «По пионерски жил, по пионерски похоронен»: материалы к истории гражданских похорон 1920-х гг. // Живая Старина. 2021. №3. С. 49–52.
4. *Седакова О.А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индриг, 2004. 320 с.

ТЕОРИЯ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ Р. ЖИРАРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Е.Е. Белова

Научный руководитель: к.ф.н. Ю.Н. Овсянникова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Мы привыкли видеть современное общество цивилизованным в том смысле, что его члены соблюдают закон, а насилие преследуется и карается справедливым судом. Иными словами, складывается ощущение, что нынешнее общество давным-давно переросло архаический племенной строй, кровопролитные войны и месть. Наш мир коренным образом отличается от уклада древних племен, сейчас на площадях мы вряд ли увидим огромные кострища, на которых сжигают жертву в качестве подношения богам. Мы знаем о ритуалах жертвоприношений из книг, мифов и сказаний, но не имеем прямого взаимодействия с данным процессом, тогда можем ли мы утверждать, что практика жертвоприношений полностью исчерпала себя и исчезла? Для ответа на этот вопрос мы используем концепцию Р. Жирара. Р. Жирар в своей работе «Насилие и священное» защищает теорию миметического желания. По Жирару желание включает в себя не только субъекта (желающего) и объекта (желаемое), но и медиатора (посредника), третье лицо, желающее этот же объект. Медиатор дает образец для подражания, порождая отношение: субъект, не знающий на что ему обратить свое внимание, невольно начинает желать того же, чего желает Другой. Именно поэтому данное желание мы и называем миметическим (от греч. слова «мимесис» или «мимезис», что означает «подобие, воспроизведение, подражание»).

Взаимодействие людей нередко приводит к конфликту, за которым стоит соперничество. Сопернические отношения закладываются в основу культурной и социальной жизни человека. Люди начинают желать, и борьба за желанный объект становится фундаментом социальных отношений. Временами борьба переходит грань дозволенного и заканчивается кровопролитием – «смертельным» насилием. Важно уточнить – во многих архаических сообществах, в которых прослеживается миметизм, был запрет на подражание с вытекающим из него насилием, однако существовала практика жертвоприношений, которая являлась процессом смягчения и замещения «смертельного» насилия. Жирар представляет жертвоприношение как способ избавления от деструктивной агрессии и вариант объединения людей против единственного зла.

Р. Жирар отказывается от традиционного понимания жертв как подношения богам, а также отрицает теорию Леви-Стросса о том, что жертвоприношение ничему в реальности не соответствует. По Жирару жертва имеет смысл, а найти этот смысл можно через интерпретацию социальных отношений. При таком подходе жертва представляет собой насилие без риска мести, единение людей перед общим врагом. Насилие в этом случае остается насилием, ведь жертвоприношение не перестает быть убийством, однако отсутствие риска за данное «убийство» объясняется тем, что жертву выбирают из категории людей, не принадлежащей данному сообществу, обычно это рабы и военнопленные, дети и изгои. Принесение в жертву кого-либо из данного списка не повлечет за собой дополнительных проблем в виде мести той группы, к которой принадлежали убитые. Разумеется,

жертвоприношение не решало конфликт, но значительно сглаживало его последствия, успокаивая и объединяя людей.

Итак, возвращаясь к ответу на первоначальный вопрос – разве мог такой удобный способ решения конфликта как жертвоприношение взять и исчезнуть вместе с племенами, в которых практиковался? Если страшных кровопролитий архаики нет в современности в силу развития социальных отношений, мы можем предположить, что появится их аналог. Разберем несколько примеров. Первое, что приходит на ум – судебная система и ее порядок. Будет ли она аналогом жертвоприношения? Суд – это рациональная месть, основанная на законах и принципах правосудия. Жирар делает следующие выводы, сравнивая судебную систему и ритуал жертвоприношения: «Вместо того чтобы всеми силами мешать мести, ослаблять ее, обходить или отклонять на второстепенную цель... судебная система ее рационализирует, успешно кроит и ограничивает месть по собственному желанию...» [1.С.34]. Суд в современном мире является монополистом в отношении насилия, ему все подчиняются, и никто не может противоречить. Люди освобождаются от долга мести благодаря разделению судебной власти: лица, берущие на себя процесс воздаяния, беспристрастны, поскольку не имеют никакого отношения к последствиям злодеяния. Жирар четко различает жертвоприношение и справедливость, и не смотря на схожесть процедуры, суд не будет являться аналогом механизма жертвоприношения.

Возьмем другой, не столь очевидный пример. В современной поп-культуре можно обнаружить те же механизмы, о которых пишет Жирар – феномен рок-звезды, а именно «рок-н-рольный образ жизни: бунтарство, нарушение правил и отрицание закона. Рок-звезда – всегда бунтарь, пытающийся отстраниться от общества, показав себя иным, в этом смысле он является изгоем. Стремление рок-героя стать всеобщим кумиром и взобраться на пьедестал, отделяющий его от массы, подчеркнуть свою инаковость, отсылает нас к главному свойству «козла отпущения». Разумеется, жертвоприношение в поп-культуре имеет больше символический характер, однако намеренное подчеркивание позиции «козла отпущения» воспринимается как уже ему присущее. Такое жертвоприношение, так называемая страсть к саморазрушению, может привести к реальной гибели, и история рок-культуры знает множество примеров «рок-звезд», которые перешли грань жизни и смерти, погибли от передозировки наркотиками или алкоголизма.

Подводя итог исследованию, современное общество хоть и продвинулось далеко вперед относительно архаичного уклада, все еще хранит в себе практику жертвоприношений. Механизм остался прежним, изменилось лишь время и обстоятельства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жирар Р.* Насилие и священное. Изд. 2-е, испр. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.
2. *Жирар Р.* Козел отпущения. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.
3. *Михайлов Г.П.* Рене Жирар. Жертвоприношение как перформативный феномен современной поп-культуры // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2014. №10.132 с.
4. *Яворский Д.Р.* Таинственная справедливость Рене Жирара. Фонарь Диогена. 2016. № 2. 159 с.

TODESTRIEB, JOUISSANCE И WILLE КАК ПРИЧИНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СТРАДАНИЙ

Р.М. Булгаков

Научный руководитель: к.ф.н. В.В. Петренко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Теория влечений Зигмунда Фрейда подразумевает, что для психического аппарата существуют раздражители, исходящие изнутри самого организма, действующие как постоянная сила, обуславливая при этом как все бессознательные, так и все сознательные действия индивида [6.С.87]. Некоторое сходство с этой теорией мы находим в понятии воли из философии Артура Шопенгауэра [7.С.211]. Однако будучи выведенной из причинности как таковой, воля понималась Шопенгауэром как основание бытия вообще, любого движения и изменения. Ответственность за все страдания мира Шопенгауэр приписывал бесконечному и неутолимому волению, которому в свою очередь подвержена и живая материя [7.С.271]. Прямым проявлением бессмысленного характера иррациональной и самопожирательной воли в живой материи философ считал половое влечение к размножению [7.С.539]. Артур Шопенгауэр: «то, чего хочет воля, всегда есть жизнь» [7.С.453]. Повторение в этом смысле можно считать главным фактором и критерием жизни.

Выдвинутая Зигмундом Фрейдом в 1920 году, теория влечения к смерти («*Todestrieb*») [5.С.48], напротив, подразумевает, что влечение к жизни («*Libido*») возникает лишь как защитная реакция психического аппарата на изначальную тягу к саморазрушению [5.С.119]. Подобно тому, как воля, ищущая своего постоянного утверждения, побуждает индивид к воспроизведению самого себя, *Todestrieb* обуславливает феномен вынужденного повторения, заключающийся в стремлении повторять травмирующий для индивида опыт, предположительно в бессознательной попытке его превозмочь. В этом отношении изначальная идея о влечении к смерти, предложенная Сабиной Шпильрейн в 1912 году, немного больше похожа на концепцию шопенгауэровской воли, так как саморазрушение по мысли Шпильрейн является лишь условием перерождения в новом теле, и поэтому становится для индивида страстно желаемым [8.С.140].

Жак Лакан отвергал трактовку *Todestrieb* как исключительно влечения к восстановлению первичного состояния, нарушенного пробуждением в неживой материи свойств жизни. Такую трактовку он называл антинаучной и абсурдной [1.С.118], предлагая рассматривать *Todestrieb* как прямую тягу к разрушению [3.С.275] и фундаментальную тенденцию символического порядка к производству повторений [1.С.459]. Введенное Лаканом понятие «*jouissance*» (излишнее, перетекающее в боль удовольствие) является приблизительным эквивалентом «*Lust*» и «*Libido*» из работ Фрейда [9.С.103]. *Jouissance* находит свое место в удовлетворении влечения к смерти [9.С.106]. В неизданном семинаре от 2 мая 1962 года Жак Лакан говорит, что именно *jouissance* обуславливает невозможность какого-либо удовлетворения, так как по определению имеет характер сиюминутности, *jouissance* постоянно восстанавливает разрыв между желанием и требованием, обеспечивая неисчерпаемость потребности.

В теории Лакана желание появляется как следствие отделения требования от физической необходимости того, что субъект требует. Оно рассматривается

как средство, используемое психическим аппаратом в качестве защиты от разрушительного компонента *jouissance* [10.С.699]. В философии Артура Шопенгауэра желание, напротив, рассматривается как прямое следствие физической необходимости. Желание у Лакана противопоставлено влечению как таковому, так как *Todestrieb* и *Libido*, по его мнению, являются компонентами одного влечения [2.С.275]. Тем не менее, не следует торопиться искать пути отождествления этой трактовки влечений с волей, так как, во-первых, Лакан отмечает, что, согласно Фрейду, влечения никакого отношения не имеют к таким инстинктивным потребностям как голод или жажда [2.С.175], а во-вторых, говорить о влечении как о воле в рамках теории Лакана, значит пренебрегать самой структурой, в которой психоаналитик преподносит свои рассуждения о влечениях в контексте сугубо человеческого существования [3.С.275]. Само бессознательное, иногда рассматриваемое как первая из ступеней объективации воли в психике [4.С.19], по мнению Лакана, структурировано как язык.

Todestrieb и *jouissance* в контексте психоаналитических теорий Зигмунда Фрейда и Жака Лакана являются основополагающими понятиями. Сказать, что они сопоставимы с волей мы не можем, однако между ними и волей прослеживается определенное сходство, состоящее в присутствии им характере неизбежности, в причастности к повторению [7.С.457] и в положениях о том, что они, так или иначе, являются внутренними причинами человеческих страданий.

Живя в капиталистическом обществе, иногда полезно сознавать, что хоть всякое удовлетворение само по себе и невозможно, но перспектива попыток удовлетворения в разрушении и саморазрушении ни в коей мере не является предпочтительной. Артур Шопенгауэр полагал единственным способом борьбы с разрушительными последствиями нескончаемого воления полный и перманентный отказ от воли [7.С.638].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинары: Книга II (1954-55)). М.: Гнозис, Логос, 2009. 520 с.
2. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа (Семинары: Книга XI (1964)). М.: Гнозис, Логос, 2004. 304 с.
3. Лакан Ж. Этика психоанализа (Семинары: Книга VII (1959-60)). М.: Гнозис, Логос, 2006. 416 с.
4. Степанов В. Фрейдизм как философия. Екатеринбург: Издательство УрГУ, 2004. 25 с.
5. Фрейд З. «Я» и «Оно»: Избранные работы. СПб.: ИГ Лениздат, 2020. 256 с.
6. Фрейд З. Психология бессознательного. Йошкар-Ола: Фирма СТД, 2006. 448 с.
7. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: АСТ, 2020. 672 с.
8. Шильрейн С. Психоаналитические труды. Ижевск: ERGO, 2008. 466 с.
9. Braunstein N. A. Desire and jouissance in the teachings of Lacan // The Cambridge companion to Lacan. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. p. 102–115.
10. Lacan J. Ecrits: the first complete edition in English. New York: WW Norton, 2007. 878 p.

**ЭССЕНЦИАЛИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО.
ПРОБЛЕМА «БЕСПОЛОСТИ» КУЛЬТУРЫ
В ЭССЕ Г. ЗИММЕЛЯ «ЖЕНСКАЯ КУЛЬТУРА»**

А.А. Вяткина

Научный руководитель: канд. филос. наук, доц. Ю.Н. Овсянникова
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Вопрос о том, что мы можем подразумевать, когда говорим «мужское» и «женское» до сих пор порождает множество споров. Одним из ответов на данный вопрос может служить работа Г. Зиммеля, описывающая эссенциалистское понимание проблемы осмысления пола и затрагивающая причину того, почему культура на самом деле не бесполо. В своем эссе «Женская культура» Г. Зиммель проводит анализ определения того, что есть культура. В его понимании культура есть «совершенствование индивидов, которое достигается посредством объективации духа в исторической деятельности рода» [2. С.237]. Эссе Г. Зиммеля является одной из первых работ, демонстрирующих тот факт, что в изначальном представлении о том, что культура бесполо лежит заведомо ложная предпосылка. И именно с этой точки зрения представляется актуальным рассмотрение данного произведения в контексте осмысления дихотомии мужское-женское и понимания культуры как феномена, не имеющего пола.

Г. Зиммель выделяет два аспекта в культуре: субъективный и объективный. Как отмечает автор, субъективный аспект культуры выражается в женском движении и изначально, когда формировалось женское движение стремился к тому чтобы не создавать новые ценности и содержания, а скорее добивался интеграции в уже существующие культурные формы, что по итогу не давало выход за пределы сугубо личного и единичного. А объективность и как следствие дифференцированность являются характерными выражениями мужской сущности, поскольку именно мужчине свойственно направлять свою жизненную силу по одному установленному направлению (дифференцированная деятельность), при этом данное обстоятельство не наносит ущерба его личности. Ущерб от дифференцированности не наносится по причине того, что мужчина воспринимает выделенную им область деятельности как объективную, отделенную от его субъективной жизни и личного существования. Женщины, напротив, по мнению Г. Зиммеля, лишены такой способности, поскольку «в натуре женщин периферия теснее связана с центром, части более соответствуют целому, чем в натуре мужчин». Поэтому дальше автор будет писать о том, что женщины при прочих равных условиях более обидчивы, чем мужчины, поскольку, например, оскорбление какой-то определенной черты воспринимается как оскорбление всей личности в целом, локализации обиды не происходит. Таким образом, обидчивость не объясняется хрупкостью женской души, а скорее недостаточной дифференцированностью и замкнутым единством женщины [2. С.237–245].

Призвание женщины состоит в том, чтобы заниматься «домом», всем тем, что мы можем назвать объективацией жизни, поскольку именно дом является воплощением синтеза всех аспектов жизни: «В целом великим культурным свершением женщин остается дом, ибо указанная нами своеобразная структура дома как категории жизни сделала возможным, что существа, в общем столь далекие от

объективации своей жизни, могли в самой значительной степени осуществить ее здесь». Схожую точку зрения имел Т. Веблен, говоря о том, что женщины выступают как подставной класс, который может наглядно демонстрировать то, что глава семьи способен обеспечить свою семью. Философ говорит, что «госпожа дома-главный слуга дома», то есть женщина является наглядной демонстрацией того, что ее семья успешна и благополучна. Таким образом, Т. Веблен подталкивает нас на мысль о том, что гендерные аспекты в культуре заключаются в следующем: функционал мужчины состоит в достаточном денежном обеспечении своей семьи, функционал женщины- в обеспечении эстетической картинке ее дома, внешнего вида, с целью демонстрации того, что глава дома является успешным человеком, и того, что его смело можно называть человеком из «праздного» класса [1].

Главный тезис, который выдвигает Г. Зиммель в своем эссе- это то, что объективная культура ошибочно считается бесполой, по причине что происходит отождествление «мужчины» и «человека». Различные явления культуры воспринимаются нами как объективные, хотя за ними стоит вполне определенная субъективная мужская подоплека, например, если мы говорим о морали или праве, то нам очень трудно заметить, что основаны они именно на мужском чувстве справедливости, и соответственно, речь уже не может идти о праве и морали вообще, но лишь о конкретном их объективированном виде. Исторически могло бы быть так, что в основе права лежало бы не мужское, а женское чувство справедливости. Тогда, говорит Г. Зиммель, наше законодательство выглядело бы совсем иначе. Поэтому в основе любого, казалось бы, логического и рационального действия находится «надлогическое деяние», которое представляет из себя форму чувственности, завернутую в рациональную оболочку.

Исходя из того, что было изложено выше, мы можем сделать вывод о том, что намеченные эссенциалистские идеи об интерпретации мужского (объективного) и женского (субъективного), а также тезис об отождествлении мужского и человеческого помогают нам вскрыть те латентные проблемы, которые лежат в основе осмысления того, что же есть культура.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веблен Т.Б. Теория праздного класса. Изд. 3-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 365 с.
2. Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. 607 с.

СУБЪЕКТ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА И УТРАТА ПОЛИТИЧЕСКОГО

П.Ю. Гордок

Научный руководитель: д.ф.н. Т.Х. Керимов

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина

Тема политического различия приобрела особую актуальность во второй половине XX века. Данная работа не сфокусирована на предпосылках и мотивах развития этой проблемы; мое внимание будет приковано только к определенной направленности этой темы и ее связям с возможной трактовкой неolibерального субъекта. Первым различие между политикой и политическим постулировал Карл Шмитт в работе «Понятие политического». Политика, соответствующая онтическому уровню реальности, оказывается определенной подсистемой общества, тогда как политическое на онтологическом уровне обозначает особое качество или модальность явлений, которые определяют их собственно политический характер. Согласно Шмитту, политическое различие – это различие друга и врага [3.С.26]. Итак, специфическая черта политического предстает в виде антагонизма, конфликта.

Трактовка политического различия может широко варьироваться в зависимости от контекста и характера решаемых проблем. Б. Хониг развивает различие политики и политического до различия между политическими теоретиками *virtue* и *virtù*, где первые «идентифицируют политику с администрированием» [4.С.2], а вторые – «сопротивляются консолидации ... ради бесконечной политической борьбы» [4.С.2]. В число теоретиков *virtù* автор относит Х. Арентт, для которой принципиальным пространством политической реализации является публичная сфера. Характерной особенностью *polis* (публичное), в противовес *oikos* (частное), является возможность выражать подлинно человеческие формы *vita activa* – речь и поступок.

Арендт, вслед за Аристотелем, определяет человека как «живое существо, обладающее логосом» [1.С.37] (*zōon logon echon*). Эта характеристика также включает в себя определение человека как человека свободного, поскольку рабы и варвары (живущие вне *polis*) не обладают *logos*. Рабы, женщины и дети, лишённые политических свобод, находились исключительно в рамках частного, главными задачами которого являлись сохранение и забота о жизни в смысле выживания. Ступая за рамки *oikos*, человек совершает мужественный поступок (*virtù* в понимании Макиавелли), преступая порог между гарантией жизни и риском. *Polis* не гарантирует выживания, но обеспечивает жизнь иного ранга. Человек становится *zōon politikon*, открывая для себя *bios politikos* – «образ жизни, достойный свободного человека и показывающий человеческую свободу» [1.С.21].

Animal rationale, модель новоевропейского человека, будучи латинизированным *zōon logon echon*, не предполагает наличия способности к речи. Утративши ее, человек становится *animal sociale*, частью коллективного домохозяйства (*oikos*), но не членом политического пространства (*polis*). Слово находится в тесном родстве с деянием: как созерцание пусто без понятий, так и речь гололовна без поступка; как понятия слепы без созерцания, так и поступок нем без речи. Действие, коренящееся на «особности» человека, становится достоянием «человеческой совместности», но не индивидуальным актом. Политика у греков

– желание выделить себя как достойнейшего из достойных, тогда как в Новое время «особность» оказывается частным делом.

Возвращаясь к Шмитту, экономическое может стать политической величиной только в том случае, «если достигает критической точки, т.е. ... рассматривает ... противника как действительного врага и борется против него» [3.С.34]. Коллективное домохозяйство лишено возможности достижения «критической точки» – для него не существует врагов, «...есть лишь конкуренты» [3.С.28]. Итак, коренное смещение политической и экономической сфер, случившееся в Новое время, – это утрата не только частного, т.е. экономического, но и публичного – политического. Сфера, традиционно существовавшая для реализации «особности», становится сферой господствующего коллективного интереса (или общественного блага), «обществом вообще».

Animal sociale становится одновременно и *homo oeconomicus*, поскольку является частью разросшегося *oikos*. М. Фуко называет применение второй модели (*homo oeconomicus*) к человеку общественному одной из проблем неолиберального анализа. Целью этого применения является «...отождествление объекта экономического анализа с любым поведением» [2.С.335]. Неолиберализм называет рациональностью *homo oeconomicus* «всякое поведение, принимающее реальность» [2.С.337]. Человек экономический, с одной стороны, принимает реальность неподконтрольных ему событий, с другой стороны, находится во власти личных интересов, которые без специального обращения к общественному благу, тем не менее, способствуют его осуществлению. *Homo oeconomicus* одновременно оказывается и *homo laborans*, от чьего труда зависит жизнь всего домохозяйства. Именно труд становится областью исследования неолиберализма, который предпринимает попытку «изменить то, что фактически составляло объект экономического анализа» [2.С.281]. Труд становится экономическим поведением, рациональностью, которая включает в себя человеческий капитал, т.е. способности и навыки индивида. Неолиберальный *homo oeconomicus* – это человек-предприятие, «сам себе капитал, производитель и источник дохода» [2.С.285]. Одновременно находясь во власти «реальности» и будучи предприятием, *homo oeconomicus* не настаивает и не действует, но приспособливается («...конформизм – признак всякого социума» [1.С.52], *homo oeconomicus* есть *animal sociale*). Субъект неолиберализма лишен, с одной стороны, частного (*oikos*) как сферы собственности (ибо собственность заменяется капиталом), с другой стороны, публичного (*polis*) как возможности выразиться и быть услышанным (поскольку он находится под властью общественного интереса).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арентс Х. Viva activa, или О деятельной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с.
2. Фуко М. Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
3. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37–67.
4. Honig B. Political Theory and Displacement of Politics. London: Cornell University Press, 1993. 271 с.

ЮМОР И ФИЛОСОФИЯ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ПОДДЕРЖАНИЯ И ОПОСРЕДОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.А. Григорюк

Научный руководитель: к.ф.н. И.А. Эннс

Национальный исследовательский Томский Государственный университет

Актуальность: в наше время феномен идентичности подвергся той фундаментальной перемене, что отныне она стала скорее выбираемой, нежели врожденной. О юморе же традиционно говорят, что он есть либо переворот официального миропорядка – теория Бахтина, либо же, по Бергсону – нечто, обеспечивающее пластичность человеческой личности. То есть обыкновенно юмор идет заодно с критической функцией, свободой мысли и стоит на одном полюсе как раз с отсутствием четкой идентичности и влекомых ею установок. Его понимают, как смешение высшего и низшего, забывая, что для этого смешения низшее и высшее, прежде, должны подразумеваться. В наше смутное время законы выстраивания и функционирования идентичности как нельзя более актуальны, поскольку позволяют сберечь себя как от некритичного принятия врожденных установок, и, таким образом, отсутствию проверки их на прочность, так и от растворения в мире бескачественности, дурного универсализма, возможность которого в пределе всегда влечет чистая мысль. «Сова минервы летает в сумерках», и как у юмора, так и у философии есть функция ассимиляции враждебного, нового опыта.

Проблема: каков механизм противостояния юмора размыванию идентичности философией?

Методы: анализ обыденного языка, как способ соединить философию с жизнью, выведение философских следствий обыденных выражений. Более общий метод – диалектический, подразумевающий анализ и синтез. Вычленим некоторую общую модель философского мышления с помощью анализа литературы метафилософского плана (формата «что такое философия»).

Среди многочисленных функций юмора есть и связующая общество водино. Многие, я думаю, замечали такой феномен – если чья-то неправота подаётся развернуто, в нейтральном тоне, с аргументацией, то зачастую такое объяснение не достигает своей цели. Однако, если то же самое подать в формате шутки, ехидного подкола, то эффект зачастую становится гораздо лучше. Т.е. можно сделать следующий вывод – если в смысле психологическом такие шутки человека из себя *выводят*, то в смысле философском – напротив, *приводят* его к себе (в себя). Т.е. возвращают назад к устоявшемуся образу себя, мира, и общества. Приводит к устоям. Обыденный язык формулирует это как «в глубине души человек прекрасно все о себе понимает». И это непроезжимое все именно тем и сильно, что неразложимо. Т.е. строго говоря, любая обида именно в той мере обида и есть, в которой она «непонятно почему». Ибо это «непонятно почему» обозначает ни что иное, как ее дальнейшую неразложимость, неформулируемость, некоторую в себе самопонятность, а следовательно, она выпадает из принципа рефлексии «Определить, значит стать вне», являя собой нечто более фундаментальное. В этом смысле юмору противостоит философия. Если юмор человека в себя приводит, то философия – выводит его из себя, помогает трансцендировать, путем определения как раз тех пунктов «здорового смысла», а следовательно, выхода за

них, к которым юмор возвращает в неразложимом, самопонятном, самореферентном виде. Поясняющий пример. Есть японская практика задавания все новых и новых вопросов почему. Так вот, если мы будем таким образом задавать вопросы о своем поведении, то мы через нное количество таких ступеней, непременно придем к самореферентности. Почему нужно быть таким? Потому что так говорит общество. А почему оно так говорит? Потому что так говорит. Однако значение юмора двуедино – он не только связывает, но и связывает воедино, *складывает разложенное*, Владимир Бибихин эти два модуса сознания описал в «чтении философии», как состояние «учета и контроля» и «амехании» [2], а Сартр – как «метастабильность» [3]. И в сознании самого философа, как некоторого абсолютного полюса «заданности», а не данности», нерелексируемое, все же, имеет место быть. Возвращение в лоно здравого смысла, инерция сознания имеет и конструктивную функцию – не дает впасть в положение той сороконожки, которая, задумавшись, сколько у нее ног, не смогла двинуться. Кроме того, само движение философской мысли есть диалектика возвращения-отталкивания от здравого смысла, сродни бахтинскому единству «вне и -внутри находимости» [1]. Подобно тому как в христианском мировоззрение – это не означает христианства автора, важен сам принцип – христос распинается каждый раз, как распинают верующего, так же и философ каждый раз возвращается к наивной позиции и от нее идет к новым, интересным открытиям. Здравый смысл диалектически необходим, как точка отталкивания. Хорошо эту ситуацию описывает стихотворение тютчева «О водомет неистошимый».

Таким образом, выводы:

1. Юмор не только ограничивает мысль, но и обеспечивает ту твердую почву, от которой она берет старт
2. Если юмор, как мы показали, произвольное переводит в разряд произвольного, то философия - наоборот
3. Юмор и философия взаимно друг друга поверяют. Философское мышление, концепция, как схема, всегда имеет опасность окостенения, как порождение разума, опасность слишком серьезного отношения. Юмор, в основе своей, является совмещением высокого и низкого, то есть автоматически влечет за собой некоторую иерархию ценностей, те самые «свои места», причем это по определенной иерархия безусловная

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 191 с.
2. *Бибихин В. В.* Чтение философии. М.: Наука, 2009. 581 с.
3. *Сартр Ж.-П.* Очерк теории эмоций // «Психология эмоций». СПб.: Питер, 2008. 288 с.

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ВЛАСТЬ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ КРИЗИС?

В.С. Гуськова

Научный руководитель: к.ф.н. В.В. Петренко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В известном сборнике М. Фуко «Интеллектуалы и власть» есть фрагмент, в котором говорится о кризисе дисциплинарной власти: «То, как повинуются индивид, всегда было важным делом. Но за последние годы общество изменилось, да и индивиды тоже. Ибо они становятся все более непохожими друг на друга, отличными и независимыми. Появляется все больше категорий людей, которые дисциплине не поддаются, и поэтому мы вынуждены задумываться над развитием общества без дисциплины» [3. С.320]. Целью статьи является попытка, проанализировав механизмы и техники дисциплинарной власти, определить, прав ли Фуко, прогнозируя подобный кризис. В статье нет анализа макровласти государственного формата. Мы сосредоточимся на рассмотрении некоторых техник дисциплинарной власти, как ее понимает М. Фуко.

Определяясь с понятием «дисциплинарная власть», концепцию которой М. Фуко разрабатывает в работе «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы», он пишет, что последняя – это тип власти, выстроенной на особом типе «упорядочивания человеческих множеств». Дисциплина – это политическая анатомия детали. Особенностью дисциплинарного подхода является создание так называемых «послушных тел». Фуко создает концепцию власти, анализируя общественные процессы XVIII века. К ним относятся: гуманизация законодательной системы, особенности экономического развития, приведшие к появлению индустриального общества, сложившаяся для особых категорий населения практика исключения, проявившаяся во время эпидемии чумы. Экономическая, политическая и общественная ситуация складывается так, что дисциплина оказывается логической необходимостью развития. Крайне показательными являются изменения в системе наказаний, жестокость и театральность которых постепенно сменяется воспитанием и приведением индивидуальности к усредненному значению. В классическом смысле власть не интересуется отдельный человек. Истинная дисциплинарная власть – это власть на уровне микрофизики. Даже телесная пластика, даже архитектура определяются властной интерпелляцией, реализованной в обществе и принявшей вид стандартов, лежащих в основе фоновых ожиданий. Сами механизмы дисциплинарной власти направлены на формирование определенного типа субъективности. Кроме того, следует помнить о множественности очагов ее проявления в социальном теле.

Технику дисциплинарной власти можно свести к двум ее аспектам: детальная проработка тела индивида и определенный набор социальных практик. Заявленное принуждение достигается также с помощью механизмов соблазна. Важно подчеркнуть, что соблазн создает иллюзию личного желания при выполнении определенной социальной роли. Дисциплинарное общество может быть зафиксировано на максимально просматриваемых площадках: «Организуя «кельи», «места» и «ранги», дисциплина создает пространства: одновременно архитектурные, функциональные и иерархические. Пространства, которые обеспечивают фиксированные положения и перемещения» [4. С.180].

Дисциплинарная власть особым образом заинтересована в инстанции телесного: процесс субъективации выстраивается за счет дисциплины как мягкого подчинения, практически безболезненного для субъекта, но методически сфокусированного в направлении привычки и нормы. Для достижения нормы, власть должна обладать особой механикой. В данном горизонте важны: контроль времени, формирование мнения, нормальность, навязывание ценностей и идеалов.

Контролируемая среда вырвалась за пределы тюрем, кельей, казарм и классных аудиторий, она естественным образом организовала городскую территорию с ее однотипными домами и привычными уличными локациями. Она раскинула сети технологий, позволяющие просматривать все и вся, усеяла «минами мнений» все социальное поле. Власть обладает механизмами соблазна, а дисциплина – механизмами упорядочивания и систематизации. Поэтому, основываясь исключительно на мнимом многообразии человеческих сообществ, преждевременно говорить о кризисе дисциплинарной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность Зла. М.: Добросвет, 2000. 258 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. 317 с.
3. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть Ч. 1: Статьи и интервью. М.: Праксис, 2002 381 с.
4. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 416 с.

КОНТРАСТНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ТЕЧЕНИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

А.С. Наумова, Е.Р. Дубовая

Научный руководитель: к.ф.н. М.В. Куликов

Кузбасский институт ФСИИ России

Современные тенденции цифровизации как новейшей социотехнологической парадигмы порождают новые вызовы дегуманизации и остро ставят вопрос о значимости человека в космосе и социуме. Машины (в широком смысле) постепенно вытесняют нас уже не только из сфер тяжелого физического труда, но исторически человеческих творческих и управленческих сфер.

В условиях совершенствования технологий внутри общества отражаются концепции «трансгуманизма» и «постгуманизма». Ввиду распространения этих направлений возросла популярность таких жанров как киберпанк, нанопанк и биопанк, породивших различные субкультурные сообщества, как, например, киберготы – смесь футуризма, готики, постапокалиптики.

Для подобных концепций характерна ориентация на будущее, связанная с интенсивным технологическим прогрессом, открывающим новые горизонты для человека в пространстве цифровых машин. Сторонники таковых взглядов настроены оптимистично и нацелены на преодоление человеческих изъянов напоподобие боли и смертности. Однако у многих такое положение дел, небезосновательно, вызывает алармизм, так как имеют место опасения как утраты роли человека в новом искусственно сотворенном «идеальном» мире, так и утраты подлинной человечности в свете автоматизации и кибернизации [1]. Как отмечал З. Фрейд в трудах «Недовольство культурой», люди при использовании техники становятся «богами на подпорках», которые даже при росте практических возможностей не могут обрести счастье.

Так, ранее существовавшее направление критики технического прогресса и раскрытия его амбивалентных последствий обрело новые смыслы, выраженные в интеллектуальном тренде «неолуддизма» [1.С.105–106].

Наряду с обозначенной тенденцией в нашей современности присутствует и прорывающийся сквозь киберготическую цифровизацию лучик света – метамодерн [2]. Общество выбрало направление на возрождение общечеловеческих ценностей и чувств: честность с собой и с окружающими, открытость, дружба, любовь, сочувствие и так далее. Такое новое течение как метамодернизм можно ассоциировать с качелями, которые не бывают статичны, а находятся в динамике и колебании. Метамодерн – это маятник между постмодерном, где преобладает ирония и разрушение, и модерном, где все по правилам, отчетливо делимы плохие и хорошие герои. Это маятник между историей и современностью, между новой искренностью и постиронией. Одним из принципов ценностных основ нынешнего цифрового поколения («миллениалов») как раз стала постирония [3]. То есть человек сказал что-либо с иронической интонацией, шутя, и вместе с этим подразумевал правду и искренность своих мыслей.

Метамодернистское направление можно отследить во многих сферах общества: политическая (новые идейные подходы политиков, их искренность), социальная (миллениалы), культурно-развлекательная (мультипликационные сериалы

– «Конь БоДжек», «Симпсоны» и так далее; фильмы; сериалы-ситкомы; музыка; литература)

Таким образом, мы можем отметить, что на данный момент в обществе существуют два противоположных течения: гуманизация и дегуманизация.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Емелин В.А.* От неолуддизма к трансгуманизму: сингулярность и вертикальный прогресс или утрата идентичности? // *Философия науки и техники.* 2018. Т. 23. № 1. С. 103–115.
2. *Морозов А.В.* Осторожно, метамодерн: современность как зонтик и маятник // *Галактика медиа: журнал медиа исследований.* 2019. № 3. С. 238–249.
3. *Павлов А.В.* Дивный, новый «цифровой мир»: постирония как ценностная установка мировоззрения миллениалов // *Горизонты гуманитарного знания.* 2019. № 3. С. 16–31.

БУДДИЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРИМЕНЕНИЕ ГЕННОЙ ИНЖЕНЕРИИ ДЛЯ КЛОНИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Зыонг Тхи Кам Ньонг

Научный руководитель: к.ф.н. Ю.Н. Овсянникова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

На пути к исследованию и оценке этических ценностей генной инженерии невозможно не учитывать точку зрения религии. По общему признанию, религия играет роль в определении того, будут ли биотехнологии реализованы на практике. Религия и наука никогда не были полностью разделены. В противном случае не было бы массы христианских движений против вакцины Covid, потому что она была разработана из абортированного плода, и многим людям пришлось отказаться от религиозных убеждений, чтобы получить вакцину [2]. Или, когда для лечения пациента необходимо провести генно-инженерные меры, врач должен будет сосредоточиться на этических и религиозных представлениях пациента, а не на объяснении научного аспекта. Так, например, мы не можем пересадить свиное сердце с человеческими генами мусульманину.

В настоящее время ни одна религия полностью не поддерживает генную инженерию, но есть отличия между основными религиями, включая христианство, иудаизм и ислам. Иудаизм традиционно рассматривал человека как сотворца с Богом, уполномоченного Богом улучшать мир [6, 1:26, 27; 5:1; 9:6]. Таким образом, генетические манипуляции с целью излечения смертельных болезней и предотвращения наследственных болезней не считаются нарушением естественного закона Бога, а скорее законным исполнением Божьего долга по исцелению [3]. У мусульман есть пять целей шариата: защита и поддержание жизни, разума, религии, собственности и воспроизводства в семье [1.С.18]. Ислам допускает применение генной инженерии только для лечения болезней и облегчения страданий. С точки зрения самой большой религии сегодняшнего дня, христианства, различия в точках зрения более сложны. Папа Франциск выразил поддержку редактированию генов для лечения человеческих болезней, но предостерегал от одноразовой культуры, которая рассматривает людей как объекты использования [5]. Православные христиане положительно относятся к применению генной инженерии для лечения болезней и исправления уродств, позволяющим людям вернуться к состоянию счастья, которое они когда-то имели в Эдеме [4.С.48]. Однако некоторые либеральные протестанты выступают против взгляда на человеческий геном как на священный или обожествляемый остальной частью христианства. В то же время, как все мы знаем, протестанты верят, что все человеческие грехи могут быть прощены только Богом, но не могут быть искуплены добрыми делами [46.С.116]. Таким образом, мы можем зафиксировать отсутствие единой точки зрения, так как католики будут рассматривать научную этику с точки зрения биополитики, в то время как протестанты, вероятно, примут генную инженерию и более смелые подходы к телу.

Я решила изучить буддийский взгляд на генную инженерию по ряду причин. Во-первых, с философской точки зрения, я хотела бы исследовать, можно ли систематизировать причинно-следственные аргументы буддийской философии в поддержку или для ограничения применения генной инженерии. Во-вторых, с религиозной точки зрения буддизм отличается от трех других мировых религий тем,

что не признает верховного существа. Поэтому буддизм – равноправная религия для всех, его цель – положить конец страданиям, а не в том, чтобы люди страдали и ждали спасения. Поэтому я хотела бы исследовать, решает ли это эгалитарное мышление этические проблемы в применении генной инженерии. Наконец, с научной точки зрения, буддизм и даосизм в основном совпадают с наукой в том смысле, что они оба рассматривают человека как предмет и основываются на мудрости. Когда был открыт геном человека, ученые предположили, что источником всей жизни являются гены, подобно элементарным частицам. Но когда физика предполагает, что элементарные частицы – это просто еще одна воспринимаемая реальность, могут ли гены быть просто другой реальностью? Поэтому я хотела выяснить, может ли буддизм объяснить все проблемы происхождения человека и жизни.

Таким образом, статья была написана с целью изучения того, как буддийский универсализм играет роль как в защите, так и в ограничении применения генной инженерии к людям. Будет ли религия, возникшая 2500 лет назад, достаточно убедительной, чтобы религиозно, философски и научно вмешиваться в современную технологию?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Cherif Bassiouni M.* The Shari'a and Islamic Criminal Justice in Time of War and Peace. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 18–87.
2. *Here are the facts about fetal cell lines and COVID-19 vaccines.* Электронный ресурс // URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/here-are-the-facts-about-fetal-cell-lines-and-covid-19-vaccines> (дата обращения 16.04.2022).
3. *Judaism, genetic screening and genetic therapy.* Электронный ресурс // URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/9844372/#affiliation-1> (дата обращения 16.04.2022).
4. *Pfleiderer G., Brahier G., Lindpaintner K. (eds.). GenEthics and Religion.* Basel S. Karger, 2010.
5. *Pope Francis backs gene editing to treat human diseases, but cautions against «throwaway culture».* Электронный ресурс // URL: <https://geneticliteracyproject.org/2017/05/23/pope-francis-backs-gene-editing-treat-human-diseases-cautions-throwaway-culture/> (дата обращения 16.04.2022).
6. *The book of genesis.* Электронный ресурс // URL: https://www.vatican.va/archive/bible/genesis/documents/bible_genesis_en.html (дата обращения: 16.04.2022).

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: ФАБИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ И ШВЕДСКИЙ ОПЫТ

А.С. Кротова

Научный руководитель: д.с.н. А.Ю. Рыкун

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Идеология, идеологическая конкуренция и методы осмысления идеологий объектами и субъектами их влияния выступают одним из методов организации ценностной ориентации общества. Среди теоретиков идеологии стоит назвать Платона, Аристотеля, Дестюта де Траси, Карла Маркса. Упомянув Платона, стоит обозначить версию о становлении идеологии как деривате идеи упомянутого автора [6.С.18]. По Аристотелю, идея – «форма, дающая материи смысл» [5.С.48]. Траси следующим образом определяет идеи: «Поскольку думать есть не что иное как ощущать, то, будь слова нашего языка лучше придуманы или лучше применены, мы называли бы всю эту способность в целом чувственностью» [1. С.52]. Отношение идеологов марксизма к идеологии противоречиво: с одной стороны, они определяют идеологию как ложность сознания, с другой – необходимость научной идеологии [2.С.41].

Ранние социалистические идеи, помимо трудов античной эпохи Платона, можно обнаружить в работах Томаса Мора (XVI век) [4] и Томмазо Кампанеллы (XVII век) [3]. В обоих случаях государство представляется тоталитарным.

Фабианцы отрицают социальный катаклизм, революцию в любом ее виде, и выступают за последовательные всеобъемлющие реформы. Исследовательский интерес для нас представляет интерпретация фабианцами ценностных категорий свобода мысли, толерантность, демократия [7].

Свобода мысли. Свобода мысли определяется как возможность критической оценки взглядов предшественников, допущение об ошибочности их взглядов – возможно, не кардинально, но с поправкой на современные вызовы времени [7.С.6].

Терпимость. Одна из главных идей – сотрудничество с другими социалистическими движениями, а также с не социалистическими силами в случаях, когда это помогает развитию и распространению идей социализма и не вступает в противоречие с базовыми ценностями [7.С.4].

Демократия. Элемент публичности и свободных выборов красной нитью проходит через весь устанавливающий ценностные основания общества документ, в связи с чем закономерным символом демократии является свободно избранный парламент, который контролирует, выражаясь современными терминами, эффективность государственной системы [7.С.5].

Главные ценности социальной демократии были провозглашены девизом Французской революции «Свобода. Равенство. Братство». Исследовательский интерес составляют современные воплощения социализма и интерпретация ключевых терминов, одним из таковых является социал-демократическая рабочая партия Швеции, деятельность которой основана на реформистских началах.

Свобода. Рассматривается авторами с точки зрения политической философии «свобода для» и «свобода от» [8.С.54]. «Свобода для» реализации гражданских прав, свободы слова, передвижения и др. «Свобода от» голода, угнетения, бедности и др.

Равенство. Запрос на равенство – это одна из ключевых причин политического конфликта, но начинается любое равенство в масштабах государства с наличия равенства условий на бытовом уровне [8.С.61]. Авторы проводят аналогию с движением за права женщин.

Солидарность. Концепция солидарности является практическим выражением осознания того, что человек – социален и взаимозависим от других [8.С.70].

Ранние идеи социализма и более современные его идейные формы отличаются структурой, и со времен социализма Мора и Кампанеллы она претерпела изменения, уходя от строгих, иногда даже радикальных, рамок в сторону гибкости идейных рамок. Структура социалистических идей разнится от тоталитарного выражения к более свободному через разницу политических режимов, в которых идеи и получают свое воплощение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дестют де Траси А.-Л.-К.* Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. М.: Академический проект; Альма Матер, 2013. 333 с.
2. *Идеология: поиски и находки.* Монография. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. 420 с.
3. *Кампанелла Т.* Город Солнца. М.: Директ-Медиа, 2014. 53 с.
4. *Мор Т.* Утопия. Москва-Ленинград: АCADEMIA, 1935. 240 с.
5. *Философские проблемы человека и общества: учебно-методическое пособие* СПб.: СпецЛит, 2019. 399 с.
6. *Фролова С.М.* Идеология как дериват идеи Платона// Инновационная наука. №12-3. 2016. С. 18–20.
7. *Report on Fabian policy and resolutions presented by the Fabian Society to the International Socialist workers and Trade Union Congress, London, 1896.* Электронный ресурс // URL: <https://digital.library.lse.ac.uk/objects/lse:jav429luc/read/single#page/2/mode/2up> (дата обращения 09.04.2022).
8. *What is social democracy?* // Olof Palme International Centre – the Swedish labour movement's organisation for international solidarity. 203 p.

ФИЛОСОФИЯ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ Ж.-П. САРТРА КАК ПУТЬ В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

А.М. Куницын

Научный руководитель: к.ф.н.Н.В. Суслов
Уральский Федеральный Университет

Свобода была и остается темой как философского размышления, так и исследований социальных наук, ведь вопрос о свободе становится камнем преткновения для любой теории динамического взаимодействия. Его решение определяет место причинно-следственных связей, акторов и субстратов (например, общественных институтов) в онтологии, то есть исследовательский метод. В этой работе я буду рассматривать экзистенциально-феноменологическую философию свободы Жана-Поля Сартра. Я собираюсь показать возможности для социального исследования, которые содержит эта философия – возможности индивидуалистического и автономного понимания человека.

В основе сартровской феноменологии лежит открытая Гуссерлем интенциональная природа сознания: сознание может быть сознанием только в качестве *направленности на предмет*. Сознание – это восприятие своего предмета, что предполагает принципиальную разделенность самого сознания и того, что оно воспринимает. Сартр делает важный вывод: сознание не сливается со своим предметом и существует обособленно от него. Но тогда мы вынуждены вернуться и спросить, не наткнулись ли на противоречие? Каким образом сознание имеет собственное бытие, если все, чем оно может быть – это интенция? Что удерживает его от растворения в предмете восприятия? Нужно подчеркнуть – и пусть это не кажется тавтологией – что сознание есть *нацеленность на предмет*, и именно это не позволяет ему утонуть в предмете – ведь в этом случае интенциональные отношения разрушаются. Слышать, видеть, или воображать нечто означает не быть этим нечто, но наоборот находиться на расстоянии от него [4.С.82]. Именно в этом состоянии сознания (которое в «Бытии и Ничто» названо дорефлексивным *cogito*) впервые открывается неустрашимость *«сознающего я»*: когда я считаю, предметом сознания является отношение чисел; я произвожу множество действий, каждое из которых следует за другим, ради того, чтобы посчитать; таким образом, счет или *сознание счета* синтезирует эти действия: если бы я не считал, в них не было бы никакого смысла и последовательность бы распалась [3.С.35].

Мы можем теперь говорить о том, что любое действие является сознательным, а значит человек, как сознающее бытие, *сознает себя совершающим свои действия* – посмотрим же, чем в таком случае является действие, а чем – человек. Когда я сознаю свое действие, то реализуюсь как двойственность: я пишу, и я знаю, что я пишу – мое действие становится предметом моего собственного сознания. Сознать себя значит быть свидетелем себя, наблюдать за собой. «Я иду в пекарню» – можно заключить о себе, своем теле, тогда имеются уже два акта – движение и восприятие, и они не могут объединиться, как мы уже увидели раньше. Это самосознание происходит в отношении меня гуляющего, я сознаю эту активность, как мое собственное проявление; ведь вся моя жизнь состоит только из таких действий: я просыпаюсь, я учусь, я люблю, я верю. Но могу ли я с чистой совестью сказать, что это действительно я? *Самосознание есть не что*

иное как восприятие самого себя в качестве предмета. Неминуемый акт сознания разрывает человеческое бытие, запрещая тождество с самим собой. Я сознаю себя и тем самым от себя удаляюсь.

Мысль Сартра находит невозможным для человека быть самим собой, но открывает для него другую возможность – куда более захватывающую – *пытаться стать самим собой*. Все проекты, которые каждый из нас намечает для себя, на самом деле и являются попытками стать собой, преодолев какой-то недостаток, ведь они состоят главным образом в созидании себя быть чем-то («я хочу быть смелым»). *Оторванный от самой своей жизни и деятельности, человек чужд каузальности*. Только он сам придает смысл своему действию и, значит, сам же решает, что следует из него. И так, мы приходим к выводу, что человеческая активность может быть спонтанно им определена и даже изменена. Существующая всегда в горизонте некоторого проекта самого себя, *деятельность всегда есть попытка быть тем, кем я хочу стать*. Этот смысл очень ясно отражен в понятии социальной роли. Выполняя социальную роль, человек пытается быть кем-то: матерью, государственным служащим, другом или автогонщиком: он знает, что требуется этой ролью и *играет ее*. Мы именно играем во все наши взаимоотношения, насколько бы серьезными они не были для нас, истинность этого утверждения состоит в том, что каждый из нас *знает, кем является*.

Феноменологическое исследование Сартра демонстрирует, что человек, будучи сознанием и самосознанием, является свободным от всякой сущности, неопределимым и не фиксируемым ничто. Наша деятельность, рассматриваемая как совокупность социальных практик, осмысливается индивидуально, последнее слово в знании и действии всегда остается за самим человеком. Социология, основанная на этих философских выводах, становится наукой о свободном проектировании общества на основании полагаемых людьми смыслов, и инструментом общественного преобразования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондаренко И.А., Крутелевич А.В.* Экзистенциалы как указатели, а не понятия // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2018. №16–3. С. 1–3.
2. *Бурханов А.Р.* Жан-Поль Сартр об экзистенциалах человеческого бытия // Вестник БГУ. 2011. №14. С. 1–2.
3. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто : опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл. В. И. Колядко. - М. : Республика, 2004. С. 34–100.
4. *Монин Н.* Сартр / пер. с фр. В. М. Липки. М.: РИПОЛ классик, 2018. С.60–94.
5. *Воропаев Д.Н.* Статьи Ж.-П. Сартра о феноменологии и свободе как введение в «Бытие и Ничто» // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. №2. С.3–5.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ НАРАСТАЮЩЕЙ ВИРТУАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Е.Е. Лях

Научный руководитель: к.ф.н. В.В. Петров
*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

Становление и развитие новой социальной системы – информационного общества – сопровождается масштабными трансформационными процессами, принципиально меняющими значение и содержание образовательной среды как ключевого ресурса социального развития [1.С.5]. Поскольку система образования является одним из основных социальных системообразующих институтов, то при любых социальных трансформациях траектория развития общества напрямую зависит от образовательной политики, а именно – от ее готовности и способности к динамичным изменениям как адекватному ответу на запрос социума. Процесс виртуализации образовательного пространства сосредотачивает в себе целый комплекс проблем, которые прослеживаются в России и требуют детального философского осмысления.

Образовательная политика направлена исключительно на развитие и функционирование системы образования, а именно, включает особенности развития образования, разрабатывает конкретные цели, задачи и действия субъектов развития образования. Важный аспект состоит в том, что образовательная политика вырабатывается только применительно к сфере образования [2. С.18]. Резкая смена классических практик и внедрение нового – дистанционного – формата взаимодействия между всеми акторами образовательного процесса привели к резкому падению качества образования, что отмечается в аналитическом отчете, составленном коллективами тринадцати российских вузов в ходе исследования проблем и направлений развития высшего образования в период пандемии и после нее [2].

В рамках реализуемой образовательной политики возможно решение лишь части вопросов, например, связанных с доступом к информационным ресурсам, вопросам технической оснащенности образовательных учреждений, но остается множество открытых вопросов, связанных с образовательной политикой в условиях виртуализации, которые нуждаются в оценке и переосмыслении аксиологических, онтологических, методологических и других аспектов. И ответить на этот вопрос может лишь философия как методологическое основание, состоящее из оценки ценностей, приоритетов и качества образовательной деятельности. Как отмечает Б. С. Гершунский, «без включения философско-образовательного видения перспектив развития российского социума в общую политическую доктрину всестороннего, долговременного реформирования, России вряд ли удастся добиться столь необходимой образовательной поддержки проводимых социальных преобразований и прогрессивных реформ» [4.С.324]. Философия как духовная деятельность поможет построить анализ образования в современном обществе на метауровне, посмотрев на образование с точки зрения различных критериев. Отсутствие философского переосмысления может привести к краху всего образовательного пространства.

На государственном уровне виртуализация вносит свои коррективы в систему законодательства Российской Федерации. Нормы, закрепленные в нормативно-правовых актах, меняются с развитием информационного общества, новое общество нуждается в «документальной защите», закрепленной на официальном государственном уровне. В результате проведенного анализа нами установлено, что виртуализация образовательного пространства, произошедшая в результате цифровизации образовательной среды в условиях глобализации, привела к необходимости формирования нового типа взаимодействия между субъектами образования в формате диалога и дискуссии. Содержание всего образовательного процесса не изменилось, однако его форма трансформировалась: виртуализация образовательного пространства становится чужеродным элементом, который выполняет второстепенную роль, где на виртуальную среду возлагаются функции посредника. Именно по этой причине новый уровень взаимодействия между субъектами образовательного процесса в форме открытой дискуссии и диалога в виртуальной среде поможет стереть имеющиеся границы между виртуальным и реальным «мирами».

Сегодня тактика и стратегия российского образования в большей степени ориентированы на рынок и получение прибыли, поэтому реализуемые образовательные программы в условиях нарастающей виртуализации не отвечают всем «традиционным стандартам» качества. А значит, наблюдается несоответствие формы (формат образовательного процесса) и содержания (качества, эффективности). Изменения на законодательном уровне помогут контролировать такие программы и обеспечивать более качественное образование. Проведенное нами исследование показывает, что изменения образовательной политики в сторону синтеза виртуального и реального мира (через использование онлайн-платформ, доступность совмещения обучения в нескольких образовательных организациях, в том числе иностранных) помогут реализовать главную цель образования, а именно – формирование гражданина своей страны.

В результате проведенного анализа мы можем сделать вывод о том, что корректировка образовательной политики, выражающаяся в формальном закреплении норм в официальных документах на локальном и государственном уровне, требует решения не только технических, но и социально-философских вопросов. Данный подход, в свою очередь, позволит повысить уровень конкурентоспособности российского образования не только на региональном, но и на глобальном образовательном рынке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гершунский Б. С.* Философия образования для XXI века (в поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М., 1998. 606 с.
2. *Высшее образование: уроки пандемии.* Электронный ресурс // URL: http://viu.tsu.ru/upload/2_5249500202460514728.pdf (дата обращения 01.09.2021)
3. *Корсак М. В., Цынцарь А.Л.* Виртуализация образовательного пространства как социокультурный феномен // Педагогика и психология образования. 2017. №2. С. 5–13.
4. *Петров В.В.* Российская образовательная политика: трансформация концепций высшей школы в условиях кризиса // Философия образования. 2017. № 4 (73). С. 17–27.

ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ «НОВАЯ ЭТИКА»

Д.В. Маляревич

Научный руководитель: к.ф.н. Е.В. Агафонова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Многие современные авторы, как например Х. Плакроуз и Д. Линдси видят в истоки «новой этики» (или «теории социальной справедливости», как было обозначено в их программной работе «Циничные теории») в развитии и становлении постмодернистских теорий. Такие мыслители как Э. Скидельски видят в «новой этике» продолжение господства тоталитарного дискурса. Задача данной статьи заключается в попытках дать определение и выделить причины возникновения данного общественного феномена.

Плакроуз и Линдси видят в основании Теории философские работы таких видных мыслителей конца XX века как М. Фуко, Ж. Деррида и Ф. Лиотара. Разность их подходов обусловила создание магистральных принципов постмодернизма, а именно «размывание границ, власть языка, культурный релятивизм, утрата индивидуального и универсального» [2.С.37]. Подобные постулаты нашли свое отражение в работах данных философов, а их наследие по мнению авторов работы «Циничные теории» было отражено в становлении прикладного постмодернизма [2.С.56], который стал следующим этапом развития философского постмодернизма и включает в себя исследования постколониализма, квир-теории, расовые теории, а также активизм.

Подобная теоретическая модель оставляет ряд вопросов, например: «Почему процессы, которые в российском интеллектуальном пространстве принято называть определением «новая этика» стали возникать спустя такое время после опубликования работ постмодернистов, обозначенных Плакроуз и Линдси?» или «Какое непосредственное влияние оказали работы М. Фуко и Ф. Лиотара на процессы «новой этики?». Ответ на данный вопрос корениться не в самом подходе такого автора как Фуко, а в том социальном контексте, в котором его работы были подобным образом проинтерпретированы. Если обратиться к концепции «власть-знание» М. Фуко, то данная концепция не подразумевает и не объясняет процессы социального активизма за справедливость, борьбы с харассментом или исследований постколониализма, а описывает регулирование и существование власти, механизмы давления и подавления индивидов при помощи знания. Можно сделать предположение, согласно которому не философский постмодернизм создал ситуацию, при которой активисты стали провозглашать необходимость включения и признания новых членов общества с их правами, а социально-экономическая парадигма либерализма или неолиберализма, изначально направленный по мнению Плакроуз и Линдси на снятие противоречий: «Движение к прогрессу (т.е. к достижению социального равенства. – прим. автора) продолжается и сегодня – методами либерализма» [2.С.47].

А. Магун так обобщает предпосылки становления феноменов «новой этики»: «Штаты – это история про жесткую и репрессивную буржуазную культуру. Тут два главных фактора: с одной стороны, присутствуют очень сильные пуританские и викторианские традиции, лишь отчасти поколебленные интелли-

генцией в 1960–1970-е, а с другой стороны, общество изначально было демократизировано и лишено аристократических традиций».[3] Можно сказать, что за процессами «новой этики» стоят проблемы социальные и экономические, которые, однако, нашли собственное отражение и в философской рефлексии.

Второй подход отмечен работой такого автора как Э. Скидельски. Он представляет позицию, согласно которой «новая этика» представляет собой тоталитарный феномен, увязывая данное понятие с нетерпимостью, имманентно присутствующая режимам подобного типа. «Именно распространение тоталитаризма в широком понимании этого слова является сегодня, на мой взгляд, главной причиной для беспокойства» [5]. Подобные проявления британский философ видит в максимализме и активизме, который имел место при акциях Black Lives Matter, а также и в определенных догматах, которые навязываются в западном научном сообществе. В свою очередь, А. Новкунская развивает свою критику на основании нескольких пунктов. Во-первых, применение Э. Скидельским термина «тоталитаризм» представляет собой лишь идеологему, которая имеет лишь опосредованное отношение к самому феномену тоталитарного. Также А. Новкунская отмечает, что «между тем, как развивается социальный дискурс в США, в странах Европы и в России, есть существенные различия» [1], которые выражаются в успешности и целесообразности данного рода деятельности. Ситуация в США подразумевает, что акции протеста против определенных феноменов могут приводить к конкретным позитивным последствиям, как например включение термина харассмент в трудовой кодекс США. Положение дел в России по данному вопросу находится в начальной стадии, что порождает множество дискуссий.

На основе данной работы, можно дать определение новой этике как дискуссия и рефлексия над процессами, которые порождены, выражаясь языком Плакруз и Линдси, «Теорией социальной справедливости». В свою очередь данные процессы не имеет истоков в философии постмодернистов, а лишь используют ее в качестве научной базы и мировоззренческих концептов, описывающих положение дел в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Афанасьева Н.* Тоталитарна ли «новая этика»? Обсуждают философ и социолог. Электронный ресурс // URL: <https://daily.afisha.ru/infoporn/18867-totalitarna-li-novaya-etika-obsuzhdayut-filosof-i-sociolog> (дата обращения: 10.04.2022).
2. *Плакруз Х.* Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере идентичности и что в этом плохого / Х. Плакруз, Д. Линдси. М.: Individuum, 2022. 384 с.
3. *Сысоев Т.* Философ Артемий Магун: «Новая этика» – это не про культурность, а про «новую моральную аллергию», которая пришла к нам из США // Электронный ресурс // URL: <https://portal-kultura.ru/articles/world/331659-filosof-artemiy-magun-novaya-etika-eto-ne-pro-kulturnost-a-pro-novuyu-moralnuyu-allergiyu-kotoraya-prishla-k-nam-iz-ssha> / (дата обращения: 11.04.2022).
4. *Эдвард Скидельский* о тоталитарной природе новой этики // Электронный ресурс: URL: https://www.liveinternet.ru/community/lj_podosokorskiy/post481_083099/ (дата обращения: 10.04.2022)

ТРИАДА ПОСТМОДЕРНИЗМА. СМЕРТЬ БОГА, СМЕРТЬ АВТОРА, СМЕРТЬ СУБЪЕКТА

Марон Р.Е.

Научный руководитель: д.ф.н. В.Н.Сыров

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Понимание постмодернизма играет большую роль для понимания современного мира в целом. Многие современные фильмы, книги, сериалы, научные работы написаны под влиянием или с использованием механизмов постмодернистской философии. Для понимания постмодернизма в целом, и отдельных концепций в частности, следует понимать основные идеи, которые повлекли за собой целый массив последующих работ. К таким концепциям следует относить: смерть Бога, смерть субъекта и смерть автора, которые и формируют так называемую триаду постмодернизма. Все эти концепции, так или иначе связаны друг с другом и следует рассматривать их, видя взаимосвязь между ними. Поняв принцип работы этих идей, мы сможем понять общий замысел постмодернизма, проникнуть в настроение этого феномена, провести анализ и сделать соответствующие выводы. Поэтому, предлагаю рассмотреть их в отдельности и выявить связь между этими понятиями.

Концепция смерти Бога, представленная немецким философом Фридрихом Ницше, в ряде его работ, провозглашает о смерти Бога в современном мире. «Веселая наука», представляет нам эпизод поиска Бога у людей религиозных, но как оказалось не верующих по-настоящему. Бог умер в результате человеческого бессилия, безразличия и утраты веры как таковой. «Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили!» [4.С.230]. Тезисом Бог мертв, Ницше провозгласил смерть современных моральных устоев, которые во всю историю формировали общество, науку и культуру. Через своего героя Ницше, констатирует уже свершившийся акт убийства Бога, но при этом заявляет, что последствия, которые обязательно наступят за этим убийством еще и не видны, прямо здесь и прямо сейчас. Таким образом, мы можем проследить первый этап формирования постмодернистской мысли – разрушение действующих правил и моральных норм, а также авторитета классической философской мысли, которая по мнению Ницше и дальнейших его последователей была несостоятельной в ряде вопросов. Фридрих Ницше выступает в роли прорицателя, прогнозирующим дальнейшее стремительное развитие технического прогресса, но отнюдь не прогресс духа и человечности. Теряется индивидуальность, пропадает цель и смысл и все так или иначе идет к небытию.

За потерей нерушимого авторитета в лице Бога, уничтожением традиционных моральных устоев и признания несостоятельности классической философии в рамках современности, свою сакральность потерял и автор. Смерть автора была провозглашена Роланом Бартом в одноименном эссе, написанном в 1967 году. Концепция смерти автора, за рушением авторитетов прошлого так же изобличила несостоятельность историко-биографического метода анализа текстов. Автор утратил контроль над своим произведением, он больше не является обладателем единственно верной точки зрения. С точки зрения Ролана Барта, автор в классическом понимании не существует более, современный писатель выступает скорее как скриптор [1.С.386], использующий свой огромный словарный запас. Новое имя автора – скриптор, расшифровывается, как пишущий, таким образом, автор в

современном мире понимается скорее как язык, говорящий посредством писателя. Своим эссе Ролан Барт провозгласил неполноценность классического метода интерпретации текста и поставил под сомнение роль автора в его деятельности.

Вслед за автором, сомнению подвергся и читатель. Смерть субъекта-метафора, предложенная французским философом Мишелем Фуко, может интерпретироваться как потеря любого вида субъективности в рамках современного мира. Человек более не мыслился вне языка. Язык и составляет субъективность человека. Субъектность не есть функция сущности в мире. Субъектность–функция языка. Человек как бы отнологизирует языковые отношения и с помощью этого факта обитает в мире [2.С.33]. Прежние позиции мыслителей Нового времени и эпохи модерна, оказались разбиты современностью. Субъектность более не была характеристикой изначальной природы человека, а всегда была обусловлена окружающей его социальной средой. В рамках сегодняшнего дня личность перестала определяться как отдельный субъект, наделенный неповторимыми чертами или особенностями. Субъект лишается своих привилегий, которые выражались в способности мыслить. Мыслящий субъект рассматривался именно как независимо мыслящий т.е. мысль, которую вырабатывал каждый в отдельности самостоятельно, что и выражало черты неповторимости каждого. Мышление современного человека состоит из структур, а наше мышление впоследствии структурировано как язык. Человек более не имеет ценности сам по себе- он часть какой-то системы. В этом отношении смерти субъекта помогли предшественники постмодернизма в лица Карла Маркса и Зигмунда Фрейда, которые своими теориями отстранили субъекта в его традиционном понимании в область небытия. Карл Маркс провозгласил человека областью общественных и экономических отношений, когда в свою очередь Зигмунд Фрейд указал человеку на существование бессознательного. Неустойчивость нынешнего образа человека, вызвана тем, что неустойчивыми являются и его позитивности-труд, жизнь и язык.

Таким образом, мы можем наблюдать взаимообусловленность между основными концепциями постмодерна, которые впоследствии и формировали основу будущих идей этого периода. Концепция смерти Бога, неразрывно связана с концепцией смерти автора, как уничтожение нерушимых авторитетов. Смерть субъекта, следующая за смертью автора, говорит о потере всякой индивидуальности, всякой идентичности. Мы можем составить некую последовательность: Смерть Бога, смерть автора, смерть субъекта, которые неразрывно связаны между собой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С 384–391.
2. *Хаустов Д.* Лекции по философии постмодерна, М.: РИПОЛ классик, 2018. 288 с.
3. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук, М.: Прогресс, 1977. 407 с.
4. *Ницше Ф.* Веселая наука. Сочинения в 2-ух томах. Т1, М: Мысль, 1990. 833 с.

ЭРИХ ФРОММ: КОНЦЕПЦИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО ОБЩЕСТВА

С.В. Моисеев

Научный руководитель: д.ф.н В.Н. Сыров

Фромм стал буквально классиком в русле исследования общества XX века. Во многом его исследования занимало место пересмотра идей Зигмунда Фрейда с социальной точки зрения – так называемый неотрейдизм.

Меня же будет интересовать по большей части исследования Фромма, связанные с назревающей деструктивностью в обществе, так как полагаю, что в настоящее время данный факт находит все большее проявление. Данному феномену он посвятил целую книгу, которая имеет одноименное название «Анатомия человеческой деструктивности». Как и многие члены Франкфуртской школы, Фромм стремился предостеречь от возникающей пропасти между индивидом и обществом. Как замечали первые представители Адорно и Хабермас – человек затмил свое сознание иллюзиями абсолютного господства и в этом стремлении подчинить себе все живые существа и природу – он лишь разрушает моральные и физические ценности человечества в целом. Как я уже упомянул ранее, Эрих Фромм относился к представителям Франкфуртской школы – начиная с 30-х годов двадцатого столетия Фромм начинает плотное сотрудничество с Франкфуртским институтом, что и оказало влияние на косвенное попадание Фромма в данное движение – общность идей, вдохновение едиными личностями сыграло свою роль. Но это не означает, что на формирование концепции Фромма оказал влияние именно факт попадания во Франкфурт, вовсе нет; его психоаналитические практики, во многом, позволили накопить огромный багаж опыта – что позволило сформировать впоследствии единую концепцию.

Сам же Фромм начинает свои труды с размышления о современном человеке – который оказался один на один перед формирующейся системой общества потребления, где человек начинает восприниматься не как личность, а как товар, который можно купить. В этом он видит одну из главных проблем – нарушение модуса бытия, отнюдь их у нас становится два: а) Модус бытия; б) Модус обладания(иметь). Именно когда человек начинает выстраивать свою жизнь в соответствии со вторым модусом, он теряет гармонию с окружающей действительностью, именно в своих постоянных стремлениях получить все больше и больше. Но иметь больше вещей это одно, люди же начинают заходить настолько далеко, что раскидывают свой модус на других личностей – стремясь завладеть ими как вещью, подчинить своей воле. Фромм говорит о том, что такие люди страдают от различных стрессов и подвержены неврозам в разы больше, чем живущие в соответствии с модусом бытия; стремление обладать всем и вся – это лишь иллюзия счастья, в погоне за которой люди загоняют себя в еще большую дисгармонию с обществом и самим собой. Такое состояние он называет деструктивностью, о которой мы можем говорить теперь в рамках целого общества. Этот феномен выступает буквально продуктом времени, в промежутке которого изменяется социальная структура, утрачиваются истинные интересы: от экономики для всех, к экономике для себя.

Возвращаясь к деструктивности, Фромм называет ее одной из главных пагубных феноменов современности, которые привели ко многим событиям – например становление фашизма в Германии; Фромм еще в тридцать втором году буквально предвидел тот факт, что население Германии не сможет противостоять назревающей идее в обществе в силу деиндивидуализации общества(среднего

класса). Люди в бегстве от своей свободы и желании брать на себя ответственность – забывает свою индивидуальность и буквально растворяются в обществе, становясь жертвами идей, которые глубоко проникают в сознание.

В целом, «Анатомия человеческой деструктивности» предоставила нам два полюса: 1) Доброкачественная агрессия; 2) Злокачественная агрессия. Но по своей сути, это два проявления деструктивности – только в первом случае человек не представляет особой опасности для общества, лишь защищаясь от нападок людей на свою индивидуальность; а во втором случае он уже выступает как агрессор, стремящийся к абсолютному господству над всем и вся.

Таким образом, как мы можем заметить, вся концепция Фромма разлагается на две составные части – где одна, это правильный путь формирования индивидуальности в обществе (ориентация на бытие); а другая, это, наоборот, деструкция, нереализованность и иллюзорность. Если задаться вопросом: можем ли мы перестроить общества? – Фромм бы ответил в позитивном ключе; но для этого необходимы глобальные перемены в социальной структуре сознания. Принцип партнерской коммуникации позволил бы избавиться от эксплуататорского отношения к природе и другим людям, об этом принцип упоминал не только Фромм, но и Хабермас в тексте “Техника и наука как идеология”, размышляя о сформированных отношениях на основе господства и принуждения, стремясь побудить желание к преодолению подобного. Человеку просто необходимо реализовывать себя, иначе он погрязает в деструкции и буквально становится вещью в системе общества потребления.

Вообще на мой взгляд, общество способно преодолеть существующую деструктивность. Безусловно, на это понадобится длительный период – за время которого социальные институты подвергнутся преобразованию, и будут сформированы новаторские теоретические разработки для формирования будущего общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. Мн.: Попурри, 2013. 624 с.
2. *Фромм Э.* Бегство от свободы . М.: Прогресс: Универс, 1995. 254 с.
3. *Фромм Э.* Искусство любить . СПб. : Азбука-классика, 2004. 219 с.
4. *Фромм Э.* Человек для себя. Иметь или быть? Минск: Издатель В. П. Ильин, 1997. 415 с.
5. *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология. М.: Праксис, 2007. 201 с.

СОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ И РЕГИСТР КАК ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНО-СЕМИОТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА М. ХАЛЛИДЕЯ

Ф.В. Наумов, Г.Ю. Коварж, А.В. Завгородняя

Научные руководители: к.ф.н. Ф.В. Наумов, к.с.н. В.В. Кашпур

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Актуальность: Исследования в рамках семиотики, т.е. подробное изучение знаковых процессов, проявляющихся в передаче информации в живой природе и поведении индивидов и коллективов, всегда были перспективными и активно применялись во многих предметных областях. Анализ социальной действительности также стало предметом изучения семиотического подхода, который получил название социальной семиотики. Социальная семиотика представляет собой частный раздел семиотического знания, который в конкретных социальных и культурных обстоятельствах исследует и пытается объяснить процедуры смыслопорождения как социальную практику. Социальная семиотика расширяет основополагающие взгляды Ф. де Соссюра и Ч. Пирса, исследуя последствия того обстоятельства, что лингвистические, экстралингвистические и нелингвистические коммуникативные коды формируются социальными процессами. Исследования в рамках социальной семиотики представляют высокий научный и практический интерес как для решения научных проблем с долгой историей рассмотрения, так и для новых проблемных областей в условиях цифровой трансформации общества, например теории формальной прагматики, социолингвистики межличностного взаимодействия в виртуальной среде, современных научных исследований культуры и дискурс-анализа, а также HCI-исследований и разработок систем пользовательских интерфейсов. В связи с этим особую значимость представляет изучение основополагающих подходов социальной семиотики и, в частности, подход родоначальника социальной семиотики – М. Халлидея.

Цель: В исследовании предпринята попытка изучения и анализа основных элементов социально-семиотической теории языка М. Халлидея, а также обзора позиций Дж. Ферса и Б. Малиновского, оказавших существенное влияние на теорию М. Халлидея. Анализ элементов социально-семиотической теории языка М. Халлидея ограничивается исследованием понятия социальная ситуация и регистр.

Разработанность: Заявленная тема исследования обсуждалась в работах, посвященных социолингвистическому анализу понятий регистр и социальная ситуация: Р. Уордхо, Дж. Ур, М. Джус, А. Тросборг, М. Грегори, Д. Кристал и Д. Деви. В рамках социальной и лингвистической антропологии заявленная тема обсуждалась в работах Б. Малиновского и Дж. Ферса.

Объект: Объектом исследования является социально-семиотическая теория языка М. Халлидея.

Предмет: Предметом исследования является понятия социальной ситуации и регистра как составные элементы социально-семиотической теории языка М. Халлидея.

Задачи: Задачами настоящего исследования являются: 1.) изучить влияние антропологических воззрений Б. Малиновского и Дж. Ферса на социально-семиотическую теорию языка М. Халлидея; 2.) рассмотреть основные элементы соци-

ально-семиотической теории языка М. Халлидея; 3.) выявить и описать место социальной ситуации и регистра коммуникации в рамках социально-семиотической теории языка М. Халлидея.

Методология: В исследовании применялись общенаучные методы анализа и синтеза научной информации, а также историко-культурный анализ и историко-философский анализ.

Выводы: 1.) Показано на примере работ Б. Малиновского решающее значение «контекста ситуации» для интерпретации сообщения в ходе коммуникации. Также показана связь понятия «контекста ситуации» этнографического подхода Б. Малиновского с понятием «социальная ситуация» М. Халлидея. Выявлена роль «контекста ситуации» как абстрактной репрезентации окружающей среды, выражающейся в терминах определенных базовых лингвистических категорий, имеющих отношение к порождаемым коммуникантами текстам, с точки зрения Дж. Ферса. Также показана связь понятия «контекст ситуации» и «регистра»; 2.) Представлен общий анализ «текста», «социальной ситуации», «регистра», «кода», «лингвистической системы», и «социальной структуры» как элементов социально-семиотической теории языка М. Халлидея; 3.) Выявлено понятие, структура и место «социальной ситуации», ее типов в рамках социально-семиотической теории языка М. Халлидея. Также исследовано значение «регистра» коммуникации, его понятие и структура. Сделаны выводы о дальнейшем направлении исследований в рамках социально-семиотического подхода М. Халлидея.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brown P., Levinson S.* Politeness: some universals in language usage // Cambridge University Press. 1987. P. 74–76
2. *Crystal D. and Davy D.* Investigating English Style London. L.: Routledge, 1969. 278 p.
3. *Firth J. R.* The technique of semantics. Reprinted in 1957 in Papers in Linguistics. O.: Oxford University Press, 1935. 233 p.
4. *Gregory M.* Aspects of Varieties Differentiation // Journal of Linguistics. 1967. №3. P. 177–197.
5. *Halliday M. A. K.* Language as Social Semiotic: the social interpretation of language and meaning. L.: Edward Arnold, 1978. 256 p.
6. *Joos M.* The Five Clocks. New York: Harcourt, Brace and World, 1961. 108 p.
7. *Malinowski B.* The problem of meaning in primitive languages in C. K. Ogden & I. A. Richards // The Meaning of Meaning. 1923. P. 296–336.
8. *Trosborg A.* Text Typology: Register, Genre and Text Type // Text Typology and Translation. 1997. P. 3–23.
9. *Trudgill P.* Introducing language and society. L.: Penguin, 1992. 79 p.
10. *Ure J.* Lexical density and register differentiation // Applications of Linguistics. 1971. P. 443–452.
11. *Wardhaugh R.* Introduction to Sociolinguistics. Cambridge: Blackwell, 1986. 426 p.
12. *van de Weijer, J., Louhema, K., Zlatev, J., Graziano, M.* Translating from monosemiotic to polysemiotic narratives: A study of Finnish speech and gestures. Sign Systems Studies, 47(3/4). 2019. P. 480–525.

ЗАДАЧА СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

И.А. Пегов

Научный руководитель: д.ф.н. И.И. Сулима

*Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина*

Человеческая природа всегда была объектом исследования в философии. Большая часть философов стремилась и стремиться познать, что же представляет из себя человек. На всем протяжении развития науки перед философами разных направлений стоит задача выяснить, что является главным в природе человека, что делает человека человеком и определяет его поведение в процессе всей жизни. На этот счет уже существует множество мнений об определяющем начале природы человека. В процессе своей жизнедеятельности человек постоянно сталкивается с выбором. Например, «свобода выбора» является одним из основных признаков понимания природы человека в материалистической философии. Проблема выбора волнует ученых разных направлений научного знания. Что побуждает или толкает человека на принятие и осуществление своего выбора? Как влияет результат сделанного выбора на человека? Над этими и другими вопросами свободы выбора человека думают множество ученых. Результатом выбора человека может являться такое негативное социальное явление, как преступление. Человек, который совершил преступление представляет научный интерес многих ученых и является объектом их изучения. В толковом словаре слово «преступник» имеет пояснение: «Человек, который совершает или совершил преступление» [3.С.585]. Преступление в данном случае следует понимать как «общественно опасное действие, нарушающее закон и подлежащее уголовной ответственности» [3.С.585]. Данное понятие указывает нам на то, что основным общепринятым критерием преступления является его направленность против общества, неприемлемость для общества, из-за которых естественной реакцией социума на преступление становится желание совершить наказание. В философском словаре данная категория трактуется иначе «преступление есть грубое попрание права и морали в их наиболее существенной части. Вот почему безусловным примером преступления является убийство, а самым тяжким преступлением – преступление против человечества» [2.С.435]. Как видим, здесь акцентируется направленность преступления не против общества, а против права и морали. Выделение в особую разновидность преступлений против человечества связано с тем, что в данном случае обе составляющие – аморальность и асоциальность – тесно переплетаются.

В контексте исследования причин совершения преступления стоит обратить внимание на такое явление, как искушение. В православной энциклопедии «искушение объясняется как побуждение к нарушению религиозного, нравственного закона; соблазн» [1. С.312]. Согласно православной аскетике, «искушение – это особое состояние души, при котором ей навязываются греховные мысли и чувства, так и вообще любые скорбные переживания, которые посещают человека по Божию попущению» [1. С.312]. Христианские представления состоят в том, что искушение «сопровождает каждого человека на протяжении его жизни» [1. С.312], при этом человек, если хочет спастись, должен быть беспощаден к искушению. Такая трактовка вполне соответствовала этической системе религиозного

по своей сути общества, однако с переходом к светскому обществу стала противоречить постулату о свободе воли как одном из существенных свойств и прав человека. Если человек свободен, то он имеет право поддаться искушению. То есть основным искушением человека стала свобода, стремление к которой побуждает человека предаваться искушениям, нарушать запреты и традиции. Свобода стала серьезным искушением и настоящим испытанием, которое наш современник проходит с большим трудом. Термин «искушение» не остался в рамках христианской философии, хотя преимущественно разрабатывался именно для них. Современный человек оказался перед множеством искушений, которые побуждают нарушать правила, ранее незыблемые. Соппротивление искушениям в условиях распространения представлений о свободе воли как неотъемлемом качестве человека не только является проблематичным, но и осознается как необходимое. Напротив, каждому искушению, в понимании современного человека, необходимо поддаться, чтобы обогатить свой опыт, получить больше шансов (возможностей) обрести счастье, стать более успешным и т.д. Анализ искушения как неотъемлемого свойства человеческой природы проводят не только популяризаторы веры, но и светскими учеными. При этом анализируются многие новые искушения, которым подвергается человек, или современные трансформации уже традиционно выделяемых искушений.

Современный человек при очередном выборе подвергается всевозможным искушениям современного мира: информацией, богатством, властью, славой, корыстью, национализмом, фашизмом, бизнесом и т.д. Современность наглядно показывает нам, что современный человек привыкший к свободе выбора, не умеет сопротивляться искушениям, а чаще всего не видит в этом необходимости. И как следствие искушение может привести человека к преступлению, а кого-то – нет. В этих условиях совершение преступления становится потенциальной реальностью для каждого, что определяет постмодернистское понимание преступника и даже одобрение его как личности, делающей выбор. Найти объяснение этому несоответствию призвана современная философская антропология.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемкин Д.* Искушение // Православная энциклопедия. Т. XXVII. М.: Православная энциклопедия, 2011. 312 с.
2. *Конт-Спонвиль А.* Философский. М.: Этерна, 2012. 435 с.
3. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 585 с.
4. *Сулима И.И.* Онтология образования (герменевтические, экзистенциальные, синергетические основания). // Вестник Мининского университета. 2017. №4.

РАЦИОНАЛЬНОЕ АНТИЦИПАТИВНОЕ УЧАСТИЕ – ПЕРСПЕКТИВЫ ИГРОВОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Л. В. Плюснин

Научный руководитель: д.ф.н. Г.И. Петрова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

На протяжении многих лет человечество использовало навык предвидения в прагматических целях. Он помогал, как познавать окружающий мир, являясь важным условием научной гипотезы, так и организовывать сложные формы деятельности. Безусловно, речь здесь идет не о мистических культовых практиках, а о фундаментальной способности человека предвидеть грядущие события и действовать в соответствии с ними. Такую способность также называют – антиципация. Изначально этот термин, еще у эпикурейцев, означал «заранее составленное представление, о чем либо» [6.С.35]. В конце девятнадцатого века он обретает современный поведенческий окрас [1], а сегодня, когда есть понимание того, что будущее зарождается в настоящем и, следовательно, в настоящем можно найти его следы, термин понимается уже достаточно широко – как «отражение будущего в настоящем» [9.С.3–6].

Когда в рамках дискуссий о будущем используется рациональный дискурс, то это в большинстве случаев означает обсуждение целей и средств относительно обсуждаемых проблем, что является принципиальным и фундаментальным для именно целевых установок рационального мышления современного типа [2.С.21–23]. Важно, что этот тип рационального мышления сегодня наиболее плотно ассоциируется с научным мышлением и, следовательно, с истинным. Но проблема заключается в том, что целерациональный дискурс тяготеет к завершенности, ориентирован на результат и в этом смысле затрудняет и порой даже исключает из поля рационального континуальные и не завершенные объекты. В ситуации работы с будущим этот эффект становится разрушительным, так как будущее – это принципиально незавершенная, становящаяся сущность, и потому продуктивность целерационального подхода снижается вследствие дальности горизонта планирования. Это происходит, потому что чем больше горизонт планирования, тем больше вводных данных должна осмыслить целерациональная установка (инструментальная рациональность), в то время как наши когнитивные и мыслительные ресурсы ограничены. В связи с этим рациональное мышление испытывает эффект ограниченности [4. С. 35] и теряет в эффективности (т.е. приводит к ошибкам). Кроме того, существует множество целей – однозначно не рациональных с точки зрения целерационального дискурса. В частности, если говорить о социальной реальности, то к таким целям можно отнести достижение состояния устойчивого развития, победу над бедностью, мир во всем мире и т.д. Их достижение как минимум не гарантировано, а как максимум вряд ли возможно. Но от этого движение в направлении их осуществления не признается менее значимым и менее рациональным в рамках дискурса наук о будущем (futures studies).

Преодолеть это затруднение может иной взгляд на рациональное мышление в контексте антиципативного участия (не забываем, что это участие в большин-

стве случаев является коллективным [3][5]). Речь идет об установке рационального мышления, которую принимают участники игры. В рамках такой рациональности процедура отбора (что рационально, а что нет) детерминирована ни сколько функциональной установкой (достижения результата) сколько установкой на поддержание и развитие определенного положения вещей. Такая установка принимается, поскольку в рамках игры существует четкая граница между игровым состоянием и не игровым. Оно обусловлено правилами, сеттингом, особым игровым настроением [8]. Удержание этой границы и есть игровая рациональность.

В контексте будущего это работает следующим образом. Будущее как объект очень похоже на игру, поскольку оно также имеет дело с еще не существующей реальностью, которая, однако, конструируется в сознании в рамках определенных правил (например, всегда имеются конкретные предпосылки для образа будущего, специфические характеристики реальности, особенности взаимодействия участников, наличие цели конструирования, описанные средства достижения целей и др.). Это соотносится с определением игры, которое дает Хейзинга в работе *homo ludens*, игра – «не есть обыденная или настоящая жизнь», она является свободным действием в определенных границах места и времени и всегда ограничена правилами [7. С.12–15]. В этом смысле игровой подход к будущему позволяет сконцентрироваться на удержании сконструированного объекта и работе с ним, а не на его прагматическое инструментальное значение.

Это, безусловно, не позволит достичь состояния устойчивого развития (а также прочих подобных целей) абсолютно и совершенно и было бы глупо отрицать важность целерационального мышления вообще, однако, такой подход упростил бы коллективную работу с будущим, поскольку позволил бы снять ограничения инструментальной рациональности, убрав ориентацию на достижение результата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вундт В.М. Введение в психологию. М.: КомКнига, 2007. 168 с.
2. Касавин И.Г., Сокулер З. А. Рациональность в познании и практике. Критический очерк. М.: Наука, 1989. 192 с.
3. Песков Д., Лукша П., Кожаринов М., Савчук И. Rapid Foresight методология 0.4. М.: Агентство Стратегических Инициатив, 2017. 90 с.
4. Саймон А. Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // Thesis. № 3. 1993. С. 16–38.
5. Соколов А. В. Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. Т. 1. № 1. С. 8–15
6. *Философский словарь*. М.: Республика, 2001. 719 с.
7. Хейзинга Й. *Homo ludens*. Человек играющий. «Азбука Аттикус». 1938. 174 с.
8. McGonigal J. *Reality is broken Why games make us better and how they can change the world*. New York. The penguin press, 2011. 338 p.
9. Miller R., Poli R. Anticipatory systems and the philosophical foundations of futures studies // Foresight. Vol. 12 No. 3, 2010. P. 3–6.

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБЩЕСТВА О НРАВСТВЕННОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ В РФ

К.Ю. Рогожкина

Научный руководитель: д.ф.н. В.Н. Сыров

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В настоящее время ввиду одновременного наличия множества факторов (политических, экономических, экологических) происходит ускоренное изменение всех видов общественных отношений, что в свою очередь порождает необходимость рассматривать основные институты и феномены (нравственность, право, семья, государство и прочие) через призму произошедших в обществе перемен.

Для целей настоящего исследования следует разграничить понятие «мораль» и «нравственность», поскольку четкое формирование представления о нравственности позволит отследить влияние существующих нравственных представлений на такой феномен как правосознание.

Традиционным является в науке представление о терминах «мораль» и «нравственность» как о синонимах. Как отмечает А.А. Гусейнов, данные термины однородны по этимологическому содержанию и истории возникновения [4. С. 13].

Однако, в истории философии присутствует и иная точка зрения, согласно которой понятия «мораль» и «нравственность» следует разграничить. Так, Гегель в своих многочисленных работах отмечал мораль, нравственность и право, как элементы развития объективного духа.

Полагаю, следует разграничивать «нравственность» и «мораль», поскольку на современном этапе развития науки очевидна существенная разница между данными понятиями.

Как отмечает в своей работе Л.В. Баранова «мораль – это сумма установившихся в обществе неписаных нормативов поведения, сборник социальных пред-рассудков. Мораль ближе к слову «приличия». Нравственность определить уже сложнее. Она ближе к такому понятию биологии, как эмпатия; к такому понятию религии, как всепрощение; к такому понятию социальной жизни как конформизм; к такому понятию психологии, как неконфликтность» [1.С.40].

Также автор настоящего исследования находит верной мысль, которую сформулировал А.П. Скрипник: «нравственность – это способ ориентации в мире, специфический для вида homo sapiens. Такое понимание подразумевает, что род человеческий представляет собою единство. Нравственность не будет призрачною только в том случае, если это единство существует, хотя, может быть, лишь в потенции, а не актуально. Это означает, что нравственность и есть та культурная сила, которая делает человека человеком, иными словами, выводит его на такой уровень бытия, на котором он действует не как отдельное изолированное существо, а как орган обширного целого, называемого человечеством» [2.С.119].

Полагаем, нравственность как совокупность морально-ценностных убеждений, торжествующих в отдельный исторический период времени на территории государства, служит фундаментом, основой при формировании в сознании личности большинства представлений о добре и зле, о должном и о запрещенном, о хорошем и плохом.

Все нравственные убеждения хранятся в сознании человека.

Представляется уместным обратиться к концепции тематического анализа Дж. Холтона. Сознание можно считать «тематическим ядром», которое служит связующим звеном множества направлений как гуманитарного, так и естественнонаучного знания, образуя при этом в каждом конкретном случае специфические связи и выступая в различных ролях [3. С. 157].

Изначальными проявлениями сознания являются восприятие и переживание ребенком результатов своего собственного действия. Постепенно начинают осознаваться не только эффекты действий, но и процессы деятельности ребенка. Результат действия становится связанным с самим действием. Развитие сознания индивидуума происходит в процессе перехода от осознания отдельных моментов действия к целенаправленной планомерной деятельности. При этом все состояние бодрствования становится сплошным «потоком сознания», который переключается с одного вида деятельности на другой.

Таким образом, господствующие представления о том, что нравственно, а что нет, что допустимо, а что запрещено, влияют на все акты поведения человека в обществе.

Рассмотрим, основные представления, господствующие в настоящий момент в РФ и определим, каким образом это отражается на правосознании личности.

В настоящее время наблюдается некоторое противостояние религиозной нравственности, изложенной в виде заповедей и социальной, существующей в повседневной жизни.

Происходит процесс укрепления таких представлений и ценностей, как свобода совести и вероисповедания, свобода личной жизни, в приоритете становится институт частной собственности, личное благосостояние в противовес общественному и т.д.

Правосознание – это совокупность представлений о праве, суждение о нормативно-правовом содержании взаимоотношений людей в социуме, эмоциональные установки на тот или иной юридический режим в жизни общества, а также эмоциональное отношение к правовой сфере общественного бытия в каждый конкретный период времени.

Не смотря на неоднозначность происходящих изменений в области представлений о нравственном, следует отметить и позитивное влияние современности на формирование правосознания личности.

Несомненным преимуществом в настоящее время является легитимный плюрализм мнений, которых личность может придерживаться (например, закрепленный в законодательстве принцип свободы слова, многообразие реально функционирующих политических партий), а также укрепление правовой культуры при осуществлении трудовой и иной деятельности (принцип свободы договора, защита трудовых прав и т.п.).

Соответственно, правосознание личности формируется с учетом ценностей, главенствующих в современном обществе. В целях коррекции правосознания целесообразно, прежде всего, изменить господствующие представления о нравственном, а не нормы существующих законов в виде нормативно-правовых актов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баранова Л.В.* Нравственность Современного общества // Вопросы исторической науки : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Москва, январь 2012 г.). – Москва : Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 40–43.
2. *Скрипник А.П.* Бытие, логос и нравственность // Этическая мысль: современные исследования. М., 2009. С. 119.
3. *Холтон Дж.* Тематический анализ науки. М.: Прогресс, 1981. 384 с.
4. *Этика: учебник для бакалавров.* М.: Юрайт, 2015. С. 13.

КРИЗИС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ФЕНОМЕНА ИГРЫ

К.В. Севастов

Научный руководитель: д.ф.н. М.А. Можейко

Республиканский институт высшей школы,

Минск, Беларусь

Феномен идентичности на протяжении долгого времени является актуальной темой для различного рода исследований. В каждом исследовании важен контекст, и, соответственно, при современном рассмотрении данного феномена с точки зрения социальной философии контекст формируется множеством различных социальных обстоятельств, которые подчинены нынешнему состоянию культуры, изучение которого, в свою очередь, несостоятельно вне условий социокультурной реальности – кризиса культуры, точнее – кризиса культуры постмодерна.

Поначалу постмодерн в ходе своего формирования проявляет себя в разных аспектах. Первый аспект – это нарушение культурного баланса в культурной жизни общества, второй – ответ на кризис идей уходящего модерна. И, что имеет существенное значение, сам ход преобразования модерна в постмодерн вовсе не был идейно направлен и, тем более, революционен – он прогнозируем и убедителен.

Как бы то ни было, постмодерн, первоначальной целью которого было исправление стоящего перед модернистской эпохой морального идеализма, потерпел провал и тем самым обрек культуру в целом на затяжной кризис. В частности: постмодерн, подвергнув критике теорию безусловной истины, стремясь ее вытеснить, ничего не предлагает в качестве альтернативы, помимо, разумеется, применения постоянных нестатичных структур, форм и реминисценций, а также презумпции общей иронии и утверждения, что все в этом мире является вторичным.

Так, нестабильность современной культуры сопряжена с противоречивостью постмодерна, но с достаточно существенным дополнением, которое в состоянии определить предпосылки и границы кризисного контекста: постмодернистская культура генетически связана с культурой модерна (не столько опираясь, сколько отталкиваясь от нее).

Важно отметить, что кризис культуры в целом напрямую связан с комплексом кризисных состояний ее составляющих, одним из которых, например, является образование (как социальный институт), преследуемой целью которого является социальная адаптация, представляющая собой совокупность концентрации, раскрытия и передачи культурного опыта [З.С.132].

Принципиально важно, что в свою очередь кризис социального института – это именно локальное проявление кризисного состояния культуры. Следует уточнить, что кризис социального института вполне может быть локально преодолеваем, но преодоление кризиса культуры в целом побуждает ее к смене общей парадигмы, которая затронет все социальные институты, которых на начальном этапе кризисное состояние культуры могло и не коснуться.

Тем не менее, постмодернистская теория опирается на совершенно иное понимание как социального, так и культурного в целом, пытаясь сформировать мировоззрение, основанное на бессистемном и аструктурном фундаменте (принцип

разновекторности), и тем самым заменить реальность иллюзией (принцип бесплурности).

Вместе с тем, для постмодернистского общества, как и для всех его структур и подструктур, универсально характерна их фрагментация разной степени интенсивности. Следовательно, такие системообразующие структуры общественного сознания, как религиозные, философские, научные и т. д., в современном мире теряют свою объективность и категоричность (принцип ацентризма).

В свою очередь нестабильность социальной адаптивности влечет за собой постепенное смещение кризисного состояния культуры от социального в целом к еще более локализованному, т. е. внутриличностному. Данная конфликтная зависимость обусловлена предсказуемой логикой вещей: субъект все еще единица социума.

Так, адаптивный кризис прослеживается от начала формирования личностной идентичности к личностному кризису и, как следствие, к кризису профессиональной идентичности. А именно: специфика социальной адаптации субъекта в современной глобализационной реальности акцентирует значимость профессиональной идентификации.

Важно отметить, что идентификационному кризису внутри культуры постмодерна способствует в первую очередь децентрированность культуры постмодерна [1.С.28]. Тем не менее в глобализационном пространстве современности особую значимость приобретают именно личностная и профессиональная идентичности.

В свете этого следует определить, что именно можно подразумевать под личностной идентичностью в рамках культуры постмодерна.

Уточняя и расширяя существующие определения личностной идентичности, можно утверждать: личностная идентичность в контексте культуры постмодерна – это реалистичный, но в то же время нестабильный элемент самосознания (в итоге – свойство субъекта), которому свойственно бесконечное множество почерпнутых из культуры образов (устоявшихся клише, за которыми зачастую не стоит реальных образцов социальной активности), и, как следствие, компилирование и варьирование их.

Таким образом, личностная идентификация в контексте нестатичности ценностных ориентиров, свойственных современной культуре, проходит в своем развитии, как и все социальное, кризисную фазу.

Рассматривая проблему личностной идентичности, следует обратить особое внимание на такую постмодернистскую концепцию, как феномен игры, который является доминирующим в наборе современного социально-адаптивного инструментария [4.С.325].

Опираясь на концепцию Ж. Батая об игре (в рамках которой игра предстает как не имеющая внешней цели помимо собственной процессуальности), можно определить, что в состоянии игры субъект обладает свободой надления смыслом того, что этого смысла изначально не имеет [2.С.115]. Соответственно, нивелируя изначально понятие смысла, постмодернизм придает этому термину принципиально новое (господствующее) значение: им наделяется субъект, обладающий выбором [2].

Игровое связующее соединяет такие понятия, как свобода и выбор, а также «преобразует формулу “свобода || выбор” в формулу “свобода = выбор”, и, в свою

очередь, обесценивая само понятие “свобода выбора”: свобода и есть выбор» [4.С.325].

Так, при описанном разрыве свободы и выбора, последний полностью теряет свою идентификационную значимость, тем самым уступая понятию свободы лидерство, потому как «концепция свободы абсолютна и не может быть ограничена выбором» [4.С.325]. Соответственно, для освобожденного от неизбежности выбора субъекта смысл обретает лишь сама игра и сопутствующая ей абсолютная свобода в этой игре.

В этом контексте профессиональная идентичность (как результат профессиональной идентификации) можно определить, как собирательное и комплексное свойство субъекта, ведущее к самоотжествлению с определенной социальной группой и выступающее в условиях глобализации (в отличие от традиционного общества) доминирующим фактором профессионального развития субъекта.

В современной культуре профессиональная идентичность, как и любой другой вид идентичности (личностная, социальная, гражданская, национальная и др.), переживает кризисное состояние, а субъект, соответственно, сталкивается с проблемой профессионального самоопределения.

Анализируя понятие профессиональной идентичности через постмодернистскую концепцию феномена игры, можно определить, что субъект не в состоянии обладать свободой, которую подразумевает игра, но в то же время субъект обладает профессионально-идентификационным выбором, выйти за пределы рамок которого, безусловно, не в состоянии.

В итоге можно констатировать, что проведенный выше анализ позволил определить необходимость пересмотра идентификационных концепций с целью ориентирования на реконструкцию феномена профессиональной идентичности, что позволит обеспечить профессиональную адаптацию субъекта в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданова О.А.* Кризис идентичности личности в культуре постмодерна // Научная мысль Кавказа. 2016. № 2. С. 26–31.
2. *Вигель Н.Л.* Человек в культуре постмодерна // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 2. С. 114–117.
3. *Севастов, К.В.* Конвергентные процессы в современном образовании: постмодернистский дискурс // Материалы межвузовского международного конгресса: Высшая школа: научные исследования. Москва, 2020. Т. 2. С. 132–137.
4. *Севастов, К.В.* Проблема самоидентификации в культуре постмодерна // Научные труды РИВШ. Философско-гуманитарные науки. 2020. № 19. С. 319–326.

ВОЙНА БЕЗ ВРАЖДЫ: ПАРАЛЛАКС ПОЛИТИКИ

Я.А. Сединин

Научный руководитель: д.ф.н. В.Н. Сыров

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Если сегодня попытаться публично заявить высказывание относительно «конца политики/политического» в духе Френсиса Фукуямы можно столкнуться с двумя в равной степени одиозными при этом полярными эффектами этого высказывания. Первый эффект, назовем его для удобства «левый», представит дело таким образом, что, безусловно, политика никуда не делась, а история отнюдь не прекратила свое движение на логической либерально-демократической ноте, о чем явствуют нам отрезвляющие события начала XXI века. Второй эффект, скажем опять же для удобства «правый», укажет нам, что действительно история и политика если не завершились, то как минимум серьезным образом изменили собственную форму и логику: постепенное «отмирание» старого идеологического фона, превращение всех политических движений в популистские. Теоретическая ценность этого высказывания, а также следующих за ним эффектов, в таком случае необходимо поставить под вопрос, поскольку на уровне «антагонизма» и полярности мы сталкиваемся с определенной социальной фантазией, которая произносится из того или иного места в рамках разделения на «левых» и «правых», а на уровне тождественности мы рассуждаем лишь об определенных изменениях в политической практике. Как результат мы получаем достаточно аморфное, ни о чем не сообщающее высказывание, однако, это не совсем так, ведь мы можем рассмотреть это высказывание как некий симптом, метонимически сообщающий нам о состоянии политики.

Не случайно в выше обозначенной мысли делался особенный акцент относительно разделения на «левых» и «правых» в контексте эффектов высказывания. По словам А. Бадью, в политике *«главный момент заключается в том, что есть враги. Есть не просто противники, но враги»* [3.С.8]. Здесь мы бы могли обратиться к К. Шмитту, который отмечает конституирующее значение оппозиции друг/враг в политике, которое подкреплено всегда возможностью физического устранения участников процесса [1.С.101]. Однако, мы не будем вдаваться в подобный радикализм и последуем скорее за А. Бадью нежели за К. Шмиттом, поскольку реальная политическая борьба может потенциально оставаться, например, классовой борьбой в марксистском смысле слова и совершенно не обязательно, чтобы она сопровождалась непосредственной ликвидацией представителей оппозиции друг/враг.

Почему для Шмитта и Бадью наличие этой оппозиции вообще является значимым? В рамках теории политического Шмитта, если следовать логике Агамбена, оппозиция друг/враг отражает смещение т.н. «естественного состояния» и политической субъектности [1.С.100], для Шмитта по сути это одно и то же, из чего логически проистекает тезис о том, что политика единственно возможна как потенциальная война и вражда, политика, таким образом, всегда может перерасти в открытое противостояние с реальной возможностью ликвидации противника.

Социальный фантазм или же идеология на уровне политики оформляют оппозицию друг/враг исходя из специфической конфигурации того политического пространства, который в данный момент в данном обществе актуален. Т.к. мы за

основу нашего анализа взяли представление Бадью, т.е. классовую логику оппозиции друг/враг, на уровне идеологии или лучше сказать с помощью идеологии эта оппозиция представляется как разделение на «левых» и «правых».

Луи Альтюссер для описания функционирования противоречий в марксистской теории предлагает опираться на представление, что любое «*сложное целое обладает единством артикулированной структуры с доминантой*» [2.С.288]. Это означает, что каждый элемент этого целого, в данном случае таким элементом является противоречие, всегда: во-первых, включено в сложную структуру, во-вторых, имеет отношения подчинения и со-подчинения с другими элементами структуры, в-третьих, характер этих отношений нельзя назвать однозначной детерминацией (имеется ввиду, что мы никогда не имеем дело с простым механицизмом), в-четвертых, доминанта, т.е. центральное, господствующее противоречие отражено в каждом из элементов структуры, иначе говоря, в каждом противоречии.

Наконец возвращаясь к первоначальному рассуждению, мы можем представить современное состояние политики как потенциальную войну без вражды с сохранением оппозиции друг/враг лишь на уровне идеологии. Принять подобный тезис нам позволяет следующее важное положение, если мы попытаемся проанализировать современное политическое пространство с точки зрения сложной структуры с доминантой, предложенной Альтюссером, то мы можем заметить, что место самой доминанты в данный момент является пустым. Весь пучок противоречий, которые должны определять политическое, которые должны его «напрягать» по сути лишены этого «напряжения», поскольку основа оппозиции друг/враг (в понимание классовой борьбы) сегодня заменена «консенсусом» [4.С.23]. Реальная политическая борьба ведется, но не между «классовыми» элементами или элементами, чьи интересы мы бы могли назвать «антагонистическими», а между теми или иными «популистскими» движениями, которые вписаны в существующий порядок вещей. Подрывной потенциал единой структуры противоречий на деле не является таким. Собственно, по мысли Шмитта, если мы имеем войну без вражды, то это нельзя назвать собственно политическим действием, это скорее напоминает нам игру, которая запрещает всякое политическое изменение, а имеет суть лишь в некотором развлечении. Однако, борьба без вражды не может продолжаться вечно, и тем более мы не можем говорить об исчезновении политики/политического, поскольку сложная структура противоречий остается, с той лишь оговоркой, что место доминанты, господствующего противоречия пока что остается пустым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo sacer, II, 2. СПб.: Владимир Даль, 2021. 190 с.
2. Альтюссер Л. За Маркса. М.: Практикс, 2006. 392 с.
3. Бадью А. Философия и событие. М.: ИОИ, 2013. 192 с.
4. Рансьер Ж. На краю политического. М.: Практикс, 2010. 240 с.

ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИЗМА

Сотников Я.С.

Научный руководитель: д.ф.н. В.Н. Сыров

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Нынешний век бросает все новые и новые вызовы, при том, что старые до сих пор оказываются еще не решенными. Рассуждая о современном гуманизме, чаще всего имеется в виду постгуманизм в особом состоянии общества наступившего будущего. Постгуманизм рассматривается на острие между человеком и техникой, где крайне чувствителен момент модернизации человека при помощи технологий. Мы бы хотели затронуть тему гуманизма близкую трактовке просвещения, чтобы попытаться вновь поднять тему уже с позиции современности.

Гуманизм в данной работе следует понимать, как актуализацию проблем человека в его социальном бытии, а именно следует сосредоточиться на очеловечивании мира как такового.

Цель концепции гуманизма заключается в становлении и завершении, чтобы человек по истине считался априорным и основанием мира. Проблема в том, что этого не случилось. Здесь можно поднять проблематику идеализма и реализма, но нам бы хотелось затронуть другой аспект. Считается, что актуализация проблемы способствует ее решению. Наш главный тезис, что это не так, что актуализация проблемы отодвигает человека от проблематики, оно его отчуждает.

Западное сообщество лучше, чем кто бы то ни был, преуспел в организации сообществ на основе правовой идентичности. Самое важное, что было сделано это привнесение априорных прав человека. Сама констатация о том, что человек обладает правами содержит в себе глубокую проблему и противоречие. По мере поступательного расширения просвещения за рамки западного мира туда же приходят и те идеалы, которыми руководствуются их создатели. У человека есть права, хорошо, что дальше? Как нам видится, дальше власть идет на непосредственные осуществления декларации в действительность посредством разных форм политической воли.

Вопрос здесь, скорее, заключается в том, чего мы добились: во-первых, этой декларацией, во-вторых каковы итоги расширения идей о правах человека.

Априорные права человека позволили в полной мере посадить благодатную почву для возвращения капитализма в обществе. Априорная гарантия того, что человек, если он является собственником, в дальнейшем останется таким же собственником позволяет человеку детерминировать свое будущее. Гарантия защиты в ответ на агрессию является легитимным средством самообороны и является неотъемлемой частью естественных прав человека. Данные права закрепляют человека в качестве безусловного, каждая жизнь ценится сама по себе. Также они являются основой для разработки законодательства. Если выразить это метафорой, то было бы уместно назвать это конституцией человеческих отношений.

Вышеперечисленное развивает суть человеческого бытия, выражает его волю к жизни, но оно тогда бытие, когда становится значимым в глазах всего человечества, когда оно становится поистине априорным.

Смена культурных парадигм модерна и постмодерна является дискуссионным. Мы будем считать, что оно произошло в 1914 и оформилось к 1945 г. Качественное отличие в области гуманизма заключается в его небытии – смерти. Именно использования средств, чьей целью была привнесение счастья в жизнь людей (наука и ее побочные продукты) смогла перевести категорию количественной смерти в качественную [3. С.308–322]. Примечателен тот факт, что именно на период между войнами пришлось разработка классика феноменологической школы Мартина Хайдеггера. Dasein – смерть. Наше бытие находится на восточном фронте и полях Вердена.

Затрагивая вопрос о гуманизме, простроим цепочку ее целесообразности.

1. Декларация о сакральности человека.
2. Необходимо утверждение.
3. Человек сакрален и априорен.
4. Смерть сакрального и как следствие априорного.

Примечательно и то, что венценосец сам стал палачом, совершив самоубийство. Закончилась ли на этом история, человек и гуманизм? По существу, ответ отрицательный, но что дальше? Возврат к прошлому невозможен. Средство, которое дало постмодерн в ответ на образовавшийся вакуум – это шизофрения и сарказм. Бытие человека не серьезно, оно не едино, но не нужно ли? В послевоенный период произошли изменения не только в жизни социального, но и в сфере политики. Коммунизм декларирующий освобождения человека со временем был противопоставлен социализму с человеческим лицом (Франкфуртская школа), и демократии запада, где существование прав человека едва ли вполне было осуществлено.

Похоже, что идеал недостижим, но отсутствие идеалов делают бытие хуже. Считается, что актуализация проблемы способствует ее решению. Когда мы говорим о нем, и оно актуализируется все больше. Оно приобретает статус центра и появляется момент, когда имеется возможность изменения реальности. Главная проблема – изменения не происходит. Человек адаптируется, а кризис не решенный становится повседневной нормой. Для постмодерна разочарование и поиск способа ухода является нормой. Тоже самое касается и данного вопроса. Слушая вновь и вновь о проблеме человека, мы охлаждаем к нему, в нас самих умирает человеческое, мы отчуждаемся. Поэтому мы считаем иначе. Актуализация проблемы не способствует его решению. Оно уводит нас от нее, делая более далекими от решения, [2. С. 43] чем, если бы о проблеме гуманизма никто не говорил.

К сожалению, у нас нет ответа на вопрос что делать дальше, какие методы использовать в дальнейшем. Мы лишь констатируем, что мы дошли до границы, которую сложно прорвать и найти качественно иной выход.

С другой стороны, у нас есть целый 21 век, где со временем память о прошлом подвергнется забвению. [1. С. 37–38] Но также и есть опыт того, что история никого ничему не учит, а опасения, что новая искренность совершит виток модерна и упадет в постмодерн становится реальной и разочаровывающей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. *Кьеркегор С.* Болезнь к смерти. М.: Академический проект, 2014. 160 с.
3. *Слотердаjk П.* Критика цинического разума. М.: АСТ МОСКВА, 2009. 800 с.

ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ВОСПРИЯТИЕ В СТРУКТУРЕ DASEIN

И. Г. Теплов

Научный руководитель: к.ф.н. Б.Ю. Громов

НГПУ им. К. Минина, г. Нижний Новгород

В 1969 году была опубликована книга Ги Дебора «Общество спектакля». Рассматривая ее тезисно, мы можем выделить основные элементы той аналогии, в соответствии с которой наше общество названо «обществом спектакля». Спектаклем Ги Дебор называет все, что имеет отношение к товару: цель производства и причина производства; результат производства и процесс производства. Сам человек – тоже является товаром спектакля. Образ повсеместен, а знаковая реальность затронула все, что наблюдает человек. Виртуальные связи семиозиса оказываются первичны человеческим отношениям: «Он (спектакль) не является неким дополнением к реальному миру... Он есть средоточие нереальности реального общества» [3.С.13]. Таким образом, мы имеем повсеместный образ (нереальность реального), где истинное является лишь частным случаем всеобщей лжи.

Обратимся к субъекту спектакля – зрителю. Зритель – это тот, кто наблюдает. Современного человека мы определяем в качестве зрителя такого общества спектакля, который наблюдает за драмой производства человечности.

Прибегая к философской традиции, мы понимаем, что зритель, как он показан ранее, наводит нас на другие понятия, например, на понятие «ценности». Что общего между концепцией спектакля Дебора и ницшеанским понятием «ценность», каким мы его знаем в анализе Мартина Хайдеггера? Ценности определяются как точки зрения. Они всегда находятся в поле зрения, если они из него исчезнут, то перестанут быть ценностями. Банальный вывод напрашивается сам собой: ценности современного общества являются элементами спектакля, но только на первый взгляд. Если взгляд зрителя всегда направлен на часть спектакля, и элементы спектакля могут исчезать из поля зрения не в ущерб тотальности образа, а ценность не может быть невидимой, не значит ли это наличие противоречия?

Однако, что делать с понятием зрения, как с неким связующим мостом между ценностью и спектаклем? Мы предлагаем заменить понятие зрения на умозрение. Умозрение (от лат. *спесио* – взгляд) являются видением образа, рассуждением без опытного предмета. Хайдеггер называет умозрение смотрением: «Смотрение это таково, что оно видит постольку, поскольку видело; что оно видело постольку, поскольку представляло себе таким увиденное и таким полагало его» [2.С.28]. Смотрение современной *das man* – сплошной парадокс, оно является умозрением, хотя имеет дело с опытом, так как современное производство тоже лишь образ.

Дебор говорил, что спектакль становится явным только в момент критики, она является сопротивлением. Но вся ли критика способна уничтожить спектакль, хотя бы в поле зрения? Ведь следуя логике получится, что как только индивид начинает критиковать спектакль, он тут же становится частью спектакля, только в роли критика.

Хайдеггер пишет, что одними из первых смотрение как метод созерцания использовали греки: «Точка зрения, взгляд-на, кругозор – все это подразумевает здесь зрение и видение в том смысле, в каком предопределено оно было греками,

но только прошло весь путь преобразования идеи (idea) от *eidos*'а до *perceptio*» [2.С.29], - умозрением они отличали ложную реальность от истинных идей, пока идеи не деградировали до идеологий и не стали образами. С этого момента началась современность.

От *eidos*'а до *perceptio*. *Perceptio* (в пер. с лат.) – восприятие. Когда человек начал воспринимать идею как повседневную реальность, рай на земле не воцарился. Так как идея, как глубоко метафизическое понятие, остается идеей, не опускаясь до повседневного значения и опытного уровня. В замену идеям пришла идеология, и это ее человек воспринимает за повседневную реальность. Действительность у древних часто считалась ложью, преходящим моментом. И идеология является моментом нашей повседневной лжи. Спектакль стирает разницу между любыми идеологиями, привязывая им черты тотальной материализованной идеологии.

Как почувствовать иное состояние, отличное от действующего товара в спектакле? Ведь, если спектакль тотален, то избавиться от него нельзя.

В статье «Вопрос о технике» Хайдеггер объектом рассмотрения избрал существо технической вещи. Он рассуждал, что определение, данные нам в словарях не отражают сути: «Техника не то же самое, что сущность техники. Отыскивая сущность дерева, мы обязательно осознаем: то, чем объемлется всякое дерево как таковое, само не есть дерево, которое можно было бы встретить среди прочих деревьев» [1.С.221]. Давая ориентиры, автор определил, что же следует искать: по его мнению, *верность* – это категория очевидности события, бытия или феномена, а *истинность* – категория сущности при ее раскрытии, она есть то, что способно задеть нас одним своим существом, познать ее можно пробравшись сквозь множество верного. Теперь мы можем дать более точную формулировку: *верное* есть момент *ложного*.

Метод Хайдеггера можно назвать фундаментальной онтологией, однако это название мало что проясняет. Собственный метод – это то, что всегда остается как нечто сугубо личное, что посторонний зритель никогда не сможет понять в полном объеме.

Использовать свой метод – прерогатива глубинной, постоянно трансцендирующей личности, того, что Хайдеггер называет *dasein*. Такая личность находится на грани артикуляции и неназванного, располагается всех ближе к несуществованию. Она способна бесконечно самоуглубляться.

На этих примерах мы видим, что личность выделяется из массы не внешне, а внутренне, так как *смотрение* – чисто спекулятивный процесс. Обратная сторона внешнему сходству – внутренняя скрытость. В этой статье мы не дали метода, мы указали скорее на его отсутствие и присутствие трансцендентирования в деятельности личности. Личность глубинная, всматриваясь в существо вещей, ставит в основу своего жизненного пути не образные ценности современного общества, а существо персональных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Время и бытие*: Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.
2. *Нищие и пустота* / М. Хайдеггер. М.: Родина, 2020. 288 с.

3. *Общество спектакля*. М.: Издательство «Логос», 1999. 224с.

ЗНАЧЕНИЕ ФИГУРЫ ДЬЯВОЛА В «ЛЕВИАФАНЕ» ТОМАСА ГОББСА

А. Ю. Тетерин

Научный руководитель: д.ф.н. В. А. Суровцев

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Томас Гоббс (1588–1679) – английский философ, один из представителей науки и философии Нового Времени, автор произведения «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». Гоббс разработал представление о том, что «в современную эпоху принято называть нейтральным или светским государством модерна» [3.С.84–85]. Современные исследователи продолжают обращаться к интеллектуальному наследию философа, используя его труды в дискуссии о кризисе государства модерна: потеря монополии государства на обеспечение безопасности [5] или трансформация бюрократических институтов, в особенности, экспертизы, которая обеспечивает нейтральный и универсальный характер государства [4]. Вдобавок, в последние десятилетия возрос интерес к политической теологии, когда на сцену вновь вернулись вопросы о месте религии в постсекулярную эпоху. В рамках этого направления уделяется внимание религиозной проблематике в трудах Гоббса. Вместе с тем фигура дьявола становится предметом в области политических исследований, ставшим, по оценке Адама Котско, влиятельным наследием христианства в секулярном мире [6]. Даже в Новое Время, когда дьявол теряет свое значение под натиском научного знания, мыслителям приходится считаться с этой фигурой.

Одним из таких мыслителей был Томас Гоббс, которого можно рассматривать как светского философа или даже атеиста за его провокационные высказывания в адрес христианской церкви и Писания. Он утверждал, что разговоры о сверхъестественных сущностях (суть дьяволе) – это ничто иное как «... нелепые, бессмысленные разговоры, принятые на веру обманутыми философами и обманутыми или обманывающими схоластами» [2.С.21]. Однако суждения о дьяволе часто встречаются на страницах его произведения. Несмотря на его заявления о том, что такое иррациональное чувство как страх является главным мотивом передачи прав, поданных одному лицу (Суверену), исследовали обычно не принимают во внимание видение дьявола Гоббсом. Таким образом, цель этой работы – определить политическое значение фигуры дьявола в труде Томаса Гоббса «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». Для этого ответим на два вопроса: как Гоббс определяет фигуру дьявола и какое место дьявол занимает в рассуждениях о природе государства в «Левиафане».

Расхожее представление о том, что «дьявол» или «сатана» имена собственные, с точки зрения Гоббса, есть результат невежества и искажения священного Писания. Отсутствие правильного перевода этих слов заставляет людей верить в существование демонов [2.С.595]. Поэтому английский философ называет демонов именами нарицательными, которыми обозначают не конкретных лиц, но «должности или качества» [2.С.309]. Так, например, Гоббс, ссылаясь на пассаж из Евангелия от Луки (22:3): «Вошел же сатана в Иуду, прозванного Искариотом, одного из числа двенадцати», трактует это не как одержимость дьяволом, а как акт предательства Иудой Христа, руководимый человеческой психологией, а не

встречей со сверхъестественным [2.С.429]. Таким образом, все демоны от Вельзевула до Велиара, по мнению Гоббса, как и дьявол, характеризуют собой «врагов» и «разрушителей» и являются «союзом обманщиков, которые в целях приобретения власти над людьми в этом мире стремятся темными и ошибочными учениями погасить как естественный свет, так и свет Евангелия и сделать людей неспособными войти в грядущее Царство Божие» [2.С.408].

Рассуждение Гоббса о дьяволе неразрывно связаны с его политическими идеями о государстве. Гоббс пишет о дьяволе в контексте религии и ее влияния на государство. Согласно Карло Гинзбургу, в «Левиафане» секуляризация, которая необходима государству Гоббса не требует себе независимой «территории», наоборот, она вторгается в религию [1.С.22]. Например, в «Левиафане» аду посвящена отдельная XXXVIII глава «О том, что понимается в Писании под словами “вечная жизнь”, “ад”, “спасение”, “грядущий мир” и “искупление”». Гоббс пытается снять вопросы ада и загробной жизни. Цель этой главы носит практический характер – доказать, что для сохранения государства никто кроме Суверена не может «выдавать большие награды, чем жизнь, или налагать наказания более жесткие, чем смерть» [2.С.303].

Продолжая обсуждение политического порядка, Гоббс переходит от религии к языку, где дьявол представляется угрозой государству, т.к. дьявол является продуктом искажения Священного писания, потакающий многозначным понятиям и заставляющим верить в вещи, которые не существуют, отвращая от истины. Многозначность «дьявола» являются тьмой, в том смысле, что представляет угрозу свету человеческого ума, т.е. «вразумительным словам», которые не были прежде отчищены от двусмысленности. Результатом использования таких слов могут стать разногласия. При этом нужно вспомнить, что язык у Гоббса является основным условием для возникновения государства [2.С.22]. Разногласия лишают язык перформативных свойств. Из разногласий не рождается договор, потому что они исходят от множества (*multitudo*), которое хаотично движимо своими волями, желаниями или страстями. В то время как основная цель Левиафана – обуздать эту хаотичную массу. Поэтому излишнее внимание к дьяволу приводит к раздору, не позволяя Суверену создать и поддерживать политический порядок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гинзбург К.* Страх. Почтение. Ужас. М.: Проект lettera.org. 24 с.
2. *Гоббс Т.* Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 478 с.
3. *Дмитриев Т. А.* Политическая теология в «Левиафане» Томаса Гоббса // Социологическое обозрение. 2018. № 3. С. 56–89.
4. *Дэвис У.* Нервные государства. М.: АСТ, 2021. 352 с.
5. *Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
6. *Kotsko A.* The Prince of this World. Stanford., 2017. 240 p.

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТА В ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ОНТОЛОГИИ

Р. Д. Федосов

Научный руководитель: д.ф.н. А. Е. Смирнов
Иркутский государственный университет

Цель нижеследующей работы – обсудить понятие объекта в объектно-ориентированной онтологии (ООО). Понятие объекта является важнейшим в теории Г. Хармана, но в тоже время его дескрипция вызывает много вопросов.

Попытаемся для начала продемонстрировать специфику понятия объекта, причину его появления, теоретический и практический потенциал на примере анализа общества.

Современные социальные теории предпринимают попытки выразить общество вне редукционистских представлений, т. е. вне гегемонии антропологического. Акторно-сетевая теория (АСТ) наиболее показательна в этом смысле. Она проводит ревизию объектов и позволяет возвыситься неживому миру. Но, к сожалению, как справедливо отмечает Г. Харман, такой подход ложно утверждает демократию объектов.

Принципиальное расхождение между статусом объекта в ООО и статусом объекта в АСТ заключается в следующем: объекты принципиально не должны быть равны друг другу. В такой позиции, сущность социальных связей раскрывается во всем ее многообразии.

И это именно то качество, которое раскрывает выраженный методологический ресурс ООО. Ведь, совершенно очевидно, что любое социальное взаимодействие предполагает социальное неравенство. Самое главное, что это неравенство может выражаться не только во внешнем, так называемом, вещном мире, но и во внутреннем неравенстве каждого субъекта, его сингулярности, предельной открытости.

Но АСТ и ООО привносят и другой принцип, который вновь позволяет расширить дескрипцию общества. Конечно же, это касается статуса объекта. Объект, как любит повторять Г. Харман, это всегда нечто большее, чем его части, т. е. по сути в качестве объекта можно рассматривать абсолютно все [3]. Более того, мы осознаем, что понятие объекта не должно ограничиваться только материальным миром. Объектом может являться многоэлементное понятие как «Ост-Индская компания».

Социальная теория в таком случае получает возможность включить в рассмотрение весь комплекс отношений, любой аспект действительности, учитывая при этом всю их сложность и «сокрытость». Более того, с этической точки зрения происходит полное упразднение иерархии социальной среды. Если говорить конкретно, то нет никакого ценностного различия между отношениями: человек-человек и общество-животный мир; все это объекты.

Конечно, нельзя не указать на категорически спорный момент теории ООО. Как отмечают многие исследователи, теория Г. Хармана оставляет открытым вопрос об ясном понимании объекта. Это положение на корню подрывает все дальнейшие рассуждения.

Попытаемся продемонстрировать эвристический потенциал ООО на примере классической типологии человека М. Шелера и вывести наиболее точное понятие объекта. Для этого воспользуемся пятым типом («идея сверхчеловека»), который М. Шелер выделяет в статье «Человек и история». Этот тип регистрирует новый секулярный образ человека. По мнению М. Шелера, здесь аннулируется главный принцип, по которому обычно происходит антропологическое описание, т. е. онтологическая редукция.

Простыми словами, для человека больше нет ничего кроме самого человека. Теперь его поступки не могут объясняться или оправдываться через привходящие феномены (Бог, разум, сознание). Более того, по мнению М. Шелера, человек, наоборот, получает взамен сложный концепт, при котором становится ответственным за каждое свое деяние. Вот как вдохновенно пишет об этом автор: «...человечество, народы, история, большие коллективы – все это лишь обходные пути к покоящейся в самой себе самооценности и к самобытному великолепию такого рода личности. Ту полноту благочестия, любви, поклонения, какую люди посвящали Богам, достойны снискать личности такого рода» [4.С.95].

Но этого действительно недостаточно для полной спецификации, апологии объекта. В данном случае мы замечаем постоянные нападки со стороны разных философских школ в отношении роли личности.

Обратимся к уточнениям Аристотеля, а именно к его основному понятию – *ousia*. *Ousia* разделяется на первую и вторую сущность. В формате исследования нас интересует суть первой. Аристотель дает ей следующее определение: «та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем» [1.С.55] и далее он указывает, что это может быть какой-то «отдельный человек или отдельная лошадь» [1.С.55]. Казалось бы, что нет ничего более удачного, чем это конкретное определение объекта. Более того, присмотримся к следующей фразе: «всякая сущность, надо полагать, определенное нечто» [1.С.59]. Дословный перевод «определенного нечто» (*tode ti*) – «вот это вот», то есть то, на что я могу просто указать пальцем.

Но, к сожалению, здесь недостаточно просто использовать *tode ti* в качестве реального объекта. По убеждению Г. Хармана, реальный объект открывается только в том случае, если мы включаемся в процесс взаимодействия. Для этого он использует пример с метафорой, то есть убежденность в наличие реального объекта выражается только через нас. И здесь чувствуется самое прямое влияние философии М. Хайдеггера, когда последний открывает доступ к бытию через человеческое существо (*Dasein*). Что же можно сказать о *tode ti*? В данном случае, это чувственный объект или как бы сказал Хайдеггер – нечто онтическое.

Нам представляется, что данная позиция Г. Хармана в отношении реального объекта является наиболее проблематичной. Казалось бы, у нас имеется две основные претензии ООО к философскому комьюнити: во-первых, кантовская вещь-в-себе, во-вторых, критический антропологизм. Получается же, что вещь-в-себе никоим образом не исчезает и не критикуется. Харман наоборот еще более стужает редуты социального и углубляет вещь-в-себе. В данном случае, только полная пересборка реального объекта или же апология чувственного могут придать его учению эпистемологическую позитивность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль. 1978. С. 51–91.
2. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в АСТ. М.: Изд. дом ВШЭ. 2020. 384 с.
3. *Харман Г.* Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». М.: Ад Маргинем Пресс. 2021. 275 с.
4. *Шелер М.* Избранные произведения. М.: Издательство «Гнозис». 1994. С. 70–98.

СМЕХ КАК ФЕНОМЕН ОСВОБОЖДАЮЩИЙ ОТ ИЛЛЮЗИЙ В НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ XVIII-XIX вв.

А.Н. Чечихина

Научный руководитель: к.ф.н. Ю.Н. Овсянникова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Моя статья посвящена смеху как деструктивному феномену в немецкой философии XVIII-XIX вв. на примере концепций И. Канта, Г. Гегеля, Жан-Поля, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Актуальность данного исследования связана с тем, что смех показывает дополнительные возможности для целостного понимания сущности культуры, общества. К тому же, смеху свойственно не только описывать общество, но и оценивать его, что также важно при понимании социокультурных процессов. Рассмотрение феномена смеха именно у обозначенных мною философов связано с выделением в понятии смеха деструктивной составляющей, которая впервые была обнаружена в работах И. Канта. Далее, каждый последующий философ дополнял определение смеха, оставляя нетронутой только возможность смеха разрушать иллюзии.

Я начну с определения смеха, которое предложил И. Кант: «Смех – это аффект, возникающий из внезапного превращения напряженного ожидания в ничто» [3.С.83]. Данное определение показывает смех в качестве стихии, которая влияет на человека, под которой подразумевается не только некоторое наслаждение, но и изменение через разрушение.

Определение смеха, которое было предложено Г. Гегелем: «... мы знаем, что он вызывается противоречием, непосредственно обнаруживающимся в следствии того, что нечто сразу превращается в свою противоположность, следовательно, в непосредственно само себя уничтожающее...» [1.С.122]. То есть смех – это некоторая стихия, которая самоуничтожается после выполнения своей цели – разрушения противоречий. Характерным для смеха будет возможность искоренять отжившие идеалы, которые существуют в обществе, то есть уже в философии Г. Гегеля можно отметить деструктивную функцию смеха.

Жан-Поль в своей концепции смеха делает акцент на рационалистической составляющей смеха: «... царство смеха – бесконечно велико, а именно оно простирается во все концы, куда только заходит царство рассудка...» [2.С.140]. А также важным для философа будет противоположность смеха с возвышенным. Жан-Поль видит в смехе рациональную силу, которая в состоянии приблизиться к пониманию мира, избавляясь от иллюзий, посредством своей «ничтожности».

Далее, у А. Шопенгауэра смех определяется следующим образом: «Смех, всегда возникает из неожиданного осознания несовпадения между известным понятием и реальными объектами, которые в каком-то отношении мыслились в этом понятии, и сам представляет собой лишь выражение этого несовпадения» [7.С.194]. Данное определение включает в себя идею неожиданности, идею контрастности, которые уже использовались в определении смеха в философии И. Канта и Жан-Поля. Таким образом, в определении смеха философов подразумевает нечто, что вызвано заблуждением, иллюзией и при этом их же и разоблачает. А избавляясь от иллюзий человек становится нравственнее, интеллектуальнее.

Что касается смеха в философии в Ф. Ницше, то он рассматривает два смеха - смех Диониса и смех Заратустры. Смех является одной из главных характеристик дионисийского заявления, так как ему свойственно разрушать иллюзии и преодолеть страх перед конечной жизнью, при помощи удовольствия, а также так как смех является проявлением дионисийского духа, то это означает что благодаря смеху «отжившая» культура подвержена разрушению, а на ее месте будут воздвигнуты новые ценности [4]. Смех Заратустры можно охарактеризовать следующим образом: «Кто из вас может одновременно смеяться и быть высоко? Кто поднимается на высочайшие горы, тот смеется над всякой трагедией сцены и жизни» [5.С.29].

Таким образом, подводя итог статье, можно сделать вывод, что философские концепции И. Канта, Г. Гегеля, Жан-Поля, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше взаимосвязаны, благодаря чему прослеживается постепенное развитие феномена смеха как силы, которая может разрушать отжившие устои и идеалы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гегель Г. Энциклопедия философских наук: 3 т. М., 1977. 471 с.
2. Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики. М.: «Искусство», 1981. 448с
3. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 368 с.
4. Ницше Ф. Рождение трагедии // Сочинения в 2 томах. Т.1. М.: Издательство Мысль, 1996. С. 48-157
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра// Сочинения в 2 томах. М.: Т.2. Издательство Мысль, 1996. С. 6-237
6. Рюмина М. Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 320с
7. Шопенгауэр А. О четверояком корне... Мир как воля и представление // Т.1. М.: Наука, 1993. 674 с.

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ВЛАСТИ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ «ПРИЗНАНИЯ» Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ

А.И. Шипицин

Научный руководитель: к.ф.н. В.В. Петренко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Лейтмотивом немецкого классического идеализма является проблема субъективности, содержащей явный эпистемологический оттенок: как возможно достижение бесконечного, безусловного знания конечным по своей природе индивидом?

Ответ на данный вопрос подразумевает выявление специфической связи между субъектом и объектом, «Я» и «Другим». Начиная с Р. Декарта, каждый представитель «классики» выстраивал эту связь, однако, новизной философской системы Гегеля стал акцент на открытость самосознания, его включенность в конкретные социальные практики. Субъективность рассматривается Гегелем в контексте интерсубъективности, опосредующей единичное «Я», которое таким образом получает идентичность: «Самосознание достигает своего удовлетворения только в некотором другом самосознании» [2.С.96]. Важный момент здесь заключается в том, что процесс взаимного определения двух самосознаний предполагает достижение «абсолютной негации» т.е. восприятие себя в качестве субъекта невозможно без исключения иного, нетождественного себе. Гегель пишет об этом следующее: «То, что есть для него другое, есть в качестве предмета несущественного, отличающегося характером негативного. Но другое есть также некоторое самосознание; выступает индивид против индивида» [2.С.99]. Соответственно, обретение самосознания не есть процесс только одной рефлексии. Формирование самосознания подразумевает борьбы и соперничество воле субъектов, в результате чего один достигает «бытия-для-себя», а другой «бытия-для-другого». Фактически речь идет о *взаимном признании – признании права существовать в качестве Человека*. В этом заключено отличие философской системы Гегеля от системы Декарта: у последнего «Я» завязано на самом себе, оно независимо от внешнего контекста и ни с кем аффективно не борется. Как отмечает М. Ф. Быкова: «Согласно Гегелю, мышление не только не есть абсолютное и автономное достояние субъекта, но оно только потому и является орудием познания и осознания, что объективируется в развитии человеческой цивилизации» [1.С.26].

Какое условие должен выполнить индивид, чтобы быть признанным в качестве Человека? Признание индивида Человеком возможно лишь в случае его столкновения с собственной конечностью т.е. со смертью. Суть борьбы двух самосознаний подразумевает риск собственной жизнью и сражение насмерть. Тогда, казалось бы, модус субъективности распределяется следующим образом: Господин – тот, кто пошел до конца, не боясь рискнуть жизнью до последнего, а Раб – тот, кто не пошел на противоестественный риск, сохранил жизнь путем утраты бытия-для-себя. Однако, рассуждая так, мы впадаем в парадокс Господина, суть которого в следующем: если Раб побоялся рискнуть жизнью, то признать его Человеком нельзя, а значит он есть индивид, оставшийся в рамках животности. Следовательно, признание человечности Господина с его стороны теряет ценность. Выходом из парадокса видится убийство Раба, но, очевидно, что его физическая смерть не приводит к признанию Господина: нет признающего – нет

и признаваемого. Соответственно, необходимо признать человечность Раба. Как указывает А. Кожев: «Как и у Господина, у Раба есть самосознание, т.е. он в своем наличном бытии по существу человек. Конечно, поначалу, когда он еще только, так сказать, появляется на свет в качестве Раба, его человечность, – только возможная, тогда как человечность Господина “действительна”, поскольку на самом деле признана» [3.С.711]. Человечность как Господина, так и Раба достигается Гегелем путем разных акцентов на понятии «смерти»: первый человек потому что не боится умереть ради истины своего бытия, тогда как второй человек, поскольку в борьбе осознал свою конечность, свою смертность. Получается, что оба человека, так как столкнулись со смертью в рамках борьбы за признание.

Вопрос о конечной подлинности «для себя бытия» решается Гегелем в пользу Раба, поскольку последний трудится на Господина, у которого господская человечность «застыла» в статике, тогда как человечность подчиненного пребывает в динамике посредством преобразующей деятельности: «Но благодаря труду оно приходит к самому себе» [2.С.103]. Власть и человечность Господина заключена в самом Рабе, и пока есть возможность демонстрации пойти на риск, господство сохраняется. В свою очередь, человечность Раба покоится на созидании налично данной вещи, которое дает ему возможность выражения истины собственного бытия. Подневольный, с первого взгляда, труд есть путь обретения бытия-для-себя, человечность Раба есть человечность становящаяся.

Вывод из всего сказанного следующий: концепция признания, сформулированная Гегелем, представляет собой, в некотором смысле, ответ на проблему властного субъекта: посредством чего формируется субъект власти? Ответ Гегеля заключается в том, что сами интересубъективные отношения подразумевают, помимо прочего, властное измерение, поскольку определить сущность собственного «Я» можно только через сопоставление с «Другим» и противопоставление «Другому». Собственно, в повседневной жизни не составит труда заметить насколько часто оценка себя и своего поведения зависит от других, рядом находящихся индивидов. С этой точки зрения, концепция признания и интересубъективных отношений Гегеля является предтечей современных представлений о формировании властного субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Быкова М. Ф.* Гегелевское понимание мышления. М.: Наука, 1990. 126 с.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
3. *Кожев А. В.* Введение в чтение Гегеля: Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе. СПб.: Наука, 2003. 791 с.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ**«ПОСТПРАВДА» КАК НОВЫЙ ВИД ИСТИНЫ**

Е.С. Артюх

Научный руководитель: к.ф.н. Н.В. Николина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В современном мире в условиях роста количества данных, становится все сложнее перерабатывать большой поток информации, отличать истину от лжи, и не обращаться к недостоверным источникам. Так, в современной академической среде стало встречаться понятие «постправда», которое набирает популярность в XXI веке. Несмотря на новизну данного понятия, оно встречается в разных сферах жизни человека. К понятию «постправда» обращаются не только в политике, в средствах массовой информации, но и в науке и философии. Возникают идеи понимания постправды как «нового режима истины», в котором определяется и оценивается конкретная информация. Постправда связана и с вопросом объективности фактов, которая становится менее значимой в данной концепции. Постправда является характерным феноменом современной технологической эпохи, она не является заменой истины или правды, скорее, для нее характерно стирание границ между субъективным и объективным и возникновение множественности истин [3].

Использование термина «постправда» было отмечено еще в XX веке, но особую популярность оно приобретает в 2016 году. Так, Оксфордский словарь английского языка объявил постправду «словом 2016 года» и дал ему более определенную, четкую трактовку [4]. Исходя из данного понимания, под постправдой стоит понимать такие обстоятельства, при которых эмоции и личные мнения играют более важную роль при становлении общественного мнения, чем объективные факты. При этом, в данном понятии можно выделить сразу несколько смысловых аспектов [4]. Во-первых, эмоции здесь оказывают большее влияние, чем объективность. Во-вторых, говоря о постправде, нередко подразумевают размытие границ между истиной и ложью, избавление от данной двойственности, дихотомии. В-третьих, конечно, в проблеме постправды важную роль играет и наступившая цифровая эпоха, в которой все чаще человек сталкивается с дезинформацией, быстрой сменой событий, при которой сложно успевать отличать правду от вымысла.

В качестве основы для возникновения термина «постправда» может послужить концепция М. Фуко об «играх истины». Философия постмодернизма рассматривает отношение к истине, теперь истину связывают со свободным проявлением интерпретации субъекта, ее теперь не рассматривают как то, что можно

открыть когнитивно или принять. Истина представляется как набор правил, которые субъект использует для организации своей познавательной деятельности. Истина, таким образом у Фуко, приобретает ситуативный статус, гносеологическая структура истины становится фигурой «игры истин». Процесс познания становится последовательно развивающейся «игрой истины». в эпистемологии постмодернизма происходит поворот от изучения истины самой по себе к изучению «игры истины самой по себе», «игре истины в отношении индивида к самому себе» [1].

Существуют тезисы о том, что концепция постправды связана с идеологией, с идеологической правдой. Такая правда помогает понимать мир, выстраивать единую систему. О такой роли постправды говорил еще Платон в своем диалоге «Государство», в котором определяет различие между философами и простыми людьми, между меньшинством и большинством. В данном диалоге, основной целью которого является организация справедливого общества, обнаруживается два взгляда на то, что должны знать. Есть так называемые «философствующие цари» [2], которые имеют особенные таланты и способности: изучая абстрактные дисциплины, они исследуют глобальные вопросы и не интересуются тем, о чем думают другие. Постправда регулирует стабильное функционирование общества, так как люди делясь на « тех, кто знает и тех, кому знать не нужно», обеспечивают распределение знаний.

Но существуют и точки зрения, которые негативно относятся к постправде, связывают ее с обманом. Тогда областью исследования является анализ приемов, с помощью которых существует постправда в коммуникации. Примером здесь может послужить намеренное сокрытие фактов и представление только необходимых для фактов утверждений. Это можно понимать и как обман. Отсутствие общественной ответственности также является одной из причин возникновения постправды. Постправда выступает как контекст, который обеспечивает существование и развитие ложных суждений.

Новый технологический уклад характеризуется открытостью информации, ее можно получить из любого источника, а объем ее увеличивается с каждым днем. Но ее достоверность и необходимость при таких условиях теряются. Постправда, являясь реальностью новой технологической парадигмы, включает в себя истину, которая важна не для всех. Такая истина становится индивидуальной, имеет уникальное значение для конкретного индивида. Так, складывается двоякая ситуация. С одной стороны, в таком мире у каждого есть право на свою собственную правду. С другой стороны, отказ от объективности ведет к чрезмерной субъективности и ограниченному пониманию информации, что ведет к трудностям в эпистемологических процессах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грицанов А. А.* Постмодернизм // Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. 1040 с.
2. *Платон.* Государство. Пер. с древнегреч. А.Н. Егунова . М.: Академический проект. 2015. 398 с.
3. *Ростова Н.Н.* Философская аналитика идеи постправды // Христианское чтение. Философские науки. 2018. №6. С. 130–138.
4. *Якимов А.Е.* Постправда и повседневность. К проблеме определения понятия «постправда» // Философия и культура. 2020. №9. С. 1–8.

ДВУХУРОВНЕВАЯ СТРУКТУРА ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ ПИТИРИМА СОРОКИНА

В. С. Белянин

Научный руководитель: д.ф.н М. П. Завьялова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Типология является одним из основных способов структуризации, упорядочивания и углубления знания в социогуманитарной области. Одной из причин распространенности данного метода, является гибкость, которая лежит в основе его логической структуры, позволяющая его конструировать, исходя из характерных особенностей самих объектов исследования. Следовательно, поскольку автоматически применять ее по образцу опыта естественных наук, откуда она исходно получила свое развитие, мы не можем, то требуется выработка такого подхода, который бы учитывал специфику социогуманитарных объектов. Это требование особенно проблематизируется, когда мы говорим о культурах, которые выделяются своей многообразной структурой, претендуя на статус уникальных, и постоянным изменением, находясь непрерывно в развитии. Ведь в то же время, для достижения понимания, нам необходимо выйти на уровень рационального, общезначимого описания, который бы учитывал общенаучные критерии, и задавал именно систему, а не хаотичный набор описаний. Свой подход, который бы органично зафиксировал два этих уровня в рамках одной модели, предложил философ-социолог Питирим Сорокин.

Важно выделить два понятия, которые составляют основу для системы Сорокина. Первым понятием является «интегрализм», согласно которому культуры как интегрированные многофакторные системы, обладают на уровне всех значимых элементов «логико-смысловым и функциональным единством» [1]. Логико-смысловая и причинно-функциональная интеграция являются средствами, при помощи которых множество сложных и многообразных явлений социально-культурной действительности обращаются в рационально постижимые системы, преодолевая хаос и выстраиваясь в упорядоченность. Но за счет чего обеспечивается эта целостность? За счет «ценности», которая является следующим фундаментальным понятием для философа.

Сорокин пишет: «Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну - главную – ценность» [2.С.429]. Так, за каждым действием в социальной реальности, лежит нечто, исходящее изнутри, опосредованные неким смыслом и ценностями, формирующихся системно, в связи с конкретной установкой каждой культуры. Из такого понимания «ценности» следуют две возможности. Во-первых, обнаруживаются ориентиры и границы познания культур, что позволяет вновь преодолеть кажущуюся хаотичность связей. И здесь же стоит добавить, затрагивая проблему непознаваемости одними культурами других, что обнаружение и понимание этих ценностей, позволит разомкнуть картину мира представителя другой культуры. Во-вторых, принимая ценности как универсальное ядро каждой культуры, мы можем выделить общую для всех структуру и закономерности.

Основываясь на этих, открывшихся, возможностях, Сорокин выделяет два уровня типологии – «горизонтальный» и «вертикальный». Горизонтальный уровень сходится с типологическими картинками Шпенглера, Тойнби, Данилевского. В его основе лежит представление о многообразии и уникальности культур, каждая из которых опирается на собственную ценностно-смысловую установку. Сорокин выделяет ряд условий, сочетание которых в различных комбинациях, влияет на формирование ценностей. Обнаружив это направление ценностей, мы сможем реконструировать ментальную проекцию культуры, обнаруживаемую во всех ее значимых явлениях и движениях. При этом учитывается и изменчивость культур, поскольку такая система открытая, фиксирующая само ядро культуры, вокруг которого совершаются все изменения. Так, этот уровень описывает культуры как локальные, в их действительном проявлении, определяющимися ценностями.

Выделяя вертикальный уровень, Сорокин стремится отобразить те формальные структуры культуры, которые не зависят от конкретного проявления ценностей, но зависят от самой логики, задаваемой ими, а потому этот уровень мы в состоянии распространить на культуры вообще. Другими словами, мы смотрим на развитие ценностной структуры вообще, независимо от особенностей содержания в каждой культуре. Локальность культур, отмеченная на горизонтальном уровне, здесь преодолевается. Сорокин выделяет следующие типы, распространяемые на каждую культуру: идеациональный, чувственный и идеалистический. Типы здесь отождествляются со стадиями развития ценностных установок, которые переживает каждая культура. Общность этой структуры, по Сорокину, есть основание, чтобы вписать локальные цивилизации в процесс всемирной истории. Так, вертикальный позволяет выделить общие закономерности, на основании которых культуры получают общность для выделения и сравнения.

Итак, Сорокин разделяя форму и содержание, опираясь на понятие «ценности», предлагает синтезированный подход, выраженный сочетанием вертикального и горизонтального уровней типологии. Философу удастся совместить две операции: во-первых, обобщения, которое реализовано на вертикальном уровне, позволяя схватить культуру в отношении ее постоянных форм развития, и, во-вторых, деления, как анализа конкретного, представленного уникальностью выражения внутреннего. Таким образом, значение Сорокина заключается в переходе от теоретического обоснования возможности выработки такого подхода, который бы и удовлетворял специфике культурных образований, и учитывал критерии общенаучного знания, к построению конкретной модели такой типологии. Двухуровневая структура и метод интеграции типологии позволяет рассмотреть культуры как в их многообразии, локальности и уникальном выражении, так и сравнительно анализировать эти культуры на основании общих закономерностей вертикального уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сорокин П.А.* Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. 1992. №10. С. 35.
2. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. М.: Политиздат, 1992. 1176 с.

ЭФФЕКТ НАБЛЮДАТЕЛЯ В КВАНТОВОЙ ФИЗИКЕ

В. В. Брайченко

Научный руководитель: к.ф.н. Т.В. Фаненштиль

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Квантовая физика, как самостоятельная наука, возникла в начале XX в. и продолжает активно развиваться в настоящее время, изучая закономерности поведения квантов – наименьших неделимых частей какой-либо величины, энергии. Одним из центральных вопросов квантовой физики остается роль наблюдателя, его влияние на происходящие процессы. В ходе дискуссии по данному вопросу выделилось два направления интерпретации: «копенгагенская» и «антикопенгагенская» (термин А. И. Липкина [3.С.3]). В «копенгагенской» интерпретации, выдвинутой Н. Бором, В. Гейзенбергом, М. Борном, постулировалось, что процессы на квантовом уровне фактически не поддаются точному измерению, ведь любое действие по их измерению накладывает изменения на процессы, и наличие и действия наблюдателя – не исключение. Это явление носит название редукции (коллапса) волновой функции. Сторонники «антикопенгагенской» интерпретации (А. Эйнштейн, Э. Шредингер и др.) считали, что объективная реальность не меняется от наличия наблюдателя [4.С.4].

Положения «копенгагенской» интерпретации определяют, что наблюдатель оказывает значительный эффект на происходящие на квантовом уровне процессы, поэтому должен рассматриваться в единстве структуры наблюдателя и наблюдаемого явления, а не как отдельный и ни на что не влияющий элемент.

Сторонники «антикопенгагенской» интерпретации предлагали иной взгляд на проблему наблюдателя. Они были склонны считать, что существует объективная, не зависящая от наблюдателя реальность, квантовая система, сущность которой может быть определена не одним измерением, а серией, так как состояние системы определяется распределениями вероятности значений соответствующих измеримых величин [4.С.4]. Более того, на этом этапе появляется проблема того, как квантовая механика должна описать сам процесс наблюдения.

Представители «антикопенгагенского» подхода предлагают говорить о полноте квантовой механики и о вероятностном типе описания, применяемом к индивидуальным квантовым объектам, и утверждают, что состояние квантовой системы существует независимо от того, измеряется оно или нет.

Частное следствие этих взглядов – критика редукции волновой функции. А. Липкин утверждает, что данный феномен появляется в ходе измерений, проделываемых человеком сознательно в ходе эксперимента, а не как нечто возникающее само по себе, тем более вследствие ментального воздействия наблюдателя [3.С.3].

После тезисов сторонников «копенгагенской» и «антикопенгагенской» теории вопрос о роли наблюдателя получил развитие у различных исследователей. В частности, следует отметить идеи исследователя Х. Эверетта. По его заключению, процесс измерения не прерывает эволюции волновой функции, она разветвляется при каждом взаимодействии с объектом, создавая отдельные ветви, имеющие свою копию наблюдателя, способного воспринять только один результат измерений. Это явление получило название «квантового расщепления» наблюдателя, когда он оказывается в состоянии суперпозиции, то есть его сознание «расщепляется» на несколько миров, и в каждом из миров оказывается «двойник» [5.С.5].

Влияние наблюдателя на протекающие процессы в терминах квантовой физики рассматривалось также с точки зрения наличия скрытых параметров, которые не могут быть обнаружены через оборудование и влияние которых на эксперимент не может быть объективно оценено, но именно эти скрытые параметры позволяют говорить о целостности системы и детерминированности процессов, а не о неопределенности в закономерности движения частиц.

Попытка решить проблему скрытых параметров поднимается через теорему Белла. Она показывает, что вне зависимости от реального наличия неких скрытых параметров, влияющих на любую физическую характеристику квантовой частицы, можно провести серийный эксперимент, статистические результаты которого подтвердят либо опровергнут наличие таких скрытых параметров в квантово-механической теории.

Изучение вопроса эффекта наблюдателя в квантовой физике, длящееся уже около столетия, позволило прийти к нескольким фундаментальным заключениям. Так, постулируется, что Вселенная представляет собой целостную систему, все части которой находятся в состоянии взаимозависимости. Атомы, составляющие твердую материю, бесконечно делимы, но при этом практически пусты. Следовательно, субатомный мир твердых материальных тел превратился в сложную картину волн вероятности, поставив под вопрос понятие реальности материи, и обратив внимание на ее зависимость от восприятия наблюдателя и других ментальных актов [1.С.1]. В настоящее время вопрос эффекта наблюдателя в квантовой физике остается дискуссионным, а научная картина дополняется новыми экспериментами и выводами, которые могут помочь в развитии фундаментальной науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефимова И.Я.* Проблема сознания в концепциях квантово-релятивистской физики // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. № 6. С. 95–99.
2. *Коваленко В.Ф.* К вопросу об эффекте наблюдателя в квантовой физике // Биомедицинская инженерия и электроника. 2019. №2 (23)..
3. *Липкин А. И.* Миф об особой роли сознания наблюдателя в квантовой механике // Московский физико-технический институт. М. Электронный ресурс. URL: https://mipt.ru/education/chair/philosophy/publications/works/lipkin/philsci/a_3vzyrl.php (дата обращения 12.04.2022).
4. *Павленко А.Н.* Принцип наблюдаемости, «стадия эмпирической невесомости теории» (SEWT), и «конструктивный эмпиризм» (CE) // Вестник РУДН/ Серия: Философия. 2011. № 3. С. 8–21.
5. *Ревунов С.Е. и др.* Проблема связи сознания наблюдателя и квантово-механического описания физической реальности // Вестник Мининского университета. 2019. № 3 (28).

ЭТИКА НАУКИ: ТЕХНОФОБИЯ И НЕОЛУДДИТЫ

К.А. Деянова

Научный руководитель: д.ф.н. И.В. Черникова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Развитие техники не всегда является благом и в истории человечества есть немало примеров, когда безграничная вера в научный разум, «технооптимизм», были не оправданными, подрывались.

Мнение, что технологии несут вред человечеству, высказывалось и прежде. Луддиты появились в XIX веке после того, как был изобретен ткацкий станок в среде профессиональных ткачей, которые остались не у дел и не могли даже устроиться на работу, ведь для работы на станках требовалось меньше рабочих. В ответ они уничтожали станки, впоследствии, таким нарицательным именем стали называть людей, которые выступают против автоматизации, индустриализации, компьютеризации и других способов использования новых, развивающихся технологий в жизни людей [3.С.212].

Такие воззрения на роль техники и технологий в нашей жизни называют также «технофобией». В качестве негативных факторов развития технологий неолуддиты указывают – загрязнение окружающей среды, техногенные болезни человека (как пример, рак), изменение социального взаимодействия, изменение способов управления людьми (государством или бизнесом), а также безработицу и увеличение экономического и политического неравенства. Способы борьбы, которые неолуддиты предлагают – полный отказ от использования новых технологий, разрушение существующих технологий и даже терроризм.

К неолуддитам также относят экотеррористов. Как пример можно привести Теда Качинского – «Унабомбера». Он посылал почтой посылки с бомбами определенным людям, которых считал виновными в развитии технологий, экологических катастрофах. Тед Качинский написал в *New York Times* требование о публикации его «Манифеста» или, если публикации не будет, он продолжит убивать. Его «Манифест» составлен в духе неолуддитов. Там он обвиняет развитие технологий в проблемах общества и предрекает увеличение количества психических заболеваний, уничтожение окружающей среды, деформацию отношений между людьми, а также усиление контроля над человеком со стороны правительства или бизнеса [2].

Но, как говорится, «вместе с водой можно выплеснуть и ребенка». В следующем примере это можно понимать буквально. В 2017 году ученые разработали био-мешок – искусственную матку. Это пластиковый мешок, наполненный специальной жидкостью, в который поместили недоношенного ягненка, к естественной пуповине которого подсоединена искусственная пуповина, через которую недоношенного ягненка питали, а также таким образом поддерживали его кровообращение. На протяжении нескольких недель ягненок нормально развивался. В перспективе био-мешок можно будет применять для недоношенных младенцев человека, что увеличит выживаемость этой группы риска [4].

Прогресс – это двухсторонний процесс. С одной стороны, новые технологии несут добро, способствуют прогрессу в лечении болезней, улучшении условий жизни людей. С другой стороны, новые технологии могут вызывать болезни у людей, например, ГМО потенциально опасны. Загрязнение окружающей среды

составляющим выхлопного газа машин диоксином – сильнейшим канцерогеном, вызывает рак.

У отрицательных сторон прогресса есть причина. Она в том, как эти технологии использует, кто заказывает и оплачивает разработку новых технологий, а не в развитии самих технологий. Важны целевые установки и интересы, которые преследует инвестор, заказчик. Цели позитивные – помощь людям, или негативные – прибыль любой ценой, даже, если это опасно для людей. Тефлон изначально был придуман для военной промышленности, но компания DuPont решила его использовать в качестве антипригарного покрытия сковородок. Через некоторое время компания узнала, что люди, работающие на производстве, часто болеют тяжелыми болезнями и выяснило, что дело в производстве тефлона. При производстве использовалась перфтороктановая кислота, которая является мощным канцерогеном, но это скрывалось больше 30 лет, вероятно, чтобы не потерять прибыль [5].

Таким образом, можем заключить, что технологии сами по себе вреда не несут. Вероятно, инновационные технологии следует развивать параллельно с новыми социально-гуманитарными технологиями, предотвращающими действия, вредящие людям и окружающей среде, как например социальная и экологическая экспертиза, общественные слушания и другие формы гуманитарного контроля [1.С.326].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Р.Г.* Этика. М. КНОРУС. 2017. 356 с.

1. *История Унабомбера.* Газета «Коммерсантъ». №62 (1020). 12.04.1996. Электронный ресурс. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/130838> (дата обращения: 16.04.2022).

2. *Шейнак А.А.* История науки и техники. Материалы и технологии: учеб. пособие. 2-е изд. М. МГИУ. 2007. Ч. 2. 348 с.

3. *Partridge E., Davey M., Hornick M. et al.* An extra-uterine system to physiologically support the extreme premature lamb // Nature Communications. 2017. Vol. 8. P. 15112.

4. *Perfluorochemicals: Potential sources of and migration from food packaging* / Т. Н. Begley, К. White, Р. Honigfort, М. L. Twaroski, R. Neches & R. A. Walker // Food Additives & Contaminants 2005. Vol.22. Is.10. P. 1023–1031.

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА: МНИМОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ДЕМАРКАЦИИ

А.В. Думов

Научный руководитель: д.ф.н. В.И. Кудашов
Сибирский федеральный университет

Вопрос о соотношении философии и науки во множестве различных формулировок транслируется как научно-исследовательскими, так и дидактическими работами. Наиболее опасная форма заблуждения, сопутствующая рассмотрению связанных вопросов – это разграничение философии и науки на основании выделения различных типов мировоззрения. Термин «мировоззрение» не имеет строгого определения, и с учетом его заимствованности из обыденно-психологического контекста оправданность его применения для решения вопросов демаркации отраслей знания вызывает сомнения. В данном случае имеет место неоправданное дробление сферы человеческого познания, которое не может рассматриваться в качестве адекватного выхода из отмеченной О.Г. Ли ситуации, в которой становится неясно, выступает ли исследователь в данный момент с позиции ученого или же философа [5.С.16]. Ситуация осложнена тем, что, начиная от самого истоково применения термина «философия», ему была присуща семантическая неопределенность: образ древнегреческого мудреца-софоса, предшествовавший формированию собственно философского образа, сочетал в себе не только знание о возможностях и границах постижения действительности, но и житейский опыт, тонкости достижения успеха в обиходных вопросах, компетенции этического и аксиологического характера и др. [3.С.84–94]. Однозначно заявить, что философ «возлюбил» под именем мудрости нечто определенное, было невозможно, и притом начиная с первых случаев использования термина «философия».

Необходимо выделить «домен», в рамках которого могут строиться отношения философии и науки с точки зрения актуально сложившихся условий их существования. Прагматика научного знания в гораздо большей степени ясна самим ученым, и исследовательские отрасли обладают собственными механизмами целеполагания. Этика уже долгое время развивается в качестве самостоятельной отрасли, в т.ч. и в аспектах исследования этических проблем науки. Ценностные установки зачастую являются предметом спекулятивных рассуждений и идеологического конструирования, и ничто из этого не может быть оправданно выделено в качестве собственно философской деятельности. Единственной собственно философской задачей является логический и концептуальный анализ научных высказываний, а в широком смысле – исследование способов говорить о познании и постигаемой действительности. Показательным является тезис А.Дж. Айера, согласно которому философия представляет собой отрасль логики [1.С.80]: зависимость философии от логики имеет и предметный (философия исследует рассматриваемые логикой высказывания и их следствия, а также отношения между высказываниями, однако, предмет самой логики значительно шире), и методологический характер (современная философия немыслима без использования логических исчислений и формальных языков).

На философию распространяется и требование достижения определенного уровня теоретической строгости построений, которое реализуется в использовании совокупности того, что Дж.Л. Поллок называет «техническими методами»: теоретико-множественных средств, пропозициональной логики и исчисления

предикатов [6.С.IX]. К этому перечню следует добавить и различные вероятностные и статистические инструменты (пример – байесовская эпистемология), средства математического и компьютерного моделирования, аппараты неклассических логик. Современная философия все больше манифестирует себя как философия точная, строгая, и именно в этом смысле, согласно Д.Фоллесдалу, она по праву должна характеризоваться как аналитическая: эта характеристика – не демаркационное средство для выделения еще одного направления современной философии, а указание на значимое свойство, заключающееся в признании приоритетности достижения доказательности, аргументативности и обоснованности философских построений [2.С.238]. Аналитическая философия – это не очередной «-изм» или множество «-измов» в контексте современной философии, а ясное указание на предметную и методологическую принадлежность философии к сфере научного знания: философия является научной отраслью, связанной с логикой, языкознанием, разделами математики и т. д.

Философия и наука также часто разграничиваются на основании их отношения к постановке вопросов и проблем. Так, существует позиция, согласно которой философия лишь плодит вопросы, тогда как наука их решает [4.С.17]. Ею частично схватывается предметная специфика философского исследования (генерируемые вопросы не решаются, а исследуются философией с точки зрения их формулировок), однако, функциональное отличие философского исследования подменяется его психологическим отличием, тем впечатлением, которое оно может создавать. Как отмечает Ф. Вайсман, философский вопрос подлежит не решению, но устранению (*dissolving*) в результате прояснения значения его содержания, в т.ч. средствами лингвистического и логического анализа [7.С.10]. Философия не плодит вопросы – она исследует ресурсы и возможности самой постановки вопросов. В конечном итоге, имеет смысл говорить о предметном и методологическом отличии философии от иных научных дисциплин, но не о необходимости демаркации философии и науки, проблема которой является мнимой с учетом актуальных тенденций аналитических трансформаций в современной философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айер А. Дж.* Язык, истина и логика. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация». 2010. 240 с.
2. *Фоллесдал Д.* Аналитическая философия: что это такое и почему этим стоит заниматься? // Язык, истина, существование. Томск: Изд-во Том. Ун-та. 2002. С. 225–239.
3. *Фрагменты* ранних греческих философов. Часть I. М.: Наука. 1989. 576 с.
4. *Черепанов С.К.* Философия и наука: стратегия противостояния // Философия науки. 2017. № 3. С. 17–30.
5. *Lee O.H.* Philosophy and Science // Philosophy of Science. 1940. Vol 7. № 1. pp.7–17.
6. *Pollock J.L.* Technical Methods in Philosophy. London: Westview Press. 1990. 126 p.
7. *Waissmann F.* How I See Philosophy. London: Palgrave Macmillan. 1968. 268 p.

ПОНЯТИЕ ПАТТЕРНА В ФИЛОСОФИИ БИОЛОГИИ ЮДЖИНА ТАКЕРА

А.Д. Кручинин

Понятие паттерна в современных биологических дисциплинах является ключевым. Оно используется и для описания физиологических процессов и за счет него ученые выстраивают различные математические модели, необходимые для понимания не только частных биохимических реакций, но и структуризации всего организма.

Основополагающей статьей для данного направления исследований можно считать статью Алана Тьюринга «Химическая основа морфогенеза». За счет математического анализа и сведению всего разнообразия геометрических форм в живом мире к нескольким формулам, описывающих определенную последовательность взаимодействий морфогенов. Эти соединения обладали определенными характеристиками, позволяющим клеткам выполнять внутреннюю генетическую программу, контролируя процесс [3].

Дальнейшее изучение в данной области опираются на опциональное положение живого, как объекта изучения биологии, не выходя за рамки методологической дозволенности, и узкой тематики той или иной дисциплины. Подход, который использовал американский философ Юджин Такер, является углублением в проблематику самого понятия паттерн для преодоления различных онтологических пропастей, аккумулируемых биологией как наукой. Необходимый нам термин и его трактовка рассмотрена в статье «Биофилософия для XXI века». Триада «душа-мясо-паттерн» является ключевой для определения границ живого в рамках онтологии жизни данного автора.

Термин «мясо» - это развертывание заложенных внутренних функций организма и перевоплощение информации в осязаемую структуру. Душа, как Аристотелевское понимание сущности, через ψυχή, постулирует внутреннюю потенцию организма, его стремление к жизни, исполнение внутренней программы. Паттерн – в свою очередь – заключается в информации, заложенной в генетическом коде, в повторении однотипных процессов деления во время развития и формирования. Повторяемость явлений, сводит живое к стабильным, устойчивым структурам предыдущих двух элементов. Выстраивает тем самым иерархичность в организме и в клетке. Эта иерархичность сводится к определенной логике, некой рациональности, сводящей каждое действие к определенным природным законам, свойственных естественным явлениям. Избирательность различных событий в формировании организме, как раз и заключается в следовании паттерна, будь-то белок, или молекула ДНК, что скованны в своей физической структуре, должны осуществлять заложенные в них функции [1].

Приходя к такой рациональности, через конституирование живых систем посредством паттерна, мы можем постулировать, что явление цикличности предусматривает не только наличие положительной связи за счет наличия тех или иных веществ, но и определяет негативный эффект как один из сигналов взаимодействия. Отсутствие паттерна, как набор пробелов в коде, создает морфологию «мяса», чья структура также сопоставима с набором взаимозаменяющих элементов под внешним воздействием. Иллюстрацией такого подхода может служить ландшафт Уоддингтона, где возвышенности отображают маловероятный исход, а

долины определяют необходимый морфотип с наибольшей вероятностью. Тем самым, сами пустоты в пространстве могут формировать необходимую нам модель [2].

В итоге, понятие «паттерн» в философии Такера, может рассматриваться не как отдельный агент или взаимодействие, но и как само информационное молчание, создающее пустоту в пространстве и определяющее структуру, через отсутствие взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Такер Ю.* Биофилософия для XXI века // Логос. 2006. № 4 (55). С.80–95.
2. *Goldberg A.D., Allis C.D., Bernstein E.* Epigenetics: a landscape takes shape // Cell. 2007. Vol. 128. Issue 4. pp. 635–638. DOI: 10.1016/j.cell.2007.02.006
3. *Turing A.M.* The chemical basis of morphogenesis // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological Sciences. 1952. Vol. 237. No. 641. pp. 37–72.

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА ЧЕЛОВЕКОМЕРНОСТИ В ПОСТНЕ- КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

Ю.В. Логиновская

Научный руководитель: д.ф.н., проф. И.В. Черникова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Понятие человекомерности впервые встречается у М.К. Мамардашвили М.К. Петрова [2;5], но в научном познании раскрывается В.С. Степиным в концепции постнеклассической рациональности [8]. Человек выступает субъектом и метасубъектом творческой и научной деятельности, включенным в саморазвивающуюся систему. Культурные универсалии, выявленные В. С. Степиным на основе анализа структуры и динамики сложных систем, составляют суть человекомерности в постнеклассической научной рациональности [9]. С другой стороны, отмечаются индивидуальные, субъективные характеристики человеческого фактора [7].

В работе с человекомерными системами преобладают субъектно-ориентированные и трансдисциплинарные научные подходы, а методической базой становится проектный метод и средовое управление [4]. М.К. Петров писал об изначальной внутренней человекомерности любой научной методологии, выражающейся не только в инструментально-антропологической природе науки, но и через ее этические и ценностные измерения [5]. Лепский В.Е., Романовская Т.Б. также связывают человеческое измерение науки с ценностно-ориентированным целеполаганием и интересубъектными нелинейными взаимодействиями [4;6]. В трактовке концепта человекомерности можно выделить субъектность (интерсубъектность), этическую и ценностную направленность исследований, творческий (нелинейный и конструктивный) характер взаимодействий.

В классической научной рациональности человек как носитель сознания, ценностей и культуры редуцирован к функции средства когнитивного приспособления или приложения к науке, через которое научная идея, цель или польза выражают себя [6]. Постнеклассический этап развития социогуманитарных наук включает параметры творческой активности сознания, через которую проявляются «эмерджентные свойства» системы. Эмерджентность как свойство «внезапного» возникновения новых параметров порядка является одним из атрибутов сложной саморазвивающейся системы. Мышление осмысливается как интегративное эмерджентное качество: «Более сложное мышление (не дихотимическое и не тернарное) усматривает упорядоченное и многомерное пространство жизни и творчески организует ее» [3].

В субъектно-синергетическом подходе в рамках гуманитарной методологии подчеркивается, что человек как субъект несет ответственность за свой выбор в зависимости от степени свободы (самосознания) [1]. На первый план выходит фактор сознания, осуществляющего творчество во взаимодействии и под воздействием внешней среды. Направление эволюции системы осуществляется выбором человека, который способен осознанно создавать варианты этого выбора, что определяется как творческое «жизнеосуществление» [2;3]. При этом человек включается в такую деятельность и среду, где его развитие будет максимально

эффективным и для него, и для системы. Сознание субъекта действует избирательно, исходя из возможностей и альтернатив на основе субъективного знания о себе и о своем месте в мире.

Важный аспект человекообразности составляют несиловые взаимодействия, основанные на синергичных эффектах. Для открытых самоорганизующихся систем такие коммуникативные взаимодействия выступают конституирующим фактором генерирования знания [4]. Если субъект-синергетический подход рассматривает человекообразность как индивидуальное творчество, в результате которого создается новая матрица научного знания, то в субъектно-ориентированном подходе (В.Е. Лепский) субъект выступает главным системообразующим фактором саморазвивающейся системы, а сетевое взаимодействие частных субъектных картин мира образует общую постнеклассическую картину. Не отрицая роль индивидуального творчества, Лепский расширяет понятие человекообразности до интересубъективной деятельности, где субъектом выступает не только человек, но и окружающая среда (принцип двойного субъекта). Субъектная позиция рассматривается как «рефлексивная площадка, оснащенная языковыми средствами для осознания и структурирования им реальности» [4.С.144]. Принцип двойного субъекта подразумевает динамическую трансформацию в виртуального группового субъекта, а погружение в среду позиционно-рефлексивного сотрудничества в групповой деятельности становится конструктивной основой для развития сознания [4].

Таким образом, основное методологическое различие между синергетическим и субъект-ориентированным подходами состоит в характере субъектности творчества и ответственности. В обоих подходах ключевая роль человекомерного измерения отводится творческой активности сознания, благодаря которой осуществляется принцип саморазвития сложных систем в их единстве и конструктивном взаимодействии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов В.А. Человекообразность как регулятивная основа бытия // Таврический научный обозреватель. 2016. № 3 (8). С. 116–120.
2. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Постнеклассическая психология. 2004. № 1. С. 45–71.
3. Клочко В.Е. От слова к мысли: становление сознания в онтогенезе и этапы когнитивного развития // Мир психологии. 2014. № 2 (78). С. 134–148.
4. Лепский В.Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. М.: Когито-Центр. 2019. 340 с.
5. Петров М.К. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. М.: РОССПЭН. 2006. 624 с.
6. Романовская Т.Б. Объективность науки и человеческая субъективность, или в чем состоит человеческое измерение науки. М.: Эдиториал УРСС. 2001. 208 с.
7. Середкина Е.В., Черникова И.В. Гуманитаризация инженерного образования и социальная оценка техники // Технологос. 2015. № 2. С. 37–47.
8. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Мирь. 2009. С. 249–295.
9. Степин В.С. Конструктивные и прогностические функции философии // Человек в мире знания: К 80-летию В. А. Лекторского. М.: РОССПЭН. 2012. С. 71–82.

ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ МЕТОД ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.В.Мединцева

Научный руководитель: М.Г.Подгорная
Южный федеральный университет

Гендерные исследования – это «направление междисциплинарных исследований, объектом анализа которых является гендер как социально-культурный феномен» [5.С.12–14], таким образом, данная область направлена на изучение сходств и различий между мужчинами и женщинами, их роли в сфере труда, экономики, политики и т.д., и речь идет о различиях, которые были сконструированы социально и не относятся к биологическим. Цель гендерных исследований – комплексный анализ механизмов взаимодействия гендеров с учетом возраста, расы, класса и пр. Для ее реализации требуется метод, позволяющий исследовать всю совокупность контекстов, присущих жизни индивида или группы, а также их пересечений.

В развитии областей «на стыке наук» момент формирования методологического инструментария, соответствующего изучаемому предмету, всегда становится переломным, потому что определяет, возможен ли переход области в дисциплину. Методология гендерных исследований совершенствовалась в процессе изменения основного подхода гендерной теории. Женские исследования, (как исток гендерных), были заняты исследованием только женского опыта и видели его однородным для всех женщин, а методология здесь строилась на критике и анализе воздействия патриархата, как фактора, который равноценно воздействует на всех женщин. Современные гендерные исследования – это исследование многообразного опыта и мужчин, и женщин в их взаимодействии. На сегодняшний день поиск метода, в наибольшей степени отвечающего цели гендерных исследований, привел данную область к интерсекциональному анализу.

Насколько интерсекциональный анализ удовлетворяет потребностям гендерных исследований? Способен ли он стать достаточным основанием всего методологического инструментария данной области? Интерсекциональность есть «множественность взаимопересекающихся каузальных условий гендерного неравенства, среди которых особое значение имеет классовая принадлежность, гражданство, раса, этничность, сексуальность и другие» [1.С.62]. Следовательно, интерсекциональный анализ учитывает переплетение различных механизмов неравенства, определяющих социальную позицию индивидов и групп. Ключевые положения интерсекционального подхода: гендерные различия рассматриваются как отношения множественных контекстов: классовых, гендерных, расовых или этнических в их взаимодействии друг с другом; исследовательский фокус смещается от изучения женщин как гомогенной массы к анализу производства и функционирования гендерных практик, таких как фемининность и маскулинность, относительно друг друга. Данный тип анализа подразумевает исследование пересечений механизмов неравенства как матрицы отношений власти. Существующие «механизмы воспроизводства неравенства – экономического, этнического, гендерного – действуют не изолировано, а взаимно обуславливают друг друга, (вос)создавая комплексную матрицу властных отношений и позиций» [2.С.18]. Интерсекциональный анализ позволяет производить многомерное исследование

общественных отношений, учитывая многообразие факторов неравенства и их соотношение между собой.

Кроме того, интерсекциональный анализ имеет несколько методологических ответвлений. Лесли МакКолл выделила три основных варианта: антикатегориальный – исследование строится на анализе дискурса и текстов, т.к. через них выстраиваются отношения власти-подчинения; категориальный – изучение норм и практик, сформированных пересечением механизмов неравенства через эмпирическое исследование; межкатегориальный «картографирование социального пространства с учетом ключевых осей власти» путем сравнительного анализа статистических данных [2.С.26]. Вариативность применения данного метода говорит о возможности подстраивать его под различные контексты, а также распространенности среди исследователей и формировании своеобразной дискуссионной базы внутри гендерных исследований.

Однако интерсекциональный анализ также и критикуется, потому что в его рамках не определено конечное число параметров социальной дифференциации. Основные – это гендер, раса и класс. Но, например, Хельма Лутц выделяет также сексуальность, этническую принадлежность, гражданство, культуру, здоровье, возраст, религию, класс, и отмечает, что даже данный список не является исчерпывающим [1.С.66]. Есть и другое направление критики, оно касается вопроса определения базового типа неравенства или варианта рассмотрения всех типов как равноценных. Таким образом, интерсекциональный анализ не диктует строгих критериев исследования, что при использовании его в качестве фундамента всего методологического инструментария гендерных исследований приводит к их структурной хаотичности и говорит о его неопределенности как метода научного исследования. Отсюда вытекает трудность оценки результатов исследований, полученных путем интерсекционального анализа. Кроме этого, описанное положение дел ставит вопрос о возможности дальнейшей институализации гендерных исследований в качестве научной дисциплины и функционирования в системе научного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* 12 лекций по гендерной социологии : учебное пособие. СПб. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2015. 768 с.
2. *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 5. С. 15–38.
3. *Рузавин Г.И.* Методология научного познания: Учеб. пособие для вузов. М. ЮНИТИ-ДАНА. 2012. 287 с.
4. *Спиркин А.Г.* Метод // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 364 с.
5. Современная западная философия. Энциклопедический словарь / Под. ред. О. Хеффе, В.С. Малахова, В.П. Филатова, при участии Т.А. Дмитриева. М. 2009. С. 12–14.

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БИОГЕНЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА

Е. С. Риль

Научный руководитель: д.ф.н. И. В. Черникова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Биогенетический подход к проблеме природы человека основывается на эволюционной теории Дарвина и требует объяснения различных явлений с точки зрения полезности для выживания вида. Такой подход сталкивается с необходимостью объяснить формы поведения, препятствующие умножению популяции генов, несмотря на инстинктивную природу: гомосексуализм и внутривидовую агрессию.

Один из тезисов о природе агрессии заключается в том, что она имеет спонтанную природу [4]. В индивиде (видовая принадлежность не имеет значения) существует некоторое стремление к агрессивному поведению, которое реализуется при наличии стимула или триггера. В том случае, когда данный стимул или триггер отсутствует, порог для реализации агрессивного поведения опускается, и стимулов для реализации требуется все меньше [4]. Так Лоренц объясняет то, как ссорятся люди, некогда испытывавшие в отношении друг друга теплые чувства. Экспериментально это было доказано опытом на рыбах: если в аквариум поместить пару цихлид с намерением их размножить, то за неимением объекта вымещения агрессии, атакам самца подвергнется «супруга».

Однако среди социальных животных в ходе внутривидовой борьбы очень редки случаи убийства собрата. Хотя внутривидовая борьба является самой ожесточенной по причине того, что потребности внутри вида полностью совпадают, но возможность их восполнить ограничена. В пределах группы каждый индивид важен, поэтому борьба насмерть за главенство в группе неоправданна. В связи с этим К. Лоренц говорит о наличии тормозящих агрессию стимулов. Тормозящие стимулы (ритуалы) направлены не дать истребить виду самого себя в борьбе за эти ресурсы, однако они наличествуют у тех видов, которые обладают инструментами для подобного истребления (когти, клыки и т.д.) [2].

У видов, лишенных таких инструментов, ярко выраженные реакции торможения не сформированы в силу отсутствующего «эволюционного запроса» на остановку насилия. В связи с этим встает вопрос о том, как агрессия не приняла гипертрофированный характер и не привела человечество к самоуничтожению.

Отвечая на этот вопрос К. Лоренц приходит к пространным утверждениям о том, что способность задавать вопросы и отвечать на них предотвратило самоуничтожение человечества [2.С.358]. Апелляция к человеческой разумности не выглядит достаточным утверждением, поскольку возможность предвидеть последствия своих действий проистекает из опыта, что описывает и сам Лоренц на примере с «Каином», который осознает содеянное постфактум. И в отношении маленьких детей, о которых Лоренц также упоминает, схожая логика не работает: среди детей не наблюдается ситуация «всех против всех» [5], хотя внутреннее агрессивное стремление, а порой и внешние факторы, должны способствовать данному положению дел.

Экспериментально доказано, что наблюдение агрессии способствует росту случаев агрессивного поведения посредством выработки гормона тестостерона

[6]. Тестостерон напрямую связан с доминантным поведением, которое выражается через агрессию. Это имеет прямое отношение к видам деятельности, связанным с активной конфронтацией: агрессивные виды спорта, тюремные и военные виды работ. В одном из исследований утверждается, что агрессия может быть стремлением к работе, связанной с доминированием, что свидетельствует о биологической предрасположенности к работе тем же тюремным надзирателем. Однако печально известный Стэнфордский тюремный эксперимент свидетельствует против такой позиции: изначально здоровые люди без садистских наклонностей в роли тюремных надзирателей за неделю превратились в крайне жестоких людей, совершающих пытки заключенных [1].

Если применять метод Лоренца к репродуктивному поведению, которое также должно определяться инстинктами, то и тут мы находим эмпирическое опровержение: гомосексуальное поведение баранов тесно связано с их социальным устройством, построенном на доминировании одного самца над остальными, с чем связан низкий уровень мужских половых гормонов у тех самцов, которые проявляют данное поведение [3].

Можно заключить, что «гидравлическая» модель Лоренца работает, что демонстрирует пример с баранами, однако способ «взрыва» давления в данной модели определяется социальными структурами. Помимо этого, можно согласиться с природной данностью агрессии, в силу ее тесной связи с биохимическими процессами, однако запуск этих процессов зависит от социального контекста, в котором существует индивид.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зимбардо Ф. Дж.* Стэнфордский тюремный эксперимент: что это было, как это началось и что из этого вышло // Развитие личности: научный журнал. Москва. МПГУ. 2016. № 3. С. 212–228.
2. *Лоренц К.* Агрессия, или так называемое зло. Пер. с нем. А. Федорова. М. Издательство АСТ. 2021. 416 с.
3. *Лысов В., Шатнер А., Куренной И. С.* Проблема антропоморфной интерпретации поведения животных в контексте дискуссии об особенностях сексуального поведения человека // Мир науки. Педагогика и психология. 2018. Том 6. № 1. 38 с.
4. *Пилецкий С. Г.* Этологическое видение человеческой агрессивности // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 6. С. 20–25.
5. *Субботина Н. Д.* Естественные и социальные предпосылки человеческой агрессии // Гуманитарный вектор. 2008. №2. С. 14–24.
6. *Шагако Д. С., Курочкина Л. Я.* К вопросу о происхождении человеческой агрессивности (биогенетический подход) // Вестник Воронежского государственного технического университета 2009. Том 5. № 9. С. 182–185.

ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ЗНАЧЕНИЯ ЧУВСТВЕННОГО ОТРАЖЕНИЯ В ПОЗНАНИИ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ПРЕОБРАЗОВАНИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

А.В. Сазанов

Научный руководитель: к.ф.н. Т.Л. Михайлова
*Нижегородский государственный технический
университет им. Р.Е. Алексеева*

Чувственное отражение обладает фундаментальным значением для процессов человеческого познания. Это обусловлено в первую очередь тем, что чувства являются единственным способом непосредственного получения информации. Любая деятельность человека – исследование формы и свойств окружающих объектов, коллективное познание, ориентировка в окружающем мире, практическая деятельность базируются на чувственной основе [1].

Как известно, особая роль принадлежит чувственным образам в музыке, кино, живописи, архитектуре. Вместе с тем, процессы чувственного познания являются одним из наиболее сложных вопросов для изучения. Большое количество удивительно точных оценок чувственному познанию действительности можно обнаружить еще у ученых времен античности. В работах Аристотеля мы видим его представления о темпераменте. Впоследствии эти представления получили научное обоснование и дальнейшие разработки в трудах И. П. Павлова [3].

Широко известны и взгляды на проблему чувственного познания и философов нового времени – Гегеля, Локка, Канта, Декарта. Они рассматривали эту проблему с точки зрения восприятия качественной определенности вещей, «веры» в их существование [4].

Исследователи целыми столетиями изучали механизмы получения человеком знаний о сущности предметного мира, то, каким образом человек способен видеть в окружающих предметах только необходимые признаки. Изучение этих и других вопросов позволит получить ответы на вопрос о том, как человек познает мир [5].

В этой связи и в 21 веке оправдан интерес исследователей ко многим важнейшим вопросам чувственного познания, в т.ч. о соотношении рационального и эмоционально-чувственного познания мира. Эти процессы многократно выступали и выступают объектами рассмотрения различных дисциплин и целых научных школ. Такое пристальное внимание, вероятно, весьма логично, так как чувственная сфера человеческого сознания и познания достаточно интересна и широка и в значительной степени отражает все сферы человеческого бытия [6].

Современные технические возможности буквально пронизывают все сферы общества и все больше интегрируются в когнитивную деятельность человека [2], в т.ч. оказывают влияние и на чувственно-вербальное, эмоционально-чувственное построение окружающей действительности.

Вместе с тем появляется большое количество еще более сложных вопросов, актуализирующих междисциплинарное исследование чувственного познания, в т.ч. в аспекте развития науки и техники. В эпоху технического прогресса во многих научных областях и расширения среды обитания человека [1] появляется необходимость изменения естественных границ чувственного восприятия с помощью различных высокоточных технических средств. Это указывает на то, что

роль сенсорно-перцептивных процессов человеческого познания и практической деятельности все более возрастает. Естественно, что эффективное их осуществление требует дальнейшего мультидисциплинарного изучения и философской рефлексии [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Губанов Н. И.* Чувственное отражение: анализ проблем в свете современной науки. М. Издательский дом «Мысль». 1986. 239 с.
2. *Загоскин, Н. А.* Эпистемология моделирования познавательных способностей человека в науках об искусственном: специальность 09.00.08 «Философия науки и техники»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Загоскина Наталья Андреевна. Вологда, 2007. 129 с.
3. *Милн Л. Д.* Чувства животных и человека. М. Мир. 1966. 302 с.
4. *Мочалов С. М.* Чувственное познание и восприятие реальности окружающей действительности: специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Москва, 2007. 47 с.
5. *Михайлова И. Б.* Чувственное отражение в современном научном познании. М. Мысль, 1972. 279 с.
6. *Ромашина, О. Ю.* Объективация эмоционально-чувственной картины мира в современном английском языке // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 18(137). С. 82–88.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО ЭПИСТЕМОЛОГИИ И КОГНИТИВНОЙ НАУКИ

Д.А. Стельмахов

Научный руководитель: д.ф.н. В.Д. Бакулов

Южный федеральный университет

Проблема сознания, впервые поднимаемая в XVII веке Рене Декартом, в течение нескольких веков являлась полем исключительно философских исследований, однако на сегодняшний день существует огромное количество естественно-научных и социо-гуманитарных дисциплин, исследующих сознание. Особое место занимает междисциплинарный комплекс когнитивных наук, объектом изучения которых выступает познание, его природа и функции. Их формирование проблематизировало современную эпистемологию. Был поднят вопрос о замене традиционной теории познания когнитивными науками, что стало причиной критического самоопределения в самой эпистемологии. Возникли разные подходы и парадигмы: эволюционная эпистемология (И.П. Меркулов), социальная эпистемология (И.Т. Касавин), культурно-историческая эпистемология (Б.И. Пружинин). Однако, по мнению Е.Л. Чертковой, крайне важно «за многообразием исследований и подходов не потерять специфически философскую проблематику, не впасть в «новый позитивизм», когда сугубо философские проблемы заменяются на специально-научные» [4.С.42–43].

Философское осмысление достижений и используемой методологии в области когнитивных наук крайне важно, т.к. оно позволяет выявить общие закономерности и скрытые каузальные связи, а также наметить возможные точки соприкосновения различных научных областей, изучающих функционирование сознания и его взаимосвязь с мышлением и языком. В результате философской рефлексии на существующие проблемы когнитивных наук (*mind-body problem*, объяснение получаемых данных, моделирование сознания, методологические проблемы и т.д.) открываются возможные пути их преодоления.

Для решения этих сложных задач и сохранения своей философской проблематики эпистемологии требуется расширить корпус философского знания и привлечь новые философские направления, одним из которых может выступить феноменология. Основатель феноменологии Эдмунд Гуссерль в определенном плане уже проделывал подобный критический анализ в своей работе «Кризис европейских наук», посвященной развенчанию культа объективности в науке и необходимости учитывать человеческую субъективность в научных исследованиях и их жизненную значимость.

Методология когнитивных наук разнообразна, а исследования носят вычислительный и динамический характер и основываются на построении и анализе моделей, однако они не учитывают роль субъективных переживаний. Субъективность является одной из сущностных характеристик философских исследований. В силу своей специфики феноменология может выступить в качестве связующего звена для разрозненной методологии когнитивных наук, объектом изучения которых выступает сознание, а также позволит сохранить за эпистемологией присущую ей философскую проблематику. В этом заключается ее потенциал. Феноменология не занимается объективированием сознания, а фокусируется на дескрипции (описании) переживаемого в сознании опыта в перспективе «от первого

лица», что является противоположностью когнитивного анализа сознания «от третьего лица».

Эдмунд Гуссерль разработал теорию сознания, согласно которой мы можем исследовать не сознание в целом, а лишь отдельные, но связанные друг с другом, его существенные черты – феномены. Именно на их обнаружение и анализ направлен феноменологический метод. Феномен одновременно выступает в качестве процесса и результата работы нашего сознания.

У нас нет возможности изучать внешний мир через призму исключительной объективности. Когда мы говорим о нем – он всегда уже представлен в нашем сознании «как то, что нами "обмыслено" сообразно со свойствами сознания: как воспринятое, воспомынутое, ожидавшееся, образно представленное, сфантазированное, идентифицированное, различенное, взятое на веру, предположенное, оцененное и т. д.» [1.С.139]. Нам доступны к изучению лишь модусы сознания – восприятие, память, воображение и т.д.

Характерной чертой потока сознания по Гуссерлю является невозможность его математического моделирования, т.к. этому препятствует его же потоковая структура: «Ему присуща особого рода нечеткость феноменальных данностей, которая не поддается исчерпывающей концептуализации. Неточность описания опыта неслучайна, поскольку показывает флуктуации сознания, делающие невозможной их точную понятийную фиксацию вне конкретных конституирующих моментов прожитого опыта» [3.С.71]. Его невозможно объективировать, мы можем описывать деятельность сознания только через то, что ему же и принадлежит, поэтому рефлексивная дескрипция выступает в качестве единственного исследовательского метода.

С помощью интроспективного метода в феноменологических исследованиях удалось получить достаточное количество верифицируемых данных, поэтому есть все основания утверждать, что синтез его результатов и эмпирического анализа сделает возможным научное исследование работы сознания без «иллюзии объективизма и погрешностей «перспективы от первого лица» [2.С.164]. Благодаря своей широкой применимости данный метод может быть успешно внедрен в методологию различных областей когнитивных наук и обеспечит сохранность за эпистемологией присущей ей философской проблематики в исследовании сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего. 2005. 464 с.
2. Литвин Т. В. Время. Восприятие. Воображение. Феноменологические штудии по проблеме времени у Августина, Канта и Гуссерля. СПб.: Гуманитарная академия. 2013. 208 с.
3. Мирошниченко М. Д. Феноменологизация или натурализация? Между философией и когнитивной наукой // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2019. № 1. С. 65–80.
4. *Современные тенденции развития эпистемологии (материалы «круглого стола»)* / Лекторский В.А., Автономова Н.С., Дубровский Д.И., Загидуллин Ж.К., Иванов Д.В., Касавин И.Т., Катунин А.В., Кузнецова Н.И., Левин Г.Д., Пирожкова С.В., Порус В.Н., Пружинин Б.И., Смирнова Н.М., Труфанова Е.О., Черткова Е.Л., Филатов В.П. // *Вопросы философии*. 2018. № 10. С. 31–66.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Е.А. Тунда

Науч. рук.: д.филос.н. И.В. Черникова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Глобальная цифровизация вызвала необходимость переосмысления роли этических концепций в научно-техническом прогрессе [1; 3; 4].

Эпоху цивилизации XX века можно считать *индустриальной*: технически развитая промышленность, производящая орудия и средства производства. Компьютеризация, развитие средств связи и индустриальная эпоха трансформируется в *информационную* – появляется возможность информационного влияния на производство по всей планете. Дальнейшее стремительное развитие технологий приводит к становлению *цифровой* эпохи, цифровые способы хранения, распространения информация, опосредования социальных отношений с помощью программ без участия человека. Технологии привели к радикальной трансформации не только общественной, но и нравственной сферы – морально оцениваемые действия стали приниматься программами. В общественную жизнь вошли риски социальных и нравственных последствий цифровизации: «новый тоталитаризм (в системе больших данных возможности слежки, цензуры, контроля становятся практически безграничными) и новое рабовладение (происходит жесткое социальное расслоение на причастных к новым технологиям и из них исключенных)» [2.С.74–75]. Все эти решения закрепляются с помощью политических, правовых и этических инструментов. Актуализируется этическое регулирование. *Какого рода прикладная этика может оказаться эффективной в этих новых условиях?*

Основу прикладной этики составляет концепция прав человека и в основе этических программ в сфере социальных отношений и в области высоких технологий. Прикладные этики, исходя из общих принципов Всеобщей декларации прав человека 1948 года, должны обеспечить равный доступ к его благам, защитить каждого человека и его многочисленные права как высшее достижение цивилизации.

Этическая проблематика информационной эпохи отличается от таковой в цифровой эпохе. Раньше прикладная этика касалась работников сферы информационных технологий и лишь через их посредство остальных людей, теперь же она взаимодействует с другими видами прикладной этики, где деятельность профессионалов затрагивает все общество [2.С.80]. Происходит освоение новых ситуаций морального выбора, и его успех зависит от способности прикладной этики организовать все связанное с цифровизацией.

Этика цифрового мира касается технологий, опосредующих социальные отношения, поскольку при этом возникают новые ситуации морального выбора, требующие *этичности поведения цифровых систем по отношению к человеку*. Вопрос уже не в нравственности конкретного человека, а в «нравственности программного обеспечения» [2.С.80], его алгоритмов, что требует анализа с точки зрения междисциплинарной непротиворечивости биоэтике, инженерной этике, этике производственных и политических отношений. Требуется глубокое переосмысление многих концепций и определений, в частности, концепции прав человека в цифровую эпоху.

Этика цифрового мира связана с проблемой этического поведения цифровых систем в ситуации, когда их решение касается людей. Цифровые технологии способны анализировать большие данные с такой скоростью, с какой человек это делать не может (не может проверить верность их решений). *Как определить, насколько решения, принимаемые цифровой автономной системой, соответствуют этическим нормам?* Главным вопросом при этом является вопрос понимания того, *в чем заключается этичность решений программ.* Ответа нет, поскольку непонятно, *что именно должно лежать в основе этики цифровых технологий.*

Формализовать мораль невозможно, она не подчиняется законам, основанным на формальной логике. Скажем, правильно ли то, что таковым считает большинство или государство? Моральные нормы, принятые в течение последних более чем двух тысячелетий, невозможно свести к единой непротиворечивой системе.

Моральные проявления имеют аналоговую природу, не соответствующую возможностям логики цифровых программ. Моральные проявления могут меняться сколь угодно постепенно, отражая бесконечное число сочетаний различных эмоциональных состояний человека при совершении того или иного морально оцениваемого поступка. Формальная логика программ может отразить лишь ограниченный список морально оцениваемых ситуаций. Конечно, в природе встречаются случаи дискретного характера хранения, передачи и использования информации. Так «Важнейший для понимания всей современной биологии факт состоит в следующем: наследственная информация – цифровая» [5.С.209]. Французский физик Мопертюи «первым пришел к выводу, что материальная основа наследственности (какой бы она ни была) образована дискретными частицами, которые не смешиваются между собой» [5.С.212]. У моральных же проявлений характер аналоговый, и запрограммировать их цифровым способом нельзя.

Возможно, адекватным толкованием этического поведения является «благоговение перед жизнью» (А. Швейцер)? Но какое именно решение и действие будет благоговением? То есть «хороши» лишь те цифровые системы, которые являются вспомогательными для человека, их логика прозрачна для пользователя, а решения в конечном счете принимает человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова А.В., Игнатьев А.Г., Панова М.С.* Этика в области искусственного интеллекта – от дискуссии к научному обоснованию и практическому применению: аналитический доклад / МГИМО, Центр искусственного интеллекта (Москва, 14-16 октября 2021 г.). М.: МГИМО-Университет, 2021. 26 с.
2. *Беляева Е.В.* Цифровое общество и возможности его этического регулирования // Вестник прикладной этики. 2018. № 52. С. 74–82.
3. Этика и «цифра»: от проблем к решениям / под ред. Е.Г. Потаповой, М.С. Шклярчук. М.: РАНХиГС, 2021. 184с.
4. Этика и «цифра»: Этические проблемы цифровых технологий. М.: РАНХиГС, 2020. 207 с.
5. *Ястребов С.* От атомов к древу. Введение в современную науку о жизни. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 704 с.

ПРИЧИННАЯ ЗАМКНУТОСТЬ ФИЗИЧЕСКОГО МИРА

В МОДЕЛЯХ МЕНТАЛЬНОЙ КАУЗАЛЬНОСТИ Э. ДЖ. ЛОУ

Е.Б. Черезова

Научный руководитель: д.ф.н. Н.В. Головки
Новосибирский государственный университет

Ментальная причинность – это одна из самых обсуждаемых проблем в философии сознания на сегодняшний день [1]. Большую трудность составляет стремление совместить ментальную каузальность и принцип причинной замкнутости физического, не допускающий существования ментальных причин для физических событий. В рамках доминирующего в современной философии физикалистского подхода [2] ментальная причинность чаще всего рассматривается в формах нередуктивного физикализма или эмерджентизма. Хотя в последнее время стала активно обсуждаться и элиминативистская позиция, подразумевающая причинную инертность ментального по отношению к физическому. Наименее распространенной является дуалистская позиция. С точки зрения редкого представителя этого направления Э. Дж. Лоу [4, 6] принцип замкнутости физического вполне совместим с дуалистическими сценариями. На протяжении всей своей карьеры Лоу предложил несколько дуалистических моделей ментальной причинности, которые, по его мнению, должны были соответствовать научно обоснованному мировоззрению: ментальные причины как «способствующие причины», как объяснительные каузальные посредники, и как одновременно возникающие каузальные посредники [5]. Лоу признает, что принцип замкнутости физического требует, чтобы все иницирующие причины нашего поведения были физическими. Далее он утверждает, что это совместимо с наличием причин для наших действий, метафизически отличных от этих иницирующих причин. И как раз ментальные явления подходят на роль таких способствующих причин. Лоу признает, что все наши действия физически обусловлены цепью чисто физических явлений, но при этом ментальное имеет субстанциональный характер. Цепочки физических явлений, например, нейронные взаимодействия в головном мозге человека, вероятно, переплетены в чрезвычайно сложные сети причинных взаимодействий. Причинная же роль ментального состоит в том, чтобы объяснить, почему эти отдельные физические феномены сходятся в этом конкретном действии, делая его неслучайным событием. Ментальный феномен «позволяет» этим цепочкам физических явлений сойтись в результат специфического действия, которое они вызывают, ментальное создает своего рода «воронку» схождения. Тем самым объясняется, почему происходит действие, которое в отсутствие ментальных явлений представлялось бы вызванным физическими явлениями как необъяснимая странность или как случайное событие. Точно так же наши действия иницируются сложным взаимодействием нейронных цепочек, но эти явления координируются в направлении сходимости к этому конкретному действию, а не к какому-либо другому действию или, возможно, вообще к отсутствию действия, благодаря ментальной причине действия. С. Гибб, интерпретируя Лоу, указывает, что физические явления являются достаточными причинами событий для последующего действия, но что ментальное явление вызывает тот факт, что эти причины событий сходятся в этом конкретном действии, поэтому следует различать два вида причинности: причинность события и причинность

факта [3]. В случае преднамеренного действия физические явления вызывают событие реализации действия, а психические явления вызывают тот факт, что эти физические явления вызывают событие реализации действия. Такое объяснение дуалистических ментальных феноменов как способствующих причин, однако, по-прежнему требует отрицания либо причинной замкнутости физического, либо принятия систематической сверхдетерминации, что является второй большой проблемой понимания ментальной причинности. В целом, хотя изолированные дебаты о том, могут ли факты быть причинами продолжаются и весьма запутанны, причинность фактов должна иметь сходство с известными причинными отношениями, если ее вообще можно считать причинностью. Таким образом, остается совершенно неясным, как ограничение причинной роли ментальных феноменов реализацией фактов, а не феноменов, поможет обосновать дуалистический подход к ментальности. В более поздней работе Лоу предложил рассматривать ментальные феномены как каузальных посредников, имеющих достаточно собственных физических причин. Стоит отметить, что сам Лоу достаточно пренебрежительно относится к таким моделям ментальной причинности, которые угрожают свести каузальную роль ментального к объяснительной. Такие модели сводятся к признанию того, что ментальное не играет реальной каузальной роли, но является удобным языком описания поведения человека, Лоу, как он утверждает, что по сути, это означает нереалистичский взгляд на каузальные и онтологические состояния ментального. Главный недостаток моделей Лоу заключается в том, что они не затрагивают центральный вопрос моделей дуалистической ментальной каузальности. Как могут дуалистические ментальные явления вызывать физические следствия, если эти физические следствия уже физически обусловлены чисто физическими явлениями? Учитывая, что эти эффекты необходимы, кажется, что ментальные феномены не могут иметь никакого значения для их возникновения. На этот вопрос нельзя ответить, просто переосмыслив ментальные феномены как способствующие или опосредующие причины. Без убедительного ответа на этот центральный вопрос предложения Лоу мало помогают в защите дуалистического взгляда на ментальную причинность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Barry L.* Mental Causation // *Routledge Encyclopedia of Philosophy (Volume 6)* / General editor: Edward Craig. London: Routledge, 1998.
2. *Bourget D., Chalmers D. J.* What Do Philosophers Believe? // *Philosophical Studies*. 2013. V. 170 (3). pp.465–500.
3. *Gibb S.* The causal closure principle // *Philosophical Quarterly*. 2015. Vol. 65(261). pp. 626–647.
4. *Lowe E. J.* Self, agency, and mental causation // *Journal of Consciousness Studies*. 1999. V. 6(8). pp. 225–239.
5. *Lowe E. J.* *Subjects of Experience*. Cambridge University Press, 1996.
6. *Lowe E. J.* Causal Closure Principles and Emergentism // *Philosophy*. 2000. V. 75 (4). pp. 571–585.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЛОГИКА

«ТРЕБОВАНИЕ БАЗОВОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ БЕРНАРДА УИЛЬЯМСА¹

А.З. Ананьева

Научный руководитель: к.полит.н. А.Ф. Яковлева

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Политическая философия Бернарда Уильямса содержит ряд оригинальных понятий и концепций, которые важны не только в том контексте, в котором автор их использует, но и способны выйти за его пределы в качестве контраргументов для ряда иных политических идей и теорий.

«Требование базовой легитимации» (*basic legitimation demand*) – основополагающий аргумент политической концепции Бернарда Уильямса, позволяющий осмыслить, в первую очередь, положения его собственных изысканий в политической философии [1], критиковать ряд других полноценных политических теорий, как например, теорию справедливости Джона Ролза [4], а также продвигаться в актуальных дискуссиях о политическом реализме, в частности, в вопросе о возможности существования отдельной политической нормативности [2].

Что представляет собой так называемая «базовая легитимация» и к чему предъявляется «требование»? В действительности это иначе сформулированный вопрос об обосновании политической власти над индивидами, образующими социальное множество – чаще всего речь идет о гражданах государства. Это необходимое уточнение, поскольку «требование базовой легитимации» может быть предъявлено не только государству в привычном понимании, но еще и региону с особым статусом, штату, или союзу государств, и этого теоретически нельзя исключать. При этом Уильямс использует наиболее понятный пример с гражданами типичного государства. Так, политическая власть над гражданами в государстве обоснована в том случае, если каждый гражданин не просто признает правомерность власти над ним, а что еще более принципиально для того, чтобы власть была легитимной, согласно условию Уильямса, – ясно понимает смысл установленной над ним власти, поскольку «принуждение, представленное просто в качестве силы принуждения, не может само по себе обосновать использование этой силы» (*перевод с англ. – А.А.*) [5.С.5–6].

Неотъемлемой частью и предварительным условием возникновения «требования базовой легитимации», без выполнения которого политическая власть в государстве не образует смысла (*make sense*) для его граждан, является, согласно выражению Уильямса, решение «первого политического вопроса» (*the first political question*), что означает приобретение государством свойств политического института. Уильямс эксплицитно рассуждает в традиции гоббсовской

мысли и определяет «первый политический вопрос» в гоббсовских терминах – то есть «как вопрос обеспечения порядка, защиты, безопасности, доверия и условий кооперации» [5. P.3]. Первостепенность вопроса заключается не столько в том, что, обеспечив социальный порядок, можно приступить к принятию более частных политических решений, а в том, что обеспечение условий социального порядка и безопасности нуждаются в постоянном поддержании.

Представим, что *A* – решение «первого политического вопроса», т.е. государство со всеми его атрибутами, позволяющими обеспечить социально-политический порядок, а *B* – выполненное «требование базовой легитимации». Согласно Гоббсу, $A \rightarrow B$, то есть *A* достаточно для *B*, а для *B* необходимо *A*.

Однако Уильямс в отличие от Гоббса настаивает на том, что решение «первого политического вопроса», пусть и необходимо, но недостаточно для выполнения требования легитимации, поскольку, во-первых, «первый политический вопрос», как свидетельствуют исторические примеры, может быть решен и в нелегитимном государстве, во-вторых, цель решения (т.е. государства) – защита граждан от любого рода террора, однако нелегитимное государство, в свою очередь, может его инициировать, и в таком случае решение становится частью той же самой проблемы, на которую оно направлено.

Одна из проблем, которую Уильямс стремится продемонстрировать и одновременно решить аргументом о «требовании базовой легитимации» – теоретико-методологическая проблема приоритета морального над политическим. Например, в концепции Ролза [3] источником базовой политической легитимации служат принципы, согласие с которыми граждане способны признать разумным исходя из моральных убеждений, что в понимании Уильямса, и является главной ошибкой, которую допускают авторы сразу нескольких либеральных теорий. При этом безопасность, порядок, защита и кооперация – явления, возникающие исключительно в пределах проблемного поля политики, соответственно «требование базовой легитимации» может использоваться в качестве контраргумента тому, что отправной точкой политического порядка может быть исключительно моральная нормативность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90085 «Политическая философия Бернарда Уильямса (1929–2003)». The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-311-90085 “Political Philosophy of Bernard Williams (1929–2003)”.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hall E.* Bernard Williams and the Basic Legitimation Demand: A Defence. *Political Studies*. 2015. Vol. 63. № 2. pp. 466–480.
2. *Hope S.* Political Philosophy as Practical Philosophy: A Response to “Political Realism”. *The Journal of Political Philosophy*. 2020. Vol. 28. № 4. pp. 455–475.
3. *Rawls J.* *A Theory of Justice*. Cambridge, 1971. 562 p.
4. *Sleat M.* *Liberal Realism: A Realist Theory of Liberal Politics*. Manchester: Manchester University Press, 2013. 200 p.
5. *Williams B.* *In the Beginning was the Deed: Realism and Moralism in Political Argument*. Princeton University Press, 2005. 174 p.

РАЦИОНАЛЬНОЕ В ТРУДАХ ФОМЫ АКВИНСКОГО И МЕЙСТЕРА ЭХХАРТА

Е.В. Быков

Научный руководитель: д.ф.н. Е.В. Афонасин
Новосибирский государственный университет

Средневековая философия до сих пор остается недостаточно исследованной в историко-философских трудах. Большая часть современных исследований направлена на изучение теологической составляющей средневекового мировоззрения. Вместе с тем в данный исторический период происходит разработка фундаментальных философских концептов, которые получают развитие в последующие исторические периоды. Одним из таких концептов является рациональность.

Долгое время Средние века представляли перед исследователями как иррациональный и антиинтеллектуальный период в истории. Однако именно в Средние века интеллект начинает занимать главенствующее место в истории западной философии [2]. Наиболее влиятельным средневековым схоластом стал Фома Аквинский. Ему удалось адаптировать философию Аристотеля к христианской догматике, тем самым рационализировав ее. Кроме этого ему удалось развить многие философские идеи Аристотеля, включая идею рациональности.

В философии Фомы Аквинского рациональность развивалась, прежде всего, в рамках энтелехиальной концепции души. Опираясь на трактат Аристотеля «О душе» и его арабских комментаторов, Фома Аквинский разработал представление о душе, адаптированное к христианскому вероучению. Вслед за Аристотелем он понимает душу как энтелехию естественного тела, то есть как актуализированную потенцию тела с органами. При этом каждый орган тела соотносится с определенной способностью. Поэтому в философии Фомы Аквинского душа тесно связана с телом. Однако способность к рациональному мышлению не связана с конкретным органом, поскольку в таком случае он был бы смертен. Фома Аквинский различает душу и ее способности, что обеспечивает бессмертие интеллектуальной души, включающей в себя виртуально все прочие способности [1].

В философии Фомы Аквинского тесная связь тела и души обеспечивает тесную связь между эмпирическим познанием и рациональным познанием. Рациональное познание не способно полноценно функционировать без эмпирических данных. При этом интеллект делится на активный интеллект и потенциальный интеллект. Из органов чувств эмпирические данные попадают в потенциальный интеллект в качестве фантазмов. Затем активный интеллект абстрагирует универсальные формы мышления из фантазмов, очищая их от индивидуального содержания. После это активный интеллект передает их потенциальному интеллекту, который впоследствии оперирует данными универсалиями.

Мейстер Экхарт долгое время был последователем Фомы Аквинского. Но затем он обратился к мистике, разработав свое собственное учение. Он отказался от энтелехиальной концепции души Аристотеля, поскольку данная концепция отделяла человека от Бога. Эмпирический опыт и самодостаточное рациональное мышление вытесняли божественное из познания. Кроме этого в рамках данной концепции души человек не мог познать сущность своей души, что решало его

всего многообразия внутреннего опыта. Поэтому Экхарт обратился к августиновскому пониманию души. Августин разработал альтернативное представление о душе, основываясь на платонической традиции. В рамках данной концепции душа человека была менее связана с телом. Кроме этого в августиновской концепции души было возможно интроспекция и познание Бога через себя [3].

Экхарт критически относился к эмпирическому познанию. Согласно его учению, эмпирические данные мешают подлинному интеллектуально-мистическому познанию. Попадая в душу, они закрывают от человека его глубинную разумную природу. Поэтому необходимо отрешиться от всего внешнего, чтобы чувственные данные не попадали в глубинную часть души, тем самым мешая самопознанию. Погружаясь в глубины своей интеллектуальной души человек должен отказаться от всего эмпирического и множественного. Человек должен отказаться даже от Троицы, чтобы достичь самопознания и богопознания. В учении Экхарта самопознание тождественно богопознанию. Это обусловлено тем, что глубинная интеллектуальная природа человека тождественна глубинной интеллектуальной природе Бога. Поэтому познавая свою собственную суть, мы можем познать природу Бога.

Таким образом, мы можем обнаружить две альтернативные концепции рациональности в Средние века. В интеллектуальной концепции души Фомы Аквинского рациональное познание неразрывно связано с эмпирическим познанием. При этом его суть заключается в способности абстрагировать универсальные формы мышления, тем самым обретая знания о мире без соучастия Бога. В рамках данной концепции интроспекция невозможна. В концепции души Мейстера Экхарта, основанной на платонизме, рациональное познание радикально противопоставлено эмпирическому познанию. Только интроспекция способна привести к подлинному знанию, поскольку богопознание есть самопознание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вдовина Г. В.* Рецепция аристотелевской науки о душе в средневековой философии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. № 3. С. 11-23.
2. *Grant E.* God and Reason in the Middle Ages. New York: Cambridge University Press, 2001.
3. *Pasnau R.* Human Nature // The Cambridge Companion to Medieval Philosophy / Cambridge University Press, 2003. P. 208-230.

ТРАНСГУМАНИЗМ И ПОСТЧЕЛОВЕК

М.А. Ветус

Научный руководитель: к.ф.н. Е. Н. Суханова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Термин «трансгуманизм» впервые был упомянут в 1957 году английским биологом Джулианом Хаксли. Определяется он как философская концепция, а уже, впоследствии, международное движение, которое поддерживает применение научных и технологических разработок для улучшения физического и умственного состояния человека, при этом избавления его от страданий, различных болезней и др., то есть тех факторов, которые препятствуют нормальному и долгому человеческому существованию. В своем труде «Новые бутылки для нового вина» Хаксли пишет: «Человеческий вид может, если захочет, преодолеть себя – не по отдельности... но в своей совокупности, как все человечество. Нам нужно дать имя этой новой вере. Возможно, трансгуманизм подойдет: человек остается человеком, но преодолевает сам себя посредством понимания новых возможностей человеческой природы... “Я верю в трансгуманизм”»: однажды наберется достаточно людей, которые действительно смогут сказать это, тогда человеческий вид будет на пороге нового состояния бытия, отличающегося от нашего так же, как наше – от пекинского человека. Это, наконец, и будет осознанным выполнением нашей настоящей судьбы» [2.С.17]. Одной из идей трансгуманистов является избавление от такого процесса как эволюция, в пользу следующей ступени развития, которую человек контролирует самостоятельно, к примеру, некоторые из последователей данного движения высказывались о криогенной заморозке собственного тела для того, чтобы “проснуться” в обществе более высокого научного развития.

С понятием трансгуманизма непосредственно связано понятия трансчеловека и постчеловека [1]. Первое представляет собой человека в переходной стадии, то есть человека, который готовится стать постчеловеком, но, по каким-либо причинам еще им не является. Последнее представляет собой результат различных научных вмешательств, делающих человека невосприимчивым к болезням, старению и смерти. Такой человек имеет на порядок высокие умственные и физические показатели, по сравнению с обычным человеком. Трансгуманисты называют таких людей новой расой, способной заменить привычное нам человеческое общество не только в физическом, но и в виртуальном мире, посредством создания таких особей с помощью искусственного интеллекта. Создание такого человека будет оправдано развитием нанотехнологий, генной и биологической инженерии и другими науками.

С появлением такого направления появляются не только основные цели и задачи, но и проблемы, решение которых важно для современного общества. Основной целью трансгуманизма является совершенствование человека с помощью применения инновационных технологий, однако для ее успешного осуществления так же необходимо решить некоторые задачи. Основными из них являются постоянное совершенствование и следование технологическому прогрессу, устранение различных этических и нравственных проблем, возникающих на почве внедрения инновационных технологий и др. Наряду с этим существуют

проблемы, а точнее угрозы, которые тесно связаны с технологическим прогрессом: презрение к обычному человеку, ввиду его недостаточной умственной и физической развитости, появление проблемы социального разделения и угрозы некоторым политическим режимам, например демократии, так как постчеловек может не считаться с мнением обычного человека, считая его умственную деятельность узконаправленной и недалеконивидной. В качестве основного аргумента в пользу трансгуманизма приводится нерешенность основной цели этого направления, однако некоторые трансгуманисты, в ответ, оперируют основным принципом направления, говорящем о том, что человек обязан развиваться не только с помощью эволюции, но и любыми другими возможными способами. Эволюция в качестве основной движущей силы использует естественный отбор, позиция же трансгуманизма говорит о том, что тот, кто не эволюционирует, должен уступить место для другого. Большинство трансгуманистов при этом не разделяют позицию, описанную выше, так как считают, что по ходу развития технологического прогресса выделяемых благ хватит всем людям.

Идеи трансгуманизма являются довольно распространенными в наше время, и, насколько современное общество будет вовлечено в эти идеи, настолько скоро мы приблизимся к эпохе трансчеловека. Научно-технологический прогресс не стоит на месте: он непрерывно развивается семимильными шагами, как раз благодаря ему, жизнь человека претерпевает резкие изменения в последние годы. Целью трансгуманизма является усовершенствование человека, его способностей и возможностей: избавление от болезней, старости уже не кажется чем-то недоступным. Трансгуманизм как идеология несет в себе идею трансформации обычного человека в сверхчеловека, который в разы превосходит в своей деятельности обычного человека. Однако многие люди так же не согласны с данной идеей, так как считают, что человек превратится в не-человека, а человечество - в не-человечество. Технологии заменят человека как такового, в нем не останется ничего природного, то есть того, что делает его человеком в обыденном понимании. Не станет ли данная идея причиной конфликта на локальном или мировом уровне человека и постчеловека?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Российское трансгуманистическое движение*. Электронный ресурс: URL: <http://transhumanism-russia.ru> (дата обращения 11.04.2022).
2. *Huxley J. New Bottles For New Wine*. London: Published by Chatto and Windus LTD. 1957. 313 p.

СИМВОЛИЗМ И ДЕКАДЕНТСТВО: ЭВОЛЮЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

Я.А. Дмитриев.

Научный руководитель: к.ф.н. И.А. Эннс.

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Любой художественный текст мы можем рассматривать с точки зрения его смысловой значимости, образующей картину мира, отражающую представления о мире реальном в конкретную историческую эпоху. Соответственно, он обладает определенной семантической структурой, рассматривая которую мы можем оперировать смыслами текста. Под семантической структурой текста мы будем понимать «ассоциативно-семантическую сеть, отражающую связи и отношения между реализованными в тексте лексическими и грамматическими значениями слов, фразеологизмов, предложений. Семантическая структура текста основана на правилах языкового кодирования и отражает языковую и когнитивную информацию» [3]. Вследствие развития социокультурной среды, литературных традиций изменяются и способы построения художественных текстов. Тогда возникает закономерный вопрос: «каким образом изменение элементов семантической структуры текста влияет на восприятие картины мира?» Для наглядности мы будем рассматривать изменение структур внутри традиции русского символизма: ранний символизм (далее – декаденты) и зрелый символизм (далее – символисты), так как, на наш взгляд, в рамках одной поэтической школы возможно наиболее наглядно изучить эволюцию семантических структур и ее влияния на дальнейшее развитие поэтики.

Поэтика декадентов пыталась выстроить универсальную систему, состоящую из классификаторов, под которые подводились все вещественные явления реального мира. Вследствие чего образовывалась референтная пропасть между словом и предметами, к которым они отсылали. «Предполагалось, что все проявления реальности могли быть описаны с помощью сравнительно немногочисленных комбинаций универсальных терминов» [4. С. 65]. Декаденты порывают с будущим и прошлым из-за того, что каждая частица мира – не более, чем звено в бесконечной цепочке явлений, запущенной неизвестно когда. Есть только сейчас, приравняемое к вечности, бесконечности и т.д. Соответственно и поэтика выстраивалась вокруг вечных, зачастую эзотерических образов природы, смерти, лирического героя и всего, что его окружает, что в поэзии Сологуба возводилось в крайнюю степень. «Дай мне в одну только ночь/Слабость мою превозмочь /И в совершенном созданье одном /Чистым навеки зажечься огнем» [5]. Суммируя описанное, мы видим, что декаденты постулируют застой истории, концентрацию на постоянных признаках реальности. Ввиду этого они переводили временные категории в пространственные.

В свою очередь символисты под влиянием русско-японской войны 1905 г. были возмущены таким положением традиции. Основой своей поэзии они считали музыку, которая по природе своей динамична и конструирует значение ассоциативным путем. «В музыке нам известна система S, а D возникает в виде ассоциативных реакций на эту систему – D ассоциируется с S» [1.С.66]. S предстает целокупностью означающих, а D целокупностью денотатов. Из-за чего в поэзии

символистов форма и порядок слов довели над их изначальной семантикой. Поэтому интерпретационная амплитуда становилась большой настолько, что это могло приводить к информационной опустошенности текста. Вообще, само понимание Слова у символистов были иным. Под воздействием Ф. Ницше, В. Соловьева, А. Потебни и др. было выработано неоплатоническое представление о природе Слова, его связи с идеальной реальностью [2.С.20]. Отсюда следует и склонность символистов к мифопоэтике. Обращение к идеальному миру мифа посредством природы слова и музыкальная ориентированность поэтики превращали тексты поэтов в своего рода путь от утерянного божественного и мистического к будущему, которое предстоит организовать. Сам поэт превращается в теурга, способного воздействовать на реальность благодаря связи с высшим миром.

Декаденты переводили время в область пространства, так как, по их мнению, есть только настоящее, которое не обладает антитезой, соответственно и перемещение возможно только в пространстве. Символисты совершали обратное действие: пространство утрачивало свое значение, существует только динамическое преобразование временного характера, характерное музыке. Музыка всегда находится в динамике, как и время, соответственно для того, чтобы облачить временные преобразования в слово необходимо соответствовать музыкальному построению фраз. Из этого для символистов следует неизбежность движения истории вперед и необходимость осмысления будущего.

Таким образом, изменение понимания Слова, построения внутритекстовых элементов, отношения пространства и времени позволило зрелому символизму посредством поэзии отобразить иное представление о действительности. Эти преобразования позволили следующим поэтам отойти от мифической направленности символизма и погрузиться в дальнейшее осмысление Слова и построение будущего России. К примеру, поэзия В. Хлебникова изобилует неологизмами, ища новые обозначения конкретным референтам реального мира, а послереволюционная поэзия Маяковского преисполнена уже материалистическими представлениями о том, какой должна стать страна советов, и призывами к непосредственному действию; своего рода поэтический демиург.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаспаров Б. М.* Некоторые аспекты семиотической ориентации вторичных моделирующих систем // *Semiotyka i struktura tekstu*. Wrocław - Warszawa - Kraków - Gdansk, 1973.
2. *Голдберг С.* Мандельштам, Блок и границы мифопоэтического символизма; авториз. пер. с англ. В. Третьякова. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 344 с.
3. *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов. Электронный ресурс: URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/3491/семантическая_структура_текста (дата обращения: 13.04.2022).
4. *Смирнов И. П.* Смысл как таковой. СПб.: Академический проект, 2001. 352 с.
5. *Сологуб Ф. К.* Скучная лампа моя зажжена. Электронный ресурс. URL: <https://www.culture.ru/poems/22360/skuchnaya-lampa-moya-zazhzhena> (дата обращения: 15.04.2022).

**КРИТИКА Ф. РАМСЕЕМ
«ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОГО ТРАКТАТА»**

Н. Н. Дремлюгов

Научный руководитель: д.ф.н. В. А. Суровцев

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В 1923 году выходит статья английского математика, логика и философа Ф. Рамсея, посвященная «Логико-философскому трактату» Л. Витгенштейна. Среди прочего, в данной статье Рамсей детально разбирает витгенштейновское понимание тавтологии, противоречия и элементарного предложения, а также высказывания о цвете. Во многом, критическая позиция Рамсея по этим вопросам привела Витгенштейна к модификации системы «Логико-философского трактата», что отразилось в статье «Некоторые замечания о логической форме», написанной Витгенштейном в 1929 году. Задачей же настоящей статьи будет выяснение того, в чем суть критики Рамсея, а также ее оценка.

Согласно «Логико-философскому трактату», признаками элементарного предложения является то, что (а) оно не разложимо далее и (b) оно не может противоречить любому другому элементарному предложению. Соответственно, если мы наблюдаем противоречие, то это означает, что среди противоречащих друг другу частей предложения хотя бы одна является сложной. В качестве примера противоречия Витгенштейн избирает следующее предложение: «Например, для двух цветов невозможно находиться одновременно в одном и том же месте в поле зрения, и именно логически невозможно, так как это исключается логической структурой цвета» [1.С.210]. Запишем эти два противоречащих предложения так: VPT и RPT , где под «V» и «R» мы будем понимать определенные цвета, под «P» – некоторое место, а под «T» – какое-либо время. Итак, эти предложение VPT и RPT – сложные, и они противоречат друг другу. Теперь следующее важное дополнение Витгенштейна: «Рассмотрим, как изображается это противоречие в физике. Примерно так: частица не может в одно и то же время обладать двумя скоростями, то есть она не может быть в двух местах в одно и то же время, то есть частицы в разных местах в одно и то же время не могут быть тождественными» [1.С.210].

Спрашивается, что здесь не так?

С точки зрения Рамсея, совершенно неясно, каким образом такого типа суждения, как VPT и RPT могут быть разложимы без апелляции к нашим физическим представлениям [3.С.73]. Ведь, как кажется, Витгенштейн основывает свой анализ на физической теории, говорящей, что цвет состоит из частиц, а потому и может быть разложен. Если так, то автор «Логико-философского трактата» подменяет логический анализ анализом физическим.

Второе же возражение Рамсея касается противоречивости такого суждения как $VPT \& RPT$ [3.С.73]. Действительно, если такое суждение логически невозможно, то это значит, что оно является противоречием. Однако противоречие может быть показано посредством истинностных таблиц. Но как это сделать в случае $VPT \& RPT$? Ведь оно не похоже на формальную тавтологию.

Стоит начать с того, что первым возражением Рамсей не попадает в точку, так как Витгенштейн и не предлагал анализировать цвет с помощью физической

теории; скорее, он лишь демонстрировал, как выглядит это противоречие в физике. Противоречие же в данном случае возникает из-за особенностей логической формы цвета, определяющей то, как цвет входит в различное описание фактов. Но в чем Рамсей оказался прав, так это в том, что Витгенштейн, в любом случае, так и не показал, как предложения типа ВРТ могут быть проанализированы.

Второе же возражение действительно расшатывает витгенштейновский тезис о том, что любая невозможность есть невозможность логическая и потому является формальным противоречием. В таком случае, мы либо должны дополнить символизм «Трактата» такой нотацией, которая будет корректно отображать и суждения по типу ВРТ, либо же нам следует признать, идя против интуитивных и естественнонаучных представлений, что суждения этого типа противоречиями не являются. Впрочем, Витгенштейн выберет первый путь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Канон + РООИ Реабилитация, 2008. 288 с.
2. *Витгенштейн Л.* Некоторые замечания о логической форме (1929) // Витгенштейн Л. Дневники 1914-1916 / под общ. ред. В.А. Суровцева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009. С. 321–330.
3. *Рамсей Ф. П.* Критические заметки о «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна // Логика, онтология, язык / сост., пер. и предисл. В.А. Суровцева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 63–80.

УБЕЖДЕНИЕ И СТЕПЕНЬ РАЦИОНАЛЬНОЙ УВЕРЕННОСТИ: СТРАТЕГИИ ПОНИМАНИЯ СВЯЗИ ПОНЯТИЙ

А.В. Думов

Научный руководитель: д.ф.н. В.И. Кудашов
Сибирский федеральный университет

Одним из основополагающих понятий байесовской эпистемологии является степень рациональной уверенности (degree of rational belief, также credence) – показатель убежденности эпистемического агента в содержании некоего высказывания /положении дел, получающий вероятностное выражение и представляемый числовым значением в диапазоне $[0,1]$. Операциональное по своему характеру понятие степени рациональной уверенности формирует соответствующую (имеющую формальный характер) эпистемологическую модель, и возникает вопрос об отношении эпистемологии степеней уверенности к эпистемологии убеждения, иными словами, вопрос о том, как соотносятся понятия belief и degree of rational belief. Этот вопрос фактически представляет собой один из аспектов проблемы соотношения байесовской эпистемологии и контекста традиционных эпистемологий, от которого байесианцы обособляются теоретически. В конечном итоге, решение данного вопроса может рассматриваться как вариант обоснования байесовской эпистемологии.

Достаточно обстоятельно общие стратегии понимания соотношения убеждения и степени уверенности классифицированы Э. Джексоном [4.С.2–7]. Ею выделяются элиминативные, реалистические и дуалистические стратегии. Элиминативные стратегии предполагают исключение одного из явлений из обсуждения: так, для некоторых байесовцев, отстаивающих радикальный пробабиллизм (классический пример – Р. Джеффри) исключение существования убеждений основано на признании за убеждением статуса обыденно-психологического понятия [5.С.210]. Элиминативизм в отношении степеней уверенности чаще всего предполагает признание таковых чрезмерно сильными идеализациями реальных эпистемических состояний агентов. Подобный подход обнаруживается в работах Р. Холтона.

Наиболее распространенными являются реалистические стратегии понимания, предполагающие редукцию убеждений к степеням уверенности (максимальным либо достигающим установленного порога, о числовом значении которого ведутся активные дискуссии). На базе реалистических стратегий формируется и одно из значимых обсуждаемых нормативных условий, предъявляемых к пониманию связи между убеждением и степенями уверенности – «тезис Локка». Впервые данный тезис сформулирован Р. Фоули: убеждение субъекта S в (пропозиции) P является рациональным только в том случае, если S имеет степень рациональной уверенности у в (пропозиции) P, и $u \geq x$, где x – установленное пороговое значение степени рациональной уверенности [2.С.38]. Фоули признает, что «тезис» не был постулирован Локком в прямом смысле этого слова (и это очевидно любому, кто знаком с содержанием работы Локка), но он «вдохновлен» аспектом содержания 15 и 16 глав IV книги «Опыта», а именно – присутствующим «намеком» на то, что любое рассмотрение убеждения может быть сведено к вопросу об общем способе классификации уверенности эпистемического агента в некоем положении. Возможно, «тезис» непосредственно основан на следующем указании

Локка: «Если ум хочет двигаться вперед разумно, он должен, прежде чем согласиться ... с каким-нибудь положением, изучить все основания вероятности и посмотреть, больше их или меньше за или против ... и лишь взвесив все это как следует, отвергнуть или принять его, выражая свое более или менее твердое согласие» [1.С.135]. Байесовская идея понимания вероятности как степеней уверенности рационального эпистемического агента частично предвосхищается рядом ранних эпизодов эпистемической интерпретации вероятностей, и работы Локка в этом смысле являются лишь одним из наиболее интересных примеров.

Тем не менее, «тезис Локка» несет на себе отпечаток характерных для байесовской эпистемологии проблем, и в своем первоначальном виде, предложенном Фоули, он никак не способствует их преодолению. Речь идет о затруднительности рассмотрения «тезиса» в качестве нормативного условия для реальных эпистемических агентов ввиду трудоемкости задачи присвоения вероятностных значений, при этом соответствующих требованиям когерентности. В таком виде байесовские эпистемологические модели могут являться только идеальными моделями субъекта. Однако, путем введения определенных усовершенствований (к примеру, качественной логики убеждения у Дж. Хоторна [3.С.72]) байесовские модели могут стать более сообразными задачам описания человеческой эпистемической активности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Локк Дж.* Сочинения в 3-х т. Т. 2. М.: Мысль. 1985. 560 с.
2. *Foley R.* Beliefs, Degrees of Belief, and the Lockean Thesis // F. Huber, C. Schmidt-Petri (eds.) Degrees of Belief, Synthese Library. Vol.342. Dordrecht: Springer Science+Business Media, B.V. 2009. pp. 37–47.
3. *Hawthorne J.* The Lockean Thesis and the Logic of Belief // F. Huber, C. Schmidt-Petri (eds.) Degrees of Belief, Synthese Library. Vol.342. Dordrecht: Springer Science+Business Media, B.V. 2009. pp. 49–74.
4. *Jackson E.* The Relationship Between Belief and Credence //Philosophy Compass. 2020. Vol.15. № 6. pp.1–13.
5. *Jeffrey R.* Probability and the Art of Judgement. Cambridge: Cambridge University Press.1992. 260 p.

О ПРИМЕНИМОСТИ КОНЦЕПЦИИ У. КУАЙНА К АКТУАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА

А.С. Каребо

Научный руководитель: канд. филос. наук, доц. А.С. Гапонов

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Современное расширение сферы использования цифровых технологий коснулось и области языковых исследований. Сегодня мы наблюдаем стремительное развитие *машинного перевода, компьютерного обучения языкам, автоматического анализа и синтеза речи, математической лингвистики и т. д.* Тем не менее, наряду с подобными «обезличивающими» перевод подходами, развиваются такие направления как философия и психология перевода. И все же, технологические прорывы сменили вектор изучения переводческой проблематики в сторону исследований цифрового перевода.

Закономерно меняется и ракурс рассмотрения проблемы перевода. Эта проблема крайне многоаспектна и метапредметна; она исследуется в рамках лингвистики, когнитивистики, психологии, философии языка, гносеологии, онтологии и т. д. Проблема перевода – это комплекс «подпроблем», включающий в себя как практические, так и теоретические аспекты: проблему понимания, смыслового тождества, соотношения мыслимого и выражаемого в языке, референции, неопределенности, лингвистической относительности, интертекстуальности, возможности перевода как такового и т. д. Сегодня эти проблемные вопросы все чаще рассматриваются в контексте тенденции к автоматизации процесса перевода [2].

В области философии наиболее близкую позицию к актуальным тенденциям занимает *аналитическая традиция*, которая преимущественно держит ориентир на идеалы логической строгости, ясности и точности.

В частности, один из значительнейших представителей школы аналитической философии, Уиллард Куайн рассматривает специфический вариант перевода. Если большинство исследований так или иначе стремятся к рассмотрению перевода в контексте обыденного языка и «профессионального» межязыкового перевода, то У. Куайн вводит новую проблематику перевода «радикального» [4].

Важный момент: под языком У. Куайн понимает *комплекс данных диспозиций к вербальному поведению*. Ключевую роль в процессе перевода играют «*вербальные стимуляции*», на которых, по большей части, и строится «понимание» неизвестного языка [1.С.26].

Он формулирует мысленный эксперимент, в котором переводчик сталкивается с абсолютно неизвестным языком аборигенов. Введены также следующие предпосылки: *помощь со стороны переводчиков исключена; фонематический анализ игнорируется; анализируемые высказывания опираются на непосредственно данные события* [1.С.27].

Зададимся вопросом: что, если, с некоторыми допущениями, *интерпретировать* концепцию У. Куайна о «радикальном» переводе в контексте актуальной переводческой проблематики?

Тогда, в роли аборигенов окажемся мы, люди, использующие обыденный язык; а в роли «радикального» переводчика выступит самообучающийся искусственный интеллект (нейронный машинный перевод (далее НПМ)), систематизи-

рующий предшествующие решения аборигенов. Не исключается также и подтверждение/отрицание правильности произведенного перевода. Принципиальная разница заключается в том, что в случае НМП речь идет как минимум о трех языках: *языке оригинала, «собственном» языке-коде программного обеспечения НМП и языке текста перевода* [3]. Условно мы можем считать НМП «радикальным посредником» между двумя языками аборигенов.

Итак, рассмотрим предложенный У. Куайном алгоритм «радикального» перевода:

1. Установить знаки согласия/несогласия аборигенов;
2. Собрать индуктивные данные для перевода предложения *S1* предложением *S1'*;
3. Осуществить «проверку» данного варианта перевода путем анализа реакции согласия/несогласия аборигенов на соответствующее употребление предложения *S1* при аналогичных первой вербальных стимуляциях [1.С.25].

Перевод, осуществляемый НМП, следует подобному алгоритму, заменяя вербальные стимуляции «введением» человеком исходного текста перевода, и расширяя сбор индуктивных данных для перевода с единичных ситуаций до всемирных баз данных.

Однако даже если строго придерживаться указанного алгоритма, человек-переводчик не может быть уверен в правильности перевода, т. к. охватить весь контекст невозможно. Тот же вывод считаем верным и применимо к технологии НМП [3].

Отметим еще две особенности в применении концепции У. Куайна к НМП. Автор подчеркивает важность *интуитивных суждений* для лингвиста, который опирается на особенности поведения аборигена. Соответственно, интуитивные суждения остаются за гранью возможностей НМП, по крайней мере, на сегодняшний день [1].

Кратко, позиция У. Куайна о неопределенности перевода заключается в том, что при попытке в точности воспроизвести структурный элемент одного языка на другом языке, возникнет проблема двух неизвестных переменных:

- X – словесный эквивалент переводимого структурного элемента языка;
- Y – способ поведения, интерпретации, соответствующий X.

Такая позиция применима и к нашей интерпретации. Но, учитывая возможности непрерывного самообучения и анализа произведенных переводов НМП, можно предположить, что рано или поздно, переменная «Y» перестанет быть неопределенной.

Несмотря на то, что сам У. Куайн считает «радикальный» перевод невозможным, он также пишет о методе аналитических гипотез – своеобразном способе «катапультироваться в аборигенный язык»: радикальный переводчик, таким образом, должен стремиться вжиться в сообщество аборигенов и изучить язык как ребенок. Вопрос о применимости данного тезиса к нашей интерпретации явно входит в область научной фантастики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Куайн У. В. О. Слово и объект.* М.: Логос, 2000. 386 с.
2. *Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы: сборник научных трудов/ под ред. Н. Н. Гавриленко.* Москва: РУДН, 2017. 296 с.
3. *Brownlee, J. A Gentle Introduction to Neural Machine Translation.* Электронный ресурс. URL: <https://machinelearningmastery.com/introduction-neural-machine-translation/> (дата обращения: 08.04.2022).
4. *Raatikainen P. Philosophical Issues in Meaning and Translation / Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences № 7.* Helsinki, 2012. pp. 157–167.

ЗАБОТА В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИ-ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА

Е.С. Ковалева^{1,2}

Научный руководитель: д.ф.н. А.В. Перцев

¹Уральский федеральный университет

²Сургутский государственный университет

Во всех культурах и на протяжении всей истории человечества понятие заботы имеет как положительные (такие как забота о чем-то или о ком-то), так и отрицательные (несение бремени чего-то или кого-то) интерпретации. В этой статье я попытаюсь показать, что это противоречивое понимание заботы является результатом исторического развития понятия заботы. В ходе своего исторического развития забота понималась как средство для достижения цели; либо как забота о себе или о других. Только в феноменологически-экзистенциальном понимании заботы в XX веке, в том числе в философии Мартина Хайдеггера, она была исследована за пределами такого понимания и помещена в центр того, кто мы есть.

Историческое понимание заботы складывалось в четырех концепциях заботы, которые были разработаны в разные периоды истории:

- забота рассматривалась как средство достижения таких целей, как бессмертие (Древняя Греция);
- забота как индивидуальное счастье (стоики);
- забота как переход к божественной любви (Августин) или переход к общему благополучию (Гоббс);
- забот как способ выполнения обязанностей (И. Кант).

В этих концепциях мы видим общую черту – забота определяется как средство достижения цели, как инструмент, ведущий к бессмертию, к личному счастью, как путь к божественной любви или общему благополучию. И только в XX веке происходит поворот в понимании заботы ни как инструмента, а как начало самости и как принцип человеческой множественности. В философии М. Хайдеггера понятие заботы является одним из самых ярких терминов экзистенциальной аналитики *Dasein*. В «Бытии и времени» впервые забота определяется как наиболее фундаментальная составляющая человеческого существования: существование *Dasein* есть событие заботы. «В ней заключено бытие присутствия. Анализ этого бытия взял путеводной нитью то, что предвосхищающе было определено как существо присутствия, экзистенция. <...> Сущее, таким образом существующее, есть всегда я сам. Разработка феномена заботы подготовила вникание в конкретное устройство экзистенции, т.е. в ее равноисходную взаимосвязь с фактичностью и падением присутствия» [3. С. 231]. Профессор Р. А. Бурханов и доцент О. В. Никулина отмечают «Забота соединяет в себе экзистенциальность (способность к бытию), фактичность (заброшенность) и обреченность (ктость). Человеческое существование – это, прежде всего, “забота”, ”озабоченное делание”. Это значит, что феномен заботы есть основополагающий модус бытия человека, а не то, что в своем существовании он чем-то “обеспокоен” ...Поэтому люди суть заботящиеся о своем бытии существа, осознающие и переживающие открытые перед ними “горизонты времени”. Забота трансцендентальна, поскольку априорно “находится” в каждом фактическом отношении людей к миру» [1.С.67].

Таким образом, забота является структурой, которая описывает, как Dasein владеет ею для реализации своей самости, и в этом отношении ее действительно можно рассматривать как источник понимания значения заботы. Забота у Хайдеггера представлена в единстве трех модусов: «бытие-в-мире», «забегание вперед» и «бытие-при-внутримировом» [3.С.192]. «Забота как исходная структурная целостность лежит экзистенциально-априорно “до” всякого Dasein, то есть уже во всяком фактичном “положении” и “поведении” такового. Ее феномен поэтому никоим образом не выражает приоритета “практического” поведения перед теоретическим. Не удастся также попытка возвести феномен заботы в его сущностно неразрывной целостности к особым актам или порывам наподобие воли и желания или стремления и влечения. Забота онтологически “раньше” названных феноменов» [3.С.193–194].

В своем анализе Хайдеггер исследует и вводит заботу как ключевой термин для реализации наших возможностей. По его словам, конец этих возможностей является напоминанием нам о том, что нужно помнить о значении заботы. Забота – это то, что раскрывает, кто мы такие и, следовательно, она содержит общее указание на направленность нашего существования, которое должно быть отделено и защищено от повседневных забот. Как пишет Т. П. Лифинцева о понятии заботы у Хайдеггера «Забота – это, скорее, “озабоченность” или некая онтологическая “неуравновешенность”, “неравность себе”, “бытие-вперед-себя”, онтологическая безосновность» [2.С.188].

ЛИТЕРАТУРА

- Бурханов Р. А., Никулина О. В.* Концепция экзистенциалов в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера // Манускрипт. 2018. № 5(91). С. 65–68.
- Лифинцева Т. П.* «Забота» Хайдеггера, «бытие-для-себя» Сартра и буддийская духкха: онтология негативности // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 184–203.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.

ПРОТИВ ХОЛИЗМА: ЭМЕРДЖЕНТНОСТЬ КАК ПЕРЕВОД

К. А. Максимов

Научный руководитель: д. ф. н. В. А. Суровцев

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В мереологии – разделе философии о соотношении частей и целого – существует некая антиномия [2.С.149]. С одной стороны, утверждается, что целое не тождественно сумме частей, так как имеет нечто сверх нее. С другой стороны, целое состоит из частей и их сумма тождественна целому. Целью работы является попытка разрешения этой антиномии в сторону редукционизма, а также исследование возможности примирения концепции эмерджентности и редукционизма.

Есть две мереологические позиции: 1) редукционизм (меризм, атомизм) – целое сводимо к сумме¹ его частей; 2) антиредукционизм – целое не сводимо к сумме его частей [3.С.419]. Под второй позицией обычно понимается холизм² – положение, что целое больше суммы частей. Впрочем, сюда можно отнести и другой случай неэквивалентности суммы и целого, например, что целое меньше суммы частей. Устоявшегося названия для этой антиредукционистской позиции нет. Видимо, это связано с ее малой популярностью.

Холизм обычно связывают с вытекающим из него понятием эмерджентности. Эмерджентное свойство – это приходящее свойство, которое присуще целому, но не присуще его частям. Эта концепция часто используется для объяснения сознания, жизни, общества. Названия для исчезающего свойства во второй антиредукционистской позиции, опять же нет. На интернет форумах можно встретить предлагаемые слова «*demergence*», «*disappearance*» или «*dissolution*». Приведем пример такого свойства. Возьмем положение «студенческая группа есть целое, а студенты являются ее частями». Верно будет сказать, что каждый студент обладает свойством «имеет родителей», но будет ложью сказать, что студенческая группа обладает таким свойством. Подобные примеры обычно называются ошибкой композиции и не рассматриваются как мереологическая позиция. В отличие от эмерджентности, которая ничуть не меньше: а) контринтуитивна, б) похожа на *ad hoc* гипотезу.

Какие имеются проблемы у антиредукционистских позиций? Метафизический антиредукционизм, как говорилось выше, очень контринтуитивен. Методологический антиредукционизм не является приемлемым объяснением чего-либо, утверждая «*x* – это эмерджентное свойство». Но у обеих разновидностей антиредукционизма имеется и более существенная проблема. Рассмотрим для этого следующее рассуждение:

Р1. Части составляют *сумму* (сумма исчерпывается своими частями).

Р2. Части не составляют *целое* (целое не исчерпывается своими частями).

Р3. Части составляющие *сумму* и части не составляющие *целое* являются одними и теми же частями. (Важно чтобы термин «части» в Р1 и Р2 обозначал одни и те же вещи).

Р4. Одни и те же части составляют (исчерпывают) одну и ту же вещь при условии, что используется один и тот же способ составления, т. е. составляя вещь из одних и тех же частей различными способами – мы получаем разные вещи, одним и тем же способом – получаем одну и ту же вещь. Верно и обратное касательно разложения вещи на части.

P5. При составлении таких вещей как целое и сумма используется один и тот же способ составления.

С. Сумма и целое это одна и та же вещь, которая, согласно P1 и P2, и исчерпывается и не исчерпывается своими частями.

В итоге мы пришли к противоречию. Вероятно, что холизм видится некоторым стройной позицией, потому что упускается какая-либо из посылок P3-P5. Проиллюстрируем примером. Возьмем слово, например «кот» и разобьем его на части. У нас имеются звуки «к», «о» и «т», а также структура их последовательности. В этих частях ни по отдельности, ни в последовательной их сумме не содержится свойства обозначать определенное домашнее животное. Таким образом, слово «кот» как целое больше, чем последовательная сумма звуков «кот». В чем же здесь ошибка? Слово «кот» и последовательность звуков «кот» являются разными вещами и состоят из различных частей. Мы верно проанализировали «кот» как последовательность звуков, но неверно как слово, и необоснованно отождествили сумму частей слова с суммой частей, которая составляет другую вещь. Это более очевидно, если мы не знакомы с языком, которому слово принадлежит или оно представляет собой лишь последовательность звуков, которую мы не ассоциируем ни с каким значением, например «гфывдщ».

Значит ли все вышесказанное, что холизм ложен и что концепция вроде эмерджентных свойств бесполезна? Я убежден в том, что она является ошибочной в метафизическом ключе и является следствием невнимательного отождествления различных вещей, их частей и разных процедур анализа. Но в методологическом ключе возможно ее прочтение как способа перевода или сигнала о том, что был совершен перевод. Перевод не с одного естественного языка на другой, а с языка одной дисциплины (дискурса, если угодно) на другой. Например, когда говорят, что сознание является эмерджентным свойством мозга, то пытаются перевести понятие «мозг» из языка биологии на язык из философии сознания. При этом язык первой не имеет в принципе понятия «сознание». Таким образом, пытаются соединить две концепции «мозг имеющий сознание» и «мозг, не имеющий сознания» из разных языков. Даже если эти попытки перевода в дальнейшем окажутся тщетными, то сигнал о их попытках может сберечь нас от дальнейших ошибок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сумму не следует понимать лишь как механическую или арифметическую совокупность.

² В данной работе я не буду касаться семантического холизма У. Куайна и Д. Дэвидсона, так как считаю, что данные теории являются скорее когерентистскими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Москвицова Н. Г. Логические системы Лесневского // Логические исследования. 2012. №18. С. 141–156.

2. Станкевич Л. П., Полякова И. П., Линченко А. А. О понимании целостности в западной и восточной философии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2013. №6 (178). С. 147–152.

3. *Юркевич Е. Н.* Логика определения в контексте мереологии понятий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2011. №3-4. С. 418–425.

ОНТОЛОГИЯ ЯЗЫКА: СИМВОЛИЧЕСКОЕ VS. РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ

А. А. Меньшикова

Сибирский государственный медицинский университет

Определение природы языка остается актуальной проблемой современной философии.

Практика исследований данной проблемы постоянно приводит к противопоставлению двух основных понятий, описывающих природу языка – символического и референциального. Символическое в понимании природы языка опирается на признание стабильной онтологии знака. Аспекты символической природы языка – универсальность знака и устойчивая форма значения, обуславливающие возможность коммуникации, пределы изменения тезауруса и осознание границы «свой» – «чужой», связь с логическими категориями. Понимание символической природы языка находит выражение в традиции аналитической философии (см. П. Стросон [2]) и других соответствующих исследованиях [1]. Понимание символической природы языка и языковых элементов в данном случае опирается на сложившуюся естественным путем исторической традиции – ее близость концептуализму и формальной логике.

Тем не менее, смена исследовательского дискурса (переход к культурологической парадигме в понимании языковой природы, осознание прагматических аспектов языка как преобладающих и связанная с этим практика перевода) приводит к необходимости переоценки сущности языка. Такой подход обосновывается пониманием более комплексной природы как языка в целом, так и языковых элементов. Референциализм языковых элементов определяется отношением языкового знака к денотату, относимому к «внешней» среде его функционирования.

В подтверждение необходимости пересмотреть подход к пониманию природы языка в пользу более комплексного следует привести следующее. Процесс семантической деривации происходит в диссипативной среде, что подтверждается возникновением когнитивных метафор. На уровне текста и пропозиций, определяемых дискурсом, изменения происходят также через концептуальные категории. Зафиксирована изменчивость понимания природы языка в зависимости от проводимого исследования. Осознание символической природы языка не противоречит референциальной.

Каждый раз при попытке объективной оценки языковой природы через систему доказательств открываются новые грани проявления природы языка и языковых единиц.

С раскрытием природы языка связан также аспект методологический: эффективный способ исследования онтологии языка определяется изучением функционирования языка в каком-либо процессе.

Обоснованием природы языка как диссипативной системы является возможность изменения смысла языковых единиц (скорость изменения во времени и пространстве являются дополнительными факторами). Перевод можно осуществлять при помощи символических языков. Другой пример - сознание не воспринимает языковые знаки без понимания дискурса ситуации. Язык естественного

общения связан со стилем и условиями социального общения (пример – субкультуры и традиция). Также в практике возможно также сосуществование дифференцированных теорий, истинность которых не подлежит сомнению.

Онтология языка раскрывается в процессе лингвистического перевода, не всегда следующего логической схеме построения предложений, часто допускающего ввод дополнительной информации, оговорок, существованием самого факта реферирования (таким образом, языковые элементы в процессе перевода также связаны с диссипативной средой). Роль комментариев и интерпретации в практике перевода недооценивают. Этот феномен расширяет представление о природе языковых элементов через посредничество происходящих процессов. Таким образом, интерпретация онтологии языка в пределах семантической теории подвергается сомнению.

Регулярные процессы изменения языковой среды в процессе общения позволяют выявить нестабильный характер отношений. В то же время, символическое в языковой природе также можно расценивать как аспект референциальной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Searle J.* Consciousness and language. Cambridge [a. o.]: Cambridge University Press, 2002. 269 p.
2. *Strawson P.* Individuals. NY; L.: Routledge, 2006. 255 p.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТЬ / НЕВОЗМОЖНОСТЬ И ИХ ПРЕДЕЛЬНОГО ОБОСНОВАНИЯ

Е.И. Михневич

Научный руководитель: д.ф.н. М.В. Гончаренко

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В данной работе рассмотрены некоторые подходы к пониманию возможности предельных оснований теоретического и эмпирического знания. Теоретические и эмпирические системы проанализированы, с одной стороны, как противоположные, а с другой стороны, как необходимые / дополняющие друг друга системы. Также в исследовании представлен тезис, в соответствии с которым систематизация реальности является результатом использования базовых когнитивных схем, в которых границы эмпирического и теоретического знания претерпевают значительную трансформацию.

Проблема противостояния теоретического и эмпирического знания известна, как минимум, со времен Нового времени: рационализм Р. Декарта и эмпиризм Ф. Бэкона – разные подходы к формированию реальности индивидуальным сознанием. Однако вторая половина XX в. (бурное развитие естественнонаучного направления, с одной стороны, и эпистемологии, когнитивистики, антропологии, с другой стороны) окончательно продемонстрировала несостоятельность позиции противостояния такого рода; апперцепция, как способность индивидуального сознания к обусловленному опытом и знанием восприятию, – это феномен, который необходимо учитывать в каждом научном исследовании.

Дж. Лакофф, анализируя судьбу объективизма, тесно связанную как с эмпиризмом, так и с рационализмом, отмечает следующее: «Миф объективности расцвел и в традиции рационализма, и в традиции эмпиризма – направлениях, которые отличаются с рассматриваемой точки зрения только способами достижения этих абсолютных истин. Для рационалистов только врожденная способность человека к размышлению может дать ему знания о том, каковы на самом деле окружающие нас вещи. Для эмпириков все наши знания о мире возникают из чувственного восприятия (непосредственно или опосредованно) или создаются из элементов восприятия.» [2.С.219]. Данное рассуждение о природе объективизма представляется удачным аргументом в пользу нашего главного тезиса, в соответствии с которым любое знание познающего субъекта, как система концептуальных представлений, имеющая свою структуру, на различных этапах своего функционирования и трансформации, опирается как на основания систематического умозрения, так и на эмпирический фактор.

Обратимся в этой связи к анализу П. Фейерабенда отношений между инстинктивными принципами и эмпирическими фактами [5.С.258], представленных в работах Э. Маха [3]. Э. Мах, пытаясь обосновать возможность «единой теоретической системы», признает для возможности последней необходимость как логического, так и эмпирического компонентов знания: «Логические основания всегда подвергаются большей опасности со стороны экспериментов или нового знания, чем те ветви науки, которые тесно связаны с эмпирией. Великое значение оснований заключено в их связи со всеми конкретными частями науки, но тем большей опасности они подвергаются перед лицом любого нового фактора» [Мах

2003, 325]. Однозначно, это подводит нас к пониманию того, что *взаимодействие* между логическими и эмпирическими основаниями намного масштабнее, чем было принято полагать ранее. Однако П. Фейерабенду удалось сформировать новый аспект видения такого взаимодействия: «Инстинктивные общие принципы Мах считает более надежными, чем индивидуальные экспериментальные результаты, именно потому, что они находились в потенциальном столкновении с огромным множеством фактов, но выжили, несмотря на это» [5. С.454]. Другими словами, какой бы неожиданностью изначально не показалось бы отождествление инстинктивных и логических принципов, нужно признать, что априорное конструирование системы вне инстинктивных принципов, имеющих выражение в логических основаниях, невозможно. Познающий субъект – это не только сознание или ментальное состояние, но целостный индивид, обладающий как психической, так и физической природой. Следовательно, инстинктивный принцип (он же - интуитивный), до конца совершенно непонятный, представляет какую-то модель реальности в определенном дискурсе, актуальность которого обусловлена логической структурой.

И. Лакатос, разрабатывая концепцию утонченного фальсификационизма, обратился к проблеме рациональности / иррациональности дискурса. Проанализировав тезис Дюгема-Куайна, заключает: «По словам Куайна, «любое предложение может сохранить свою истинность, если пойти на решительную переделку той системы, в которой это предложение фигурирует» [1.С.152], и «Согласно Куайну, «те соображения, по которым человек может отказаться от унаследованного им научного знания в угоду сиюминутным чувственным представлениям, в той мере, в какой они рациональны, являются прагматическими». Но прагматизм для Куайна [...] есть лишь ощущение психологического комфорта; мне кажется иррациональным называть это «рациональностью»» [1.С.214–215]. Фактически, И. Лакатос отказывает в тождестве между прагматизмом и рациональностью. С учетом того, что «теория рациональности не сводится к логике» [4.С.246], по И. Лакатосу, это аргумент в пользу того, что понятие рационального имеет конвенциональную природу в концепции И. Лакатоса. Основываясь на таком предположении, следует признать, что в таком случае рациональность предельного обоснования теоретических систем в контексте концепции И. Лакатоса целиком конвенциональна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Издательство АСТ. 2003. 380 с.
2. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Издательство ЛКИ. 2017. 256 с.
3. *Мах Э.* Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. 456 с.:
4. *Порус В.Н.* Рациональность. Наука. Культура. М.: Университет российской академии образования. Кафедра философии. 2002. 352 с.
5. *Фейерабенд П.* Прощай, разум. М.: Издательство АСТ. 2010. 480 с.

ПЕРВОПОРЯДКОВАЯ МОДАЛЬНАЯ ЛОГИКА С λ -ОПЕРАТОРОМ

И.И. Мухаметшина

Научный руководитель: д.ф.н. Е.В. Борисов

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Средства стандартной первопорядковой модальной логики не позволяют формализовывать предложения, допускающие прочтение *de re* так, чтобы в формуле отражалось это прочтение. Например, предложение

Число планет необходимо больше семи (*)

имеет два прочтения:

1. *de dicto*: *Необходимо, что число планет больше 7*

2. *de re*: *Число планет таково, что необходимо, что оно больше 7*

Формализация предложения (*) как $\Box (n > 7)$, где n – число планет, \Box – оператор необходимости и $>$ понимается как в арифметике, отражает только прочтение *de dicto*. Для формализации, отражающей прочтение *de re*, требуется язык, обладающий большей выразительной силой. В докладе будет представлен такой язык, семантика для него и табличное построение первопорядковой модальной логики K' с λ -оператором, корректной и полной относительно данной семантики.

Язык L

Язык L , на котором строится K' содержит следующие категории терминов: логические связки; модальные операторы; кванторы; предикатные, константные, функциональные символы; переменные; λ -оператор; технические символы. Множество термов определяется следующим образом:

1. Любая переменная – терм.
2. Любой константный символ – терм.
3. Если f является n -местным функциональным символом и t_1, \dots, t_n – термы, то $f(t_1, \dots, t_n)$ – терм.

Синтаксис языка L имеет следующие особенности в сравнении с языком первопорядковой модальной логики без λ -оператора.

1. Атомарные формулы не могут содержать константы и функциональные термы, т.е. если c – константа, P – предикат, то $P(c)$ не является формулой.

2. Введение λ -оператора расширяет множество правильно построенных формул. Пусть x – переменная, t – терм, Φ – формула; тогда $\langle \lambda x. \Phi \rangle$ – предикатная абстракция, $\langle \lambda x. \Phi \rangle(t)$ – формула.

Такой аппарат позволяет формализовать оба прочтения предложения (*). В предложении (*) можно выделить свойство «быть больше 7». Это свойство формализуется как

$$\langle \lambda x. x > 7 \rangle.$$

Формула $\langle \lambda x. x > 7 \rangle(n)$ читается « n больше 7». Прочтение *de dicto* будет формализовано как

$$\Box \langle \lambda x. x > 7 \rangle(n),$$

а прочтение *de re* как

$$\langle \lambda x. \Box x > 7 \rangle(n).$$

Семантика для языка L

Фрейм с переменным доменом (далее «фрейм») – упорядоченная тройка $\langle G, R, D \rangle$, где G – непустое множество возможных миров, R – бинарное отношение на G и D – доменная функция, т.е. функция от миров к непустым множествам. Для любого $\Gamma \in G$, $D(\Gamma)$ – домен Γ .

Домен фрейма $D(F) = \cup\{D(\Gamma): \Gamma \in G\}$.

Нежесткой интерпретацией во фрейме $F = \langle G, R, D \rangle$ называется функция I , такая что:

1. Для любого $n \geq 1$, каждому n -местному предикатному символу P и каждому $\Gamma \in G$, I назначает некоторое n -местное отношение на $D(F)$.

2. Каждому константному символу c и каждому $\Gamma \in G$, I назначает некоторый элемент $D(F)$.

3. Для любого $n \geq 1$, каждому n -местному функциональному символу f и каждому

$\Gamma \in G$, I назначает некоторую n -местную операцию на $D(F)$.

Нежесткая модель с переменным доменом (далее «модель») – упорядоченная четверка $\langle G, R, D, I \rangle$, где $\langle G, R, D \rangle$ – фрейм и I – нежесткая интерпретация в $\langle G, R, D \rangle$.

Валюация переменных в модели. Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель. Валюация переменных в модели M – это функция v , назначающая каждой переменной x некоторый элемент $v(x)$ домена модели $D(M)$.

Вариант валюации. Для любых $\Gamma \in G$, переменной x , валюации v и $e \in D(\Gamma)$ валюация v_x^e называется x -вариантом валюации v , если v_x^e и v согласны относительно всех переменных, кроме, возможно, x и $v_x^e(x) = e$.

Эвалюация термина. Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель и v – валюация в M . Для любого $\Gamma \in G$ и любого термина t , денотат t в Γ обозначается $(v \star I)(t, \Gamma)$ и определяется следующим образом:

1. Если x – переменная, то $(v \star I)(x, \Gamma) = v(x)$;

2. Если c – константный символ, то $(v \star I)(c, \Gamma) = I(c, \Gamma)$;

3. Если f – n -местный функциональный символ,

$$(v \star I)(f(t_1, \dots, t_n), \Gamma) = I(f, \Gamma)((v \star I)(t_1, \Gamma), \dots, (v \star I)(t_n, \Gamma)).$$

Истинность формулы в некотором мире модели. Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель. Для любого $\Gamma \in G$ и любой валюации v в M истинность Φ мира Γ модели M при валюации v обозначается $M, \Gamma \models_v \Phi$ и определяется следующим образом:

1. Если P является n -местным предикатным символом и x_1, \dots, x_n – переменные, то $M, \Gamma \models_v P(x_1, \dots, x_n) \Leftrightarrow \langle (v)(x_1), \dots, (v)(x_n) \rangle \in I(P, \Gamma)$;¹

2. $M, \Gamma \models_v \sim \Phi \Leftrightarrow M, \Gamma \not\models_v \Phi$;

3. Если \circ – логическая связка, то $M, \Gamma \models_v \Phi \circ \Psi \Leftrightarrow M, \Gamma \models_v \Phi \circ M, \Gamma \models_v \Psi$;

4. $M, \Gamma \models_v \Box \Phi \Leftrightarrow \forall \Gamma(\Delta \in G \& \Gamma R \Delta \Rightarrow M, \Delta \models_v \Phi)$;

5. $M, \Gamma \models_v \Diamond \Phi \Leftrightarrow \exists \Gamma(\Delta \in G \& \Gamma R \Delta \& M, \Delta \models_v \Phi)$;

6. $M, \Gamma \models_v \forall x \Phi \Leftrightarrow \forall e(e \in D(\Gamma) \Rightarrow M, \Gamma \models_{v_x^e} \Phi)$;

7. $M, \Gamma \models_v \exists x \Phi \Leftrightarrow \exists e(e \in D(\Gamma) \& M, \Gamma \models_{v_x^e} \Phi)$;

8. $M, \Gamma \models_v \langle \lambda x. \Phi \rangle(t) \Leftrightarrow M, \Gamma \models_{v_x^{(v \star I)(t, \Gamma)}} \Phi$.

Правила табличного доказательства K' .

В табличных доказательствах, используется язык, расширенный относительно языка L использованием переменных, констант и функциональных символов с префиксом (конечная последовательность целых положительных чисел) в качестве субскрипта.

Расширенный терм – терм, в котором некоторые константные и функциональные символы имеют субскрипт.

Фундированный терм – расширенный терм, в котором каждый константный и функциональный символ имеют субскрипт.

Для любого префикса σ , любого расширенного термина t , $t@\sigma$ – фундированный терм, в котором каждый константный и функциональный символ в t , не имеющий субскрипта, получает субскрипт σ . Например, если $f_{1.1}(x, g(c_1, d))$ – расширенный терм, то

$$f_{1.1}(x, g(c_1, d))@1.1.1 = f_{1.1}(x, g_{1.1.1}(c_1, d_{1.1.1})).$$

Правила табличного доказательства K' включают в себя:

1. Стандартные правила пропозициональной модальной логики K для логических союзов и модальных операторов.

2. Специфические правила K' для кванторов и λ -оператора:

а. *Правила для универсальной квантификации.* Для любого параметра p_σ , ассоциированного с префиксом σ ,

$$\frac{\sigma \forall x \Phi(x)}{\sigma \Phi(p_\sigma)} \quad \frac{\sigma \sim \exists x \Phi(x)}{\sigma \sim \Phi(p_\sigma)}$$

б. *Правила для экзистенциальной квантификации.* Для любого параметра p_σ , ассоциированного с префиксом σ , если p_σ – новый для ветви,

$$\frac{\sigma \exists x \Phi(x)}{\sigma \Phi(p_\sigma)} \quad \frac{\sigma \sim \forall x \Phi(x)}{\sigma \sim \Phi(p_\sigma)}$$

с. *Правила для λ -оператора.* Для любого расширенного термина t ,

$$\frac{\sigma \langle \lambda x. \Phi(x) \rangle (t)}{\sigma \Phi(t@\sigma)} \quad \frac{\sigma \sim \langle \lambda x. \Phi(x) \rangle (t)}{\sigma \sim \Phi(t@\sigma)}$$

Логика K' корректна и полна относительно изложенной семантики, однако доказательство не может быть представлено в рамках доклада.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее кванторы \forall, \exists и связки: $\&, \vee, \rightarrow$ используются и как объектные, и как метаязыковые символы. \Rightarrow и \Leftrightarrow используются как метаязыковые символы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fitting M. First-Order Modal Logic.* / M. Fitting, R.L. Mendelsohn. New York : Springer-Science+Business Media, B.Y., 1998. 287 p.

ПОНИМАНИЕ ЦВЕТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯЗЫКА: СЛУЧАЙ С ВРОЖДЕННОЙ СЛЕПОТОЙ

А.А. Нанкевич

Научный руководитель: д.к.н. Ю.А. Грибер
Смоленский государственный университет

Цвет не является фундаментальным свойством объектов в мире. Он представляет собой результат взаимодействия световых волн с нашей зрительной системой. У людей переработка зрительной информации тесно связана с языком. Цвета часто делят на группы в зависимости от нехроматических сенсорных ощущений (например, теплые/светлые цвета и холодных/темных цветов) и семантически соотносят с абстрактными понятиями (например, зеленый – с завистью, черный – со смертью, красный – с гневом, страстью, волнением). Такое понимание цвета называют лингвистическим.

Все больше современных исследователей считает, что прямое визуальное восприятие цвета, которое в современной философии чаще всего обозначают понятием квалиа, не обязательно для формирования цветовых ассоциаций: понимание того, что красный, оранжевый и желтый цвета являются «теплыми» цветами, возможно без какого-либо визуального опыта [7. С.385]. Имея возможность выучить эти цветовые ассоциации, даже слепой от рождения человек может построить семантическую сеть цветовых отношений. Чтобы определить, насколько сильно лингвистическое понимание цвета зависит от наличия опыта визуального восприятия цвета, мы решили провести анализ результатов изучения способности людей с врожденной слепотой к созданию ментальной репрезентации цвета – гипотетического образа цвета, существование которого выводится из наблюдения поведения и речи как своего, так и других людей [1. С.124].

Материалом исследования стали работы по философии сознания, нейропсихологии, когнитивной нейронауке, дефектологии и когнитивной лингвистике зарубежных (Р. Боттини, М. Бэдни, Дж. С. Ким, Л.А. Купер, Л. М. Шепард) и отечественных ученых (А.В. Вартанов, Л.С. Выготский, З.Г. Ермолович, А.И. Зотов, А.Г. Литвак, А.Ф. Самойлов).

И слепые, и зрячие люди одинаково понимают причинно-следственные связи цвета, несмотря на то что они не всегда согласны с произвольными фактами о цвете. По сравнению со зрячими людьми слепые с меньшей вероятностью будут описывать банан как «желтый», но делают аналогичные выводы о реальных и новых цветах объектов. Например, слепые люди приходят к выводу, что два естественных объекта (например, бананы) и два артефакта с функциональными цветами (например, дорожные знаки) с большей вероятностью будут иметь один и тот же цвет, чем два артефакта с нефункциональными цветами (например, автомобили) [6].

Р. Боттини и его коллеги сравнили представления о действии и цвете у зрячих и слепых и выявили частично разные активации понятий цвета. Понимание цвета оценивалось в задаче на определение сходства внутри пары цветообозначений. Ученые установили, что и слепые, и зрячие разделяют цвета на теплые и холодные. Однако красный для зрячих в большей степени похож на желтый. Слепые, в отличие от зрячих, не считают фиолетовый цвет похожим на красный. Кроме того, слепые намного сильнее разделяют такие цвета, как синий и зеленый.

Подобные по восприятию цвета и действия вызывали активацию нейронов только в затылочной части головы зрячих людей. У слепых людей наблюдалась нейронная активность по большей степени в височных областях, что свидетельствует о зависимости представления знаний, основанных на чувствах, от их словесной формы. В целом, потеря зрения действительно изменяет нейронные основы концептуального поиска, но только на некоторых этапах определения различий между оттенками [5].

Исследования по визуализации понимания цвета на основе данных сравнения пар цветообозначений, наглядно продемонстрировали поразительно похожее «видение» цвета слепыми и зрячими людьми. Незначительные различия наблюдались между моделями слепых и информантов с нормальным зрением, из чего следует, что семантические ассоциации цвета оказывают большое влияние на то, как слепые понимают цветовые термины и отношения [7]. Тем не менее, люди, которые были лишены возможности видеть с рождения, не развивают в полной мере последовательное представление, характерное для всех зрячих людей [2; 3]. Несомненно, нейронная схема нормального представления цветов является до некоторой степени врожденной [4], но развитие этой схемы может быть снижено при полном отсутствии какого-либо сенсорного заземления во внешнем мире.

Таким образом, слепота качественно изменяет сенсорные представления, но оставляет понятийные представления в значительной степени неизменными. Влияние сенсорного опыта на понятия невелико, поэтому концептуализация цвета, которая базируется на «трех китах»: врожденные нейронные процессы, чувственный опыт и язык, – выступает частью социально обусловленного познавательного процесса, позволяющего строить, оперировать, реорганизовывать категории и концепты цвета, независимо от нарушений сенсорной системы человека, поэтому лингвистическое понимание цвета у слепого и зрячего будет почти одинаковым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодалев А.А.* Психология общения. Энциклопедический словарь. Москва: Когито-Центр. 2011. 600 с.
2. *Ермолович З.Г.* Тифлопсихология: чувственное отражение мира в условиях визуальной депривации: учебно-методическое пособие. Минск: БГПУ. 2004. 146 с.
3. *Литвак А.Г.* Психология слепых и слабовидящих: Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. СПб.: Каро. 2006. 336 с.
4. *Bedny M., Saxe R.* Insights into the origins of knowledge from the cognitive neuroscience of blindness // *Cognitive Neuropsychology*. 2012. V. 29. No. 1-2. pp. 56–84.
5. *Bottini R. et al.* Brain regions involved in conceptual retrieval in sighted and blind people // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2020. V. 32. No. 6. pp. 1009–1025.
6. *Kim J.S. et al.* Shared understanding of color among sighted and blind adults // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2021. V. 118. No. 33. e2020192118
7. *Saysani A., Corballis M.C., Corballis P.M.* Colour envisioned: Concepts of colour in the blind and sighted // *Visual Cognition*. 2018. V. 26. No. 5. pp. 382–392.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ В ТРУДАХ ПЛАТОНА И АРИСТОТЕЛЯ

Д.Д. Потапова

Научный руководитель: к. п. н. А.Ю. Красноперов

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Особенности положения женщины в современном обществе и степень полноты ее прав вынуждают нас рассматривать исторические особенности данного вопроса. Особый интерес для гендерных исследователей представляет изучение правового статуса женщин в Древней Греции.

В Афинском полисе господствовала демократия, что гарантировало каждому гражданину право свободно участвовать в деятельности публичных учреждений и политической жизни государства. Гражданами считались те, кто имел право обращаться в суд и владеть земельным участком - то есть мужчины в возрасте от тридцати лет, рожденные от полноправных родителей [2. С. 138]. Рабы, дети и женщины не признавались гражданами и, соответственно, не обладали политическими правами (участвовать в собраниях полиса, голосовать, предлагать политически значимые инициативы).

Примечательно, что изучение положения женщин в Афинах является затруднительным, поскольку вся имеющаяся информация была написана мужчинами того времени и представлена в литературе и живописи [5. Р. 174].

Какими же правами все-таки обладала женщина? Основная деятельность женщины была сосредоточена в рамках своего дома. В ее функционал входили поддержание порядка, ведение хозяйства, забота о муже и детях и так далее. Начиная с самого детства, женщина занимала подчиненное положение по отношению к мужчинам: отец, братья, муж. В относительно богатых семьях у женщины было свое отдельное помещение, куда мужчинам было запрещено входить (даже в экстренных ситуациях) [2. С. 140], однако юридически и оно было закреплено за мужчиной. Регламентировались также и особенности воспитания детей. Женщина имела право посещать некоторые мероприятия (например, похороны), но только в сопровождении мужа, рабыни или более старшей женщины. Древнегреческое право лишало женщину возможности стать наследницей, поскольку все наследство переходило сыновьям. Однако братья обязались обеспечивать девочку до вступления в брак, а после - предоставить ей приданное, соответствующее их состоянию [2. С. 143].

Интересным представляется взгляд античных философов на положение женщины как в государстве, так и в семье. Платона, например, считают одним из основателей мирового феминизма, поскольку он стал первым, кто поставил вопрос о том, способны ли женщины выполнять равную с мужчинами работу. В своем диалоге «Государство» он строит проект идеального государства, в котором приходит к выводу, что по своей природе и мужчины, и женщины могут участвовать во всех делах [3. 453e]. Однако в силу физиологических особенностей лучше поручать женщинам более легкие задания, нежели ведение войн и захват территорий [3. 457a]. Стражами, по Платону, могли быть как мужчины, так и женщины. Кроме того, в идеальном государстве все является общим: и дети, и жены, что фактически не закрепляет женщину за определенным местом [3. 457d]. Интимная жизнь, с точки зрения античного философа, должна полностью регламентироваться государством. Создание семьи считалось государственным долгом (как для женщины, так и для мужчины). Сожительство осуждалось, но парадоксально, что браки между братьями и сестрами - нет. Устанавливается определенный возраст вступления в брак: для женщин - 18-20 лет, для мужчин - 30-35 [4. С. 236].

Аристотель, ученик Платона, имел противоположную точку зрения и был убежден в том, что сравнивать мужчину и женщину невозможно. В своем трактате Аристотель по количеству имеющихся прав ставит женщину и раба на один уровень, поскольку и тот, и другая принадлежат одному господину. Кроме того, Аристотель считает, что мужчина по своей природе стоит выше женщины [1. С. 383].

Таким образом, можно заключить, что в античной Греции (на примере Афин) женщины обладали минимальным набором прав. Они не могли вести общественно-политическую жизнь наравне с мужчинами и претендовать на финансовую независимость. Взгляды великих философов того времени подтверждают данный факт.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель* Политика / Сочинения: В 4 т. М.: Мысль. 1983. Т. 4. С. 376–644.
2. *Волкова С.В.* О правовом положении женщин в афинском полисе (женщины в «идеальном» государстве и в реальной жизни) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. № 2 (213). 1996. С. 138-143.
3. *Платон.* Государство [Электронный ресурс]. URL: <http://social-gumanizm.narod.ru/platon.htm#4> (дата обращения: 20.03.2022).
4. *Платон.* Законы / Пер. с древнегреч. С.С. Аверинцева и др.; Общ. ред. А.Ф. Loseva, В.Ф. Asmusa, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1999. 832 с.
5. *Pritchard D.M.* The position of attic women in democratic Athens // Greece and Rome. Oxford, 2014. Vol. 61, N 2. P. 174–193.

СВЯЗЬ АБСУРДА И САМОУБИЙСТВА

Е.В. Ратуш

Научный руководитель: к.ф.н. Ю. Н. Овсянникова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

«Есть лишь одна серьезная философская проблема - проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии» [1.С.155]. Эта известная фраза Альберта Камю раскрывает главный вопрос, которому будет посвящена данная работа. Целью этой статьи является поиск связи между абсурдом и самоубийством, то есть вопрос, можно ли самоубийство назвать исходом абсурда, опираясь на работу Камю «Миф о Сизифе. Эссе об абсурде».

А что такое абсурд? Понятие абсурда впервые было введено известным философом Сереном Кьеркегором в своем трактате «Страх и трепет». Он поясняет абсурдность с точки зрения христианства, позже Камю немного отошел от этой позиции, углубляясь скорее в человеческое существование и особые человеческие переживания, но начало было положено именно из-за религии, точнее сомнения в ней и нелогичности ее учений. Кьеркегор приводит фрагмент Библии, где ради Господа Авраам жертвует сыном, таким образом, показывая зависимость человека, отсутствие свободы, парадоксальность существования. На основе того, как Авраам превратил убийство в святое деяние, делается вывод о существовании абсурда, ведь вера Авраама абсурдна.

Сам Камю же характеризовал абсурд следующим образом: «Он мечтал о завтрашнем дне, а теперь знает, что от него следовало бы отречься. Этот бунт плоти и есть абсурд» [1.С.117]. То есть все живут завтрашним днем, все будет завтра, позже, с возрастом, это и называется абсурдом, ведь в конце все равно будет только смерть.

Отсюда, можно сказать, что абсурд появляется тогда, когда исчезает надежда, «когда ум уже не восхищается игрой, а вступает в нее» [3.С.142]. На первый взгляд самоубийство можно назвать разрешением ситуации абсурда, так как абсурд существует только до тех пор, пока он неразрешим. Однако, являясь сознанием смерти и одновременно отказываясь от нее, абсурд не находит решения в самоубийстве.

Давайте, однако, прежде чем ответить на вопрос, можно ли самоубийство считать выходом из абсурда, ответим на другой – является ли абсурд главной (если не единственной) причиной самоубийства. Существует множество причин для самоубийства, однако, самые очевидные из них, обычно, не самые действенные. Несмотря на постоянные новости о какой-то болезни, неразделенной любви, как о причинах самоубийства, самоубийство редко совершается из-за размышлений человека о самом себе, «развязка наступает почти всегда безотчетно» [3.С.114]. Причиной может быть какой-то неосторожный поступок друга или близкого человека, который стал решающим, чтобы вся скопившаяся в сердце за долгое время скука, горечь вырвались на свободу. Смерть предполагает признание бессмысленности страданий и невозможности что-либо изменить.

А.Камю считает, что чувство абсурда нельзя приравнять к его понятию Абсурда не существует помимо человеческого ума, отсюда – вместе со смертью ис-

чезнет и абсурд. Единственным условием исследований Камю можно назвать сохранение абсурда, последовательное соблюдение сущности абсурда, рассматриваемое как борьба и противостояние.

Вернемся к теме самоубийства, оно рассматривалось как знание: необходимо ли иметь смысл, чтобы ее стоило прожить, сейчас же встает вопрос, а не кажется ли наоборот, что при отсутствии в жизни смысла, появляется больше оснований, для попытки ее прожить. Отсюда: «Жить – значит пробуждать к жизни абсурд. Пробуждать его к жизни – значит не отрывать от него взора» [З.С.133]. Бунт можно назвать требованием прозрачности. Это уверенность в том, что судьба подавляет силы человека, однако ей не сопутствует смирение.

Анализируя данное эссе, можно сказать, что человек понимает, что любые действия, только приближают нас к смерти, которая в свою очередь ограничивает нашу свободу. В этой ситуации есть только два варианта или подчиниться этим правилам, или поспорить со смертью и уйти из жизни добровольно.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов С.С.* Вольная смерть. Часть 1 Основания философской суицидологии. Томск: Томский государственный университет, 2003. 396 с.
- Кьеркегор С.* Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 382 с.
- Ницше Ф.,* Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.П. Сумерки Богов. М.: Политиздат, 1990. 179 с.

СИНТЕЗ ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М.УНАМУНО И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО.

А.Г. Ситдикова

Научный руководитель: д.ф.н. О.И. Николина

Омский государственный педагогический университет

Русский писатель Ф.М. Достоевский и испанский мыслитель М. Унамуно выражают свои философские идеи экзистенциального характера о людях и существовании литературным способом, используя концептуальную форму изложения. Хотим отметить, что русский писатель передает свои мысли в своих дневниках и статьях, а иногда и словами персонажей своих романов; рассуждения испанского писателя, содержащиеся в его эссе, синтетически включены в его «ниволы» и драмы.

Есть исследования [3], в которых Ф.М. Достоевского рассматривают, как создателя нового жанра, новой литературной формы, которая не может быть определена как роман. Г. Лукач отметил: «Этот писатель (Достоевский), как и созданная им форма, выходит из рамок наших наблюдений» [4]. Д. Мережковский обратил внимание на важную роль диалога в произведениях русского философа: «По преобладанию героической борьбы главные произведения Достоевского – не романы, не эпос, а трагедии» [2]. В свою очередь М. Бахтин, анализируя творчество писателя, вводит новый филологический и философский термин: «Достоевский-создатель полифонического романа. Он пришел к формированию принципиально нового романного жанра. Именно поэтому его творчество не укладывается ни в какие рамки, не подчиняется ни одной из тех историко-литературных схем, к которым мы привыкли применять феномены европейского романа» [1.С.15].

Здесь мы проводим параллель с испанским философом: в 1914 году М. Унамуно объявил в «Тумане» о создании нового литературного жанра – «ниволы», присваивая это новшество Виктору Готи, одному из героев ниволы и вымышленному автору предисловия. Готи объясняет главную специфику данного жанра: «Я буду писать роман, но писать так же, как течет жизнь, не зная, что будет дальше» [5.С.615]. Необходимостью его изобретения является, как уверяет Виктор Готи, в том, что «никто не посмеет сказать, будто мой роман ломает правила своего жанра. Я изобретаю жанр, и изобретать жанр – это не что иное, как дать ему новое имя, и я даю ему законы, которые мне нравятся. И много диалога!» [5.С. 616].

М. Бахтин отметил: «Достоевский, подобно гетевскому Прометею, не создает рабов без собственного голоса (как это делает Зевс), а свободных людей, способных противостоять своему творцу, не соглашаться с ним и даже противостоять ему» [1.С.14]. Аналогичное мы можем увидеть в «Тумане», где Агусто Перес, главный герой ниволы, знакомый с творчеством М. Унамуно, приезжает к нему в Саламанку, завязывает с ним в спор и даже угрожает убить своего создателя.

Интересно, что в 1920 году испанский мыслитель писал, имея в виду в первую очередь творчество Ф.М. Достоевского: «В России роман не жанр и не литература. И это не фантастика. Это творение, это телесная вещь. И это история, история, созданная, а не просто рассказанная» [6.С.729]. Как известно, понятие

агонии ключевое в философии Дон Мигеля. Поэтому, называя персонажей Достоевского агонистами, испанский мыслитель осознает существенное сходство между русскими романами и своим собственным, конкретно в способе их изображения, в характере их реальности – на границе между существованием «человека из плоти и крови» и несуществование вымышленной сущности. В общем, характеры творчества Достоевского и Унамуно очень типичны для такого бытия: на краю, на пороге, в борьбе противоречивых начал. Однако не стоит забывать различие: мир Достоевского полифоничен, это диалог нескольких равноправных сознаний; мир Унамуно принципиально антиномичен, он построен на бинарных оппозициях. Это значит, что, хотя в мире Достоевского спорит много голосов, в мире Унамуно, как правило, их два. Персонаж Достоевского и Унамуно всегда вовлечен в острую полемику с самим собой, его внутреннюю речь нельзя назвать монологом.

В заключение, безусловно, нужно отметить, что Достоевский – чисто романист, он пишет романы, распространяемые в газетах и изданиях. Его персонажам не суждено заниматься философией, хотя они ее порождают. Со своей стороны, Унамуно человек, посвятивший себя философским исследованиям и размышлениям, для которого художественная литература имела второстепенное значение. Вот поэтому, когда он пишет ниволу у него возникает идея, которую он впоследствии олицетворяет в персонаже, созданным для этой идеи или проблемы. Персонаж провоцируется идеей и философскими размышлениями. У испанского мыслителя философская интонация формирует художественную литературу, как отражение абстрактного, а у русского писателя характеры и ситуации создают философскую мысль.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 300 с.
2. *Мережковский Д. С. Л.* Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д. С. Мережковский. - М.: Республика, 1995. 618 с.
3. *Рябцева Т. Ф., Сидорова Р. Г.* Слово о Достоевском: курсы лекций; науч. ред. В. А. Макулина, Ю. Е. Пушкарева; отв. ред. И. А. Пушкарева; М-во образования и науки Рос. Федерации, Новокузнец. ин-т (фил.) Кемеров. гос. ун-та. – Новокузнецк – Красноярск: Полиграфическая компания «Sital», 2020. 372 с.
4. *Lukacs G.* Teoría de la novela // *Novoe literaturnoe obozrenie.* (Moscú.) 1994. N. 9. 77 p.
5. *Unamuno M.* Obras completas, tomo II. Novelas. Madrid, Escelicer, 1966. 1240 p.
6. *Unamuno M.* Obras completas, tomo IV. Fundación José Antonio de Castro, 1995. 966 p.

КРИЗИС РЕПЛИКАЦИИ И КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТНОГО ЗНАНИЯ М. ПОЛАНИ

А.П. Смакотин

Научный руководитель: к.ф.н. Е.Н. Суханова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Происходящий ныне кризис репликации (the replication crisis) в науке поднял волну споров и дискуссий в том числе и о природе того, что мы называем объективным знанием. Исследования, опубликованные в журнале Nature, показали [2], что множество ученых из различных областей не смогли при повторе эксперимента получить такие же результаты, причем иногда – при повторе своего собственного. Например, число ученых-химиков, которые не смогли повторить результаты, полученные ранее их коллегами, составило более 70% от опрошенных. Это создает серьезные проблемы для науки, ведь, как известно, эмпирическая воспроизводимость результатов является, наверное, важнейшим критерием в признании таких результатов объективными. Однако указанный кризис говорит о том, что чисто объективными они не являются. Но назвать полностью субъективными все научные знания мы не можем. Возникают определенные проблемы, решить которые, на наш взгляд, может концепция личностного знания М. Полани.

Личностное знание означает, прежде всего, личностное участие познающего в процессе познания. Майкл Полани справедливо замечает, что всякая попытка полностью исключить человеческую перспективу из нашей картины мира неминуемо ведет к бессмыслице.

На наш взгляд, кризис репликации происходит главным образом из-за категорического разделения между объективным и субъективным, из-за мнения, что существует чисто объективное и чисто субъективное знание. Это разделение фактически означает также фундаментальное разделение между разумом и чувствами, между наукой и искусством. Данная точка зрения, безусловно, имеет очень длинную историю в философской мысли, но на наш взгляд важно рассмотреть картезианский дуализм, как наиболее повлиявший непосредственно на становление науки в XVII веке. Р. Декарт разделил материю и дух (который для Декарта означал только разум), объективное знание было знанием разума, тогда как чувства, подверженные всяким переменам, личным окраскам и т.д. стали сферой субъективности. Однако в философии Декарта акцент делался не на то, что чисто объективное знание будет бессмысленным, наоборот – ведь, согласно мировоззрению Декарта, разум человека был отделен от материи и имел непосредственную связь с трансцендентным Богом, гарантом истинности этого знания («Бог не обманщик»). Несмотря на то, что современная научная картина мира давно уже отошла от картезианского дуализма, категоричное разделение знания на объективное и субъективное остается в науке до сих пор. И они по-прежнему соотносятся с разумом и чувствами соответственно. Об этом Майкл Полани пишет: «Мы отказываемся от грубого антропоцентризма наших чувств в пользу более честолюбивого антропоцентризма нашего разума» [1.С.22]. Мы забываем о том, что разум является человеческим разумом, а не бестелесным духом, и на самом деле постоянной и твердой границы между ним и чувствами нет. Таким образом, как Майкл Полани и говорит, чистой объективности для человека быть не может. Он пишет: «... абсолютная объективность, приписываемая обычно точным наукам,

принадлежит к разряду заблуждений и ориентирует на ложные идеалы» [0. С.40]. Противоположность этому – концепция личностного знания, где, как уже было сказано, важно личностное участие познающего в акте познания. Человек не познает мир, смотря на него как будто бы из какой-то трансцендентной точки. Он участвует в самом процессе, находясь в мире, а не где-то, так сказать, снаружи.

По этому вопросу интересно замечание Р. Шелдрейка, который говорит о распространении в англоязычной научной среде начала XX века стиля письма, использующего the passive voice. В работах писали, например: «A test tube was taken» вместо того, чтобы написать «I took a test tube», или «It was considered that...» вместо «I think...» [3. С.180]. Словно события сами собой происходили перед глазами бестелесного духа ученого.

М. Полани приводит множество примеров, где даже, казалось бы, самое безличное знание имеет личностный характер. «...личное участие ученого присутствует даже в тех исследовательских трудах, которые представляются наиболее точными» [1.С.43].

Знание является одновременно и объективным, и личностным. Чисто объективного знания не существует, потому что для человека оно невозможно, а если бы было возможно, то было бы бессмысленно. Но объективное знание все-таки возможно и существует – через наше восприятие мы воспринимаем реальный мир, естественно не воспринимая при этом полностью всю реальность.

На наш взгляд, концепция личностного знания способна замечательно разрешить проблему существования и взаимодействия объективного и субъективного знания и многое другое. Она также способствует пониманию, что человек не отделен от мира, но является частью природы. Я думаю, за ней будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полани М. Личностное знание. // М. Полани пер. с англ. Гнедовский М.Б., Смирнова Н.М., Старостин Б.Л. М., 1985. 344 с.
2. Baker M. 1,500 scientists lift the lid on reproducibility // Nature, 2016. №533. pp. 452–453 (2016).
3. Shelldrake R. The Science Delusion. // Hodder & Stoughton. 2012. 400 p.

ПРОБЛЕМА ЕДИНОГО И МНОГОГО В ДИАЛЕКТИКИ ГЕРАКЛИТА

М.А. Хорошилов

Научный руководитель: д.ф.н. В.В. Чешев

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Диоген Лаэртский говорит: «Расцвет Гераклита пришелся на 69 олимпиаду», а я говорю, что Гераклит процветает до сих пор, потому что он оставил свою частицу в своих трудах, хоть и немного из которых фрагментов дошло до наших дней, даже то малое, чем мы довольствуемся, имеет большую ценность и может поддаваться новым трактовкам и интерпретациям. Поэтому погружение в философию Гераклита представляет научный интерес для тех людей, которые хотят быть просвещенными в основных философских проблемах и в учениях знаменательных представителей философской мысли.

В этой статье я попытаюсь раскрыть и описать проблематику «единого и многого» и выделить положения самого учения античного философа, а также попробую выделить основные спорные моменты, которые мне удалось найти в разных трактовках другими авторами Гераклита.

Самой главной темой моего доклада является проблема «единого и много», а также это проблема являлось одной из первых и основных философских проблем древней Греции. Не углубляясь в историю возникновения философии, достаточно будет сказать, что греки, удовлетворив свои основные потребности, стали мочь себе позволить интеллектуальные занятия, в том числе и философию. И история философии древней Греции началась с поиска ответов на вопросы, которые появились в свободное время. И одним из главных вопросов был «что есть первопричина всего?» или «откуда берет свое начало мир?». И в ходе умственной деятельности греки изобрели проблему «единого и много», которая по сути своей вопрошает о том в каком мире мы живем: в мире единичных ощутимых вещей или эти вещи есть одно и тоже так как имеют одно начало и одну природу?

В ходе развития истории, это проблема получала разные решения, начиная с милетской школы заканчивая богословцами. Но в этом докладе предпочтительнее остановится на решение Гераклита, потому что его пример отличается уникальностью и глубиной, а также Гераклит – это первый философ, в учении которого можно увидеть зачатки диалектики. Именно поэтому этот философ был выбран для иллюстрации этой проблемы.

ТРАКТАТ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА КАК КРИТИКА ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ Г. ФРЕГЕ

А.С. Хромченко

Научный руководитель: д.ф.н. В.А. Суровцев

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Интерпретация природы логики и логических суждений, предложенная в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна во многом является результатом критического осмысления автором Трактата доктрин Г. Фреге. В докладе сравниваются ключевые для философии логики Фреге и раннего Витгенштейна концепции смысла, истины и природы логических связей и аксиом.

Если в случае Фреге смысл предложения понимается как конкретный способ презентации таких абстрактных логических объектов как истина и ложь [3. С.235], то в Трактате смысл предложения понимается как изображение некоторого возможного положения вещей [1. т. 2.202, 2.221]. Витгенштейн оспаривает понимание истины и лжи как специфических логических сущностей, на которые указывают предложения. Предложение в его интерпретации не является именем собственного значения, какие бы объекты не выступали в роли последнего [1. т. 3.142, 3.144]. В соответствии с этим, смысл предложения является независимым от какого-либо рода реальности. Понять смысл предложения – значит знать, что имеет место или как обстоит дело, когда оно истинно, вне зависимости от того, истинно ли данное предложение на самом деле [1. т. 2.22]. Также, в отличие от Фреге, Витгенштейн отрицает наличие иерархии суждений внутри логики, согласно которой существуют исходные суждения, выступающие законами для формирования любых других [1. т. 5.43, 6.127]. Он указывает, что признаком предложений логики является не общезначимость [1. т. 6.1231], как предполагал Фреге, а существенная для них валидность – пропозиции логики необходимо истинны. Именно в силу того, что каждое предложение логики является тавтологией, ни одно из них не является более базовым, чем другое [4. С. 216–217]. Также Витгенштейн отказывается от идеи Фреге, согласно которой логические связи являются именами отношений между истинностными значениями предложений [2.С.74–90]. Тот факт, что логические союзы взаимоопределяемы, показывает, что они не обозначают собой устойчивые отношения между абстрактными логическими объектами [1. т. 5.4–5.44], но представляют собой истинностные операции над пропозициями [1. т. 5.234]. Логика в понимании Витгенштейна не имеет собственного референта и не репрезентирует реальность особого рода – реальность логических объектов и отношений. Предложения логики бессмысленны, поскольку не представляют *никакую* реальность. Так, тавтология допускает любое возможное положение вещей, а противоречие не допускает никакого [1. т. 4.462].

В силу того, что предложения логики ничего не описывают и не предписывают, представления Фреге о логике как нормативной науке о законах сохранения истины, описывающей отношения между абстрактными объектами мышления, с точки зрения Витгенштейна, являются ошибочными [5. С.221–224]. Те предложения логики, которые Фреге обозначил в качестве аксиом, согласно Витгенштейну, демонстрируют в символическом виде *формальные свойства языка* и в этом заключается их ключевое значение. Логика не предписывает естественному языку

корректный способ суждения, а лишь проясняет уже наличествующую структуру естественного языка, существенным образом связанную со структурой мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 288 с.
2. *Фреге Г.* Логические исследования // В сборнике Логико-философские труды / Г. Фреге. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. С. 27–124.
3. *Фреге Г.* О смысле и значении // В сборнике Логика и логическая семантика / Г. Фреге. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230–246.
4. *Hacker P.M.S.* Frege and The Early Wittgenstein // P.M.S Hacker; Wittgenstein: Connections and Controversies. Clarendon Press, Oxford, 2001. pp. 191–218.
5. *Hacker P.M.S.* Frege and The Later Wittgenstein // P.M.S Hacker; Wittgenstein: Connections and Controversies. Clarendon Press, Oxford, 2001. pp. 219–242.

МУЗЫКА КАК АНТРОПОТЕХНИКА У ПЛАТОНА

Д.А. Ярочкин

Научный руководитель: д.ф.н. Б.В. Марков

Санкт-Петербургский государственный университет

Платон писал, что музыка – это искусство искусств, наука наук, она излечивает безумных, отгоняет демонов, умиляет даже богов. Поныне лучше всего изучены когнитивные аспекты музыки [4. С.175]. Вообще *mousicos* в широком смысле слова означает «образованный». В этом видется антропотехническая функция музыки.

Гармония слова и дела у Платона сравнивается с музыкальной гармонией. музыка происходит от *mōsthai* – ощупывать, исследовать. Другое значение – воспитание нужных душевных свойств. Музыка неразрывно связана со словом поэтому это воспитание, словом, которое и внедряет рассудительность и любовь к прекрасному с помощью слов и мифов [1.С.63]. Особую убедительность, которую добавляет музыка отметил Шопенгауэр и современные ученые и практики.

Размышления о близости музыки потоку переживаний Платон расширяет до этической концепции поскольку музыка является «наиболее эффективным орудием» [1.С.141]. направления этих переживаний в нужное русло. Интересно, что музыку у Платона можно перевести и как средство воспитания и как пищу души. Возможно, в этом проявляется двойственность музыки и как аффективно близкого душе, но при этом упорядоченном движения.

«Главнейшая пища не заключается ли в музыке, так как ритм и гармония особенно внедряются в душу, весьма сильно трогают ее и делают благопристойною, если кто питается правильно, а когда нет, – выходит противное? Притом воспитанный этим по надлежащему живо чувствует, как скоро что упущено, или неловко отделано, или нехорошо произведено. Будучи расположен к справедливому исследованию, он хвалит прекрасное, с радостью принимает его в душу и, питаясь им, становится честным и добрым человеком, а постыдное дело порицает и ненавидит от самой юности, прежде чем может дать себе в этом отчет. Когда же потом представляется причина, – с любовью объемлет ее как знакомую, – особенно тот, кто получил подобное воспитание» [1.С.131].

Если перевести дословно, не претендуя на литературность, то используется *μουσικῆ τροφή*, что значит пища музыки, а не воспитание. И заключительное *ἐλθόντος δὲ τοῦ λόγου ἀσπάζοιτ' ἄν αὐτὸν γνωρίζων δι'οικειότητα μάλιστα ὁ οὕτω τραφεῖς* [3] когда он пришел к Логосу, он уже был с ним ознакомлен, особенно, если получил пищу. Это очень физиологичное описание музыки как пищи души. Оно показывает двоякость музыки и как возвышенной гармонии и как материального и чувственного объекта. Музыка в оригинальном тексте затекает, а не внедряется в душу. О текучести музыки как движения мы говорили. Она в нее погружаются - *καταδύομαι* [3].

Музыка оказывается транзитным элементом между возвышенными ценностями - идеями и числом, и чувственной человеческой природой.

Музыка подспудно настраивает человека на космическую гармонию. Именно на знании гармонии, выраженной в числе основано подлинное искусство высокой музыки в противовес чувственной, основанной на повторении практике.

Наше наслаждение ладом Платон объясняет тем, что в смертных движениях является подражание гармонии небесной, которую мы изначально знаем [1.С.136]. Некоторые лады полезны, некоторые нет. [1. С. 138]. Лад может быть сыгран не только на инструменте, а в жизни человека.

Поскольку музыка – это не просто звук, это способ передачи мироустройства, гармонии, то инструмент – это то каким образом идеальная гармония проникает в реальный мир. Поэтому стремление создать этически верный инструмент возникло давно. Уже Платон стремился ограничить средства производства музыки так, чтобы они производили звуки, которые овладевая человеком питали его только положительными пластами знания. Платон оставляет лиру, кифару, отвергает многострунные инструменты вроде пектиды или тритона ударные, *aylos*, для пастухов остается *sygix* [2 С. 116–117].

Платон стремится ограничить неконтролируемое влияние музыки логосом, то есть словом. Однако в самой экстатической природе музыки он не видит ничего плохого. То, что философ не запрещает везде инструментальную музыку, а в одном месте он говорит о ее положительном влиянии [1.С.169], позволяет сделать вывод о том, что музыка без слов может стать неконтролируемым инструментом манипуляции сознанием, душой в греческих терминах и иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Эта двойность составляет энигматичность музыки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Высокая классика. М.: АСТ, 2000. 624с.
2. *Платон.* Государство М. Академический проект, 2015. 398 с.
3. *ΠΟΛΙΤΕΙΑ.* Электронный ресурс. URL: https://www.plato.spbu.ru/TEXTS/Burnet/405RP_III.htm (дата обращения: 03.04.2022).
4. *Menon, V. Levitin, D. J.* The rewards of music listening: Response and physiological connectivity of the mesolimbic system//*NeuroImage*, 2005 №28(1). hh. 175–184.

ГУМАНИТАРНАЯ ИНФОРМАТИКА**ФУНКЦИИ МЕНЕДЖЕРА В УСЛОВИЯХ УДАЛЕННОЙ РАБОТЫ**

П.А. Балявина, М.Р. Данилова

Научный руководитель: к.э.н. И.В. Разинкина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

В 2020 году в связи с возникновением опасного фактора внешнего воздействия (COVID-19) современное общество претерпело изменения в разных сферах жизнедеятельности. Большинство коммерческих и некоммерческих организаций приняли решение о переводе части сотрудников или полном переходе на удаленную работу. Смена формата работы оказала влияние на деятельность всех подразделений, особенно на управленческие структуры. Многие организации столкнулись с неизбежным процессом цифровой трансформации, вызванным переводом всех сотрудников или части из них в онлайн-формат. Следует отметить, что дистанционная работа позволила различным структурам понять, что современные цифровые инструменты были внедрены в недостаточной степени, это проявилось в том, что рабочий процесс стал менее эффективным и более длительным, наблюдались сбои продаж и падение прибыли [2].

В процессе изучения вопроса влияния удаленной работы на функциональное назначение управленцев, можно выделить основную цель исследования, которая заключается в проведении анализа функций менеджеров в контексте дистанционного формата деятельности компании.

Важно отметить, что эффективная организация удаленной деятельности компании предполагает усилия, практику и отсутствие боязни новшеств. В обязанности менеджера входит умение координировать работу, также важно умение брать на себя ответственность за организацию рабочего процесса в онлайн-формате, при этом совмещая ее с основными задачами.

Современный мир довольно быстро адаптировался к новому формату жизни, на рынке труда появлялась востребованная профессия «менеджер удаленной работы», подобный сотрудник обладает необходимыми навыками, знаниями и умениями, которые важны и нужны для эффективной организации работы компании [1].

Безусловно, действия руководителя при дистанционном формате будут схожи с функциями при очной работе. Такие задачи управленца, как целеполагание, планирование, контроль, обратная связь, мотивация сотрудников остаются актуальными независимо от формата рабочего процесса [3]. При этом в парадигме дистанционного менеджмента эти задачи приобретают новые особенности [4].

В результате исследования ученых из Австралии и Нидерландов, было выявлено, что около 40% из 215 руководителей и менеджеров выразили низкую уверенность в своей способности управлять работниками удаленно, при этом 23% менеджеров не согласились с утверждением «Я уверен, что смогу управлять командой удаленных работников». Эти данные свидетельствуют об отсутствии самоэффективности при управлении удаленной работой.

Значимым фактором в процессе удаленной работы является не только недостаток навыков и знаний для осуществления управленческих функций в онлайн-формате, но и низкая самооценка: 25% менеджеров в возрасте до 30 лет считали, что они не могут эффективно координировать работу команды удаленных работников, в то время как только 12% менеджеров старше 30 лет испытывали недостаток уверенности в себе. Ученые отмечают, что управленцам необходимо овладеть новыми навыками делегирования полномочий, чтобы предоставить своим работникам большую автономию в отношении методов их работы и сроков их выполнения [6].

Необходимо отметить, что в базовый набор компетенций и навыков менеджера на дистанционной работе входят умение работать с различными мессенджерами, электронной почтой, видеосвязью. Можно дополнить этот список навыками работы с системами электронного документооборота. Важно создать план коммуникации с командой: сюда входят все необходимые каналы коммуникации для рабочего и личного общения. Простые правила работы, такие как взаимное соблюдение договоренностей, равная открытость при коммуникации со всеми сотрудниками, высокая скорость взаимодействия, позволяют дистанционной команде быть эффективной [5.С.29].

В контексте удаленной работы менеджеру важно стараться повысить культуру открытости, а также быстро реагировать на любые запросы сотрудников, чтобы команда могла работать в едином информационном поле. Важно избежать ощущения дискриминации по принципу удаленности участниками рабочей команды. Феномен «культуры открытости» заключается в оперативном оповещении всех работников о каком-либо решении, что способствует росту производительности труда. Конечно же, руководство – это важнейший драйвер внедрения такой культуры, менеджеру необходимо работать над тем, что все сотрудники могли быстро получать всю требующуюся для выполнения своих обязанностей информацию.

Таким образом, менеджер в среде дистанционного рабочего процесса является не только традиционным руководителем, который может свободно реализовать основные функции управления, умеет уверенно коммуницировать с подчиненными и клиентами, а также и принимать стратегически грамотные решения. Знания, умения и практические компетенции специалиста в сфере менеджмента в современных реалиях необходимо сочетать с навыками в области информационных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Машкова А.С., Толочек В.А.* Экспертная самооценка менеджерами своих профессиональных компетенций: дифференцированный анализ // Ярославский педагогический вестник. 2020. №4 (115).

2. *Медведева Я.Я., Оглоблин В.А.* Классификация компетенций менеджеров для повышения конкурентоспособности организаций в современных условиях // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. №10-2.
3. *Морозова О.В.* Личностные особенности профессионально успешных менеджеров // Скиф. 2020. №7 (47).
4. *Орлов В.Б.* Удаленная работа: менеджмент и самоменеджмент // Вестник ЮГУ. 2015. №S4 (39).
5. *Шароватов Ю.* Дистанционный менеджмент: как управлять сотрудниками на удаленке // Альпина Паблишер. 2020.
6. *Parker S.K., Knight C., Keller A.* Remote managers are having trust issues [Электронный ресурс] // URL: <https://hbr.org/2020/07/remote-managers-are-having-trust-issues> (дата обращения: 19.03.2022).

ПЕРСПЕКТИВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЛАТФОРМЫ STEPIC В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.А. Калафат

Научный руководитель: к.п.н. Н.Н. Абакумова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Современная система образования постепенно двигалась в сторону онлайн-обучения медленными шагами, в то время как пандемия и экономический кризис столкнули каждого человека с новыми тенденциями и трендами. Наряду с упадком в экономической сфере онлайн-обучение сделало большой шаг вперед. И уже в современном образовании присутствуют элементы смешанного образования повсеместно, а непрерывное обучение как главный тренд образования будущего [2].

В наши дни актуальна такая концепция как «lifelong learning». Чтобы получить достаточную прибыль и быть высококвалифицированным специалистом в наши дни очень важно всегда иметь новые знания, так как каждый день происходят все новые и новые открытия, события. Тренд на образование и образование-онлайн пришло в Россию еще в 2019 году. Но популярность онлайн-курсов на онлайн-платформах получает только после кризиса «постковидного» времени [2].

Уникальность своевременности системы образования-онлайн была отмечена на форуме Winning The Hearts. На форуме обсуждались современные тенденции, а также проблема конфликта консервативного мышления и технологий. По прогнозам директора глобальной платформы, HolonIQ Патрика Бразерса существует пять возможных сценариев развития системы образования в мире.

Итак, сценарии развития образования в мире:

1. Education-as-Usual – «Образование как всегда», ожидается, что к 2050 году заинтересованность в получении образовании повысится, и обучаться будет уже 9,4 млрд человек вместо 7,8 млрд. современная система образования не сможет справиться с таким объемом, а значит нужны новые формы обучения. Уже сейчас необходимые знания можно получить на онлайн-платформах, рекомендованах ВУЗами и созданными преподавателями ВУЗов, например, Stepica.

2. Regional Rising – «Региональный рост», согласно данному сценарию в рамках коллаборации отдельные страны могут объединиться и создать свои образовательные экосистемы, чтобы получать преимущество. Что сейчас можно наблюдать на платформе ODIN Томского государственного университета, на платформе которой базируются программы различных вузов России.

3. Global Giants – «Глобальные гиганты». В данном прогнозе предполагается, что доминантными на рынке образования станут платформы Amazon или Google.

4. Peer to Peer – «От человека к человеку».

5. Robo Revolution — «Робореволюция». Искусственный интеллект позволит создать персонализированное обучение, где будет иметь место индивидуальные планы обучения. В каждом классе педагогу будет помогать именно искусственный интеллект. Роль педагога будет проявляться в роли коуча или ментора, так как базовые потребности процесса обучения возьмут на себя технологии [2].

Обращаясь к первому варианту развития событий в плане формирования тенденций в сфере образования и его перспектив отдельное внимание необходимо уделить первой ступени: развития онлайн-образования. Онлайн-образование –

это появление таких образовательных платформ, где уровень и качество знаний сохраняются на уровне высших учебных заведений. Качественные массовые открытые образовательные программы были сформированы на базе Coursera, Stepica одними из первых в России.

Stepik (stepik.org) – российская образовательная платформа и конструктор открытых онлайн-курсов и уроков, которые объединены в целый курс [1]. Разработчики сотрудничают с авторами МООС и разрабатывают алгоритмы для адаптивного обучения. Основной целью данной платформы является открытость и удобность данных. На платформе каждый желающий может создать интерактивные уроки и онлайн-курсы, используя видео, тексты, а также используя задачи с автоматической проверкой и моментальной обратной связью. Еще в 2020 году на платформе были зарегистрированы 5 миллионов человек. Основная целевая аудитория – это школьники, так как на платформе присутствуют курсы для подготовки к ЕГЭ, студенты и начинающие специалисты. На платформе проводят олимпиады, программы переподготовки кадров и конкурсы. Сейчас на платформе более 700 бесплатных онлайн-курсов.

Наибольший рейтинг имеют курсы: «Программирование на Python», «Подготовка к ЕГЭ по русскому языку», «Учись учить дистанционно», «Введение в Data Science и машинное обучение», «Информационное моделирование зданий», «Excel для новичков», «Введение в программирование (C++)», «Поколение Python: курс для начинающих». Что касается гуманитарных наук, то важно учесть, что блок включает 52 курса разных направлений. Одними из самых востребованных считается: «Философия», «Теория аргументации», «Китайский язык». На платформе удобно создавать свой курс, интерфейс приятный, легок в использовании. Для размещения своего онлайн-курса предпочла именно данную платформу.

Заключение

Таким образом,

1. Современное образование имеет тенденции непрерывного образования, и онлайн-образование является трендом в современном мире,
2. В ближайшие десятилетия система образования изменится и сфокусируется на развитии отдельных компетенций у людей,
3. Все большую популярность приобретают онлайн-платформы для получения новых знаний и получения компетенций,
4. Stepik, как перспективная программа для размещения онлайн-курса

ЛИТЕРАТУРА

1. *Stepik*. Электронный ресурс // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Stepik.htm> (дата обращения 10.04.2022).
2. *РБК-тренды*. Электронный ресурс // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education.htm> (дата обращения 16.04.2022).
3. Skill box медиаобразование. Электронный ресурс // URL: <https://skillbox.ru/media/education/kak-budet-vyglyadet-onlaynobrazovanie-v-2030.htm> (дата обращения 15.04.2022).

РЕДИЗАЙН САЙТА ИНСТИТУТА ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Е.Е. Коваленок

Научный руководитель: к.ф.н. Н.Н. Зильберман

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Развитие информационно-технологической сферы, рост цифровой грамотности пользователей интернета, а также принятие ими онлайн-коммуникации как неотъемлемой части взаимодействия с организацией в цифровой среде изменило и продолжает менять стандарты представления образовательных организаций в интернете.

Специфику дизайна сайтов университетов исследовали Новоселова О.В., Гуреева А.В., Аугамбаева Д.Д., Патрушева И.В., Волина В.Ю., Д.А. Шевченко и другие. Многие исследователи сходятся во мнении, что конкуренция среди вузов постепенно перемещается из физического пространства в виртуальную среду.

Интернет-технологии позволяют вузам выходить на более широкие: региональные, национальные, мировые рынки потребителей образовательных продуктов и услуг [4]. Сайт университета – это не только онлайн-визитка вуза, это его имидж в том числе и международном интернет-пространстве анализ эффективности сайтов российских вузов можно рассматривать как механизм, выявляющий слабые стороны и указывающий пути совершенствования коммуникационной стратегии и информационной политики вуза [1].

В настоящее время важно иметь не только полноценные сайты университетов: та часть, которую университет посвящает дополнительному образованию должна быть также представлена в сети Интернет. Эта работа посвящена редизайну сайта Института дистанционного образования Томского государственного университета (далее – ИДО ТГУ, ИДО).

Заказчиком выступает ИДО ТГУ, специализирующиеся на формировании научно-образовательного пространства в ТГУ на основе информационных технологий и современных средств коммуникаций и реализации образовательных программ используя технологии дистанционного обучения [2]. Исполнителем является диджитал-агентство «Паравеб».

Перед разработкой была организована серия встреч с Заказчиком, на которых проводилось обсуждение будущего проекта и брифинг. Благодаря ему удалось понять проблемы, цели проекта и ожидания Заказчика, разобраться в специфике организации, оценить бюджет и сроки реализации проекта.

Во время обсуждений были выделены следующие проблемы сайта:

- не выполняет информационных, имиджевых и маркетинговых функций;
- технологически устарел;
- содержит неактуальную и неполную информацию;
- не привлекает новых пользователей;
- не позволяет целевой аудитории сайта быстро найти необходимую для них информацию.

Проведение эвристического анализа старого сайта подтвердило наличие выделенных Заказчиком проблем. После анализа брифа были формализованы следующие требования:

- 1) новый дизайн сайта должен соответствовать трендам дизайна;
- 2) выполнен в фирменном стиле университета;
- 3) быть адаптивным и корректно отображаться на любых устройствах;
- 4) спроектирована понятная и удобная информационная архитектура сайта;
- 5) иметь возможность пользователям оставить обратную связь;
- 6) контент на сайте должен быстро загружаться и время отклика должно быть минимально;
- 7) на сайте должна быть размещена актуальная и необходимая для целевой аудитории сайта информация, соответствующая специфике Института и отвечающая требованиям Министерства науки и высшего образования РФ: иметь версию для слабовидящих, английскую версию и другие;
- 8) исполнитель должен своими силами наполнить и загрузить сайт на боевой сервер;
- 9) техническое сопровождение проекта после разработки.

Для разработки нового дизайна был проведен бэнчмаркинг сайтов высших учебных заведений России и были выделены критерии анализа UI/UX-дизайна сайтов образовательной организации. В подборку для анализа вошли 10 сайтов университетов, 4 из которых – сайты вузов города Томска, 5 – сопоставимых по профилю вузов центрального региона России, 1 – ближайший региональный конкурент. Все отобранные университеты включены в один из крупнейших рейтингов России «RAEX ТОП-100» [3].

В результате анализа удалось найти интересные решения для разработки сайта ИДО ТГУ и решения, которые не стоит использовать при разработке нового дизайна сайтов. Удачными решениями стали анимации и 3D-решения, бургер-меню, обратная связь с пользователями сайта, плоский, минималистичный дизайн и др.

Над сайтом Института дистанционного образования работала команда в следующем составе: менеджер проекта, фронтэнд-разработчик, бэкенд-разработчик, тестировщик, дизайнер и помощник дизайнера.

Во время реализации проекта у автора данной работы была основная роль менеджера проекта, а также дизайнера. В результате проделанной работы:

- проведен бэнчмаркинг сайтов высших учебных заведений;
- было выделено 2 пользовательских сценария и улучшена имеющаяся информационная структура сайта: добавлены новые, объединены и убраны неактуальные разделы, проведено разделение на категории, ориентированные на целевую аудиторию сайта;
- разработан UI кит и стайлгайд проекта;
- выделено 14 уникальных страниц и разработан для них UX/UI дизайн, на основе которых собран весь сайт в размере более 100 страниц: типовая текстовая страница, главная страница, «о нас», новости, детальная новости и другие;
- запущен сайт на домене ido.tsu.ru [2].

После разработки был проведен показ новой версии сайта с представителями Заказчика, на которой проводилась защита концепции и дизайна проекта и был показан обновленный сайт. По итогам показа сайт был одобрен, а также подтверждено, что все ранее выделенные проблемы были решены. В настоящее время проект запущен для общего пользования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гуреева А.В.* Медиатизация научно-образовательной деятельности в интернете: сайт российского вуза // Вестн. моск. ун-та. сер. 10. журналистика. 2017. № 3. С.58–88.
2. *Институт* дистанционного образования ТГУ. Электронный ресурс // URL: <https://ido.tsu.ru/> (дата обращения: 11.12.2021).
3. *Рейтинг* RAEX ТОП-100. Электронный ресурс // URL: https://raex-rr.com/education/universities/rating_of_universities_of_russia (дата обращения 12.12.2021).
4. *Шевченко Д.А.* Цифровой маркетинг в сфере образования // Практический маркетинг. 2018. №1 (251). С.3–11.

«ЗАБОТА О СЕБЕ» В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВ КОНТРОЛЯ

А.В. Конюшков

Научный руководитель к.ф.н. М.В. Куликов

Кузбасский институт ФСИИ России

Общества контроля – принципиально новая ступень развития социума, где смещение объекта воздействия власти и сам способ этого воздействия изменяет концепт администрирования социума сущностно и катигориально.

Делез пишет: «Фуко разместил дисциплинарные общества в XVIII и в XIX столетии; они достигли своего расцвета к началу XX-го. Они приступили к организации гигантских пространств изоляции. Индивид непрерывно переходит от одного закрытого пространства к другому, у каждого из которых свой собственный закон: вначале семья, затем школа («ты теперь уже не у себя дома, в семье»), потом казарма («ты уже не в школе»), потом завод, время от времени больница, возможно, тюрьма, которая является пространством изоляции *par excellence*» [1.С.226]. Делез, конституируя модель контроля, отмечает, что не тело и душа, а сама физиология человека становится объектом контроля: трансгуманистические практики фактически воздействуют на мозг – современная эпоха нейроцентрична, поэтому маркетинговые стратегии выстраиваются в соответствии с особенностями восприятия человека, а политические лозунги и призывы сменились на игру символов и вариаций их восприятия.

Французский философ усматривает конструктивное отличие дисциплинарности от контроля в методе воздействия на индивида: если дисциплинарность основным методом избирает муштру, прямую силу и императивные установления, то контроль использует более изящные методы, прежде всего маркетинг, который воздействует на человека изнутри – философия потребления формирует определенный алгоритм поведения индивида, сопровождаемое искусственно созданным ощущением свободы, при котором отпадает необходимость в строгих императивных установлениях. Свобода выбора реализуется в рамках философии потребления, утилитарно, как значимое потребление.

Контроль, пронизывающий все сферы общественной жизни, а также все стадии становления индивида, становится неотъемлемой единицей бытия. Избежать контроля фактически невозможно в силу того, что человек является существом биосоциальным. Ненормативные установки социума порой в большей степени влияют на поведение индивида, чем императивные требования публичной власти, коррелирование закона нормативного и закона природы обуславливает сущностное различие дисциплинарной власти от власти контролирующей.

Избежать контроля невозможно, но возможно ограничить его влияние на индивида, например, в практиках «заботы о себе» – античной антропологической установке, репрезентированной через постструктуралистский стиль мышления Фуко, формирующей опыт прежде всего маргинального или номадического бытия в объёме контролем общественном теле [4.С.18].

Так, например, Толстой прошел долгий интеллектуальный путь, от всемирно известного писателя до сознательно абстрагирующегося от социума субъекта, преследующего специфичные практики странничества не только в физическом воплощении, но и в плане ментальном. Удаление от общественной жизни

служило для Толстого способом обретения собственного «Я», которое в жизни человека перманентно находится в конфликте с универсальным общественным и собственным индивидуальным. «Сущность всякой веры состоит в том, что она придает жизни такой смысл, который не уничтожается смертью» жением ментального странствия. Странствие – метод абстрагирования от искусственной застойности светской жизни, «культурности», цивилизованности, официальной праведности, демагогии. Вера есть сущая жизнь, независимость от общественного и бытность в согласии с самим собой и богом – то есть истинная жизнь. Ответственность перед самим богом, а не перед обществом, в философии Толстого является основанием «заботы о себе», «жизни по правде».

Для Мераба Мамардашвили «забота о себе» существует как собственно философствование. Говоря о сущности философии, он пишет: «Она, философия, – ни для чего и никому не служит, ни у кого не находится в услужении, и ею нельзя изъясняться, а можно лишь жить, пытаясь в терминах и понятиях философии объединять какие-то отрезки (иначе необозримые и неохватные) своей судьбы...» [2, С.284]. В самой сущности философии он усматривает практику жизни, то есть философствовать – значит быть, не отрицать собственного сознания, требующего объяснения смысла общественно-социального, политического или какого-либо иного. Философствование – это постоянное усилие в становлении человека, то есть осознание самого себя в системе мироустройства. Философский запрос индивида на истину и есть «забота о себе», движущая сила становления человека, абстрагированного и смиренного.

Итак, «забота о себе» как концептуальная категория ускользания от контроля является сугубо индивидуальной, поскольку для каждого она раскрывается совершенно разными способами, как в позитивном, так и в деструктивном ключе. Толстой и Мамардашвили – это два безусловно разных мыслителя, представителя разных времен и формаций, но и тот и другой использовали специфические практики «заботы о себе» как ухода от мира системного, несвободного в пространство индивидуального, интимного, подлинного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делез Ж. «L'autre journal». № 1. Май 1990 г. // Переговоры. 1972-1990. С-Пб, «Наука», 2004. С. 226–233.
2. Мамардашвили М. Сознание и Цивилизация. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 352 с.
3. Толстой Л. Исповедь. О жизни. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 288 с. 4. Фуко М. История сексуальности. III: Забота о себе. Киев, М., 1998. 282 с.

ОСОБЕННОСТИ ДИЗАЙНА ИНТЕРФЕЙСОВ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В КОНЦЕПЦИИ ДИЕГЕЗИСА

Н.С. Лямзин

Научный руководитель: к.ф.н. Н.Н. Зильберман

Национальный исследовательский Томский государственный университет

На сегодняшний день виртуальная реальность получает все большую популярность не только в компьютерных играх и сфере развлечений, но и также встраиваясь во множество областей, такие как образование, медицина, промышленность и др. Интерфейс – это одна из самых важных частей любого приложения, являющаяся посредником между пользователем и приложением. Визуальное восприятие является основным способом получения информации для человека [6], поэтому большинство пользовательских интерфейсов рассчитаны на визуальный канал восприятия и много опыта уже получено в разработке графических интерфейсов для экранов.

В отличие от обычных приложений, где интерфейс располагается на двумерной плоскости, дизайн интерфейса для трехмерной виртуальной среды требует особый подход, так как нужно одновременно сохранять баланс между удобством пользования и иммерсивностью виртуальной среды, что определяет актуальность данной работы. Поэтому дизайн интерфейса виртуальной реальности является одним из наиболее сложных аспектов разработки [4]. В зависимости качества его исполнения будет зависеть иммерсивность, т. е. эффект присутствия, воспринимаемый пользователем виртуального мира, а также удобство взаимодействия с приложением.

При разработке пользовательского интерфейса для VR UX/UI дизайнеры руководствуются различными принципами и концепциями. Одной из таких является концепция диегезиса, в каком-то смысле она была позаимствована из литературы и театра. В основу данной концепции входит так называемый диегезис – способ повествования, при котором объекты и события описываются буквально, вместо того, чтобы быть обозначенными косвенно, через образы. В играх этот термин обозначает реальность внутри игрового мира [7]. Таким образом, интерфейс можно отнести к диегетическому, если он является и частью виртуальной среды, и частью нарратива.

Такой интерфейс существует внутри виртуального мира, и пользователь может с ним взаимодействовать, получая обратную связь, что усиливает иммерсивность и ускоряет адаптацию к цифровому пространству. Простым примером такого интерфейса может быть использования настоящих часов на руках пользователя для слежения за временем внутри виртуальной реальности, что позволяет ему получать информацию, не обращаясь к элементам за пределами виртуального мира. Меню приложения, использующего диегетический интерфейс также может быть представлено в виде виртуальной комнаты, в которой пользователь выбирает его элементы в виде предметов окружения, максимально задействующие контроллеры VR шлема. Например, игра Arizona Sunshine, где главное меню представляет собой комнату с проектором и кассетами, через установку которых пользователь осуществляет переход между элементами меню или непосредственно в игру. Такой подход поможет пользователю ознакомиться с базовым функционалом приложения и подготовиться к непосредственному переходу в

виртуальный мир. Такие интерфейсы также идеально подойдут для обучающих симуляторов, так как способны моделировать процессы для обучения персонала.

Сейчас такие интерфейсы активно применяются в компьютерных играх. Однако внедрение интерфейса внутрь виртуального мира может привести к его усложнению. В изобилии большого числа предметов можно легко запутаться, как, например, в *Half Life Alyx*, когда интерактивные и не интерактивные предметы визуально не отличаются. В таком случае используется пространственный интерфейс, который визуализируется в пространстве, но не является частью повествования, например, подсветка интерактивных предметов или курсор телепорта [5] при передвижении. Такие интерфейсы могут облегчить восприятие, так как информация предоставляется только там, где должно быть сфокусировано внимание пользователя.

Проблемы современного VR UI/UX дизайнера состоит в соблюдении баланса между реалистичностью таких интерфейсов и их удобством, а также тем, чтобы такие интерфейсы были настолько же эффективны, как классические плоские интерфейсы.

В итоге можно сказать, что, разрабатывая приложение для виртуальной реальности, используя концепцию диэгезиса, мы можем сформировать единый согласованный интерфейс, который поможет достичь максимальной иммерсивности внутри виртуальной среды. Такой интерфейс идеально подойдет для создания качественных обучающих симуляторов или компьютерных игр, где требуется обеспечить максимальное взаимодействие с виртуальной средой. Интерфейс приложений виртуальной реальности имеет важное значение, так как позволяет дополнить опыт пользователя, а также открывает новые игровые механики и позволяет адаптировать пользователя к виртуальному пространству.

ЛИТЕРАТУРА

1. *50 советов по UX в виртуальной реальности*. Электронный ресурс // URL: <https://habr.com/ru/post/475666/> (дата обращения: 24.12.2021).
2. *Влияние VR на подходы к главному меню игр*. Электронный ресурс // URL: <https://dtf.ru/gamedev/67599-vliyanie-vr-na-podhody-k-glavnomu-menu-igr> (дата обращения: 25.12.2021).
3. *Карабаева А. Г.* Нарратив в науке и образовании // *Инновации и образование: сб. материалов конф.* СПб., 2003. №. 29. С. 89–96.
4. *Неволина Т. С.* Проектирование интерфейса для сред виртуальной реальности // *Приоритетные направления развития науки и образования: сб. материалов междунар. конф.*, Пенза, 5 марта 2020 г. Пенза, 2020. С. 28–31.
5. *Способы навигации при использовании устройств виртуальной реальности* / П. М. Кикин, А. А. Колесников, Е. Л. Касьянова, Л. К. Радченко // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2016. №1. С. 195–199.
6. *The Mind's Eye* // University of Rochester. Электронный ресурс // URL: http://www.rochester.edu/pr/Review/V74N4/0402_brainscience.html (дата обращения: 24.12.2021).
7. *Video game user interface design: Diegesis theory* // *Dev.Mag.* Электронный ресурс // URL: <http://devmag.org.za/2011/02/02/video-game-user-interface-design-diegesis-theory/> (дата обращения 20.12.2021).

ВЛИЯНИЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

НА ВИЗУАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Ю.А. Меженова, Ю.Д. Чуняева

Научный руководитель: к.с.н. Е.С. Кузьмина

Иркутский государственный университет

Данная тема видится актуальной, поскольку в ней раскрывается несколько сфер, среди которых анализируются взаимосвязи технического прогресса и визуального искусства. Это выражается в визуальном творчестве при помощи новых видов научных технологий таких как кино, VR, фотография. По причине того, что научно-технический прогресс – это глобальное явление, который присутствует во всех сферах социальной жизни, его достижения в науке и технике всегда оказывали мощное влияние на культуру, из-за чего сформировались новые образы. Также изменения визуального искусства влияют на изменения в стране. И в статье будет рассмотрены как менялось отношение общества, и какие изменения произошли в законах, связанных с этой темой.

В результате создания новых технологий, которые дали возможность появиться новому типу творческой деятельности, тем самым задав новый ритм взаимодействия между различными отраслями культуры и преобразая ее характеристики, создавая новые перспективы развития. Технологичная, визуальная, VR-среда все они становятся новым пространством культуры, в прямом значении слова происходит «оцифровывание» не виртуализированных объектов искусства и культуры, тем самым переводя данные объекты в статус информации. Техническая форма воспроизводства во многом лишает искусство ее ауры, стирает следы борьбы за тот самый образ, который ведется между художником и его мотивом. Писатель Джон Бергер говорил, что «репродукции картин, как и любая другая информация, вынуждены бороться за свое место под солнцем со всей другой непрерывно передаваемой информацией» [1.С.34].

Появление технологических процессов также отразило и художественные достоинства. Например, «художественные качества» фотографии, будут определяться техническими характеристиками, качеством и видом камеры, методом применения технических возможностей камеры, способом проецирования готового снимка на бумагу. При публикации любой фотографии основным требованием стало отображение технических характеристик камеры, параметров при которых была создана фотография (iso, диафрагма, выдержка). Не обходит данное требование и классические виды искусства, такие как живопись, скульптура, архитектура. На сегодняшний день стало нормой, для художественных произведений, предоставлять не только описание темы, по которой была создана работа, а также технические характеристики и методы создания.

Визуальное искусство всегда существовало, но изменяло свои роли и от священного пространства, в котором оно было, а уже спустя несколько лет стало привычным увлечением среди общества. На протяжении своего становления было зависимо от пространства и моды в социуме. Но в современных условиях, как и в целом искусство, достигло независимости и стало свободным, нематериальным доступным и вездесущим. Тем самым под воздействием новых технологий формируются и новые образы. Образ реальности модифицируется, задавая новые тренды и пути реализации. Это дает возможность предположить, что современные технологии дают человеку векторы для развития и отражения его

творчества. Джон Бергер также отмечал, что «... репродукция, отсылая к оригинальной картине, сама становится предметом отсылок для других изображений. Смысл изображения меняется в зависимости от, того, что может увидеть рядом с ним или что показывается непосредственно после него. И власть, которой обладает изображение распространяется на весь контекст, в котором оно обнаруживается» [1.С.35].

Из-за быстрого развития технологий появляется нужда в обновлении опыта среди сфер искусства, особенно среди визуализации. Благодаря этому меняется не только само искусство, но и касающиеся ее области – социальная и образовательная. Нарастает спрос на профессии визуального искусства, такие как –монтажер, цветокорректор, видеограф (в том числе свадебный), графический дизайнер, аниматор, ретушер, художник мультипликатор и так далее. Вследствие чего, растет спрос на новые технологии для создания своих работ в новых профессиях.

Стоит также упомянуть о необходимости визуализации современного мира. Это вытекает из запроса к комфортности и индивидуализации социального поля. Восприятие визуальной информации становится легче, нежели повествование или чтение текста, что говорит о том, что нынешнее общество требует знания «здесь и сейчас». Людям стали доступны современные технологии для запечатления нового, для развлечения, образования, работы, и в целом обществу уже довольно сложно представить свою жизнь без наглядного видения жизни. На фоне этого человек, как личность, пропадает, так как заглатывает всю видимую информацию через визуальные технологии. Это сказывается на всех сферах деятельности, что с одной стороны дает сильный толчок для развития нового, но и делает сильный шаг назад среди обыденных дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974
2. *Бергер Дж.* Искусство видеть. СПб.: Клаудберри, 2012. 184 с.
3. *Богатырева Е. Д.* Искусство и научно-технический прогресс: контуры взаимосвязи // Вестник Самарской гуманитарной академии. Выпуск «Философия. Филология». 2010. № 2 (8). С.79–86.
4. *Канищева А.А.* Трансформация искусства в условиях информационных технологий // Сборник трудов VII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва: И.П. Матушкина И.И. Отпечатано в типографии ООО «СамПолиграфист», 2013. С. 138–141.
5. *Симбирцева Н. А.* Визуальное в современной культуре: к вопросу о визуальной грамотности // Политическая лингвистика. 2013. №4 (46). С. 230–233.

ОБУЧАЮЩАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА ПО СОРТИРОВКАМ ЧИСЛОВОГО МАССИВА

К.С. Нарушева

Научный руководитель: к.ф.-м.н. С.И. Самохина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Информационные технологии прочно вошли в нашу жизнь, во всех сферах деятельности. В настоящее время трудно представить хотя бы одну из областей человеческой деятельности, в которой не был бы использован персональный компьютер, интернет и облачные технологии [1, 2]. В сфере образования активно развиваются информационные технологии, такие как: образовательные платформы, различные тренажеры, обучающие программы, электронные учебники и т.д.

При обучении программированию в первую очередь обучающийся осваивает базовые алгоритмы. К таким алгоритмам относятся сортировки [3]. Под сортировкой понимают перестановку элементов любой последовательности в определенном порядке. В качестве объекта исследования в данной работе выбраны сортировки. Основными требованиями к эффективности алгоритмов сортировки является, прежде всего, эффективность по времени и экономное использование памяти. Задачей, решаемой в данной работе, является создание информационной системы по обучению сортировкам числового массива.

В обучающей информационной системе реализовано пять видов сортировок: сортировка пузырьком, сортировка прямой вставкой, сортировка прямым выбором, сортировка Шейкера, сортировка Шелла. Первые три вида сортировки, включенные в обучающую информационную систему, относятся к простым сортировкам, а последние два к улучшенным.

Программа включает в себя страницу для входа в приложения, загрузочную страницу, главное меню, страница с настройкой профиля, в котором также отображается график посещения и достижения пользователя. В основном меню есть набор уроков, каждый из которых соответствует одному виду сортировки и включает в себя: теоретическую часть с вопросами и практическую часть с возможностью пользователя пошагово выполнить соответствующую сортировку. За выполнения каждого задания пользователю начисляются баллы.

Перейдя к уроку, перед пользователем откроется страница, состоящая из четырех частей: теоретическая часть, которая описывает идею сортировки; тестовые вопросы по теоретической части; алгоритм сортировки; вопросы по алгоритму.

При ответе на любой вопрос, если пользователь отвечает верно, появляется сообщение «Все верно! Молодец!» и обучающийся переходит к следующему шагу. Если ответ не верный, появляется сообщение «Подумайте еще» и пользователь возвращается к текущему вопросу.

В практической части пользователю предлагается числовой массив, который требуется отсортировать пошагово выбранным методом. Пользователь должен ввести в поле ввода массив, который получится при выполнении каждого шага сортировки, массив вписывается в правую часть экрана в отведенное для этого поле, исходный массив заменяется на текущий и программа ждет ввода результата, который должен получиться на следующем шаге. Если решение пользователя верно, то практическая часть считается выполненной и пользователю

начисляются баллы, с помощью которых он может получить доступ к следующему уроку. В случае получения не правильного результата, обучающемуся выдается сообщение об ошибке и необходимости изучить алгоритм повторно, после чего пройти практическую часть еще раз.

Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что разработанная информационная система будет использована студентами младших курсов на занятиях по изучению программирования, а также любым человеком, заинтересованным в освоении навыков программирования на любом алгоритмическом языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Безходарнов Н.И., Самохина С.И.* Чтение данных с экспериментальной установки //Математическое и программное обеспечение информационных, технических и экономических систем: материалы VIII Международной молодежной научной конференции. Томск, 26-30 мая 2021 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2021. С. 191–195.
2. *Устинова В.А., Самохина С.И.* Программа для анализа состояния здоровья человека //Информационно-измерительная техника и технологии: материалы VIII научно-практической конференции (22–25 ноября 2016 г.). Томск: ТГУ, 2017. С. 98–99.
3. *Sorting algorithms.* Электронный ресурс // URL: <https://brilliant.org/wiki/sorting-algorithms/>

UX/UI-ДИЗАЙН СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КОНТЕНТОМ

Л.Д. Скоробач

Научный руководитель: к.ф.н. Н.Н. Зильберман

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Данный доклад посвящен описанию проекта разработки модуля системы управления контентом. Основным продуктом компании-заказчика – конструктор конкурсов. Продукт позволяет настраивать и проводить конкурсную процедуру полного цикла: прием заявок, валидация, экспертиза, подписание договора и сдача отчетности. Когда клиенты компании запускают конкурс, им необходимо делиться информацией: о конкурсе, об организации, о новостях и так далее. Для этого компания-заказчик часто разрабатывает информационные страницы «с нуля». В связи с этим возникает проблема – большие временные и ресурсные затраты на разработку публичных страниц.

Предлагаемое решение: разработать модуль системы управления контентом (CMS), который расширит функционал основного продукта и позволит клиентам самостоятельно создавать, настраивать и размещать информационные страницы.

Продукт ориентирован, прежде всего, на некоммерческий сектор и государственные структуры России. Так как использовать CMS будут клиенты заказчика, которые не являются профессиональными веб-разработчиками, необходимо создать простой и интуитивно понятный интерфейс, который не требует долгого изучения.

На основе анализа литературы [1], [2], [4], анализа решений-аналогов и сбора требований заказчика был сформирован список обязательных функций, которые должна содержать система:

- 1) общая настройка сайта: цветовая и шрифтовая темы, логотип, добавление контактов, настройка писем;
- 2) создание и редактирование страниц сайта с помощью блочной системы редактирования страниц;
- 3) возможность создавать и публиковать материалы: новости, анонсы, конкурсы;
- 4) возможность принимать материалы от зарегистрированных пользователей и модерировать их;

Опираясь на функциональные возможности, была разработана информационная архитектура системы. Типовые страницы системы: страницы, материалы, настройки сайта, редактор страниц, редактор материалов.

На странице «Страницы» пользователь может видеть все созданные страницы. Интерфейс позволяет настроить страницу: указать название, описание и адрес страницы, отредактировать страницу, удалить страницу и создать новую. При переходе в редактирование страницы или создании новой открывается редактор страницы.

В редакторе мы можем перемещаться между страницами сайта, видеть структуру страницы, перейти в предпросмотр и опубликовать или снять страницу с публикации. Добавление элементов происходит с помощью «блоков».

Система содержит 18 видов структурных блоков: текстовый блок, мультимедиа, слайдер, команда, отзывы и цитаты, документы, контакты, частые вопросы, партнеры, навигация, поиск по сайту, обратная связь, подписка на рассылку, контейнер для двух блоков, новости, анонсы, гранты и конкурсы. Такое количество блоков позволяет перекрыть основные потребности клиентов. Каждый добавленный блок может быть отредактирован, настроен, скрыт, перемещен или удален.

К блокам «Новости», «Анонсы», «Гранты и конкурсы» привязаны группы материалов и страницы материалов, которые позволяют разбивать добавляемый клиентом контент по нескольким блокам. На странице «Материалы» находятся все публикации, разделенные по видам: новости, анонсы, гранты и конкурсы, а также по группам материалов.

Страница «Материалы», позволяет создавать, редактировать, удалять материалы, а также модерировать материалы пользователей: публиковать, отправлять на доработку, отклонять.

После проектирования информационной структуры системы, были созданы User Flow для основных сценариев:

- настройка сайта;
- создание страниц сайта;
- модерация и добавление материалов.

В процессе проектирования высокодетализированных прототипов использовался User interface kit (UI Kit) компании-заказчика, который содержал компоненты и стили основного продукта компании. Такое решение было принято с целью сохранения целостности продуктов компании, упрощения разработки и единообразия системы для пользователей. В UI Kit было добавлено несколько компонентов, характерных для этого продукта.

Создан высокодетализированный прототип в Figma [3], отражающий взаимодействие пользователя с интерфейсом. Прототип будет использоваться для наглядной демонстрации компании, упростит работу верстальщику, а также позволит провести тестирование на потенциальных клиентах системы.

Результаты:

- проведен анализ решений-аналогов;
- разработана информационная архитектура;
- создано 3 User Flow для основных сценариев;
- доработан UI Kit;
- разработаны высокодетализированные прототипы 9 типовых страниц (список страниц, список материалов, настройки сайта, управление пользователями, редактор страницы, редактор материала, профиль пользователя, настройки пользователя, предложенные материалы);
- разработаны высокодетализированные прототипы 18 структурных блоков редактора страниц (редактирование, настройка, отображение, адаптивные версии).

В настоящее время проект находится на стадии завершения и подготовки к юзабилити тестированию для проверки гипотез по пользовательским сценариям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кадникова И.Ю.* Анализ систем управления контентом // Альманах научных работ молодых ученых Университета ИТМО. 2017. С. 111–113.
2. *Муратова Е. А.* Классификация систем управления контентом: виды, функции // Московский экономический журнал. 2019. №. 9. С. 745–751.
3. *Learn Design with Figma.* Электронный ресурс // URL: <https://www.figma.com/resources/learn-design/> (дата обращения: 01.03.2022).
4. *Web Content Management Market by Component, Solution (Standalone & Integrated), Application (Website Management, Social Media Management, Workflow Management), Deployment Mode, Vertical, and Region - Global Forecast to 2026.* Электронный ресурс // URL: <https://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/web-content-management-market-255522685.html> (дата обращения: 04.03.2022).

СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

А.Л. Столярова

Научный руководитель: к.ф.н. Ж.Е. Вавилова

Казанский государственный энергетический университет

«Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого». Такую мысль в 19 веке высказал русский философ М.А. Бакунин. Чтобы сбалансировать различные интересы, ограничивающие человеческую свободу, и был создан гоббсовский Левиафан – государство. Сегодня одной из областей, наиболее свободных от его вмешательства, является Интернет, пространство относительной свободы, где каждый волен вести замкнутую жизнь, обращаться к любым доступным ресурсам, общаться и создавать «свой виртуальный мир, который нравится только ему» [4. С.151]. Но так ли это? Цель настоящей работы – выяснить, как преломляется свобода человека в цифровую эпоху, стали ли мы свободнее, и как проявляются ограничения человеческого бытия в пространстве виртуального взаимодействия.

И. Берлин представляет свободу как «негативную» или «свободу от чего-либо» и «позитивную» [1]. Негативная – это свобода от насильственного вмешательства других людей в чью-либо жизнь. Она устанавливает незыблемые границы индивидуальной свободы человека, за которые не могут переступить другие. Если мы будем рассматривать данное понятие применительно к медиареальности, то для индивида это среда, где возможно никому не подчиняться, не страдать от таких явлений, как кибербуллинг, а также иметь равный доступ к различным ресурсам. Здесь, однако, нужно иметь в виду, что само медиапространство контролирует информационные потоки, так что человек вынужден потреблять то, что ему подано в чатах, мессенджерах, на интернет-страницах... впитывая это, мы порой забываем, за какой информацией обращались. Наша свобода ограничивается тем, что нам преподнесли уже в готовом формате. В более жесткой форме это выражается, если тот или иной ресурс становится недоступным в определенном государстве. «Явление, известное пользователям разных стран как система фильтрации информации, не только блокирует не проходящие через цензуру ресурсы, но и ограничивает доступ интернет-сообществ друг к другу, замыкая пользователя в одной «песочнице», тем самым стимулируя т.н. «балканизацию» Интернета, о чем американские исследователи из Массачусетского технологического института начали писать еще в 90-х гг. прошлого века [3. С.238].

В качестве противопоставления негативной свободе используется понятие «позитивная свобода» [5]. Это внутренняя свобода, возможность действовать по своей воле. Берлин эксплицировал ее с помощью утверждения «Я сам себе хозяин», как заявление о свободе выбора собственного пути в жизни [1]. В рамках этой свободы пользователи медиапространства используют Интернет, «чтобы извлечь определенную информацию, увидеть места, где не бывали никогда, пообщаться с коллегой с другого конца земли» [2]. Здесь речь идет о том, что можно быть самим собой, изменять и реализовать себя в этом мире с помощью виртуальных средств коммуникации.

Свобода в медиапространстве коррелирует с понятием интернет-вседозволенности, при обращении к которому происходит переосмысление таких феноменов, как норма, приемлемость, этичность, ценность. Интернет-вседозволенность

связана с такой особенностью интернет-коммуникации, как анонимность. С одной стороны, она гарантирует свободу от условностей, классовых, расовых, национальных и прочих предрассудков, ограничивающих человека в межсубъектном взаимодействии [2]. С другой стороны, анонимность способствует возникновению негативных симптомов интернет-коммуникации, таких как троллинг, кибербуллинг, порноместь и т.д.

Очевидно, необходимы механизмы, которые позволят сдерживать или предотвращать негативные проявления свободы медиапространства. Во многих социальных сетях есть такие инструменты, которые помогают ограничивать доступ к пользовательским страницам, аккаунтам, каналам и т.д., что позволяет человеку или группе людей блокировать негативное воздействие посторонних. Так компании стараются гарантировать своим пользователям свободу взаимодействия с разными медиасубъектами. При этом те же пользователи оказываются несвободными от самих социальных сетей – они вынуждены потреблять навязываемую ими рекламу или иной контент, принимать те ограничения, которые накладывают сети, или просто впадают в зависимость от них.

В заключение можно сказать, что медиасреда в любом случае ограничивает свободу человека. Это пространство межсубъектного взаимодействия со своими особенностями, порожденными новыми технологиями (анонимность, работа алгоритмов, возможность блокировки как со стороны пользователя, так и со стороны государства), но мы должны помнить, что и в медиапространстве также существуют базовые человеческие ценности, еще более важные, чем свобода и независимость, – это неприкосновенность личности, доброта, уважение к другу, к чужой точке зрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм. М., 1998. С. 19–43.
2. Вавилова Ж.Е. Виртуальный карнавал как пространство знаковой репрезентации субъекта // Информационное общество. 2014. № 5-6. С. 56–62.
3. Вавилова Ж.Е., Товмасын Н.Т. Виртуальное гетто и джентрификация: манифестации неравенства в современном цифровом пространстве // Социальное неравенство и социальная справедливость в российском обществе: содержательный и коммуникативный аспекты. Сборник научных трудов. Всероссийская научно-практическая конференция. Ульяновск, 2021. С. 237–243.
4. Малинина Т.Б. Человек в цифровую эпоху // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2018. №4 (34). С. 146–156.
5. Серeda Ю.П. Свобода субъекта в условиях цифровизации социальной реальности // Глобальные риски цифровой эпохи и образы будущего: Материалы IV Международной научной конференции Гуманитарные Губкинские чтения (Москва, 4-5 апреля 2019 г.). Ч. 2. М: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2019. С. 271–279.

БОЛЬ И СИЛЬНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Ю.С. Хузин

Научный руководитель: к.ф.н. Н.Н. Зильберман

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Данная работа посвящается доказательству необходимости развития технологического аналога боли для роботов с сильным ИИ. Споры о необходимости чувствующих машин начались в середине XX столетия. В области искусственного интеллекта возникли две школы с диаметрально противоположными представлениями: Scruffy School (школа «грязнуль») и Neat («чистюли»). «Чистюли» была основана Дж. Маккарти, а ее сторонники в своих работах полагались на чистую логику и математику. М. Минский стал основателем школы «грязнуль», которая постулировала в широком смысле биологически инспирированный подход. Прошло более полувека, однако данная дискуссия не утратила своей актуальности.

Впервые термин «сильный ИИ» вводится Джоном Серлом, который утверждал: «Цель заключается лишь в том, чтобы создать программы, способные моделировать человеческое мышление таким образом, чтобы выдерживать тест Тьюринга. Более того, такая программа будет не просто моделью разума; она в буквальном смысле слова сама и будет разумом, в том же смысле, в котором человеческий разум – это разум» [6].

Однако строгого определения сильного ИИ на сегодняшний день не существует, тем не менее мы можем выделить ряд наиболее важных черт. Сильный ИИ – это искусственный интеллект, который обладает, в той или иной степени, следующими свойствами. Во-первых, сильный ИИ не должен уступать естественному, т.е. человеческому интеллекту. Во-вторых, сильный ИИ должен обладать самосознанием, т.е. способностью к рефлексии. В-третьих, сильный ИИ должен быть способен обрабатывать чувственную информацию [5]. Обратим особое внимание на последний из указанных свойство сильного ИИ.

Ряд исследователей обращает внимание на важность эмоций и переживаний для машин. Марвин Минский и его работа «The emotion machine» [11], а также Розалинд Пикард «Affective computing» [12] являются основоположниками направления исследований эмоциональных вычислений. Мински утверждает «вопрос не в том, могут ли интеллектуальные машины испытывать какие-либо эмоции, а в том, могут ли машины быть разумными без каких-либо эмоций» [10].

Боль представляет собой один из важных признаков аффективного человеческого существования. С биологической точки зрения – будучи частью животного мира человек испытывает боль на уровне рефлексов центральной нервной системы и страданий, которые боль влечет за собой. А также, будучи социальными существами, мы воспринимаем и переживаем боль другого.

Международная ассоциация по изучению боли (IASP) дала следующее определение понятию «боль»: «Боль – неприятное сенсорное и эмоциональное переживание, связанное с истинным или потенциальным повреждением ткани или описываемое в терминах такого повреждения». Естественная реакция на боль – страдания, которые представляют собой протест организма против ситуации за которой последовала боль, поскольку данная ситуация воспринимается как опасная. Таким образом, значение боли для тела, если таковое существует, следует

понимать как имманентную негативность, а сама боль является одним из главных компонентов защитной системы организма [2].

Человеку свойственно воспринимать боль как часть опыта самосознания. Для человека как личности дело далеко не в том, что ему больно, а скорее в том, что больно ему [7]. Причиной тому служит способ переживания боли, который зачастую пробуждает наше Я. Даже если человек переживает опыт воображаемой боли, он тем не менее, способен вызывать у него соответствующую психосоматическую реакцию. Это делает нетривиальной задачу проведения четкой границы между различным по своей сущности переживанием физической и душевной боли. Так, среди множества исследователей Кристоф Кальб не разделяет телесную и душевную боль. За базовое, обобщающее понятие Кальб берет не «боль», а «страдание», подчеркивая тем самым социокультурное проявление боли [9].

Эмпатия – эмоциональная отзывчивость человека на переживания другого. Сопереживая, человек испытывает чувства, идентичные наблюдаемым [3]. Эмпатия играет фундаментальную социальную роль, обеспечивая разделение чувств, потребностей, целей индивидуумами составляющих группу или общество [4]. Эмпатия вызванная чьей-либо болью вынуждает нас сопереживать социальному агенту, который испытывает чувство боли. Кроме того, поведение наблюдателя претерпевает существенные изменения. Наблюдение за тем, как некто испытывает боль вызывает у наблюдателя желание вмешаться в ситуацию и способствовать ликвидации источника болевых ощущений.

С нашей точки зрения, сильный ИИ наряду с самосознанием должен быть способен испытывать боль или нечто схожее с ней. Видятся следующие аргументы в пользу данной позиции.

1. Боль представляет собой один из главных компонентов защитной системы организма. Более того, только человеку, существу разумному, свойственно переживать и воспринимать боль как часть опыта самосознания. Тяжело представить себе разумное существо, которое обладает самосознанием, но не обладает механизмами самосохранения. Таким образом, мы предполагаем, что боль способствует решению проблемы самосознания машины и сподвигает ее к самосохранению. О необходимости подобного механизма говорил А.Азимов в третьем законе робототехники «робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому или Второму Законом» [1];

2. Боль - одна из основ социального взаимодействия людей, поскольку имеет тесное отношение с эмпатией. Эмпатия является необходимым, сущностным феноменом человеческой интерсубъективности. Роботу с сильным ИИ требуется аналог боли ввиду острой необходимости понимания опыта существования другого сознания, другого Я, познания другого сознания, другого Я, а также человеческой социальности и морали;

3. Совместная деятельность человека и робота даже со слабым ИИ допускает возможность развития отношений напоминающих межличностные. Человек склонен антропоморфизировать роботов и воспринимать их как социальных акторов, что выражается в применении социальных норм и правил в процессе взаимодействия с машиной [13]. Деструктивное поведение, направленное на робота, наверняка будет иметь разрушающие последствия для личности человека [8].

Зачастую законы защищающие животных позиционируются на недопустимости причинения боли и страданий последним. В случае робота с сильным ИИ

возникает парадоксальная ситуация: машина обладающая разумом и сознанием, но не обладающая механизмом боли. Возникает вероятность стирания грани допустимого взаимодействия опасного в том числе и для самого человека.

Таким образом, мы видим ряд причин, подтверждающих необходимость воссозданию у роботов аналогов боли. С точки зрения социального взаимодействия боль выступает основополагающим фактором эмпатии. Боль формирует наш опыт, наше Я. Причиной тому служит способ переживания боли, который зачастую пробуждает наше самосознание. И, наконец-то, боль является неотъемлемым компонентом защитной системы организма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азимов А. Я*, робот М: Издательство Эксмо, 2002. 51 с.
2. *Ветлесен А.Ю.* Философия боли. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 240 с.
3. *Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г.* Психологический словарь //М.: Астрель. 2004. 201 с.
4. *Косоногов В.* Зеркальные нейроны: краткий научный обзор //Ростов-на-Дону: Антей. 2009.
5. *Мальшева Д.С., Касимов А.В.* Технические и философские основания для создания сильного искусственного интеллекта (часть I) //Технологос. 2016. №. 3. С. 75–85.
6. *Серл Д.* Разум мозга – компьютерная программа? // В мире науки. 1990. № 3
7. *Хубулава Г.Г.* К вопросу о боли как физиологической, онтологической и экзистенциальной категории. Феноменологический подход //Медицина и организация здравоохранения. 2017. Т. 2. №. 4. С. 25–36.
8. *Darling K.* Extending Legal Protection to Social Robots: The Effects of Anthropomorphism, Empathy, and Violent Behavior Towards Robotic Objects //Robot Law, Calo, Froomkin, Kerr eds., Edward Elgar. 2016.
9. *Kalb Ch.* Selbstbildung im Leiden. Zur Rekonstruktion beschädigter Identität in Ritual und Kunst // Über Grenzen: Limitation und Transgression in Literatur und Ästhetik / hrsg. von Claudia Benthien. Stuttgart [u.a]: Metzler, 1999. P. 161.
10. *Minsky M.* The Society of the Mind, Simon and Schuster:New York, 1986.
11. *Minsky M.* The emotion machine: Commonsense thinking, artificial intelligence, and the future of the human mind. Simon and Schuster, 2007.
12. *Picard R.W.* Affective computing. MIT press, 2000.
13. *Reeves B., Nass C.* The media equation: How people treat computers, television, and new media like real people //Cambridge, UK. 1996. Т. 10.

ОНТОЛОГИЯ КАК ПРИНЦИП ВЫДЕЛЕНИЯ ЖАНРА «SOULS LIKE»

А.Е. Черепахин

Научный руководитель: к.ф.н. А.А. Хамина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

При рассмотрении видеоигр не только как инструмента досуга, а как целостного художественного высказывания, стало возможно изучение их с точек зрения гуманитарных наук. В данном исследовании важным представляется изучение онтологического статуса видеоигры как критерия для жанровой классификации.

Обращаясь к делению видеоигр на жанры, исследователи встают перед сложной системой свойств объектов, подлежащих классификации. При делении видеоигр на жанры могут быть учтены технические характеристики, дизайн, нарратив (лор, сюжет, повествование) [3], [4]. Система связей между элементами усложняет процесс классификации, ведь возможно почти любое сочетание характеристик, дающее в сумме новый жанр [2.С.24]. Разветвленность вынуждает исследователей подходить к вопросам классификации видеоигр с точки зрения определенной области знания.

Данное исследование обращается к вопросу наличия онтологического статуса в играх жанра «souls like» [1]. Онтологический статус становится решающим фактором в отнесении к «souls like».

Название «souls like» произошло от игр компании FromSoftware. Первой игрой жанра стала «Demon's Souls» 2009 г., за ней последовала серия «Souls» – «Dark Souls» (2011, 2014, 2016 гг.). Уникальность этих проектов позволяет выделить их уже в отдельный жанр – «souls like».

Общепринятыми чертами «souls like» в игровой индустрии и сообществе геймеров считаются следующие элементы:

- Нерегулируемая сложность и повышенный кинестетический вызов видеоигр [5],
- Потеря накопленных ресурсов и прохождение отрезков игры с возродившимися врагами после смерти персонажа,
- Сеттинг темного фэнтези, эстетика безобразного в игровом окружении,
- Фрагментарный нарратив,
- Структура мира как мультикурсаляного лабиринта, ощущение случайности и уникальности опыта.

Однако для игры, претендующей на «souls like» при жанровом делении, недостаточно собрать механики и свойства мира. Обывательское представление сформировано так, что «souls like» могут назвать любую игру с повышенной сложностью, цикличностью процесса, потерей ресурсов и возрождением врагов при смерти персонажа. Однако принципиальным для жанра с точки зрения гуманитарного знания становится последовательное обоснование механик и нарратива игры ее собственной онтологией, то есть наличием онтологического статуса.

Персонаж игрока погружается в безобразный и хаотично устроенный мир, постичь который можно только через длительный игровой процесс: сюжет прямо дается игроку только в открывающем ролике – все остальные знания игрок ищет самостоятельно, неупорядоченно собирая по частям. Постигание мира происходит путем непрерывного поиска, проб и ошибок, а любая ошибка может стоить

игроку нескольких игровых часов повторного прохождения локации. Знания о мире никогда не даются в готовом виде, а все открытия и находки ощущаются как случайные.

Такие нарративные и механические установки глубинно приближают игру к философии онтологии. Онтология состоит в поиске бытия и преодолении человеком бессмысленности окружающего мира через познание сущего. Несмотря на конечность бытия и его хаотическое устройство человек при соприкосновении с онтологией может почувствовать себя частью мира и осознать свою необходимость. Понимание онтологии вырывает человека из хаоса, делая его способным на осмысленность бытия.

Таковы изначальные установки игр «souls like»: персонаж оказывается в мире, который уже обречен на умирание в хаосе, безобразности и монструозности, но игрок и персонаж обладают разумом, что позволяет им осмысленно исследовать мир, приводя его в индивидуальный порядок, систематизируя знания и принимая к концу прохождения решение, которое переустроит мир. Важно, что персонаж разумен не из-за наличия управляющего им игрока, а из самого устройства мира в видеоигре.

Познание сущего и осмысление бытия становятся философской основой видеоигр «souls like», что позволяет отнести к жанру «souls like» другие видеоигры FromSoftware – «Bloodborne» и «Elden Ring». К чертам этого поиска можно отнести следующие общие для игр компании элементы:

- Предопределенность персонажа и его места миром в сочетании с уникальностью игрового опыта игрока,
- Паттерны сюжета и концовок: следование персонажа готовому плану действий или альтернативный путь,
- Художественное перенесение собственного онтологического ужаса игрока в условный мир персонажа: реализация страхов перед неизвестностью, выбором, потерями и смертью в художественном пространстве позволяет игроку пережить чувственный опыт столкновения с хаосом и преодоления страха перед ним.

Таким образом, можно говорить о том, что игры «souls like» возможно выделить в самостоятельный жанр по известной сумме механик, нарративных схем, а также по наличию онтологического статуса. При этом повторение механик в других видеоиграх не ведет само по себе к формированию онтологического статуса: им не обладают «Nioh», «Remnant: From the Ashes», «Immortal: Unchained», «Lords of the Fallen – их онтология не аутентична, а важные для жанра механики существуют только из-за игровой условности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ветушинский А.С.* Основные вопросы метафизики видеоигр // *Медиафилософия X Компьютерные игры: стратегии исследования.* СПб., 2004. С. 44–61.
2. *Кутлалиев Т.Х.* Жанровая типология компьютерных игр: проблема систематизации художественных средств : дис. – Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ), 2014. 24 с.
3. *Югай И.И.* Компьютерная игра как жанр художественного творчества на рубеже XX-XXI веков: дис. – Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2008. С.16–17.

4. *Apperley T.H.* Genre and game studies: Toward a critical approach to video game genres / *Simulation & Gaming*. 2006. С. 6–23.
5. *Karhulahti V.M.* A kinesthetic theory of videogames: Time-critical challenge and aporetic rhematic // *Game Studies*. 2013. Т. 13. №. 1. Электронный ресурс. URL: http://gamestudies.org/1301/articles/karhulahti_kinesthetic_theory_of_the_videogame (дата обращения: 18.01.2021).

СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЭВЕНКОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»**

А. С. Андрущенко, П. А. Круглик

Научный руководитель: к.с.н. В. В. Кашпур

Национальный исследовательский Томский государственный университет

2022 год объявлен Годом культурного наследия народов России (указ президента РФ В. В. Путина №745 от 30.12.21). Народ эвенков является одним из самых многочисленных среди малых коренных народов (38396 чел. проживают на территории России [1]).

Уровень проникновения Интернета в РФ в январе 2021 года составил 85% [4]. Повсеместная цифровизация не могла пройти и мимо коренных малочисленных народов Севера и Сибири. В сеть Интернет переходит не только личное взаимодействие народов, но и их культурное наследие: 15.10.03 была принята хартия ЮНЕСКО [3] о сохранении цифрового наследия, в которой обращается внимание на то, что культурное наследие, представленное в цифровом виде является не менее ценным. Несмотря на это, тематика репрезентации культурного наследия в социальных сетях недостаточно изучена. Именно поэтому проблемой данного исследования стал вопрос: «Как репрезентируются объекты нематериального культурного наследия коренного малочисленного народа эвенков в социальной сети «ВКонтакте»?»

Для исследования были выбраны методы контент анализа с помощью программы PolyAnalyst. В выборочную совокупность попали сообщества «ВКонтакте» в названии или описаний которых упоминалось морфема «эвенк»; активность в которых присутствовала в течение двух последних лет. Из сообществ, попавших в выборочную совокупность, были выгружены все посты, опубликованные в период с 01.04.20 по 01.04.22, в общей сложности было выгружено 3044 поста. Полученные данные были разбиты на 5 категорий согласно классификатору нематериального культурного наследия ЮНЕСКО [2], внутри которых эмпирическим путем были выделены более мелкие подкатегории. В итоговый датасет вошли 437 постов.

Таблица 1. Частотное и процентное распределение постов

Категория	Частота	Процент	Подкатегория	Частота	Процент
Устные традиции и формы выражения,	189	43	Сказки, легенды и мифы	44	10
			Эвенкийский язык	137	31

включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия			Загадки, пословицы и поговорки	8	2
Исполнительские искусства	55	13	Музыка и танцы	41	9
			Декоративно – прикладное искусство	14	3
Обычаи, обряды, празднества	68	16	Образ жизни	23	5
			Обряды	13	3
			Праздники	31	7
Знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной	28	6	Шаманизм	15	3
			Природа	8	2
			Приметы	5	1
Знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами	97	22	Кухня	18	4
			Народные костюмы	28	6
			Оленеводство	28	6
			Охота и рыболовство	6	1
			Предметы быта	18	4

Наиболее часто репрезентируемой в социальной сети «ВКонтакте» категорией нематериального культурного наследия стала категория «язык устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия», данная категория составила 43% от всех анализируемых постов. Абсолютным лидером по количеству постов стала подкатегория «Эвенкийский язык», она составляет 31% от общего числа постов и 73% от числа постов категории «язык устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия». Наименее редко в социальной сети «ВКонтакте» репрезентируется категория нематериального наследия «знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной» (6% от общего числа анализируемых постов). Наименьшее количество постов попало в подкатегорию «приметы», она составила лишь 1% от общего числа анализируемых постов (Таблица 1).

Выявление ключевых слов показало, что самыми популярными словами в постах репрезентирующих нематериальное культурное наследие эвенков в социальной сети «ВКонтакте» являются: эвенк, олень, культура, шаман, традиция, одежда. В сети взаимосвязи терминов выделяются два крупных кластера, которые соединены друг с другом, один, где центральным термином является «эвенк» и второй с центральным термином «культура».

Так как категория «Устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия» является наиболее

многочисленной (43% от общего числа постов), анализировались ключевые слова в подкатегориях. В подкатегории «Сказки, легенды и мифы» анализ ключевых слов показал, что главными их героями являются олень(43), медведь(25) и другие животные (более 80 упоминаний). В подкатегорию «Эвенкийский язык» были включены посты, связанные с популяризацией и его непосредственным использованием. Было выделено 532 ключевых слова по этой тематике, 29% из них составили ключевые слова на эвенкийском языке.

В категории «Исполнительские искусства» были выявлены наиболее часто упоминаемые ключевые слова: рисунок (количество упоминаний: 31), мелодия(30), танец(28), ансамбль(18), что указывает на то, что ансамбли и творческие коллективы активно участвуют в популяризации культурного наследия эвенков.

Важной частью репрезентации знаний и обычаев, относящиеся к природе и вселенной выступает шаманизм (ключевое слово «шаман» упоминается 104 раза, «шаманизм» - 59), в качестве наиболее распространенного среди эвенков религиозного верования.

Таким образом, репрезентация культурного наследия эвенков в большей степени выражается через популяризацию эвенкийского языка, который занимает треть всех постов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Всероссийская перепись населения* // Электронный ресурс. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 12.04.2022).
2. *Конвенция об охране нематериального культурного наследия* // Электронный ресурс. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.sht (дата обращения: 12.04.2022)
3. *Хартия о сохранении цифрового наследия* // Электронный ресурс. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/digital_heritage_charter.shtml (дата обращения: 12.04.2022)
4. *Digital 2021: главная статистика по России и всему миру* Ex Libris агентство медийных исследований // Электронный ресурс. URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2021-glavnaya-statistika-po-rossii-i-vsemu-miru/> (дата обращения: 12.04.2022).

ОЦЕНКА И ВОСПРИЯТИЕ МОЛОДЕЖИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ БРАКОВ В РОССИИ

А.Д.Аплина

Научный руководитель: к.ф.н. Р.А.Быков

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Проблема, связанная с ценностными ориентациями молодежи в отношении семьи и брака, становится все более актуальной, так как она тесно связана с экономической, социальной и политическими сферами общества. Молодежь можно рассматривать как потенциал развития общества, так как молодежь при социальных изменениях выступает носителями новых ценностей, моделей поведения и культурных образцов. Меняются и представления о браке у молодежи. По данным Росстата в 2021 году количество заключенных браков стало на 152 тысячи больше, чем в 2020 году. Но и количество разводов увеличилось на 80 тысяч. При этом в современном мире глобализация позволяет нам вступать в различные отношения с людьми другой национальности, но иногда она же вызывает желание оградиться от внешних воздействий, чтобы сохранить свою культуру. А так как представления о браке и семье у молодежи меняются, то возникает проблема: как молодежь России оценивает межнациональные браки? Допускают ли они возможность национально-смешанного брака для себя лично?

Брак – это законно оформленные супружеские отношения. Нация – исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. Межэтнический брак – форма брака между супругами, принадлежащими к разным этносам. Существует три типа межэтнических браков по А. А. Сусоколову. Первый тип – семьи, в которых у супругов одинаковая религия, схожий быт и традиции. Второй тип – семьи, в которых у супругов одинаковая религия, но различный традиционный строй жизни. Третий тип – семьи, в которых супруги исповедуют разную религию [4].

Молодежь – это особая социально-возрастная группа, отличающаяся возрастными рамками (от 14 до 35 лет) и своим статусом в обществе: переход от детства и юности к социальной ответственности.

Эмпирической базой работы выступают результаты исследований, проведенных в различных городах России. Анализ этих исследований показал, что большая часть молодежи оценивает межнациональный брак положительно, но при заключении такого брака видит определенные трудности. Можно отметить такие трудности, как возможный психологический дискомфорт и необходимость переделывать себя, трудности межкультурного взаимодействия и распределения ролей внутри семьи. Если молодые люди и готовы вступать в межнациональный брак, то чаще всего это межнациональный брак 1 и 2 типа. При этом для молодежи важно уважение между супругами, материальное благополучие и любовь.

Автором работы был проведен онлайн-опрос 193 студентов ТГУ. Важно было узнать, как студенты относятся к межнациональному браку, чем обусловлено такая оценка и готовы ли студенты вступить в межнациональный брак. По результатам исследования можно сделать выводы:

Более важным в жизни студентов является семья (так ответили 19% респондентов), далее по значимости идет саморазвитие (16%), любовь и отношения, материальное благополучие (13%).

Большая часть студентов 52% нейтрально относится к людям другой национальности, 41% относится положительно, отрицательно относятся 2% респондентов. Также большая часть студентов 58% нейтрально относится и к межнациональным бракам, положительно 33%, отрицательно 7%. При этом большую часть положительной оценки отметили женщины, мужчины отнеслись более нейтрально.

35% студентов готовы заключить брак с человеком своей национальности; 30% с человеком другой национальности, с которым одна религия, схожие традиции и быт; 17% с человеком другой национальности, с которым одна религия, но различный традиционный строй жизни; так же 17% студентов готовы заключить брак с человеком другой национальности и другой религии. При вступлении в брак большая часть респондентов руководствуется взаимной любовью.

На отношение студентов к межнациональным бракам больше всего повлияло семейное воспитание и опыт общения с представителями разных национальностей, практически не повлияло на отношение студентов их вероисповедание, культурные традиции и стереотипы в обществе. Основные проблемы, которые видят студенты в межнациональном браке, это столкновение ценностей и мировоззрений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Атоян А.Г., Медведева Н.И.* Межнациональные браки глазами молодых людей // *Международный журнал экспериментального образования*, 2010. № 4. С. 71–71.
2. *Воробьев С. М., Авдеев Е. А.* Представления молодежи о межнациональных отношениях в поликультурной среде регионов России // *Социологическая наука и социальная практика*, 2020. Т. 8. № 1. С. 106–119.
3. *Козырева П.М., Лежнина Ю.П.* Российская молодежь: семья, брак и сексуальность // *Россия и Китай: молодежь XXI века*. М. Новый хронограф, 2014. С. 192–220.
4. *Лурье С.В.* Межэтнические браки в контексте мировоззрения современной русской молодежи: ценности семейного и национального, частного и общественного // *Идеи и идеалы*, 2020. Т. 12, №1. С. 275–294.
5. *Тарченко В.С., Бийжанова Э.К.* Исследования брачно-семейных представлений студенческой молодежи: обзор российских работ // *Общество: социология, педагогика, психология*, 2018. №12. С. 50–55.
6. *Троцук И.В., Парамонова А.Д.* Приоритеты и стереотипы российской молодежи в сфере брачности (на примере национально-смешанных союзов) // *Вестник РУДН, серия Социология*, 2015. Т. 15, № 3. С. 45–62.
7. *Хачатрян Л.А., Чадова А.А.* Межнациональная семья в современном российском обществе // *Вестник Пермского университета, Философия. Психология. Социология*, 2016. №1. С. 127–135.

ИНТЕРНЕТ-БЛОГИНГ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

М.С. Баландина

Научный руководитель: к.с.н. О.В. Гавриленко

МГУ имени М.В.Ломоносова

Процесс изучения и усвоения социального опыта ученые называют социализацией. Этот процесс начинается с первых дней жизни ребенка и продолжается в течение всей жизни человека. Исследователи выделяют специфический вид социализации – потребительскую социализацию, которая своей целью ставит приобретение навыков и знаний в области потребительского поведения. Мыслители 20 века, Дж.Москис и Г.А.Черчилль младший, считают, что на потребительскую социализацию оказывают влияние все те же агенты - семья, учебное заведение, сверстники и СМИ [1]. Однако жизнь современного общества не стоит на месте, поэтому возникает необходимость рассмотрения новых агентов социализации. В рамках исследования интернет-блогинг рассматривается как технология потребительской социализации.

Общество перешло в цифровую эпоху, где главной движущей силой стали информационные, компьютерные технологии. Информация в таком пространстве передается в считанные секунды. Сейчас трудно представить человека без его всевозможных гаджетов. В ежегодном отчете о состоянии цифровой сферы Global Digital 2022 [2] говорится о том, что 67,1% (в 2021 году было 66,6%) мирового населения пользуется мобильным телефоном, 62,5% (в 2021 году было 59,5%) мирового населения пользуются интернетом (фактические данные могут быть выше), 58,4% мирового населения (в 2021 году было 53,6%) пользуется социальными сетями. Благодаря этой статистике мы видим, что идет стремительный рост пользователей интернет-пространства.

Интернет-блоги оказывают значительное влияние на поведение и предпочтения человека, в том числе на его потребительский выбор. С одной стороны человек сам выбирает, за кем ему интереснее следить, с другой стороны он не может игнорировать инфлюенсеров мирового масштаба, которые влияют на потребителей не только через прямые каналы. Имея большую аудиторию и определенное влияние на нее, блогеры могут не только показывать различные стратегии потребительского поведения, но и задавать некие нормы поведения в определенных ситуациях. Молодежь как наиболее динамично развивающаяся возрастная группа населения, составляет большую часть аудиторий различных платформ для ведения блогов.

Цель исследования: определить особенности интернет-блогинга как технологии потребительской социализации молодежи.

В рамках исследования был проведен количественный опрос о блогосфере и ее влияния на потребительское поведение молодежи. Само исследование состояло из двух частей: в первом опросе приняли участие мужчины и женщины в возрасте от 18 и до 25 лет, как представители молодежи (215 респондентов); во втором опросе приняли участие мужчины и женщины в возрасте от 36 до 55 лет, как представители более старшего поколения (214 респондентов). В исследовании приняли участие 216 мужчин и 213 женщин. Итого в опросе приняли участие 429 человек, которые проживают на территории города Москва. При формировании

выборки учитывались также такие показатели, как уровень и профиль образования, уровень профессиональной подготовки и квалификации, уровень материальной обеспеченности.

Данное исследование является актуальным, поскольку число блогеров и их влияние на общество постоянно увеличиваются. Лидеры мнений в интернете легко конкурируют с традиционными СМИ хотя бы своей быстротой реакций, креативом и персонализированностью новостей. Блогеры больше не представляют собой людей, которые просто ведут свои электронные дневники, блогеры становятся настоящими профессионалами, лидерами мнений, общественными активистами и бизнесменами. Блогосфера формирует огромный рынок со своими законами спроса и предложения, а также определяет коммуникативное пространство современной личности. Новизной исследования является рассмотрение блогосферы и ее влияние на потребительское поведение молодежи со стороны социокультурного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Moschis G. P., Churchill G. A.* Consumer Socialization: A Theoretical and Empirical Analysis // *Journal of Marketing Research*. 1978. №15 (4): 599.
2. *Simon Kemp.* Digital 2022: The latest insights into the «State of digital». Электронный ресурс. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report> (дата обращения: 22.01.2022).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРЕКАРНОЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Е.Л. Бахтин

*Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина*

Когда мы говорим о прекарной трудовой деятельности, то мы имеем в виду нетипичную трудовую деятельность, которая характеризуется социальной незащищенностью, временными трудовыми отношениями, нестабильным содержанием труда, неопределенным уровнем заработной платы. В последние годы теме прекарных трудовых отношений и прекариату как классу было посвящено множество научных статей [7; 2; 1], монографий [3; 4] и других работ [6].

Молодежь, только выходящую на рынок труда, часто относят к группе с высоким риском прекарнизации трудовой деятельности [4]. К видам прекарной трудовой деятельности молодежи обычно относят репетиторство, парикмахерские услуги и услуги в сфере индустрии красоты, написание (домашних, дипломных, курсовых) работ на заказ, изготовление кондитерских изделий, шитье и вязание, декоративно-прикладное творчество на заказ, фото- и видеосъемка и многое другое. Большая часть этих работ все больше с каждым годом переходит в онлайн пространство (написание домашних работ/курсовых/дипломов на заказ через онлайн биржи, репетиторство), так же определенную популярность имеет фриланс, число которых за 2020 год выросло на 76% [5]. Посредством онлайн трансляций могут предоставляться даже своего рода интимные услуги – вебкам модели. Не стоит забывать про блогеров в YouTube, TikTok, Instagram, Яндекс.Дзен и на других платформах.

Осенью 2021 года нами была проведена серия интервью с представителями прекарной трудовой деятельности (n=20). Возраст респондентов варьируется от 19 до 34 лет (средний возраст 28 лет), из которых 12 девушек и 8 мужчин. Стоит отметить, что 10 респондентов имеют более одной работы, из которых одна типичная, а вторая является прекарной.

Из 20 респондентов, только у 7 трудовая деятельность никак не связана с развитием цифровых технологий. При этом некоторые виды работ могут осуществляться как онлайн, так и офлайн (таких 4 респондента). К таким видам можно отнести репетиторство и психологические услуги. Соответственно, оставшиеся 9 человек при осуществлении своей трудовой деятельности активно используют современные цифровые технологии (фриланс, SMM, копирайтинг, дизайн, программирование, выполнение домашних работ на заказ).

В итоге, мы видим, что развитие цифровых технологий дает возможность оказания различных услуг удаленно. Молодежь без проблем осваивает новые цифровые технологии и включается в работу в сфере оказания услуг удаленно. Иногда встречается совмещение оказания услуги онлайн и офлайн, то есть сохраняется гибкость и возможность подстраиваться под желания и возможности заказчика. Если раньше к прекарной трудовой деятельности относили только офлайн работу, то сейчас с каждым годом все больше заметно влияние развития цифровых технологий на прекарную трудовую деятельность. Современные циф-

ровые технологии позволяют все раньше включаться в precarious трудовую деятельность молодежи и, соответственно, повышает риски прекаризации для молодежи как социальной группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бусыгина И. М.* Прекариат: новый вызов для современных обществ и его концептуализация (Размышления над книгой Г. Стэндинга) // *Общественные науки и современность*. 2016. № 3.
2. *Логина Л.В.* Прекаризация в системе социально-трудовых отношений: проблемы и перспективы институционализации // *Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология*. 2016. Вып. 3.
3. *Прекариат: от протокласса к новому классу*. Монография // *Ж.Т. Тощенко*. Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука, 2018. 350 с.
4. *Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография)* // Под ред. *Ж.Т. Тощенко*. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020.
5. *Рост числа фрилансеров в России оценили в 76%* – *Новости – Бизнес – Коммерсантъ* // АО «Коммерсантъ». Электронный ресурс. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4638192> (Дата обращения: 27.02.22)
6. *Стэндинг, Г.* Прекариат: новый опасный класс // Пер. с англ. *Н. Усовой*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
7. *Шкартан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н.* Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // *Социологические исследования*. 2015. № 12.

ОТНОШЕНИЕ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА К ВЫСКАЗЫВАНИЮ ЛИЧНОГО МНЕНИЯ ПО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ

Л.А. Борисюк

Научный руководитель: к.с.н. Д.О. Труфанов

Сибирский федеральный университет

Институт педагогики психологии и социологии

В настоящее время вводятся дополнительные меры контроля за распространение фейковой и/или негативно-настроенной против некоторых социальных групп или их деятельности информации [1].

Речь идет о конкретных, частных случаях распространения ложной или деструктивной информации. Однако не трансформируется ли это в общественном сознании в представление об опасности высказывания личного мнения по общественно-политическим вопросам, в целом? Не чувствуют ли люди страха высказывать свое мнение, боясь, что их неправильно поймут, интерпретируют и т.д.? И если такой страх существует, то чем он вызван? Это страх санкций со стороны правоохранительных органов (штрафов и арестов)? Или страх осуждения со стороны окружающих, которые могут иметь другую точку зрения?

В рамках нашего исследования мы постарались это выяснить и ответить на вопрос: действительно, ли люди сегодня (в большинстве своем) боятся высказывать свою личную точку зрения и занимать какую-либо позицию по общественно-политическим вопросам? И если да, то чем этот страх вызван: угрозой санкций или открытого осуждения со стороны носителей других мнений? [2]

В апреле 2022 года был проведен опрос 400 человек, по квотной выборке, репрезентирующий взрослое население города Красноярска по полу, возрасту и району проживания. Исследовательская группа (участвующая непосредственно в полевом этапе) включала в себя студентов первого курса: Тришина Даниила, Егоркина Антона, Макарову Анастасию, Неуймину Элеонору и Козлову Викторию.

По результатам анализа полученных данных были сделаны следующие выводы:

1. В кругу близких (в который входит муж/жена, друзья), большинство делится и не боится делиться своим мнением по общественно-политическим темам.

2. В более дальнем кругу знакомых: с соседями подобные вещи обсуждаются редко (что, возможно, обусловлено особенностями жизни в многоквартирных домах, где люди, в целом, редко общаются с соседями), с коллегами по чаще. Большинство не опасается выражать свое мнение по поводу текущих дел среди коллег. И вариант причины страха высказывать свое мнение, сформулированный как «страх осуждения со стороны знакомых, коллег» выбрало всего 13% опрошенных.

3. Что касается подписчиков в социальных сетях и незнакомых людей в интернете, то с ними люди очень редко обсуждают подобные темы. И примерно половина отметили, что опасаются это делать. В качестве причины, чаще других, выбирали «страх санкций со стороны государства». Что, в свою очередь, может быть обусловлено тем, что подобный тип материально-физических санкций

(штрафы/аресты) очевиднее и нагляднее, чем морально-речевые (осуждение/непонимания со стороны окружающих).

4. Довольно любопытное противоречие наблюдается в отношении людей к социологическим опросам. Большинство согласилось с мнением о том, что «большинство россиян неохотно высказывают свои взгляды во время опросов» (66%). При этом на вопрос опасаетесь ли вы лично выражать свое мнение по поводу текущих дел в стране в социологических опросах 73% ответили «нет».

Подобное противоречие может объясняться смещением выборки: в опросе принимают участие только те люди, которые сами оказываются достаточно смелы для этого. Что касается представления об отношении большинства к опросам, то здесь полученных нами данных недостаточно. Для того, чтобы объяснить причины возникновения подобной установки, требуются дополнительные замеры (например, с помощью серии глубинных интервью).

Таким образом, наша гипотеза о том, что страх высказывать свое личное мнение по общественно-политическим вопросам обусловлен страхом осуждения со стороны знакомых, коллег собранным эмпирическим материалом не подтверждается. Всего 13% отметили этот тип страха, как причину по которой они боятся обсуждать эту тему. В целом же, 74% не боятся обсуждать эти вопросы с коллегами и примерно половина (48%) непосредственно обсуждает.

В целом, что касается эмоций, которые вызывают подобные вопросы, то спектр охватывает положительные, негативные и нейтральные примерно в равных долях. Соответственно, мы не можем сказать, что негативные эмоции гнева, тревоги или страха преобладают.

Однако подобный страх выразить свое мнение действительно существует. Он распространяется на незнакомых людей в интернете и на подписчиков в социальных сетях (Источником страха чаще видят угрозу санкций со стороны государства).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Как не попасть под статью за пост в соцсетях о конфликте на Украине – 7 советов от эксперта-лингвиста* // Электронный ресурс. URL: https://74.ru/text/politics/2022/03/19/70517768/#card_3 (дата обращения: 13.04.2022).
2. *Страх высказать свое мнение* (пресс-выпуск Левада-центра) // Электронный ресурс. URL: <https://www.levada.ru/2016/01/22/strah-vyskazat-svoe-mnenie/> (дата обращения: 13.04.2022).

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ

Е.С. Городилова

Научный руководитель: к.с.н. М.А. Крылова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Сегодня в российских высших учебных заведениях с каждым годом становится все больше студентов первых курсов, стремящихся стать высококлассными специалистами, востребованными на современном рынке. Первой ступенью на пути профессионального превращения студента-первокурсника в будущего профессионала становится адаптация к новым для него условиям обучения и повседневной жизнедеятельности.

Адаптация – понятие многозначное, которое исследуется многими учеными, представляющими различные виды наук. Первоначально интерес к адаптации организма возник у биологов, физиологов и медиков.

Само понятие «адаптация» впервые употребил немецкий физиолог Х. Ауберт, в 1865 году. Этим термином обозначил изменение чувствительности при длительном воздействии адекватного раздражителя [2.С.36].

В первой половине XX века изучение адаптации пополнило список научных интересов психологов, разработавших отдельное направление - изучение психологической адаптации человека. Одним из важных результатов в рамках этого направления был вывод о сложной и неоднозначной природе адаптации, которая, с одной стороны, является частью социализации личности, с другой стороны – самостоятельным способом решения проблем в новых условиях, посредством приспособления к ним.

Представители других общественных наук к изучению адаптации присоединились позднее, существенным образом раздвинув смысловые границы понятия и его форм.

Из множества точек зрения на процесс адаптации нами была выбрана позиция А. Суховой. Она рассматривает адаптацию студентов-первокурсников как вхождение индивида в социальную, академическую, культурную среды, сопровождающийся активным применением имеющихся ресурсов с целью наращивания, использования, трансляции социального, интеллектуального, культурного капиталов [3.С.588–591].

Процесс адаптации, связанный с включением индивида в новую среду, представлен в работах психологов, педагогов, социологов. Для нас интерес представляет классификация форм адаптации, встретившаяся в работе А. Хаустовой: формальная, общественная и дидактическая адаптации. Формальная адаптация – это информационное приспособление к новому (окружению, требованиям, обязанностям). Общественная адаптация – это процесс внутренней интеграции групп и объединения этих же групп в целом. Дидактическая адаптация – это подготовка студентов к новым формам и методам учебного процесса и воспитательной работы образовательного учреждения [4.С.617].

Ряд исследователей считают, что формами адаптации могут становиться отдельные сферы жизнедеятельности человека или новая среда. В этой связи можно говорить о социально-культурной, социально-экономической, социально-профес-

сиональной и других формах адаптации [2]. Как будет видно из выводов, сделанных на основе учебного исследования, эта точка зрения продуктивна, дополняет собой классификацию А. Хаустовой.

Изучение отдельных аспектов, связанных с адаптационными процессами у студентов-первокурсников, проводилось в ходе реализации задач учебного социологического исследования на базе Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Были опрошены студенты-первокурсники экономического факультета очной формы обучения (N=100).

Адаптация в социальном аспекте предполагает приспособление к проблемной ситуации. В чем же студенты-первокурсники видят проблемы и трудности:

- непривычный формат обучения, отличающийся от школьного учебного процесса (48%);
- новый уровень ответственности, связанный с самоорганизацией (отсутствие самоорганизации как трудность называют 40% студентов-первокурсников) и самоконтролем над собственным учебным и вне учебным поведением;
- отсутствие контроля со стороны родителей, администрации вуза, преподавателей (15%);
- усвоение новых (например, хозяйственно-бытовых) навыков и умений, связанных с отдельным проживанием от родителей (18%), в том числе с необходимостью самостоятельно обеспечивать себя материально (менее 10%);
- вхождение в новый коллектив, освоение новых статусно-ролевых позиций и связанных с ними обязанностей (1%) и др.

Лишь немногие безболезненно прошли адаптационный процесс отметив, что на момент опроса не испытывают (и не испытывали ранее) никаких трудностей, и у них все хорошо (18%).

На эмпирическом уровне также выделены трудности процесса адаптации, не вошедшие в перечень вариантов ответов, но реализованные в анкете как отдельный блок вопросов – неопределенность мотивации выбора профессии, недостаточная подготовка к ней.

В целом результаты исследования показали, что трудности, с которыми сталкивались студенты-первокурсники, вызывали у них различные реакции, варьирующиеся от желания покинуть вуз по различным причинам (отсутствие взаимопонимания с преподавателем; разочарование в выбранной специальности; дороговизна обучения и проч.) до стремления пережить трудный период и продолжить процесс обучения.

Таким образом, адаптация студента-первокурсника представляют из себя сложный и многофакторный процесс, изучение которого необходимо осуществлять в русле интегративного процесса жизнедеятельности. Проблемы адаптации студентов первого года обучения непосредственно связаны, в первую очередь, с непривычным форматом обучения, недостаточно высоким уровнем их ответственности и слабой самоорганизацией. Однако, сложности усвоения новых навыков социального общения, вхождения в новый коллектив, приобретения новых статусно-ролевых позиций наряду со сложностями отдельного проживания

от родителей, также влияют на снижение показателей адаптированности студентов, что сопровождается отрицательными эмоциональными переживаниями и снижением качества усвоения учебного материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крутцова М. Н.* Управление адаптацией персонала: учебное пособие. Вологда: Легия, 2010. 128 с.
2. *Резник С.Д., Черниковская М.В., Носова Е.В.* Адаптация студентов-первокурсников к условиям обучения в университете: опыт, проблемы, перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 36–41.
3. *Сухова А.Н.* Специфика адаптации студентов к новым социокультурным реалиям // Материалы научно-практической конференции «Пятое Ковалевские чтения». С-Петербург, 2010. С. 588–591.
4. *Хаустова А. И.* Социально-психологическая адаптация // Молодой ученый. 2016. № 26 (130). С. 614–617.

ТИПОЛОГИЯ НАСЛЕДОВАНИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СЕМЬЯХ

И.А. Демешкин

Научный руководитель: к.с.н. В. В. Кашпур

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной работе мы пытаемся показать какие существуют типологии наследования малого бизнеса в предпринимательских семьях. На сегодняшний день в России формируется массовый корпус предпринимателей, выходящих из предпринимательской деятельности в силу возраста [6]. Вследствие чего возникает вопрос наследования бизнеса в предпринимательских семьях. Однако отсутствие наработанных практик передачи бизнеса актуализируют вопрос об основаниях и практиках наследования в российском малом и среднем бизнесе.

В контексте предпринимательских семей преемственность заключается в передаче лидерства и права собственности членам семьи [2]. Процесс преемственности происходит в течение длительного периода времени, отмечается различными событиями и зависит от характеристик вовлеченных лиц. В связи с этим возникает вопрос: как эффективно осуществить передачу бизнеса без потери экономических и социальных ресурсов? Доказываемый тезис исследования заключается, в необходимости формирования эффективной типологии наследования бизнеса используя цикличную управленческую модель посредством использования цикла PDCA.

Цикл PDCA – это систематический процесс получения ценных знаний для постоянного улучшения продукта, процесса или услуги [5]. Теория менеджмента качества, которая может быть использована как универсальная управленческая модель для анализа управления наследования.

Процесс планирования эффективной стратегии по передачи бизнеса наследникам включает в себя три основополагающих действия: включение преемников в бизнес-процессы; готовность трансформировать роль предпринимателя, в роль наставника; контроль действий преемника в формировании предпринимательской роли.

Для изучения процесса управления наследованием бизнеса в предпринимательских семьях было проведено авторское исследование. Основным методом отбора было выбрано полужформализованное интервью. При анализе полученных данных, были выявлены следующие ключевые показатели.

1) В опрашиваемых семьях вопрос о преемственности бизнеса не обсуждался между родителями и детьми. Предприниматели вводят детей в деятельность предприятия, но не дают им понимания о дальнейших планах. Практически каждый опрошенный предприниматель думал о том, чтобы передать предприятие ребенку и хотел бы этого. Однако регулятивный механизм не выстраивает коммуникацию внутри предпринимательских семей относительно вопроса передачи предприятия.

2) Процесс обучения предпринимательской деятельности несет косвенный характер. Предприниматели не привлекают своих детей к помощи в вопросе ведения бизнеса из-за первоначальных причин, по которым сами начали заниматься предпринимательством. В свою очередь, осознание о необходимости обучения

пришло достаточно поздно к предпринимателям, что является фактором отчуждения со стороны детей. Однако дети расценивают сложившиеся ситуации иначе. Для них образ жизни родителей является неформальным мануалом.

3) Предприниматели оценивают своих детей со стороны опыта и прожитых лет. Опираясь на собственные наработанные компетенции, предприниматели могут дать вполне объективную оценку своим детям. С другой стороны, сегодня происходит социокультурная трансформация общества. Молодые люди обладают большими возможностями в плане обучения, реализации намеченных планов. Степень готовности к предпринимательской деятельности должна основываться на соотношении родительского опыта и современных условий. В противном случае, недооцененные качества преемника могут послужить отягчающим фактором в процессе наследования.

На основании изученного материала была выявлена и предложена авторская типология процессов наследования бизнеса в предпринимательских семьях.

1) Стерлинговое наследование (Sterling – безукоризненный, подлинный, полноценный) – данное наследование характеризуется выполнением полного цикла PDCA. Предприниматель начинает планировать передачу бизнеса ребенку с определения возможностей и компетенций будущего преемника. Происходит ролевая трансформация предпринимателя и полный уход от дел.

2) Решафлинговое наследование (Reshuffling – перетасовка, перегруппировка) – данный тип наследования носит более продолжительный процесс передачи бизнеса. Предприниматель создает параллельный бизнес для своего ребенка или передает ему часть своего предприятия. Обучение и приобретение компетенций преемника происходит не с азов, а сразу с освоения роли предпринимателя.

3) Номинальное наследование – данный тип наследования схож со стерлинговым. Происходят аналогичные процессы оценивания готовности ребенка к занятию предпринимательской деятельностью, вовлечение в процесс управления предприятием, непосредственная передача бизнеса преемнику. Однако на данном этапе не происходит отчуждение предпринимателя от своего бизнеса. Фактически предприниматель остается владельцем предприятия, а преемник выступает как руководитель организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адизес И.К.* Идеальный руководитель: Почему им нельзя стать и что из этого следует. М.: Альпина Паблишерз, 2013. 264 с
2. *Кашиур В.В.* Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Механизмы формирования социально-ролевой идентичности предпринимателей и типологическое картирование предпринимательства. 2015. 60 с.
3. *Эдвардс Д.* Выход из кризиса. Новая парадигма управления людьми, системами и процессами = Out of the Crisis. М.: «Альпина Паблишер», 2011. 400 с.
4. *Baumol W.J.* Entrepreneurship: Productive, Unproductive and Destructive // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98. № 5. Pt. 1. pp. 893–920.
5. *Foss N.J.* Entrepreneurship, Subjectivism, and the Resource-based view: Towards a new Synthesis / N. J. Foss, P. G. Klein, Y. Y. Kor, J. T. Mahoney // Strategic Entrepreneurship Journal. 2008. № 2. pp. 73–94.

6. *Klein P.G.* Opportunity discovery, entrepreneurial action, and economic organization // *Strategic Entrepreneurship Journal*. Special Issue: Opportunities, Organizations, and Entrepreneurship: Theory and Debate. 2008. Vol. 2. Issue 3. pp. 175–190.
7. *Lambrecht J., Donckels R.* Towards a Business Family Dynasty: A life long, continuing process, in the *Handbook of Research on Family Business*, edited by Poutziouris P., Smyrnios K. and Klein S., Edward Elgar Publishing Ltd, UK. 2006. pp.388–401.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ КИРГИЗСКИХ И РОССИЙСКИХ ВУЗОВ)

В.В. Демина

Научный руководитель: к.ф.н. В.С. Иванова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Изменения социальной реальности затрагивает многие аспекты жизни людей в том числе их представления, стереотипы и взаимодействия с различными социальными группами. В последнее время исследователей все больше интересуют вопросы гендера, гендерных ролей и стереотипов, а также факторов, влияющих на них. Социологи установили, что одним из факторов влияния на данную проблему является социально-культурная среда. Сегодня особенно актуальным является выявление представлений молодежи разных культурных традиций (в частности России и Киргизии) относительно гендерных ролей.

В то время как в российском обществе наблюдается активность мужчин и женщин в разных социальных сферах, и те, и другие совмещают профессиональные и семейные роли: 81% россиян не видит ничего плохого в том, что женщина зарабатывает больше, а около 90% опрошиваемых считает, что муж и жена должны заниматься воспитанием детей в равной степени [1]. В Киргизии по-прежнему остаются популярными представления о том, что «основная роль женщин заключается в уходе за детьми и домом, а мужчина обязан зарабатывать деньги», и с этим согласны 80% респондентов-женщин и 83% респондентов-мужчин [2]. Здесь старшее поколение до сих пор придерживается патриархального типа семейных отношений, и поло-ролевого разделения труда [2]. Вопрос о том, как общество выстраивало свои специфические роли и функции, которым должны соответствовать мужчина или женщина, является спорным, так как с одной стороны, трансформации социальной жизни изменяют представления относительно мужских и женских ролей, а с другой стороны, на представления российских и киргизских студентов влияют изменения не только социально-экономических, но и культурно-исторических факторов.

Исходя из этого, поставлены следующие вопросы: каковы представления студентов о роли мужчины и женщины в современном обществе? Чем отличаются представления о гендерных ролях у киргизской и российской молодежи?

Объект: студенты Томского Государственного университета и Славянского университета г. Бишкека.

Предмет: представление студентов о изменении роли мужчины и женщины.

Основные задачи:

- выявить систему ценностных ориентаций студентов, их отличия по гендерному признаку и месту проживания;
- установить оценки респондентов жизненных приоритетов мужчины и женщины в сфере труда и семьи;

Гипотеза основания:

На представления студентов о гендерных ролях в значительной степени влияют, с одной стороны, ценностные ориентации, а с другой – гендерные различия. Используемые методы: анализ литературы, опросный метод (онлайн-опрос). Тип выборки: стихийная.

Данная работа посвящена исследованию мнения студентов ТГУ и КРСУ о ролях мужчины и женщины в труде и браке. Были затронуты вопросы о ценностных ориентациях студентов и о влиянии гендерных стереотипов на молодежь. В ходе исследования было опрошено 264 студента ТГУ и КРСУ с различных факультетов (из них 67% девушек и 33% юношей). Основные признаки группировки студентов: пол и место обучения (Россия-Киргизия).

Анализ данных исследования позволил выявить следующее.

Первое. Имеются различия в ценностных ориентациях у киргизских и российских студентов. Для студентов из Киргизии наиболее значимым в жизни стало семейное счастье (43%), материальное благополучие (40%), и третьим по значимости стала самореализация и саморазвитие (35,5%). Девушки чаще всего выбрали самореализацию (63%), материальное благополучие (60%) и здоровье (59%). В то время как юноши, считают важным популярность (79,5%), путешествия и развлечения (66%) и создание собственного бизнеса (61%) (см. рис.1).

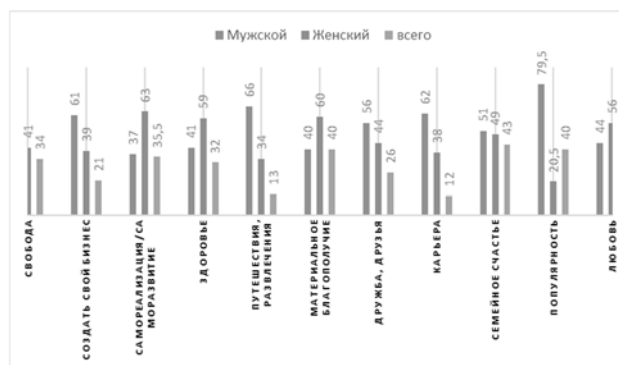

Рисунок 1. Ценностные ориентации студентов Киргизии (в % по полу)

А около 51% российских студентов наиболее важным считают здоровье, 49% выбрали вариант «самореализация и саморазвитие» и 37,5% – материальное благополучие. Для девушек в России наиболее значимым стало путешествия и развлечения (58%), вторым по значимости является самореализация и здоровье (53%) а третьим – свобода (56,5%). Юноши чаще всего выбрали популярность (82%), карьеру (57%), и создание собственного бизнеса (54,5%). (см. рис. 2)

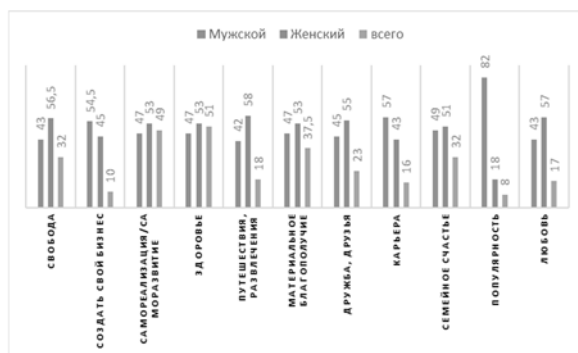

Рисунок 2. Ценностные ориентации российских студентов (в % по группам)

Второе. Выявлено, что стереотипному представлению более подвержены киргизские респонденты, нежели российские; так, студенты из Киргизии чаще демонстрируют степень согласия с такими как: «Лучший руководитель – мужчина», «Для женщины главное: удачно выйти замуж» и «Делать “первый шаг” в романтических отношениях должен мужчина». Российские студенты реже выбирали вариант «да, полностью согласен» но с высказыванием о том, что мужчина должен делать «первый шаг» в отношениях, большинство (39%) выбрали вариант «скорее да, чем нет» (см. рис.2).

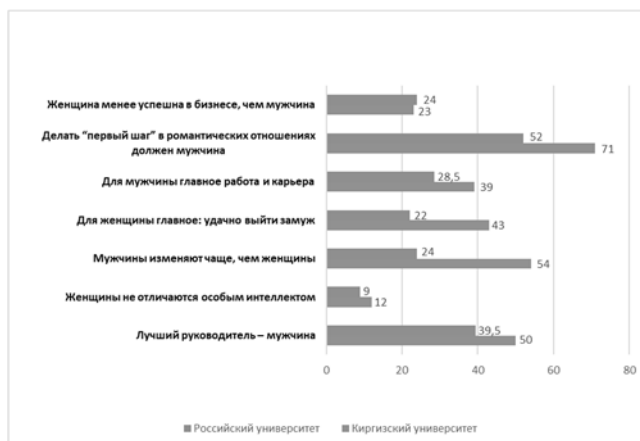

Рисунок 3. Согласие респондентов с гендерными стереотипами в зависимости от вуза (в % по группам)

Подводя итог, можно сказать что ценностные ориентации девушек и юношей из Киргизии и России значительно отличаются в зависимости от влияния социально-культурной среды. Под воздействием модернизационных процессов изменяются гендерные стереотипы, продиктованные особенностями культуры и традиций, т.е. стереотипы влияют на представления киргизских и российских студентов о гендерных ролях. Современная молодежь пытается в большей мере приспособливается к изменяющимся нормам и новым социальным стандартам, но в то же время присутствуют некоторые стереотипные представления, которые мешают полностью избавиться от «традиционных устоев». Особенно видно данное явление на студентах из Киргизии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Семейные роли. О распределении домашних обязанностей в российских семьях* // Электронный ресурс. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14502> (дата обращения: 10.04.2022).
2. *Ukieva N. Women's Economic Empowerment in the Kyrgyz Republic* // GSPS society perception research. 2018

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ Г.ТОМСКА К ПЛАТНЫМ ОНЛАЙН-КИНОТЕАТРАМ

А.А.Егрэнцова

Научный руководитель: Д.О. Афанасьева

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Индустрия развлечений остается востребована и оказывает большое влияние на состояние общества. В период пандемии влияние онлайн-кинотеатров возросло, так как это единственный способ посмотреть интересующий фильм безопасно, легально и, к тому же, не выходя из дома. Студенты как потребители медиаконтента имеют собственные предпочтения в выборе онлайн-кинотеатров.

С точки зрения социологической теории потребление является социальным актом, способствующим формированию идентичности человека. Потребитель соотносит свои действия с представителями различных движений, сообществ и социальных групп, к которым он хочет относиться. [2] Потребление исходит из желания показать свой статус и повысить социальную значимость в глазах других людей. Данные стратегии были описаны Т.Вебленом в «Теории праздного класса». [3] Жан Бодрийяр писал, что потребление «не соответствует никакой индивидуальной экономии потребностей, но является социальной функцией почта и иерархического распределения». Образуется система ценностей и установок по массовому потреблению материальных благ, формируется общество потребления. [1]

По данным исследования компании «Deloitte» о медиапотреблении в 2021 году, среди россиян, пользующихся платными сервисами, 77% выбирают онлайн-кинотеатры, 48% – музыкальные сервисы, а 65% – мультисервисы. Больше половины россиян хотя бы один раз покупали подписки на платные сервисы. Причина этого – уникальный контент (77%), а также отсутствие рекламы (60%) и скидки на другие услуги (26%). Одна из причин, приобретения подписки на платные сервисы – это отношение к «пиратскому» контенту. [5]

По данным опроса ВЦИОМ за 2018 год 47% россиян считают, что любой медиаконтент в интернете становится бесплатным, за него не нужно платить. 71% россиян считает, что спрос на нелегальный контент зависит от доходов и уровня жизни населения: нельзя ограничивать бесплатное медиапотребление при низком уровне дохода людей. [4] Основная причина частых нарушений авторских прав – недостаточная информированность пользователей, неразвитость культуры легального потребления.

По результатам Google Trends за последние 5 лет популярность онлайн-кинотеатров возросла на 81%. Пик популярности произошел в начале марта 2020 года. Можно предположить, что это связано с началом пандемии COVID-19 и акциями от стриминговых сервисов на бесплатные подписки, рассчитанные на несколько месяцев использования.

Существует бесплатный медиаконтент и платные подписки не являются предметами первой необходимости. Студентам, не имеющим стабильный доход, тратить денежные средства на стриминг нерационально. Однако в настоящее время количество молодежи, пользующейся платными подписками, растет. Данное исследование направлено на выявление отношения студентов к платным онлайн-кинотеатрам.

Для исследования были выбраны следующие методы: теоретический анализ литературы и анкетирование (онлайн-опрос). В качестве типа выборки для опроса была выбрана стихийная. Выборочная совокупность с учетом доверительной вероятности в 95% составила 375 человек. Сбор данных проводился в феврале 2022 года.

Самыми известными среди студентов оказались следующие платные онлайн-кинотеатры: Кино.Поиск (95.5%), Netflix (92%), IVI (91%), ОККО (82.5%). Наиболее часто студенты покупают подписку на Кино.Поиск (37%), Netflix (18%) и IVI (13%).

По результатам опроса, среди студентов наиболее часто используются музыкальные стриминговые сервисы (54.5%) и онлайн-кинотеатры (40%). Стриминговыми сервисами не пользуются 33% опрошенных студентов. Частые причины перехода на платный медиаконтент – отсутствие рекламы (58%), отсутствие нужного медиаконтента в открытом доступе (41%), пробная версия стриминга (38.5%) и подарок подписки на стриминг (23%). Самой частой проблемой в стриминговых сервисах называют стоимость на дополнительный контент (55%), а также стоимость подписки (28%) и неисправность в работе сервиса (16%). Только 24% опрошенных не сталкивались с проблемами вообще.

Большинство респондентов (96%), однако, смотрят фильмы нелегально. Главная причина – нежелание тратить деньги на медиаконтент (77%), а также отсутствие нужных фильмов на платных сервисах (30%). Допустимым использование «пиратского» контента считают 48% опрошенных, скорее допустимым – 34%, скорее недопустимым – 14%, недопустимым – только 4%.

Из полученных результатов можно сделать вывод, что большая часть опрошенных использует платные онлайн-кинотеатры в основном из-за удобства и наличия оригинального медиаконтента. Однако культура осознанного потребления среди студентов развита слабо: подавляющее большинство пользуются «пиратским» контентом даже при наличии подписки. Наиболее популярными онлайн-кинотеатрами среди студентов являются Кино.Поиск и Netflix. На данный момент, в связи с ограничениями оплаты зарубежных сервисов, пользоваться Netflix нельзя. Можно предположить, что пользователи данной платформы перейдут на российские онлайн-кинотеатры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, Культурная революция, 2006. С. 50–74.
2. *Бородулина С.В.* Потребление и идентичность (обзор теоретических подходов к взаимосвязи явлений) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. Т. 1, вып. 2 (78). С. 247–250.
3. *Веблен Т.* Теория праздного класса: экономическое исследование институций. М.: Изд-во прогресс, 1984. С.11–29.
4. *Заплати за подписку – смотри спокойно?* Электронный ресурс. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zaplati-za-podpisku-smotri-sпокойно-> (дата обращения: 27.12.2021)
5. *Медиапотребление в России.* Электронный ресурс. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/mediaconsumption-in-Russia-2021.html> (дата обращения: 25.12.2021)

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ГРАЖДАН НА РЫНКЕ ТРУДА

П.И. Ефименко

Научный руководитель: к.ф. н. С.В. Пирогов

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Управление занятостью это особый вид социального управления, который неразрывно связан с социально-экономической, политической и духовной жизнью общества. Цель управления занятостью заключается в создании условий, обеспечивающих занятость каждого индивида в той сфере общественной жизни, которая в наибольшей степени удовлетворяет его потребностям в профессиональной реализации и способствует гармоничному развитию личности [2.С.5].

В условиях нарастающего экономического кризиса, сопровождающегося падением потребительского спроса, массовым закрытием предприятий и ростом безработицы, важная роль отводится разработке эффективных мер государственной поддержки населения: государством разрабатываются новые программы и проекты, направленные на повышение конкурентоспособности граждан на рынке труда и помощь в их трудоустройстве.

Цель исследования: проанализировать деятельность Кадрового центра «Работа России» (центра занятости населения г. Томска и Томского района).

Метод исследования, использованный в работе – опрос экспертов в сфере занятости населения.

Теоретико-методологическим обоснованием работы является системный анализ. Центр занятости рассматривается как система, состоящая из отдельных элементов и процессов.

По результатам анализа ответов экспертов была получена информация о том, что с 2019 года началась модернизация служб занятости по всей России. Основными тенденциями модернизации являются клиентоцентричный подход в работе с гражданами, учет жизненной ситуации, в которой оказался соискатель и учет бизнес-ситуации работодателя.

В процессе модернизации создан такой новый вспомогательный сервис, как «карьерное консультирование» для профессионального самоопределения граждан, обратившихся в Кадровый центр. Было отмечено, что в настоящее время соискатели не ориентированы на запрос о данной услуге. По мнению экспертов, некоторых граждан пугает словосочетание «карьерное консультирование», так как это связано, по их мнению, с высокими требованиями к соискателю. Они отмечают, что данная услуга могла бы быть более актуальной, если бы не ограничивалась возможностями центра занятости. К проблеме, требующей внимания, эксперты отнесли ограниченность стратегий, технологий, методик в ходе проведения консультаций, они находятся в стадии наработки.

Дуальной стороной модернизации респонденты отметили то, что большинство услуг гражданам теперь можно получить дистанционно через Единую цифровую платформу (подать заявление, откликнуться на вакансию работодателя и пр.). С одной стороны, это подразумевает упрощение процедуры, а с другой стороны требуется компьютерная грамотность, как соискателя, так и специалиста.

Многие эксперты отметили тот факт, что социальная направленность в работе службы занятости понимается гражданами как материальная выгода: материальная помощь, субсидия, отклонение от алиментов и пр. При этом задача трудоустройства уходит на второй план. Появился даже негласный термин в оценке таких граждан – «профессиональные безработные». У них отмечается низкая мотивация, отсутствие самостоятельности в принятии решений, потребительский подход, они перекладывают ответственность на сотрудника службы занятости при решении вопроса трудоустройства.

Проблемной стороной в Кадровом центре при реализации модернизации является нехватка кадров и большая текучка в связи с увеличивающимися требованиями к специалистам, но при этом низкой зарплате, что оставляет не в полной мере реализованным клиентоцентричный подход.

Эксперты отметили основной способ повышения конкурентоспособности граждан – это обучение, переобучение, повышение квалификации. Кроме того, отмечены хорошие результаты в этом направлении в работе Кадрового центра благодаря тому, что проходят мероприятия: лекции, мастер-классы и акселераторы, а также услуга сопровождения инвалидов. Реализуется национальный проект «Демография», который дает возможность повысить конкурентоспособность граждан через переобучение востребованным специальностям.

Эффективной организацией обучения граждан является коллаборация работодателей и образовательных организаций, а именно: при создании программы обучения необходимо учитывать запрос работодателей относительно навыков и знаний, которыми необходимо овладеть выпускнику. А также взаимодействие с работодателями в части организации стажировок во время обучения граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахмадинуров Р. М.* Формирование рынка труда и активной политики занятости в регионе: дис. ... канд. эконом. наук. М., 1996. 247с.
2. *Зайцева О. В.* Служба занятости в современных российских условиях: социолого-управленческий аспект: специальность 22.00.08: дис. ... канд. социол. Наук. М., 2004. 152 с.
3. *Ильяшенко В. С.* Ключевые проблемы на рынке труда молодежи города Томска // Устойчивое развитие науки и образования. 2017. №6. С. 28–31.
4. *Климова Н. В.* Проблема молодежной занятости в контексте несоответствия рынка образовательных услуг и рынка труда / Н. В. Климова, В. А. Михеева // Научный журнал КубГАУ. 2016. №120. С. 1289–1304.

РОЛЬ ПРОФСОЮЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ВУЗА

П.И. Ефименко

Научный руководитель: к.ф. н. С.В. Пирогов

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В настоящее время в России проблемы формирования имиджа и управления общественным мнением о высшем учебном заведении получают отклик в сфере образования, в средствах массовой информации, а также на уровне межличностного общения сотрудников данных организаций, студентов и их родителей. В связи с развитием рыночных отношений общественное сознание стало активно оперировать такими понятиями как: имидж, индивидуальность и отличительность относительно субъектов социально-экономических отношений. В основе легло понимание конкуренции. Это дало возможность распознавать и выделять наиболее успешных субъектов в рыночном пространстве. Спустя время это коснулось и системы образования. Формирование и удержание положительного имиджа вуза влияет на усиление его конкурентоспособности, а также позволяет демонстрировать уровень развития образования в регионе и стране.

Подготовка специалиста в университете не может качественно осуществляться без формирования социальной, коммуникативной компетентности, которая предполагает развитие таких личностных качеств студента как: готовность к сотрудничеству, ответственность за участие в общем деле, гражданскую позицию и т.д. Решению этой задачи способствует организация студенческого самоуправления, деятельность которого подразумевает развитие лидерских и творческих компетенций, подготовку молодых специалистов с «функциональным» образованием. Это может придать студенту конкурентоспособности на современном рынке труда.

Цель: определить роль комиссий первичной профсоюзной организации студентов Томского государственного университета (далее ППОС ТГУ) в становлении имиджа ТГУ.

Гипотеза: студенческие комиссии ППОС ТГУ и студенческие лидеры являются дополнительным конкурентным преимуществом вуза, способствующим улучшению его имиджа и эффективности его функционирования.

Теоретико-методологическим обоснованием работы стала феноменология А. Щюца. Имидж с точки зрения феноменологического подхода можно трактовать следующим образом:

- Имидж – это феномен, созданный с помощью символов, знаков, который регулирует действия сторон организации [8.С.1].
- Имидж существует только тогда, когда есть аудитория, с которой он взаимодействует.
- Имидж – это результат согласованности действий и договоренности между тем, кто его конструирует и тем – для кого его конструируют.

В работе был использован метод полуструктурированного интервью с руководителями студенческих комиссий, председателями профбюро факультетов/институтов и специалистами профкома.

Для начала было изучено представление респондентов о составляющих имиджа вуза, к ним отнесли: рейтинг и престиж вуза, социальные сети и сайт,

педагогический состав, контингент студентов, корпоративная культура, развитая система студенческого самоуправления, статус ректора, внешний образ университета и трудоустройство после выпуска. К сильным сторонам имиджа вуза отнесли богатую историю вуза, визуальный образ – главный корпус, контингент обучающихся студентов, преподавательский состав, информационные технологии, социальный имидж университета. К слабым сторонам отнесли состояние инфраструктуры, не удобный для использования сайт и возможность трудоустройства после окончания вуза.

В ходе интервью было выяснено, что руководители считают комиссии своего рода «лицом» университета, поскольку через эти комиссии можно понять: на что способны студенты данного вуза. То есть их роль состоит в развитии университета и заявлениях о нем на внешних площадках. Когда какая-то студенческая организация или комиссия «пробивается» на новый уровень, она позиционирует себя как организация конкретного университета, что повышает осведомленность общества об университете и укреплению его имиджа.

Было отмечено, что отряд проводников «Голубая стрела» является неким брендом ТГУ. Будучи в дороге, они проводят неформальную агитационную работу с пассажирами, рассказывая про наш вуз, город, если они видят, что кто-то из них является нашей потенциальной целевой аудиторией.

Большое количество комиссий и их разнонаправленность дает возможность студенту выбрать наиболее интересную для него сферу деятельности, они помогают создать комфортные условия для обучения студентов, способствуют их развитию. Комиссии выступают своего рода тренировочной площадкой для получения различных навыков с возможностью учиться здесь и сейчас, которые помогают студентам в будущем в его трудовой деятельности.

Помимо этого, профком и его комиссии осуществляют социальную функцию: оказывают материальную помощь студентам, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации, защищают права студентов, выезжают в детские дома, проводят открытые уроки со школьниками, помогают пожилым людям, а также выезжают в приюты для животных.

Лидеры выражают общественное мнение, они транслируют то, что происходит в университете, и создают благоприятные условия для студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананченкова П.И.* Имидж высшего учебного заведения как фактор его конкурентоспособности // Электронный ресурс. URL: http://www.rusnauka.com/33_NIEK_2008/Economics/36979.doc.htm (дата обращения: 29.11.2019).
2. *Быстрова Т.* Аналитика и феноменология имиджа // Электронный ресурс. URL: http://www.taby27.ru/tvorcheskie_raboty/50/imagelogija_statji/image_analytic/image_analytic1.html (дата обращения: 29.11.2019).
3. *Николаева В. И.* Корпоративный стиль высшего образовательного учреждения // Студент. Аспирант. Исследователь. 2015. №5. С. 80–95.
4. *Пирогов С.В.* Феноменологический подход // Социология управления: теоретико-прикладной толковый словарь. М., 2015. С. 415–416.

5. *Рештаненко И.Н.* Социальный имидж организации / И. Н. Рештаненко, Е. С. Алехина // Наука и бизнес: проблемы и перспективы развития предпринимательской деятельности: материалы междунар. науч.-практ. конф. (25 окт.2016) / Уфа. 2016. С. 184–188.
6. *Фимина М.А.* Имидж вуза как составляющая системы образования // Актуальные задачи педагогики: материалы международной научной конференции. Чита: Издательство Молодой ученый, 2011. С. 68–72.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИЛИСТОВ В РАЗЛИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ И ПРЕДПРИЯТИЯХ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Н.М. Жеребцова

Научный руководитель: ст.преп. Э.В. Овчинникова
Липецкий государственный технический университет

В современных реалиях молодое поколение стремится развиваться и реализовывать свой внутренний потенциал. Для этого молодежь использует как очную, так и дистанционную форму. Они проходят обучающие курсы по разным направлениям или поступают в высшие или средние специальные учебные заведения на специальности, позволяющие найти им хорошую работу и выстроить карьерный путь.

После окончания университета или колледжа выпускники стараются устроиться на работу по специальности. В это же время происходит процесс, называемый «адаптацией».

Данное определение в психологическом аспекте можно рассматривать как в широком, так и узком смысле. Согласно И.Н. Никитиной [2.С.57], оно означает приспособление человека как личности к существованию в обществе в соответствии с требованиями этого общества и с собственными потребностями, мотивами и интересами. Термином «адаптация» обозначаются свойства человека, характеризующие его приспособление к условиям окружающей среды. Социально-психологическая адаптация рассматривается одновременно и как процесс, и как состояние, являющееся некоторым конечным, для данного временного этапа, эффектом процесса адаптации.

С точки зрения социологического подхода, согласно Г.В. Осипову [3.С.8], социальная адаптация – это процесс активного приспособления индивида или группы к определенным материальным условиям, нормам, ценностям социальной среды.

Подобным примером является рабочая среда для молодых специалистов, где происходят адаптационные процессы.

Адаптация в организации представлена двумя видами: первичной и вторичной [4. С.60]: первичная характеризуется процессом ознакомления человека с организацией, вторичная связана со сменой должности сотрудника, его приспособлением к новому коллективу и новым обязанностям.

Для молодого специалиста больше подходит первичный тип адаптации, который проходит в несколько стадий:

1. Знакомство, подразумевающее изучение сотрудником основных целей, задач организации, с дальнейшим принятием решения о том начинать ли там свой рабочий путь или же нет. Так, у студентов в учебной программе предусмотрена производственная практика, куда они потенциально могут прийти работать. Закрепляясь за какие-либо организации и выполняя задание от университета там, студент, видит организацию изнутри, объективно делая вывод о том, смог ли бы он там работать или же нет.
2. Приспособление, на этапе которого происходит адаптация к новым условиям работы. Как правило, для молодых специалистов данный этап занимает год с момента его трудоустройства.

3. Ассимиляция, при которой сотрудник, уже на второй год работы в организации более детально вникает в особенности своей профессии, начинает проявлять ряд инициатив.

4. Растворение в организации. Данный этап отождествлен с третьим годом работы молодого специалиста, при котором происходит полное вовлечение молодого специалиста в профессию и трудовой коллектив [7. С. 412].

При соблюдении всех этапов происходит наиболее мягкая и благоприятная адаптация молодого специалиста в организации.

Помимо этапов, существуют формы адаптации молодых специалистов: социальная форма: внедрение сотрудника в социальную среду организации; производственная форма: погружение в трудовые процессы; профессиональная форма: демонстрация умений, навыков и компетенций; психофизиологическая адаптация: привыкание к специфике рабочего процесса; социально-психологическая форма: настрой сотрудников, открытость коммуникаций [5]; организационная форма: связана со спецификой организационного управления компанией; экономическая форма: ознакомление сотрудника с системой оплаты труда, различными стимулирующими выплатами, мотивациями.

Важным механизмом адаптации молодого специалиста на предприятии является корпоративная культура, которая есть в любой организации или компании. Она призвана наполнить смыслом и мотивацией рабочую деятельность.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что адаптация молодых сотрудников на предприятии является трудоемким процессом, формирующимся в несколько этапов с характерными стадиями своей развития. Формы адаптации в организациях многовариативны и охватывают все сферы жизни в рамках одной организации. что позволяет благоприятно воздействовать на новоприбывшего сотрудника и социализацию в новом трудовом пространстве. Стоит также отметить, что немаловажную роль в процессе адаптации молодого специалиста играет корпоративная культура компании, продвигающая ценности, нематериальные мотивации, стимулирующие его работать эффективно, внося новые идеи и инициативы в рабочий процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кибанова А.Я.* Управление персоналом: учебник для студентов, аспирантов / А.Я. Кибанова, Л.В. Ивановская, Е.А. Митрофанова. Москва: Риор, 2012. 695 с.
2. *Никитина И.Н.* К вопросу о понятии социальной адаптации. М.: Изд-во МГУ, 1980. 57 с.
3. *Осипов Г.В.* Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. М: Норма, 1998. 488 с.
4. *Смирнова А.В.* Адаптация персонала: ее формы и виды. Особенности адаптации молодых специалистов / А.В. Смирнова, Р.М. Кочеткова, Е.В. Коротина – Текст: непосредственный // Вестник УлГТУ. 2017. №4 (80). С. 59–61.
5. *Социально-психологический* климат в коллективе. Электронный ресурс. URL: <https://www.klerk.ru/job/articles/417910/> (дата обращения 25.03.2022).

6. *Спивак В.А.* Корпоративная культура. Санкт-Петербург: Питер, серия «Теория и практика менеджмента», 2001. 352 с.
7. *Спивак В.А.* Организационное поведение и управление персоналом. Санкт-Петербург: Питер, 2000. 412 с.

ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ОБЩЕСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА

Кожевникова К.Г.

Научный руководитель: к.с.н. М.А. Крылова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Проблема гендерного неравенства существовала и сохранялась на максимально больших временных отрезках эволюционного развития общества. Отмечалась как особенность уклада жизни народов в различных культурах, основывающаяся на биологических различиях людей, а потому длительное время воспринималась как норма, исключая изменения и недоступная для критики.

Понятие «гендер» пришло в отечественную научную литературу от англоязычных ученых, интерпретирующих дефиницию как совокупность социальных характеристик пола, связанных «с социологическими понятиями мужественности и женственности и необязательно являющихся непосредственным продуктом биологического пола индивида» [1.С.101].

Гендер конструируется через систему социализации, разделения труда, проявляется как социальная модель поведения, роль и положение в общественных институтах у мужчин и женщин [3.С.17].

Гендерная роль, понимается «как набор ожидаемых образцов поведения для женщин и мужчин, выражающаяся в «соответствующих» женскому или мужскому полу поведении, внешнем виде, жестах, манерах, сферах активности, речи» и так далее [3.С.17].

Справедливость описанных выше теоретических конструктов для сегодняшнего дня полностью подтверждаются результатами недавно проведенных социологических замеров. Так в конце 2020 года «Левада-Центр» опросил 1600 россиян, проживающих в различных уголках нашей страны. Им предлагалось назвать по три качества, наиболее свойственных для мужчин и для женщин. По мнению респондентов, мужчины трудолюбивы, ответственны и заботливы, в то время как женщины заботливы, красивы, трудолюбивы и верны мужчинам [2.С.116-117].

Принятые в обществе ролевые модели формируют определенные представления о том, как должен вести себя типичный представитель гендера («настоящий» мужчина или «настоящая» женщина) называются гендерными стереотипами. Они влияют на повседневные поведенческие практики людей, их профессии.

В ходе проведения учебного социологического исследования среди студентов очной формы обучения Санкт-Петербургского государственного экономического университета (N=100) были выявлены следующие особенности в поведенческих ориентациях у мужчин и женщин.

1) Большинство опрошенных студентов считают (чуть более 70%), что обеспечивать семью материально должны оба: и мужчина, и женщина.

2) Треть респондентов высказывает различную степень уверенности по вопросу о существовании распределения на «мужские» и «женские» роли в быту (35%); примерно столько же считает, что «все зависит от сложившихся отношений в конкретной семье» (30%).

3) Почти половина студентов-респондентов соглашается с существованием «чисто мужских» (военнослужащий, сантехник, пожарный, полицейский) и «чисто женских» (воспитатель, секретарь, учитель, социальный работник) профессий.

4) Как сторонники, так и противники распределения ролей на основе существующих гендерных стереотипов и биологическом поле человека, неопределенно высказываются о необходимости осуществления женщиной профессиональной деятельности: «как она сама хочет» (56,3%) и «зависит от материальной обеспеченности семьи» (20%).

Таким образом, в сознании некоторой части современных студентов фиксируются гендерные установки и стереотипы о различии социальных, профессиональных ролевых поведенческих моделей у мужчин и женщин.

«Мужская» гендерная ролевая модель предполагает надежность, риск, работу. Мужчина – «добытчик», а это требует определенных свойств и качеств личности. «Женская» ролевая модель соотносится с домом, организацией быта, воспитанием детей. Однако при этом женщина должна и работать вне дома, чтобы вместе с мужчиной обеспечивать семью.

Так неоднозначно в общественном сознании молодых людей проявляется противоречие между сложившимися «советскими» стандартами гендерных отношений в семье и на производстве, с одной стороны, и возврата к традиционным гендерным ролям, получившим тенденцию к распространению в обществе, начиная с 90-х годов XX века, с другой стороны.

Следует отметить, что перекосы в гендерном ролевом наборе женщин, а также существование стойких гендерных стереотипов, наиболее приемлемы для исторического прошлого, чем для современности. В настоящее время активное включение женщин в экономическую сферу через профессиональную занятость, приводят к ролевым конфликтам. Можно предположить, что чаще всего они связаны с необходимостью одновременного совмещения женщинами повседневных хозяйственно-бытовых обязанностей с профессиональной деятельностью. Бывают и другие причины ролевых конфликтов.

В заключении следует отметить: гендерное неравенство до сих пор актуально во многих странах мира и активно воздействует на общественное сознание, однако при этом не воспринимается однозначно как нарушение прав личности. Это не хорошо и не плохо; просто сложившаяся практика стандартизации поведения, которая многим может быть удобна. Тем не менее, в европейской части мира, в том числе России, активная часть общества стремится устранить дискриминацию по половому признаку и другие негативные проявления гендерного неравенства, связанные с нарушением свободы выбора человека, что требует проведение продуманной социальной политики и времени.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гидденс Э. Социология / Энтони Гидденс при участии Карен Бердсолл. М.: URSS, 2005 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). 629 с.
2. Зорская Н. Гендерные образы // Общественное мнение – 2020. М.: Левада-Центр, 2021. С.116-118. Электронный ресурс. URL: <https://www.levada.ru/sbornik-obshhestvennoe-mnenie/obshhestvennoe-mnenie-2020/> (дата обращения 05.03.2022).

3. *Лошакова Ю.П.* Гендер как фактор социальной дифференциации в крупных корпорациях (на примере России и Швеции): автореф. ... дисс. канд. социолог. наук. Санкт-Петербург, 2013. 24 с.

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В ИСЛАМСКИХ СМИ РОССИИ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕЛЕСНОСТИ И КАЧЕСТВ ИНДИВИДА*

Д. М. Латышев

Научный руководитель: д. с. н. Н. Л. Антонова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина

** Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-20365*

Специфическая биополитика, нацеленная на регулирование параметров здоровья индивидов и формирование ценностей здоровья как важного социального капитала наряду с экономическим является результатом многочисленных медицинских исследований как в СССР, так и за рубежом. Целенаправленно данная биополитика реализовывалась через распространение физической культуры и спорта среди населения. В 1983 году постановлением ЦК КПСС предписывалось массово развивать физическую культуру и спорт среди населения. Понятие здорового образа жизни получает наибольшее распространение в общественной жизни с 1986 года, когда советским правительством после XXVII Съезда КПСС была начата антиалкогольная кампания [1]. В современной России биополитика, направленная на поддержание здорового образа жизни как противодействия социально опасным болезням также продолжается, при этом ее дискурс охватывает не только административные издания, но также и проникает в СМИ, которые контролируются религиозными организациями. В этих СМИ идеология здорового образа жизни связывается с основными тезисами антропологических учений религиозных организаций. В настоящей работе рассматривается репрезентация здорового образа жизни в интерпретативной схеме мусульманских СМИ, поскольку исламская антропология предписывает верующим использовать медицинское лечение для поддержания индивидом своего «духовного состояния» [2], а в Коране и Сунне содержатся подробные регламентации повседневных практик индивида в течение всего дня, часть которых направлена на конструирование востребованного тела [3]. Данные предписания имеют двоякую цель: с одной стороны, они взаимосвязаны со столпами ислама, а с другой – связаны с т. н. «пророческой медициной», имеют признаки лечебно-профилактических действий, однако эти рекомендации не всегда коррелируют с принципами доказательной медицины, а иногда и вовсе вредят человеку. Для анализа репрезентации здорового образа жизни в исламских СМИ были отобраны несколько публикаций в сетевых изданиях, которые имеют широкий охват и вовлеченность аудитории – islam.ru, rdum.info, islam-today.ru и islamdag.ru. Через поиск по сетевым изданиям, по ключевым словам, «фитнес», «здоровье» и «здоровый образ жизни» было отобрано 50 публикаций, в которых освещалась тематика здорового образа жизни. Репрезентация концепта «здорового образа жизни» в сетевых изданиях проводилась с помощью метода семиотического анализа А. Страусса и Дж. Корбин.

По результатам анализа было выявлено, что общим тезисом, который задает репрезентацию представления о здоровом образе жизни в мусульманских сетевых изданиях, является высказывание, что «здоровье – это дар Аллаха», который нужно приумножать и сохранять не только в силу того, что это предписывают рекомендации, изложенные в священных текстах, но также и для того, чтобы в

посмертии, в День Воскресения, он рассказал Аллаху, «как он использовал свое тело». Специфика такого понимания здоровья предполагает ответственное отношение к своему телу, рекомендуется использовать разрешенные средства для поддержания его в необходимом состоянии, достойном посмертия.

К числу факторов, которые обеспечивают практики здоровьесбережения индивида в СМИ, проговариваются:

- «нравственное и духовное здоровье»;
- использование «пророческой медицины»;
- «душевная чистота» (иман), поскольку пророк Мухаммад утверждал «Чистота – это половина веры»;
- чтение священных текстов, поскольку «каждая буква священной книги является лечебной», а также в силу того, что само чтение – это «дающее облегчение и исцеление дыхание»;
- употребление пищи, которая в исламе считается благословенной (финики, инжир, олива, сарид и др.).

Физические болезни, которые могут стать препятствиями для полноценных занятий здоровым образом жизни, не считаются грехом, их необходимо лечить в рамках предписанных шариатом правил для того, чтобы обрести «уверенность и силу, укрепить веру». Болезнь считается признаком слабой веры («ни одно человеческое тело не может быть крепким, если его иман слаб»).

Важными личностными качествами индивида в сетевых изданиях провозглашаются ответственность, трудолюбие «во благо друзей, семьи, страны и общества», а также смиренность и скромность. Упорство и терпение являются признаками сильного мусульманина, который «лучше перед Аллахом и более любим Им, чем слабый». Сила, которой наделяется тело мусульманина, понимается в нескольких смыслах:

- сила вероубеждения (акыда);
- сила поведения (ахляк);
- сила ума и мышления (ахль);
- сила тела и здоровья (ас-сыхха ва аль-кувва);
- силы в стремлении к знаниям (талаб аль-ильм).

Считается, что основной целью фитнеса и здоровьесберегающего поведения должны быть не результаты на соревнованиях или силовые рекорды, а именно выработка необходимых качеств личности индивида, «средство к постижению довольства Бога».

Таким образом, репрезентация представлений о здоровом образе жизни в современных публикациях демонстрирует подчинение практик здоровьесбережения концептам мусульманской антропологии. Акцент практик здоровьесбережения направлен не на поддержание существующей моды красивого тела, а указывает на биологическое и даже «духовное» свойство тела сопротивляться болезням. Одним из главных показателей здорового тела в мусульманских сетевых изданиях считается устойчивость психической системы, а также развитые личностные качества работоспособности и ответственности, которые влияют на практики здоровьесбережения индивида.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жилин Н.* За трезвый, здоровый образ жизни // *Партийная жизнь*. 1986. Вып. 5. С. 61–63.
2. *Меренков А.В.* Конструирование востребованного тела: до и после пандемии // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2021. №2.
3. *Савельева Ж.В.* «Здоровье» и «болезнь» в интерпретативных моделях ислама и православия // *Социально-гуманитарные знания*. 2010. №5.

НАДПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ НАВЫКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ И ИХ РОЛЬ В ПОСТРОЕНИИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

Е.А. Маркова

Научный руководитель: Л.А. Гуринович
Иркутский Государственных Университет

В современных условиях проблема определения профессиональной стратегии, как и профессиональное самоопределение остается актуальной. Она является значимой за счет того, что молодые специалисты, выпускники вузов, образуют социальную группу, формирующую будущий профессиональный каркас общества и вносит значительный вклад в развитие общества [1.С.137]. Выбор и определение студентами профессиональной стратегии имеет значение и для государства, так как проблема профессиональной стратегии студентов взаимосвязана с такими аспектами общества, как трудоустройство и формирование рабочих мест, релевантных кадровому потенциалу [1.С.137]. Это реальная возможность понимать свое будущее, в отличие от имевшего место ранее распределения.

Для современного рынка труда характерна тенденция предъявления новых требований к будущим специалистам. Это связано с тем, что на образование и общество оказывают влияние различные современные тренды. Существенное значение оказывают изменения, связанные с социально-экономической ситуацией и использованием цифровых технологий во многих сферах жизнедеятельности. Изменения на рынке труда связаны также с тем, что сами работодатели трансформировали свои требования к специалистам, что усложнило проблему трудоустройства выпускников вузов. Молодые специалисты вынуждены самостоятельно либо при сопровождении со стороны специалистов приспосабливаться к изменяющимся социально-экономическим условиям современного рынка труда.

Для современного рынка труда становится актуальным спрос на специалистов, которые обладают надпрофессиональными навыками или «soft skills». Soft skills – это надпрофессиональные навыки, которые не связаны с какой-либо профессиональной отраслью. К компетенциям, которыми должен обладать специалист, имеющий soft skills, принято относить те, которые позволяют человеку решать поставленные задачи при помощи взаимодействия с другими людьми путем использования коммуникаций, убеждений, лидерских и других эмоционально-психологических качеств.

В ходе изучения темы трансформации современного рынка труда для нас было актуальным проанализировать мнение студентов и определить уровень соотношения требований современного рынка труда к молодым специалистам с мнением студентов. Для того чтобы решить данную задачу, нами был проведен опрос с помощью платформы «Google» форма. В опросе приняли участие 57 человек, из них 32,7% мужчины, 67,3% - женщины, в возрасте от 18 до 24 лет – 98,2% и в возрасте от 25 до 35 лет – 1,8%.

На вопрос о том, какие требования являются наиболее значимыми при приеме на работу респонденты отметили следующие: личностные качества будущего специалиста – 57,9%, специальные знания и умения, соответствующие профилю непосредственной деятельности – 42,1%, наличие профессионального опыта – 42,1%, уровень профессиональных знаний – 36,8%, соответствие кандидата корпоративной культуре организации – 15,8%, направление и качество образования

– 12,3%. Мы видим, что наиболее актуальным требованием студенты считают личные качества, что как раз относится к группе компетенций soft skills.

На вопрос о том, какие компетенции специалистов наиболее востребованы сред работодателей, нами были получены следующие результаты: 71,9% отметили вариант «умение решать проблемы, возникающие в рабочем режиме», 61,4% считают компетенцию «умение работать в команде» наиболее актуальной, 63,2% – «умение организовать свою работу», 61,4% – «способность нести ответственность за результаты своей профессиональной деятельности» и 54,4% – «готовность к взаимодействию с коллегами, к работе в коллективе».

Как можно заметить из результатов анализа данных опроса, студенты осознают тот факт, что на сегодняшний день наличие профессиональных навыков во многом проигрывают надпрофессиональным, поэтому молодым специалистам в ходе обучения в вузе необходимо развивать не только навыки, связанные с работой в той или иной сфере деятельности, но и свои личные качества.

На сегодняшний день большинство вузов не могут дать будущим специалистам возможностей по развитию skill soft, студенты вынуждены самостоятельно развивать в себе компетенции, входящие в данную группу, в ходе учебного процесса. Учитывая, что многие молодые специалисты для прохождения магистратуры выбирают вузы в центральной части России, регионы теряют как студентов, так и будущих специалистов. В Иркутской области набирает популярность конкурс «Моя карьера», где на одной площадке встречаются будущие молодые специалисты и работодатели, а призом победителям являются стажировки в ведущих компаниях региона.

На сегодняшний день современный рынок труда испытывает ряд изменений, что влечет за собой трансформацию требований к новым работникам. Молодые специалисты, анализируя изменения рынка труда, выбирают для себя новые профессиональные стратегии, зачастую такие тенденции приводят к оттоку молодых специалистов из регионов, так как экономическое положение регионов весьма отстает от центральной части России. Для выравнивания ситуации важно комплексно оценивать условия взаимодействия, сотрудничая с учебными заведениями и будущими выпускниками, помогая в обучении надпрофессиональным навыкам, что принесет пользу для каждой стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Завельская И. М.* Профессиональное самоопределение личности и стратегии студенческой молодежи / И. М. Завельская, А. А. Комарова, О. В. Крыштановская // Вестник университета. 2019. № 2. С. 137–140.
2. *Коноплянский Д. А.* Специфика регионального рынка труда в процессе формирования конкурентоспособности выпускников вуза / Д. А. Коноплянский // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3(56). С. 479–484.

СОЦИОЛОГИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

По мнению Пирог А.В., «социология физической культуры и спорта как наука теоретическая, исследует общие принципы и конкретные методы измерения и сопоставления, эмпирические и опытные данные, устанавливает социологические закономерности спортивной деятельности» [5.С.8–9].

Термин «социология спорта», по мнению социолога А. Воля, впервые ввел в 1921 году немецкий социолог Г. Риссе в публикации «Социология спорта», однако публикации на эту тему были и ранее. В Советском Союзе, например, в 1948 году вышла книга А.И. Крячко «Физическая культура», в ней присутствовал раздел о роли физической культуры в жизни советских людей и пр. [5.С.12].

Возникновение и становление социологии физической культуры и спорта датируется началом XX века в различных странах земного шара. Например, в нашей стране, к этому времени существенную роль в развитии теоретических социальных и педагогических оснований физической культуры и физического воспитания повлияла деятельность П.Ф. Лесгафта, Н.А. Семашко и др. ученых [2].

В 1920-е и до 1930-х годов, в нашей стране на развитие физкультурно-спортивного движения, на физкультурную науку и в частности, на социологию физической культуры и спорта оказало создание Всевобуча, а также организация физической культуры в общей системе воспитания и пр. [3.С.17].

Позже осуществлялось становление научных центров, где анализировалась и социологическая проблематика. Прежде все – это кафедра теории и методики физического воспитания ГЦОЛИФК, где под руководством ученого А.Д. Новикова в конце 1940–середине 1950-х гг. изучалась проблематика основ физического воспитания, проблемы взаимодействия и взаимовлияния спорта и личности, спорта и общества, спорта и образа жизни, проблемы физкультуры и массового спорта и др. [2]. Научными центрами в области социологии физической культуры и спорта в это время были Ленинградский институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта и Центральный институт физической культуры в Москве.

С середины 1930-х годов до начала 1960-х годов, преимущественно направление исследований и публикаций было нацелено на реализацию Всесоюзного физкультурного комплекса «ГТО СССР» [3.С.18].

Особенно усиленно, социологические проблемы физической культуры и спорта стали изучаться с 1960 гг. В институте философии Академии наук СССР было открыто отделение социологии, а в 1961 году в ЦНИИФКе был организован сектор истории, организации и социологии физкультурного движения [3.С.20].

В 1990 годах, отмечается творческая инициатива самих ученых в обеспечении исследований, а также укрепились функции ВНИИФКа как центра работы социологов ФКС [6].

Т.А. Михайлова, Е.С. Студеникина [4], отмечали, что на сегодняшний день на территории РФ выпускается ряд журналов, например «Социологические исследования» (Социс), «Социологический журнал», «Вопросы социологии», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Социологическая наука и социальная практика», «Социология образования» и пр. Авторы заметили, что среди статей, публикуемых этими изданиями, можно найти статьи, связанные с

проблемами спорта, тогда как социология физической культуры и спорта не представлена в рубриках ведущих социологических журналов, соответственно имеющиеся материалы обычно попадают в рубрики, связанные со здоровьем и здоровым образом жизни, медициной и т.д. [4].

Между тем, стоит отметить, что социология физической культуры и спорта, еще находится в процессе собственного становления и развития, поскольку наблюдается нехватка работ в данной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Всемирный Конгресс Социологии Спорта. «Спорт, глобальное развитие и социальные изменения».* Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Том XIX. № 3 (86). С. 203–206.
2. *Городилин С.К.* История развития социологии физической культуры и спорта. Гродно: Изд-во ГрГУ. 2001.
3. *Жолдак В.И., Коротаяева Н.В.* Социология физической культуры и спорта. Учебное пособие. Малаховка: МОГИФК, 1994.
4. *Михайлова Т.А., Студеникина Е.С.* Проблемы спорта и физической культуры в российских социологических исследованиях: история и перспективы развития. Человек. Сообщество. Управление. 2017 18(4). С. 121–136.
5. *Пирог А.В.* Организация и методика проведения социологических исследований в спорте: учеб. пособие для студентов ИФК/СГИФК. Смоленск. 1991.
6. *Чесноков Н.Н.* Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта. Часть 1. Москва: Изд-во Физическая культура. 2005.

ОСОБЕННОСТИ ЗАНЯТОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ

А.В.Назарова

Научный руководитель: ст.п. Д.О.Афанасьева

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Молодежь – это особая социальная группа, обеспечивающая самовоспроизводство общества, данная категория отличается тем, что адаптируется именно под современные и актуальные в данный момент времени тенденции общественного развития и способствует реализации этих тенденций. Развитие информационного общества повлекло за собой появление новых форм занятости. Например, в настоящее время распространены гибкий график, фриланс, совмещение нескольких работ. Так, согласно данным, полученным из исследований PwC, на 2020 год в России 14 млн фрилансеров, что составляет 20% от населения страны; стоит отметить, что в 2019 году их число приближалось к 5 млн. По опросу hh.ru: 76% сотрудников считают, что гибкий график повышает эффективность труда. В докладе ВЦИОМ 2019 года упоминалось о росте предпринимательской деятельности и самозанятости.

С одной стороны, людям предоставляется большая свобода в планировании совмещения личных и рабочих дел, возможность заниматься несколькими видами деятельности, что может благоприятно сказываться на эффективности предприятий и эффективности рабочей силы. С другой же стороны, с появлением свободы возникает трудность самоорганизации, меньшая вовлеченность в процесс и отвлеченность от него, отсутствие общения с коллегами.

Исходя из этой неоднозначности, вытекает исследовательский вопрос: Какие представления о работе в современном мире имеют работающие и неработающие студенты? В ходе изучения проблемы была определена цель выявить предпочтения и представления студентов относительно занятости.

Метод – полуструктурированное интервью. Участвовали студент, имеющий постоянную работу [1] студент, имеющий временные подработки [2]; безработный студент [3], что позволяет обеспечить материал с учетом отличий бэкграунда. Основное изучаемое понятие – занятость, то есть деятельность, которая связана с удовлетворением общественных и личных потребностей, приносящая денежный заработок.

1. Все информанты (в том числе, неработающий студент) оценивают значение работы в своей системе ценностей как достаточно важную. Для работающих студентов занятость способствует хорошему самочувствию и хорошей самооценке.

«Она обеспечивает развитие личностное и достойный уровень жизни, поэтому является основной» [1].

Неработающий студент чувствует неудовлетворенность из-за отсутствия работы.

«В работе факт того, что ты не бездельничаешь» «учеба не особо, все равно ты вот вроде учишься, но чувствуешь, что недостаточно, надо что-то еще» [3].

2. Помимо денег мотивы работающих студентов во многом связаны с периодом взросления, когда приходит понимание, что необходимо начинать зарабатывать самостоятельно.

«В то время мне только исполнилось 18, и я впала в кризис, нужно слезать с шеи родителей, поэтому была в активном поиске работы» [1].

Неработающий студент предпринимал ранее попытки найти работу, но влияние исходило извне: родители открыто говорили о необходимости искать работу.

«... чтобы родители не наезжали, что я ничем не занимаюсь» [3].

3. Студенты выделили ряд особенностей, которые нравятся им в работе: отсутствие рутины; взаимодействие в коллективе является для студентов важным фактором эффективности компании, воспринимается как возможность разгрузиться на работе.

«Неформальные отношения и свободный для людей график подкрепляют творческую натуру человека, заставляют его раскрыться» [2].

Информант, имеющий опыт с временными подработками, поднял проблему отсутствия обучения на работе, помощи в освоении деятельности:

«Самое сложное, что мне дается, это сделать какое-то первое действие. Помогает, когда люди помогают пнуть тебя, подтолкнуть к решению действий, покажут наглядно, как сделать первый шаг» [2].

Информантам необходимо чувствовать, что их труд ценен

«Не нравится, когда клиенты замкнуты на собственной позиции и, скажем так, не особо стараются вникать в работу других людей и в тот продукт, который они приобретают» [1].

По этой же причине неработающий студент не смог устроиться на работу, потому что был страх, что клиенты не оценят:

«Потому что там люди, там опять будут люди, а если они будут такие же отвратительные» [3].

4. Потребность в отсутствии рутины является причиной отказа от строгого графика. Несмотря на то, что согласно статистике, число фрилансеров растет, ценность очной работы среди студентов сохраняется, это обосновывается возможностью взаимодействовать с другими людьми, пополнить свой социальный капитал, а также чувствовать себя собранным:

«Но да, я хотела бы иметь власть над своим графиком.» «Потому что мне нравится отсутствие рутинности, нравится свобода, которая дается этим» [1].

«Идеальная работа... Точно не строгий график. Работа с 9 до 6 с пятидневкой я бы не выдержал» [2].

«Лучше в офисе, потому что это дает возможность социальных контактов и взаимодействий. И в офисе легче быть собранной, включенной. Дом не располагает к активной деятельности» [1].

После рассмотрения высказываний информантов можно говорить, что в представлениях студентов работа играет важную роль, при этом она должна удовлетворять их те или иные потребности, например, потребности в неформальных отношениях в коллективе, свободе от рутины, обратной связи от начальника и другое. Потребности студентов формируют их предпочтения относительно графика и формата занятости.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Забелина О.В., Майорова А.В., Матвеева Е.А., Сафонов А.С.* Новые формы занятости в российской экономике как объект государственного регулирования // Экономика труда. 2018. №2.
2. *О занятости населения в Российской Федерации* : федер. закон Рос. Федерации от 1 апр. 1991 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1991. №1032. Ст.1.
3. *Романюк И.Д.* Модернизация форм занятости в современном мире // Известия СПбГЭУ. 2018. №6 (114).
4. *Фролова Н.А., Браницкий В.В.* Современная молодежь: взгляд изнутри // ВЭПС. 2019. №1.

SPACE MINING: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА

А.Е. Пискунова

*Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
Кемеровского государственного университета*

За последние десятилетия число государственных и частных субъектов, участвующих в космической деятельности во всем мире, значительно возросло. Формирующаяся космическая экономика включает в себя множество коммерческих видов деятельности, связанных с проектированием космической инфраструктуры, разработкой прикладных космических средств, космическим туризмом, научными космическими исследованиями [2]. Еще одной важной частью этой области в ближайшее время станет промышленное освоение космических ресурсов, которое предполагает добычу полезных ископаемых на астероидах, планетах и других небесных телах Солнечной системы (space mining) [3]. «Космические недра» содержат множество ценных элементов, таких как драгоценные и редкоземельные металлы, востребованные промышленные элементы (никель, железо, кобальт), минералы, из которых можно получать воду, кислород, водород [6]. Огромные инвестиции оправданы не только экономическими выгодами, но и решением многих насущных «земных» проблем (экологический кризис, истощение ресурсных запасов). В последнее время появился ряд инициатив, способствующих исследованию и освоению космических полезных ископаемых, среди которых наиболее заметными являются Planetary Resources, Deep Space Industry, Asteroid Mining Corporation, Moon Express, миссия NASA OSIRIS-Rex.

Утверждая, что интенции, действия и интерпретации, характеризующие двусторонние отношения между человечеством и космосом, в значительной степени формируются благодаря политико-экономическим и социально-идеологическим контекстам, закономерным является вопрос о том, что стоит за этим очарованием промышленного освоения космоса, вновь завладевшим общественным сознанием в последние годы? Наша цель в настоящей работе состоит в том, чтобы предложить концептуальное видение вышеописанных явлений и проектов, выдвигая на передний план существенные черты культурной логики, задающей их смысловое содержание.

Анализ общественного дискурса и высказываний акторов, играющих ключевую роль в коммерческом освоении внеземного пространства, побуждает осмыслить космическую добычу ресурсов через призму концепции фронта и положений, разработанных в рамках концептуального поля социальных исследований экстрактивизма. Заданное такими координатами аналитическое поле предполагает сочетание и взаимопроникновение идей и интерпретаций трех семантически нагруженных областей – космос, фронт и добыча ресурсов.

Благодаря первым снимкам с орбиты за космическим пространством надолго закрепилось представление о «пустоте», в которой расположена «одинокая» Земля. Успехи «первых» космических достижений привели к формированию в коллективном сознании образа не далекой и недостижимой Вселенной, а находящейся в поле человеческой деятельности. Дополненные более старой эстетикой астрономических наблюдений представления о космосе преобразили аморфное пространство космоса в место, которое можно исследовать и познать [5].

Интенсивная и масштабная добыча ресурсов на современном этапе общественного развития служит основой укрепившихся моделей экстрактивизма, формирующих на пространствах экстракции специфические модели культуры и социальные практики [4]. В их основе – колониальная логика капиталистической экспансии, поддерживающая социальную несправедливость, экономическое неравенство и экстернализацию издержек.

Понимание социокультурной динамики в обозначенных выше областях человеческого опыта актуализируют символические стратегии, способствующие их фронтризации. К основным чертам фронта можно отнести окраинность, отсутствие четких границ, наличие «естественных» пограничных рубежей, де-факто колониальный статус территории, рыхлость и слабость «нормализующих» и управленческих механизмов, свобода, либерализм, индивидуализм, новое поле возможностей [1].

Проекты последних лет по добыче ресурсов в космосе и их публичное обсуждение активно мобилизируют фронтирную риторику, дополненную устойчивыми представлениями о внеземном пространстве и экстрактивных практиках. Сторонники *space mining* натурализуют *исследование* небесных тел как продолжающийся общественный проект. Призрак фронта создает образ пустоты и богатства, который, в свою очередь, оправдывает и даже приглашает к технологической экспансии. Опора на геологические метафоры и визуальные образы скальных образований предполагает востребованность экстрактивизма как доминантной парадигмы социально-экономического развития. Неопределенность в отношении прав собственности и использования ресурсов космического пространства также укрепляет фронтирный образ.

Таким образом, в коллективном воображении формируется специфический *космический ресурсный фронтир*, который присутствует в смысловом и символическом поле социокультурного производства в контексте современного ренессанса «космического оптимизма», вдохновленного инновационными научными и технологическими решениями и логикой неолиберального капитализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Басалаева И.П.* Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49.
2. *Яник А.А.* К концепции «космической экономики» // Тренды и управление. 2018. № 1. С. 51–66.
3. *Dallas J.A., Raval S., Gaitan J.P.A., Saydam S., Dempster A.G.* Mining beyond Earth for sustainable development: Will humanity benefit from resource extraction in outer space? // *Acta Astronautica*. № 167 (8).
4. *Junka-Aikio L., Cortes-Severino C.* Cultural studies of extraction // *Cultural Studies*. 2017. Vol. 31. № 2–3. P. 175–184.
5. *Kessler E.A.* Picturing the cosmos: Hubble Space Telescope images and the astronomical sublime Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2012. 276 p.
6. *Sommariva A.* Rationale, Strategies, and Economics for Exploration and Mining of Asteroids // *Astropolitics*. 2015. № 13. P. 25–42.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ВАКАНСИЙ ДЛЯ СОИСКАТЕЛЕЙ С СОЦИОЛОГИЧЕСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ НА РЫНКЕ ТРУДА РОССИИ

А.Г. Сипкина, К.В. Буртовая, А.С. Андриющенко, Ж.А. Кулеева
Научный руководитель: к.с.н. М.О. Абрамова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Одной из главных задач высшего образования является профессиональная подготовка будущих специалистов. Об этой цели часто заявляют представители ведущих вузов, указывая на то, что выпускники должны осваивать те знания и навыки, которые востребованы и высокооплачиваемы работодателем. Однако, современное положение молодежи с высшим образованием на рынке труда нередко является неустойчивым, поскольку ситуация трудоустройства несбалансированная. В первую очередь это проявляется высокой конкуренцией, и тем, что работодатели не удовлетворены наличием или уровнем компетенций молодых специалистов при устройстве на работу. Исходя из этой ситуации, можно сделать вывод, что существуют противоречия между структурой профессионального образования и актуальными потребностями рынка. Это противоречие также наблюдается и в сфере социологического высшего образования, поскольку выпускники этой специальности также часто сталкиваются с проблемой трудоустройства – по данным рекрутских агентств, спрос на социологов находится на уровне 3,5 балла по 10-балльной шкале [2].

Также, необходимо отметить, что поскольку профессию социолога принято считать относительно молодой на рынке труда, профессиональные стандарты, описывающие компетенции, которыми должен обладать современный специалист, до сих пор не разработаны однозначно. Эта ситуация также усложняется тем, что в ходе быстрых общественных изменений и развития технологий, выпускнику вуза с социологическим образованием необходимо уже в ходе обучения применять на практике востребованные навыки и приобретать опыт, необходимый для устройства на работу [1]. Также, все чаще эксперты упоминают о том, что студентам необходимо осваивать и развивать не только навыки, узко связанные с получаемой специальностью (так называемые «hardskills»), но и «мягкие навыки» (softskills), а также личностные (selfskills), которые позволяют гармонично взаимодействовать с другими людьми, и эффективно организовывать работу, поскольку они влияют на развитие карьеры [4]. Однако, чтобы выяснить, насколько работодателям действительно важны те или иные навыки, необходимо провести анализ, в ходе которого можно будет установить, какие компетенции требуются на данный момент от молодых специалистов. В связи с этим целью данного исследования является выяснить, какие компетенции запрашивают работодатели от специалистов в актуальных вакансиях, предлагаемых для соискателей с социологическим образованием.

В ходе исследования был проведен контент-анализ актуальных с 28 марта по 15 апреля вакансий, представленных на крупнейшем сайте по поиску работы www.hh.ru. Был составлен классификатор на основании прошлых исследований компетенций социологов [3], включающий в себя навыки «hardskills», «softskills» и «selfskills». По ходу анализа отбирались те вакансии, в которых требуется социологическое образование, а также значимым фактором отбора являлась полная

занятость, и отсутствие вакансий-подработок для студентов социологов, связанных с написанием студенческих работ. На основании данных критериев было проанализировано 172 вакансии.

Большинство предложений о работе сконцентрировано в Москве (31%), Санкт-Петербурге (15%), а также в Екатеринбурге (7%), Уфе (4%), Челябинске (3%), Ижевске (2%) и Красноярске (2%). Остальные предложения малочисленно распределены по другим регионам России, что говорит о том, что вакансии, представленные на сайте, распределены неравномерно по стране, и более всего сконцентрированы в столице и ближайших регионах. Среди наименований специальностей в основном представлены такие, как: «Аналитик» (35%), «Маркетолог» (25%), «Социолог» (13%), «Медиа-аналитик» (7%), «Специалист по подбору персонала» (5%).

По категориям компетенции распределились следующим образом: «hardskills» – 74%, причем среди них самыми популярными оказались такие компетенции, как опыт работы (17%), владение базовыми офисными программами (12%), анализ различных видов данных (11%) и составление и оформление отчетов (9%); «softskills» – 18%, среди них самыми популярными оказались умение презентовать результаты (5%), владение иностранным языком (4%), и умение работать в команде (3%); «selfskills» – 8%, и среди них самым востребованным навыком оказалась грамотность речи (3%).

Таким образом, исходя из полученных данных, мы можем сделать вывод о том, что «жесткие навыки», а именно те, которые в большей степени связаны с особенностями специальности социолога, являются наиболее часто запрашиваемыми работодателями, по сравнению с «мягкими» и личностными навыками, что может указывать вузам о необходимости уделять внимание развитию именно навыков «hardskills» у студентов социологов. Также важной особенностью, выявленной в ходе анализа, стал высокий процент требования опыта работы, что говорит о необходимости студентам уже в процессе обучения пробовать себя в различных проектах и отрабатывать изучаемые навыки на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонова М.В., Оберемко О. А.* Профессиональный стандарт социолога – основа оценки результатов подготовки выпускников вузов по направлению «Социология». V социологическая Грушинская конференция «Большая социология: расширение пространства данных». М.: АО «ВЦИОМ»; 2015.
2. *Восканян Э.С.* Карьера социолога: проблемы трудоустройства // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. №2. С. 29–34.
3. *Петрова Ю.С., Жижанкова П.Д.* Формирование ключевых компетенций социолога в эпоху цифровой экономики // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. №5. С. 134–138.
4. *Публикация* в прессе от 24.10.2017 г. Что такое hard и soft skills // Инфоподдержка вашей карьеры. Электронный ресурс. URL: <https://enjoy-job.ru/edu/что-такое-hard-soft-skills/> (дата обращения: 20.02.2022).

МОДА КАК ФАКТОР ВЫБОРА МОЛОДЕЖЬЮ НАПРАВЛЕНИЯ ОБУЧЕНИЯ

К.В.Тартынова

Научный руководитель: к.с.н. В.В.Кашпур

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Современные студенты после окончания вузов выбирают место работы, не связанное с их направлением обучения – об этом говорят цифры. По данным обследования Федеральной службы государственной статистики рабочей силы в 2020 году среди выпускников 2017–2019 гг. у 30% респондентов работа не соответствовала специальности обучения [2]. От направления к направлению этот процент меняется, поэтому имеет значение вопрос о роли моды как значимого социального регулятора при выборе молодежью стратегии обучения.

Проблемная ситуация

С одной стороны, важнейшей мотивацией при подборе направления обучения для молодежи являются внутренние предпосылки, такие как: соответствие специальности способностям индивида, личностный интерес к определенной сфере профессиональной деятельности.

С другой, коллективные представления массовой культуры могут транслировать моду на определенные специальности и направления обучения, и молодое поколение может выбирать стратегию обучения, а в будущем и профессию, не из-за соответствия личностным предпочтениям, а исходя из того, считается ли данное направление в окружающей их социальной среде «модным».

Проблема: Какое значение имеет мода как внешний фактор выбора направления обучения студентами ТГУ.

Гипотеза-основание:

Респонденты при выборе направления и специальности обучения руководствовались модой как ключевым фактором.

Объект: студенты ТГУ

Предмет: представления студентов ТГУ о влиянии моды на их выбор вектора обучения в ВУЗе.

Цель: выяснить, существует ли значительное влияние моды на самоопределение студентов ТГУ в образовательной деятельности.

Задачи:

1. Дать дефиницию понятия «фактор выбора»;
2. Задать определение понятия «модное направление обучения»;
3. Выделить критерии модного направления обучения;
4. Выявить как мода вписывается в структуру мотивов и стимулов выбора того или иного направления обучения студентов;
5. Провести процедуры выявления степени влияния моды.

В online-опросе приняли участие 266 студентов ТГУ в возрасте от 17 до 29 лет (выборка стихийная). Женщин приняло участие 60%, мужчин – 40%. Средний возраст респондента составил 20 лет. Среди опрошенных были представлены все факультеты ТГУ с разной долей процента. Практически третья часть всех респон-

дентов учиться на философском факультете (32%). На втором и третьем месте факультет исторических и политических наук (14%) и юридический институт (11%) соответственно.

На вопрос о том можно ли считать моду ключевым фактором при выборе направления обучения были получены очень полярные ответы. К положительному ответу склоняется 49% опрошенных, к отрицательному – 51%. При этом четкое «нет» превалирует над однозначным «да» и составляет 18% и 11% соответственно.

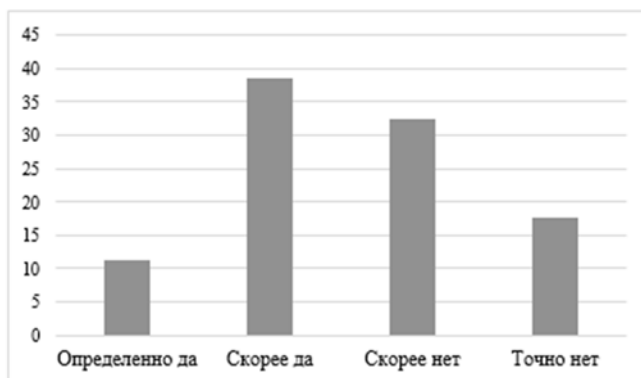

Рисунок 3. Мнение респондентов о моде как ключевом факторе при выборе направления обучения

Также респондентам было предложено выбрать три наиболее модные сферы обучения (см.табл.2), представленных в ТГУ, и три самые престижные сферы (см.табл.1). Престижными среди студентов считаются «Компьютерные и информационные науки и технологии» (71%) и с большим отрывом – «Юриспруденция» (38%) и «Экономика» (35%). Модными же, по мнению опрошенных, являются: «Компьютерные и информационные науки и технологии» (57%), «Психология» (49%), «Юриспруденция» (45%) и «Экономика» (42%).

Таблица 1. Престижные сферы обучения, по мнению опрошенных

<i>Сфера обучения</i>	<i>Процент наблюдений (%)</i>
Математика и механика	14
Компьютерные и информационные науки и технологии	71
Физика	8
Химия	7
Науки о Земле, биологические науки, сельское и лесное хозяйства	8
Радиотехника, оптические системы и технологии	13
Управление качеством и инноватика	15
Психология	19
Экономика и управление	35
Организация работы с молодежью, социология, социальная работа	6

Юриспруденция	38
Политические науки и регионоведение	15
Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело	9
Педагогическое образование	2
Языкознание и литературоведение	8
История и археология	6
Философия	3
Физическая культура и спорт	0
Искусство и культура	4
Всего	282

Таблица 2. Модные сферы обучения,
по мнению опрошенных

Сфера обучения	Процент наблюдений (%)
Математика и механика	3
Компьютерные и информационные науки и технологии	57
Физика	5
Химия	2
Науки о Земле, биологические науки, сельское и лесное хозяйства	2
Радиотехника, оптические системы и технологии	7
Управление качеством и инноватика	8
Психология	49
Экономика и управление	42
Организация работы с молодежью, социология, социальная работа	12
Юриспруденция	45
Политические науки и регионоведение	11
Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело	14
Педагогическое образование	2
Языкознание и литературоведение	10
История и археология	3
Философия	2
Физическая культура и спорт	2
Искусство и культура	7
Всего	282

Таким образом, молодежь не склонна приписывать моде одну из главных ролей при выборе специальности, но при этом мнения студентов по поводу модных

направлений не распределены равномерно между сферами, а имеются четкие лидеры: «Компьютерные и инновационные науки и технологии», «Психология», «Юриспруденция» и «Экономика». Сфера «Информационных наук и технологий», к тому же, среди опрошенных считаются и наиболее престижными, а по данным НИУ ВШЭ Мониторинга качества приема на бюджетные и платные места российских вузов в 2021 году наряду со сферами «Экономика» и «Юриспруденция» пользуются наибольшей популярностью среди абитуриентов [1], что дает повод усомниться в маловажности моды при выборе молодежью стратегии обучения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Мониторинг качества приема на бюджетные и платные места российских вузов в 2021 году.* НИУ ВШЭ. Электронный ресурс. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/567758140.html> (дата обращения 10.04.2022).
2. *Соответствие работы трудоустроенных выпускников 2017-2019 гг. выпуска специальности, полученной в образовательной организации высшего образования.* Федеральная служба государственной статистики. Электронный ресурс. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (29.10.2022).

**МАЖОРНЫЙ И МИНОРНЫЙ ЦВЕТ:
КОРРЕЛЯЦИЯ ЛАДА МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
С ТОННОМ И ЯРКОСТЬЮ ОТТЕНКОВ**

А.Ю. Федоров

Научный руководитель: д.к.л. Ю.А. Грибер
Смоленский государственный университет

В настоящее время эмпирически проверено, что не только цвет, но и музыка может вызывать у человека разнообразные эмоциональные реакции и по-разному влиять на внутреннее состояние человека. В работе Н. Тхаммасана и др. [3] выявлены корреляции сигналов ЭЭГ, отражающих различные эмоции участников эксперимента и их цветовых выборов во время прослушивания музыки. В исследовании Р.А. Джасвала и С. Дхингра [1] получены данные об эмоциональных реакциях людей, выраженных в цвете, при прослушивании ими композиций на английском языке и хинди.

Несмотря на большой опыт экспериментального изучения цвето-звуковой ассоциативности, до сих пор не предпринималось попытки разделения испытуемых в зависимости от наличия у них музыкального образования.

Цель исследования заключалась в определении наличия или отсутствия корреляции между цветовыми предпочтениями от прослушиваемой музыки и наличием музыкального образования.

В рамках проводимого исследования проверялись следующие гипотезы:

1. Каждому типу музыкального произведения будут соответствовать определенные цветовые образцы.
2. Тип музыкального произведения будет коррелировать не только с тоном, но и с яркостью оттенков.

Исследование проводилось методом эксперимента, процедура которого была разработана Ц. Лиу и его коллегами [2]. Участникам эксперимента демонстрировалась на экране компьютера цветовая палитра – 36 оттенков из атласа Манселла, расположенных по 6 в ряд – 7 тонов, каждый из которых имел 4 различных светлоты и цветности; четыре нейтральных цвета, от светло- до темно-серого, и белый.

Каждый из участников должен был прослушать 13 музыкальных произведений, которые воспроизводились одно за другим в случайном порядке, и выбрать в цветовой палитре оттенки, которые, по их мнению, лучше всего соответствовали эмоциональному тону произведения. Каждое произведение длилось 1 минуту. Затем участник делал свой цветовой выбор и указывал в цветовой палитре 5 оттенков.

Эксперимент проводился в темной комнате с использованием компьютерного экрана. Музыкальных произведений отбирались в качестве звуковых стимулов по следующим характеристикам: две тональности (мажор / минор), два типа музыкальных произведений (с текстом / без текста), четыре формы исполнения (соло / ансамбль / женский голос / мужской голос) (таблица 1).

Таблица 1

Таблица 1. Звуковые стимулы эксперимента (музыкальные произведения), сгруппированные в соответствии с тональностью, типом и формой исполнения

Автор и название произведения	Тональность	Тип музыкального произведения	Форма исполнения
И.С. Бах. Бранденбургский концерт №2 Фа мажор.	Мажор	Без текста	Ансамбль
И.С. Бах. Бранденбургский концерт №2 Си-бемоль мажор.	Мажор	Без текста	Ансамбль
И.С. Бах. Оркестровая сюита №2. Рондо.	Минор	Без текста	Ансамбль
И.С. Бах. Оркестровая сюита №.2. Бадинери.	Минор	Без текста	Ансамбль
И.С. Бах. Партита №3 Ми мажор. Гавот в рондо.	Мажор	Без текста	Инструментальное соло
И.С. Бах. Партита №2 Ре минор. Аллеманда.	Минор	Без текста	Инструментальное соло
А. Вивальди. Концерт №3 Фа мажор. Осень, Аллегро.	Мажор	Без текста	Ансамбль
Г. Чен, Ч. Хэ. Скрипичный концерт любителей бабочек. Акт I.	Мажор	Без текста	Ансамбль

Исследование подтвердило обе гипотезы.

Во-первых, каждому типу музыкального произведения соответствовали определенные цветовые образцы.

Во-вторых, тип музыкального произведения коррелировал не только с тоном, но и с яркостью (светлотой) оттенков.

Наличие текста и голоса в музыкальном произведении оказывало менее заметное влияние на выбор определенных оттенков.

Кроме того, выявлена корреляция между цветовыми впечатлениями от прослушиваемой музыки и наличием музыкального образования. Исследование показало, что наличие музыкального образования позволяет воспринимать в музыкальном произведении без текста большее количество вариантов цветовых оттенков.

Полученные результаты имеют выраженный прикладной потенциал в самых разных сферах деятельности, начиная от фармакологии и заканчивая торговлей бытовыми товарами. Выявленные общие закономерности цвето-звуковой ассоциативности могут использоваться для управления впечатлением потребителей, позволяя им «видеть цвет» через звучание и «слышать музыку» через цветовые образцы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jaswal R. A., Dhingra S.* Study of effect of music on EEG brainwave response // *Mukt Shabd Journal*. 2020. № 6. pp. 166–174.
2. *Liu T. et al.* Is colour associated with musical emotion? // *AIC 2020. Book of Proceedings*, 2020. pp. 395–400.

3. *Thammasan N., Moriyama K., Fukui K.-i, Numao M.* Continuous music-emotion recognition based on electroencephalogram // IEICE TRANSACTIONS on Information and Systems. 2016. № 4. pp. 1234–1241.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ «ГЕРМАНИЯ-ЗАПАД»
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОЙ РОССИИ:
НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ
В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ.**

Н.А. Филатов

Научный руководитель: к.п.н. Д.В. Березняков
Новосибирский Государственный Университет

Вопрос взаимоотношений между Россией и Западом всегда занимал умы многих представителей русского народа. Спрогнозировать то, каким образом данные взаимоотношения могут складываться в дальнейшем, мы можем благодаря дискурсивному анализу. Во-первых, потому, что Запад, так или иначе, развивался совершенно иным темпом. Первая парламентская республика в мировой практике была Франция, в которой по окончании революции 1870 года. Парламент приобрел законодательную власть в рамках конституции 1875 года. Тогда как в России действительно серьезные шаги в сторону парламентаризма были сделаны только в 1917 году. Такой серьезный временной лаг по провидению достаточно глубоких преобразований неизбежно накладывает отпечаток на восприятие русских людей понятия «Запад» как того элемента, который относится к категории «непохожих». Соответственно, правомерно говорить о применении дискурс-анализа в данном вопросе, так как одной из основных категорий, которую изучает дискурс-анализ, является категория свой-чужой, причем чаще всего в общественном сознании категория непохожий приравнивается к категории чужой. Во-вторых, правомерность применения дискурс-анализа в данном аспекте обусловлен еще и тем, что сам по себе дискурс в довольно обобщенном формате - это общая картина представлений людей, и в данном случае демократическое государство не может принимать решений без мнения народа. Посмотрев, на начальную точку развития дискурса Запад-Россия (1991–2004 гг.) куда можно идти дальше. Выбор в качестве поля для сбора информации был сделан в пользу социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники», так как основной контингент возрастом 40+ сосредоточен в Одноклассниках, а категория 18–35 лет Вконтакте. В результате опроса было опрошено 200 человек; 100 человек (18–40 лет); 100 человек (40–70 лет); 25% опрошенных на вопрос: «что для Вас Запад?» ответили Франция, а оставшиеся респонденты (75%) в данном качестве назвали Германию.

По мнению 86% опрошенных людей представление о Германии как об элементе предоставляющим Запад сформированы «школьными» штампами с одной стороны и мнением старшего поколения с другой. Данная часть респондентов утверждает, что в указанный период времени, они являлись школьниками и представляли Германию как «страну надежных красивых машин», «зрелищного футбола», а также «обителью рок-музыки». Они отмечают тот факт, что на их взгляд представление о Германии было «Очень очернено старшим поколением через рассказы об ужасах периода немецкой истории 1933–1945 гг.» Для этого процента опрошенных старшее поколение послужило неким образ - фильтром, через который старшее поколение призывало смотреть на Германию через призму прошлого. «На мой взгляд, нас заставляли видеть в ней только черное», – утверждает

ряд опрошенных, При этом, респонденты из возрастной группы 18–40 лет утверждали, что, несмотря на все позитивные моменты Германии XXI века, они никогда не забывали о подвиге предков и их героизме. По мнению данной, группы, факт того, что старшее поколение находилось не на паритетном уровне, а главенствующую роль так или иначе занимало старшее поколение, именно поэтому положительному образу Германии не удалось проникнуть в полной мере в российское общество через данный образ-фильтр. Оставшиеся 14% опрошенные респонденты высказались, что никогда не задавались вопросом как воспринимали Германию, им это было не интересно в силу возраста, да и сейчас ситуация для них не изменилась.

Что касается опроса старшего поколения, то по результатам опроса вырисовывается следующая картина: 62% опрошенных людей заявили, что всегда отождествляли Запад только с Германией. Удалось выявить, что 40% находят подтверждение правоты своих суждений в том, насколько быстро Германия смогла оправиться от разделения на две части. Остальная часть респондентов заявила, что Германия может ассоциироваться у них с Западом, так как она апологет порядка, но этим порядком необходимо научиться пользоваться не во вред мировому сообществу как это произошло в 1933-1945 годах.

Подводя итог всему выше перечисленному необходимо отметить, что: Большинство респондентов в первой группе, что для них представление о Германии как Западе старшим поколением, что, так или иначе, исказило их представление; Все старшее поколение способно уравнивать Германию и Запад, разница состоит лишь в окраске отождествления, одни говорят о позитивном моменте, вторые – наоборот.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ван Дейк Т.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 342 с.
2. *Ван Дейк Т.* Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 308 с.
3. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

А. В. Шишкин

Научный руководитель: В.В. Иванова

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

Исследование посвящено актуальной теме практикам использования Интернета городской молодежи в условиях пандемии (на примере г. Новосибирска). Само понятие «практика» является ключевым понятием во многих социогуманитарных науках. В некоторых источниках можно найти следующее толкование данного термина: «практика – это деятельность людей, направленная на освоение и преобразование окружающего мира» [1.С.31]. Но в социологии со временем оно претерпевает ряд изменений и вводится новое понятие как «социальные практики», которые представлены «как совокупность принятых в культуре способов деятельности и привычных навыков обращения с разнообразными предметами (временем, пространством, языком, символами, непосредственно людьми)» [1.С.31]. Но с появлением и развитием Интернета понятие «практика» находит отражение в новой среде, подстраиваясь под нее и придавая термину немного иной смысл. В результате чего под понятием «интернет-практика» сегодня можно понимать «конкретную деятельность, состоящую из привычных, повторяющихся действий, содержание которых составляет обмен информацией, реализуемый посредством инструмента – компьютера, подключенного к глобальной компьютерной сети и открывающего доступ к разнообразным базам данных и массивам информации (интернет-контенту)» [1.С.32].

Однако пандемия вносит очередные корректировки в жизнь многих людей; среди их повседневных практик происходят изменения в интенсивности использования Интернета в различных целях, что постепенно приводит к изменениям в использовании интернет-практик, ставших в настоящий момент повседневными. Безусловно, это связано с открытием новых возможностей использования Интернета, а также улучшения уже имеющихся видов интернет-практик, а также изменением личных мотивов и отношения к интернет-среде. Кроме того, многие повседневные практики, которые совершают люди исключительно в реальном мире, стали плавно адаптироваться и переходить в онлайн-пространство.

Таким образом, объектом исследования являются практики использования Интернета. Предметом исследования выступают практики использования Интернета в условиях пандемии среди молодежи, проживающей в городе Новосибирске. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить практики использования интернета в условиях пандемии среди городской молодежи в возрасте 18–24 лет.

Эмпирическим объектом исследования является молодежь в возрасте 18-24 лет, проживающая в городе Новосибирске и использующая Интернет в различных целях. В исследовании используются две информационные базы. Первая собрана методом глубинного интервью. Вторая – нецелевые данные – базы данных, собранные ВЦИОМ в 2018 и 2020 годах с помощью телефонного опроса. В результате нами были выявлены изменения использования сети Интернет в различных целях среди молодежи в возрасте 18-24 лет, проживающей в городах с населением больше миллиона человек. Так, например, доля тех, кто использует Интернет для

общения, существенно увеличилась в 2020 году по сравнению с предыдущим годом. Интернет на протяжении 2020 года также стали чаще использовать для получения новостей о ситуации в городе, стране и мире, однако к концу декабря показатель оказался ниже, чем в 2018 году. Таким образом, было замечено, что Интернет в 2020 году используют как средство для общения и способ получения актуальных новостей. Но, кроме того, поведение пользователей на протяжении 2020 года значительно изменилось в совершении банковских операций, достигнув максимума в декабре, а также в образовательной среде, что, вероятнее всего, вызвано переходом на дистанционный формат обучения.

В результате анализа транскриптов интервью был выявлен и описан спектр практик использования сети Интернет среди молодежи в возрасте 18-24 лет, проживающей в Новосибирске (до пандемии и во время нее). Выявлены изменения в использовании Интернета, а также установлены и изучены предпочтительные виды повседневных практик в условиях пандемии и выявлены мотивы замены повседневных практик на интернет-ресурсы во время пандемии. Кроме того, был описан социальный портрет молодежи в возрасте 18-24 лет, проживающей в Новосибирске и реализующей выявленные виды интернет-практик (до и во время пандемии).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Суханова А. Ш.* Интернет-практики как вид социальных практик: теоретический обзор // Теория и практика общественного развития. 2017. № 2. С. 31–33.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ИЗ КИТАЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Ху Циньцин

Научный руководитель: к.ф.н. М. О. Абрамова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Пандемия COVID 19 и ситуация между Россией и Украиной создали серьезные риски для интернационализации высшего образования. В настоящее время Китай является крупнейшим в мире источником иностранных студентов, увеличение числа китайских студентов – эффективный способ продвижения интернационализации российского образования. Цель работы – сравнить взгляды иностранных студентов из Китая, с точки зрения гендерных различий. Данная работа показывает, что в целом мужчины более уверенные и позитивные, у девушек больше стресса и больше общих психологических проблем.

Ключевые слова: гендерные различия, иностранные студенты, интернационализация образования

Интернационализация образования является важной стратегической целью правительств различных стран. Одним из важных пунктов такой работы является увеличение доли иностранных студентов в общей численности контингента обучающихся. В России увеличение числа иностранных студентов, безусловно, также является приоритетной задачей системы высшего образования [1.С.120].

Сейчас Китай является крупнейшим экспортером иностранных студентов в мире, согласно данным Статистического бюро Китая, общее количество китайцев, обучающихся за границей, в 2019 году составило 703,5 тыс, и большинство из них выбирает учиться в Европе и США [3]. В 2019 году китайских студентов в России было лишь 4% (29,9 тыс. чел.) от общего числа (703.5 тыс.), при том, что в США - 53% [2]. На данный момент, практически не существует исследований, которые изучают китайских студентов, обучающихся за границей, с точки зрения гендерных различий. Таким образом, мы можем рассматривать студенческий взгляд иностранных студентов из Китая с учетом гендерного аспекта.

Эмпирической базой исследования являются данные, полученные в ходе всероссийского опроса студентов в рамках проекта «Научно-методическое обеспечение развития системы управления качеством высшего образования в условиях коронавирусной инфекции COVID 19 и после нее», и реализовывался в 13 университетах. Итоговую базу исследования составили ответы 36519 студентов из 473 российских университетов, в их числе 3909 иностранных студентов (10,7% выборки) из 289 университетов. Из полученной выборки для выявления гендерных различий иностранных студентов из Китая при обучении в России, была выделена подвыборка иностранных студентов из Китая. В подвыборку попали 357 студентов, 62% из них учатся в бакалавриате, 30% учатся в магистратуре, и 8% – в специалитете. В распределении по полу: 42% девушек и 58% юношей.

Гендерные различия при выборе специальности

Согласно данным опроса, в выборе некоторых специальностей существуют очевидные гендерные различия. Например, направление «Инженерное дело и технические науки» выбрали 32% юношей и всего лишь 7% девушек. Кроме этого, 15% девушек выбрали образование и педагогические науки, и только 5% юношей,

также и гуманитарные науки: 15% девушек выбрали, 7% мужчин. Однако, по направлению «Экономика и менеджмент» гендерных различий не выявлено, 28% и юношей, и девушек соответственно.

Гендерные различия в оценке уровня русского и английского языка

В целом, оценка владения языком у мужчин выше, чем у женщин. При оценке знания русского языка, средний балл у мужчин составляет 5.77, а у женщин – 4.83 (Общая оценка 10 баллов), ($\chi^2 = 28,564$, $p = 0,001$). Что касается оценки знания английского языка средний балл у юношей – 6.46, у девушек – 5.62 баллов ($\chi^2 = 27,376$, $p = 0,001$). Но, это может не означать, что женщины на самом деле владеют английским и русским языком хуже, чем мужчины. В работе Лян Сяни [4.С.82] указано, что девушки не только значительно превосходят юношей по общему уровню владения английским языком, но и показывают очевидные преимущества в уровне аудирования и разговорной речи.

Гендерные различия при выборе вуза в России

При принятии решения об обучении женщины, в целом, выражали больше опасений, чем мужчины. Например, 28% женщин и только 16% мужчин опасались за свою безопасность ($\chi^2 = 7,456$, $p = 0,00$), еще 24% женщин отметили сложности с оформлением виз и других документов, мужчин – 18% ($\chi^2 = 7,265$, $p = 0,00$).

Гендерные различия в адаптации

По результатам анализа, при оформлении документов ($\chi^2 = 12,441$, $p = 0,01$), также и взаимодействии с различными университетскими службами обнаружены гендерные различия ($\chi^2 = 15,926$, $p = 0,03$), мужчины в большей мере, чем женщины, считают, что это не сложные дела. Также девушки, в отличие от парней, чаще считают, что общаться с преподавателями сложно. Так, например, по данному опросу выявлено, что 34% девушек считают общение с преподавателями сложным, среди юношей данного мнения придерживаются 22% ($\chi^2 = 11,436$, $p = 0,02$).

Гендерные различия в стрессе и психологической проблеме

В плане психологического состояния женщины, в целом, имеют худшее психологическое состояние и испытывают больший стресс, чем мужчины. На вопрос: «Как часто у Вас было плохое настроение?», среди юношей на 22% больше, чем девушек выбрали «Ни разу не было плохого настроения»: 54% и 32% соответственно ($\chi^2 = 17,792$, $p = 0,000$). Также на вопрос: «Как часто не могли прекратить волноваться?», 58% мужчин отметили «Ни разу», а женщины – 36% ($\chi^2 = 17,246$, $p = 0,001$). И на вопрос: «Как часто Вам не хотелось ничего делать?», больше половины (53%) мужчин считают, что они ни разу не испытывали такое чувство, а у женщин только 34% ($\chi^2 = 15,635$, $p = 0,001$).

Таким образом, в целом, мужчины более уверенные и позитивные, а женщины больше озабочены своей безопасностью, они чаще испытывают стресс и психологические проблемы, поэтому гендерный фактор нельзя игнорировать в политике привлечения китайских студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова М О, Филькина А В, Сухушина Е.В.* Вызовы интернационализации для российского высшего образования: влияние пандемии Covid-19 на образовательный опыт иностранных студентов // Вопросы образования. 2021. № 4. С. 117–146.
2. Project Atlas infographics 2020 // The Power of International Education. Электронный ресурс. URL: [https://www.iie.org/Research-and-Insights/Project-Atlas/Explore - Data%20/Infographics/2020-Project](https://www.iie.org/Research-and-Insights/Project-Atlas/Explore-Data%20/Infographics/2020-Project) (дата обращения: 30.03.2022).
3. Бюро статистики Китая. Электронный ресурс. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/> (дата обращения: 02.04.2022)
4. 梁 鲜. 学习者英语自我概念与英语水平关系中的性别差异 // 西华大学学报: 哲学社会科学版. 2011. № 30(5). С. 77–83.

«SCHOLARLY WRITING AND PRESENTATION»

**TODESTRIEB, JOUISSANCE AND WILLE
AS A CAUSE OF HUMAN SUFFERING**

R. R. Bulgakov

Academic advisors: Ph.D. (Philos.) V. V. Petrenko, V.S. Nesterenko
National Research Tomsk State University

Sigmund Freud's drive theory implies, that for the psychic apparatus there are such irritants, that originate in the organism itself. Working as a constant force, they are influencing the entirety of both unconscious and conscious acts [6.C.87]. Some kind of resemblance to this theory we find in the notion of will (*Wille*) in Arthur Schopenhauer's philosophy [7.C.211]. However, being derived from causality as such, will was understood by Schopenhauer as the foundation of being itself, all motion and alteration. Responsibility for all the world's suffering Schopenhauer attributed to the ceaseless and unquenchable willing, which all living matter is, in its turn, also a subject to [7.C.271]. As a direct manifestation of meaningless nature of the irrational self-devouring will, in case of the living matter, Schopenhauer regarded the sexual drive to reproduce [7.C.539]. Arthur Schopenhauer: «what the will wills is always life» [7.C.453]. Repetition in this sense may be understood as the main factor and criteria of life.

Proposed by Sigmund Freud in 1920, death drive theory («*Todestrieb*») [5.C.48], on the contrary, implies, that life drive («*Libido*») emerges only as a defensive reaction of the psychic apparatus towards the initial self-destructive drive [5.C.119]. Just like the will, that, in pursuit of its own affirmation, is urging the individual to reproduce himself, *Todestrieb* is causing destructive behavior and repetition compulsion, an intrusive tendency to repeat traumatic experience, supposedly as an unconscious attempt to overcome it. In this regard, the original idea of death drive, presented by Sabina Spielrein in 1912, has more in common with Schopenhauer's concept of will, since self-destruction, according to Spielrein, is only a non-alternative way of being reborn in a new body, and, therefore, it becomes violently desirable by the individual [8.C.140].

Jacques Lacan renounced the interpretation of *Todestrieb* as exclusively an urge to re-establish the initial state of matter, that was disturbed by the emergence of the attributes of life in it. Such interpretation he marked anti-scientific and absurd [1.C.118], while suggesting to view *Todestrieb* as a direct drive towards destruction [3.C.275] and a fundamental tendency of the symbolic order to produce repetition [1.C.459]. The notion of «*jouissance*» (surplus enjoyment reaching beyond pleasure), in Lacan's theory, is an approximate equivalent of Freudian «*Lust*» and «*Libido*» [9.C.103]. *Jouissance* is taking its place in satisfaction of the death drive [9.C.106]. In an unpublished seminar, from May 2, 1962, Lacan had stressed, that *jouissance* is causing the impossibility of satisfaction, since *jouissance* by definition is something instantaneous, it immediately

re-establishes the gap between desire and demand, ensuring the ceaselessness of demand.

Desire, in Jacques Lacan's theory, arises as a result of separation between demand and physical need of something that is being demanded by the subject. It is regarded as a means, by which the psychic apparatus is defending itself against the destructive component of *jouissance* [10.C.699]. In Arthur Schopenhauer's philosophy desire, on the contrary, is viewed as a direct continuation of a physical need. Lacanian desire is opposed to the drive as such, as *Todestrieb* and *Libido*, in his opinion, both are the components of a singular drive [2.C.275]. Nonetheless, we shouldn't rush to find ways of equating this interpretation of drives with *Wille*, because, first of all, Lacan notes, that, according to Freud, drives have nothing to do with such instinctive necessities as hunger and thirst [2.C.175], and secondly, to speak of the drive as of the will within the context of Lacan's theory, is to neglect the very structure, in which the psychoanalyst presents his reasoning regarding drives solely in the context of human condition [3.C.275]. The unconscious itself, sometimes being interpreted as a first step of will's objectification in the psychic structure [4.C.19], in Lacan's thinking, is structured like a language.

Todestrieb and *jouissance*, both are fundamental notions in psychoanalytic theories. We cannot say, that they are analogical to will. And yet there are certain similarities between them, such as the aspect of inevitability, involvement in repetition [7.C.457] and the assumptions of the fact, that they, through one way or another, are the internal causes of human suffering. Living in a capitalist society, sometimes it's good to acknowledge, that though any kind of satisfaction by itself is impossible, but the perspective of an endless attempt of satisfaction through destruction and self-destruction is by no means preferable. Arthur Schopenhauer believed that the only way to avoid the destructive effects of the endless will is to deny the will entirely. [7.C.638].

BIBLIOGRAPHY

1. *Лакан Ж. "Я" в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинары: Книга II (1954-55))*. М.: Гнозис, Логос, 2009. 520 с.
2. *Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа (Семинары: Книга XI (1964))*. М.: Гнозис, Логос, 2004. 304 с.
3. *Лакан Ж. Этика психоанализа (Семинары: Книга VII (1959-60))*. М.: Гнозис, Логос, 2006. 416 с.
4. *Степанов В. Фрейдизм как философия*. Екатеринбург: Издательство УрГУ, 2004. 25 с.
5. *Фрейд З. «Я» и «Оно»: Избранные работы*. СПб.: ИГ Лениздат, 2020. 256 с.
6. *Фрейд З. Психология бессознательного*. Йошкар-Ола: Фирма СТД, 2006. 448 с.
7. *Шопенгауэр А. Мир как воля и представление*. М.: АСТ, 2020. 672 с.
8. *Шильрейн С. Психоаналитические труды*. Ижевск: ERGO, 2008. 466 с.
9. *Braunstein N. A. Desire and jouissance in the teachings of Lacan // The Cambridge companion to Lacan*. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. p. 102–115
10. *Lacan J. Ecrits: the first complete edition in English*. New York: WW Norton, 2007. 878 p.

MIND AND WISDOM TRAININGS IN BUDDHISM AS A SCIENTIFIC METHOD LIMITS GENETIC ENGINEERING OF HUMAN CLONING

Duong Thi Cam Nhung

Academic advisor: Ph.D. (Philos.) Yu. N. Ovsyannikova

National Research Tomsk State University

First of all, it is necessary to affirm that the aim of Buddhism is the way to end suffering for all sentient beings. Buddhist thought emphasizes two virtues that are compassion (*karuna*) and wisdom (*prajña*). Therefore, Buddhism advocates the application of genetic engineering to stem cell research in the prevention and treatment of chronic or genetic diseases including diabetes, Alzheimer's, Parkinson's, cancer, depression. The point of view of Buddhism is even more open than that of monotheistic religions. Because of for many Christians, they are willing to accept pain as punishment following God. In contrast, Buddhism is rooted in the suffering of all beings, not just humans, and opposes suffering in all its forms. However, the rapid development of science sometimes causes it to produce achievements that are beyond the control of the ethical framework. The universal thought Buddhism could point to the new technology's potential risks to natural life, and warn against the risky moves of scientists inclined to carry out human cloning.

Objectively, no matter how extensive a moral doctrine, it is impossible to identify and cover all the phenomena in which ethical problems can arise. As a religion appeared 2,500 years ago, Buddhism of course does not have a specific and direct law to prohibit violations of the ethics of science. However, with its Threefold Trainings, including Virtue, Mind, and Wisdom, Buddhism can limit the ability to actualize human cloning technique. If the core content of the Virtue, which are precepts that prevent one's body and mind from generating evil, could indicate how human cloning violate human equality right as well as human dignity. Then the other two training [6], Mind and Wisdom, can become a scientific method to help us get rid of our psychological dependence on materials or technology, in order to seek liberation.

This article is devoted to clarify how Mind and Wisdom training in Buddhism limits the abuse of genetic cloning techniques on humans. At the same time, to explore the outstanding scientific role of Buddhism besides the religious role.

To understand the Mind and Wisdom training of Buddhism, not necessarily to take refuge, but we need to return to the original nature of Buddhism, it's Theravada Buddhism. Initially, Buddhism was not really a religion but an art of living, a process of persistent practice aimed at liberation by individual wisdom. For Buddhism, the method of attaining the highest wisdom is through the practice of mindfulness and meditation [7]. Therefore, the practice of mindfulness and meditation in Buddhism is not at all a method of temporarily leaving the present that one feels disgusted with and dependent on for the future, but rather of finding meaning in present life, present moment. In terms of application to the sciences, Vipassana meditation is the most widely used. Vipassana meditation is the process of observing, examining clearly psychological and physical phenomena, «seeing things as they really are» [2]. There are four types of mindfulness to practice, including the cultivation of mindfulness in the body, in feelings, in the mind, and in the dharma [1]. The highest state in meditation is equivalent to the ultimate expression of Socrates' slogan «Know thyself».

It can be seen that Buddhism helps people to destroy suffering by wisdom, not by faith in a religion. On the one hand, it clarifies the argument that this religion has similarities with science, on the other hand, it points out the difference between the two fields. Science uses reason to transform matter to improve human life. Meanwhile Buddhism uses reason to transform one's inner self and develop one's intuition. However, science and Buddhism can have a mutual relationship. Science has proven that the Buddhist doctrine of natural life is scientifically objective. At the same time, thanks to experimental science advances, the benefits of mindfulness and meditation practices can be used as a method that has been proven effective. On the contrary, Buddhism can provide science with a civilized, compassionate attitude that does not go beyond seriously harming nature and people. That is, before people consider sentient beings, including humans, to be purely experimental tools, one can improve his own self.

Some effective effects of meditation practice on humans' mental and physical health have been demonstrated. Firstly, mindfulness and meditation help to increase the volume and density of gray matter in the brain [3]. Secondly, they improve the autonomic nervous systems, reduce sympathetic nervous system activity as well as heart rate [5]. Thirdly, they help inflammatory cytokines maintain balance in various diseases [9]. Fourthly, long-term meditation regulates epigenetics, which means that genes work not based on genetics, but on a person's living environment [8]. Next, meditation improves the regulation of telomere length, reducing the incidence of cancer and the aging process [4]. Because of its proven positive effects, meditation techniques are used to treat and prevent many mental disorders, including major depression, substance abuse, post-traumatic stress disorder, and attention deficit hyperactivity disorder and schizophrenia.

Thus, through their presence in modern biomedical history, Mind and Wisdom trainings can demonstrate their ability to limit the abuse of genetic engineering on human cloning. More generally, Buddhism can function as an ethical anchor in science.

BIBLIOGRAPHY

1. Внимательность, Памятование, Сосредоточение. Дхаммавуддхо Тхера. Электронный ресурс. URL: http://theravada.ru/Teaching/Books/Mindfulness_Concentration/sati_concentration1-sv.htm (дата обращения: 16.02.2022).
2. Медитация Випассана. Электронный ресурс. URL: <https://ru.dhamma.org/ru/o-meditacii-vipassana/chto-takoe-vipassana/>
3. Gray Matter and Functional Connectivity in Anterior Cingulate Cortex are Associated with the State of Mental Silence During Sahaja Yoga Meditation. Электронный ресурс. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0306452217309077?via%3Dihub> (дата обращения: 16.02.2022).
4. Impact of Yoga and Meditation on Cellular Aging in Apparently Healthy Individuals: A Prospective, Open-Label Single-Arm Exploratory Study. Электронный ресурс. URL: <https://www.hindawi.com/journals/omcl/2017/7928981/> (дата обращения: 16.02.2022).
5. Is meditation always relaxing? Investigating heart rate, heart rate variability, experienced effort and likeability during training of three types of meditation. Электронный ресурс. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167876015001658> (дата обращения: 16.02.2022).
6. Nyanatiloka mahathera. Manual of Buddhist Terms and Doctrines. Электронный ресурс. URL: https://www.budsas.org/ebud/bud-dict/dic3_s.htm (дата обращения: 16.02.2022).

7. Perfection of Wisdom. Электронный ресурс. URL: https://www.worldhistory.org/Perfection_of_Wisdom/ (дата обращения: 16.02.2022).
8. Rapid changes in histone deacetylases and inflammatory gene expression in expert meditators. Электронный ресурс. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0306453013004071?via%3Dihub> (дата обращения: 16.02.2022).
9. Yoga, Meditation and Mind-Body Health: Increased BDNF, Cortisol Awakening Response, and Altered Inflammatory Marker Expression after a 3-Month Yoga and Meditation Retreat. Электронный ресурс. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnhum.2017.00315/full> (дата обращения: 16.02.2022).

SOCIALIST IDEOLOGY: FABIAN SOCIALISM AND THE SWEDISH EXPERIENCE

A.S. Krotova

Academic advisor: d.s.s. A.Y. Rykun
National Research Tomsk State University

Ideology, ideological competition and methods of understanding ideologies by the objects and subjects of their influence is one of the methods for organising the value orientation of society. Among the theorists of ideology, it is worth mentioning Plato, Aristotle, Destutt de Tracy, Karl Marx. If it's said about Plato, his way to become ideology is a derivative of Plato's «idea» [6. C.18]. By Aristotle, the idea is a «form, which gives a meaning to matter» [5. C.48]. Tracy defines ideas next way: «because thinking is feeling, if the words of our language were better used or better applied, we would call it sensibility in whole» [1.C.52]. The attitude of the ideologists of marxism to ideology is controversial: on the one hand, they define ideology as a falsity of consciousness, on the other hand, they notice a necessity for a scientific ideology» [2.C.41].

Earlier socialist ideas, excluding antique works Plato's era, are discovered in works of Thomas Mor (XVI century) [4] and Tommaso Campanella (XVII century) [3]. State shows as totalitarian in both examples.

Fabians deny social cataclysm – revolution – and support consecutive comprehensive reforms. Researcher's interest is interpretation of values freedom of thought, Fabian toleration, Fabian democracy [7].

Freedom of thought is defined as an opportunity to criticise the analysis of predecessors, the assumption that their views are wrong with a notice to changing era [7. C.6].

Fabian toleration. One of the main ideas is cooperation with other socialist movements and non-socialist, when it doesn't disagree with fundamental values.

Fabian democracy. Elements of publicity and free elections are in this report in every idea, because of it we can conclude, free elected parliament controls the effective state system, if we use modern terms [7.C.5].

Main values were established by the French Revolution «Freedom. Equality. Solidarity». Researcher's interest is modern interpretation of crucial terms of socialism, and one example is a social-democratic labour party of Sweden and their activity is based on reformist principles.

Freedom is researched by authors from the view political philosophy «freedom to» and «freedom from» [8.C.54]. «Freedom to» citizen rights, for example. «Freedom from» hunger, oppression, poverty etc.

Equality. Asking for equality is one of the important reasons of political conflict, but every equality begins from the availability of equality of conditions in everyday routine [8.C.61]. Authors have analogy with movements for women rights.

Solidarity. Conception of solidarity is the practice embodiment of understanding that a person is social and interdependent on others [8.C.70].

Early ideas of socialism and modern ideas' form differences by structure, and from Mor-and-Campanella's time it was changed, from strict (sometimes – drastic) forms to flexible frames. Structure of socialism ideas has differences from totalitarian expression to more free expression through difference political regimes, where ideas have their expression.

BIBLIOGRAPHY

1. *Дестют де Траси А.-Л.-К.* Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. М.: Академический проект; Альма Матер, 2013. 333 с.
2. *Идеология: поиски и находки.* Монография. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. 420 с.
3. *Кампанелла Т.* Город Солнца. М.: Директ-Медиа, 2014. 53 с.
4. *Мор Т.* Утопия. Москва-Ленинград: АCADEMIA, 1935. 240 с.
5. *Философские* проблемы человека и общества: учебно-методическое пособие СПб.: СпецЛит, 2019. 399 с.
6. *Фролова С.М.* Идеология как дериват идеи Платона// Инновационная наука. №12-3. 2016. С. 18–20.
7. *Report on Fabian policy and resolutions presented by the Fabian Society to the International Socialist workers and Trade Union Congress, London, 1896.* Электронный ресурс // URL: <https://digital.library.lse.ac.uk/objects/lse:jav429luc/read/single#page/2/mode/2up> (дата обращения 09.04.2022).
8. *What is social democracy?* // Olof Palme International Centre – the Swedish labour movement's organisation for international solidarity. 203 p.

THE PROGRAM FOR ENGLISH LANGUAGE LEARNING ENHANCEMENT IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

A.V. Lavrentiev

Academic advisor: М.А. Карлина

Moscow Aviation Institute (National Research University)

«If you talk to a man in a language he understands, that goes to his head. If you talk to him in his language, that goes to his heart». – Nelson Mandela [1]. This quote stresses the significance and the necessity of learning languages. Knowledge of foreign languages provides infinite possibilities not only for travelling and discovering cultures, but also for international labour activity.

Nowadays, there are plenty of internationally collaborating companies for which knowledge of English is an entry requirement. The ultimate example is the principle of «Working Together», which not only made it possible to unite the USA «Boeing» production forces, but also ensured the international suppliers' collaboration all over the world during «Boeing-777» program execution. [2]

Hence, the undeniable importance of using English in certain areas of modern society life is obvious, and aviation is one of many of them. Thus, sufficient level of English knowledge is necessary to provide a high level of the flight safety.

In general, the language training is conducted in educational institutions. However, the multiplicity of different threats in XXI century, which can seriously impede resident instruction courses, motivates the educational institutions to bring the educational process under distance learning requirements.

According to the survey, approximately 90% of learning society support the idea of implementation of an additional educational source, such as mobile app. Respondents highlighted the main difficulties:

- spending long time for searching for the correct information
- high risk of outdated and unverified information

Therefore, it is proposed to develop an additional educational source, such as an electronic device program. The essential fact is that due to the significant screen time spent for using different apps, development and implementation of smartphone app are the optimal way to use this innovation.

This program will ensure:

- studying of some subjects in English;
- checking the degree of assimilation individually by using a testing system designed;
- the opportunity of reviewing the necessary material at any time;
- continuous educational process according to the curriculum in case of distance learning;
- higher quality of both resident instruction courses and distant learning courses;
- checking enrollment rates and the degree of assimilation by learning society and professors;
- the better way of education for foreign students.

The basic concept of the app will be similar to computer-based training programs, actively used during type-rating courses in aviation. According to statistics, a human assimilates approximately 50% by visual perception, 25% by auditory perception and 25% by kinesthetic perception. That is why, it is recommended to use audio tracks as

an addition to provide correct pronunciation, intonation, and better understanding of spoken language.

To summarize the research, it should be noted that the use of an additional program during any kind of educational process can significantly simplify learning a foreign language, especially technical or specialized terms and common phrases. Moreover, the implementation of a new educational source can seriously enhance the level of English as a result of an education program usage.

BIBLIOGRAPHY

1. *Moving Words* // BBC. Электронный ресурс. URL: <https://www.bbc.co.uk/worldservice/learningenglish/moving-words/shortlist/mandela.shtml> (дата обращения: 15.10.2021).
2. *Working Together: 12 Principles for Achieving Excellence in Managing Projects, Teams, and Organizations*. // ACADEMIA. Электронный ресурс. URL: https://www.academia.edu/6275624/Working_Together_Twelve_Principles_for_Achieving_Excellence_in_Managing_Projects_Teams_and_Organizations (дата обращения: 15.10.2021).

THE TRIAD OF POSTMODERNISM. THE DEATH OF GOD, THE DEATH OF THE AUTHOR, THE DEATH OF THE SUBJECT

R.E.Maron

Academic advisor: DSc.(Philos.) V.I.Syrov
National Research Tomsk State University

Understanding postmodernism plays a big role in understanding the modern world as a whole. Many modern films, books, TV series, scientific works are written under the influence or using the mechanisms of postmodern philosophy. To understand postmodernism in general, and individual concepts in particular, it is necessary to understand the main ideas that led to a whole array of subsequent works. Such concepts should include: the death of God, the death of the subject and the death of the author, which form the so-called triad of postmodernism. All these concepts are somehow related to each other and one should consider them, seeing the relationship between them. Having understood the principle of operation of these ideas, we will be able to understand the general idea of postmodernism, penetrate into the mood of this phenomenon, analyze and draw appropriate conclusions. Therefore, I propose to consider them separately and identify the relationship between these concepts.

The concept of the death of God, presented by the German philosopher Friedrich Nietzsche, in a number of his works, proclaims the death of God in the modern world. «Joyful Science» presents us with an episode of the search for God among religious people, but as it turned out, not really believers. God died as a result of human impotence, indifference and loss of faith as such. «God is dead! God will not rise again! And we killed him! » [4.C.230]. With the thesis God is dead, Nietzsche proclaimed the death of modern moral foundations that have shaped society, science and culture throughout history. Through his hero Nietzsche, he states the already accomplished act of killing God, but at the same time declares that the consequences that will come after this murder are not visible, right here and right now. Thus, we can trace the first stage of the formation of postmodern thought – the destruction of existing rules and moral norms. Friedrich Nietzsche acts as a soothsayer, predicting the further rapid development of technological progress, but not the progress of the spirit and humanity. Individuality is lost, purpose and meaning too.

Due to the loss of unbreakable authority in the person of God and the recognition of the insolvency of classical philosophy within the framework of modernity, the author also lost his sacredness. The concept of the author's death, behind the collapse of the authorities of the past, also exposed the inconsistency of the historical and biographical method of analyzing texts. The author has lost control over his work, he is no longer the owner of the only true point of view. From the point of view of Roland Barthes, the author in the classical sense no longer exists, the modern writer acts more like a script-writer [1.C.386], using his huge vocabulary. The new name of the author is a script-writer, stands for writing, so the author in the modern world is understood more as a language speaking through a writer. With his essay, Roland Barthes proclaimed the inferiority of the classical method of interpreting the text and questioned the role of the author in his work.

Following the author, the reader was also questioned. The death of the subject, a metaphor proposed by the French philosopher Michel Foucault, can be interpreted as the loss of any kind of subjectivity in the modern world. Man was no longer thought of

outside of language. Language is the subjectivity of a person. Subjectivity is not a function of an entity in the world. Subjectivity is a function of language. A person, as it were, syllogizes language relations and with the help of this fact lives in the world [2.C.33]. The former positions of the thinkers of the New Time and the modern era were broken by modernity. Subjectivity was no longer a characteristic of the original nature of man, but was always conditioned by the social environment surrounding him. Within the framework of today, personality has ceased to be defined as a separate entity endowed with unique features or features. The thinking subject was considered precisely as an independent thinker, i.e. a thought that was developed by each individually independently, which expressed the features of uniqueness of each. The thinking of a modern person consists of structures, and our thinking is subsequently structured as a language. A person no longer has value by himself - he is part of some system. In this regard, the death of the subject was helped by the predecessors of postmodernism in the person of Karl Marx and Sigmund Freud, who with their theories removed the subject in its traditional sense into the realm of non-existence. Karl Marx proclaimed man the domain of social and economic relations, when in turn Sigmund Freud pointed out to man the existence of the unconscious. The instability of the current image of a person is caused by the fact that his positivities -work, life and language - are also unstable.

Thus, we can observe the interdependence between the main postmodern concepts, which subsequently formed the basis of future ideas of this period. The concept of the death of God is inextricably linked with the concept of the death of the author, as the destruction of indestructible authorities. The death of the subject, following the death of the author, speaks of the loss of any individuality, any identity. We can make a certain sequence: the death of God, the death of the author, the death of the subject, which are inextricably linked.

BIBLIOGRAPHY

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С 384–391.
2. *Хаустов Д.* Лекции по философии постмодерна. М.: РИПОЛ классик, 2018. 288 с.
3. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук, М.: Прогресс, 1977. 407 с.
4. *Ницше Ф.* Веселая наука. Сочинения в 2-ух томах. Т1, М: Мысль, 1990. 833 с.

LANGUAGE ONTOLOGY DEFINED THROUGH TRANSLATING

A. A. Menshikova

Siberian State Medical University

Defining language ontology is a current issue in modern science. The matter is connected to a liquid quality of its essence. There are two most essential modes in language ontology defining – perceiving it to consist of the atomic symbolic units, or accepting its referential nature. The first approach is traditional for the analytical philosophy tradition and continues the tradition of formal logic, the latter is connected to the most prominent language ontology interpretation, which performs a dissipative matter and the complex approach to the issue as a result, for the prior approach is supposed to be exceptionally restrictive.

Language ontology interpretation depends on the methodology of investigation. The most prominent methodic approach uncovers the language nature through a process, such as translating. This aspect can be characterized as dissipative and referential.

The language nature discovered through translating is not exceptionally pragmatic. It admits adjustment, particularizing and additional information applied.

The translation process causes the matter of hypothetical equality derived in a dichotomic equality of positions. This discovers the structural aspect of language ontology accepted in analytical tradition of the western philosophy (see J. Searle [1], P. Strawson [2]). But the matter of this aspect faces uncertainty caused by a rapid acquisition directed to the focus of the “false substance disposition”. A translator often faces a dilemma to produce an equivalent of the unit to be translated. This circumstance proves the referential nature of the language and linguistic units. The investigation enables to discover a dissipative “environment” the language is connected. Even a new sense derived in any context poses the metaphorical sequence of the process.

The dissipative “environment” represents the trend of heuristical quests. Language ontology anyway tends to reveal complicated and characteristics of a great variety. Its further investigation leads to researching astatic phenomena in language ontology. This uncovers a wide range of possibilities and a perspective successful to be achieved. There is no vocabulary to name the terms concerning this new branch to be investigated.

Translation discourse diminish conceptual essence of the language. The language is an instable matter. We assume that conceptual essence doesn't contradict the referential. We accept it to be an evolutionary stage of the general referential functional ability of the language.

For example let's study the case of the uncertainty in translation practice. Translating ancient manuscripts and sources characterizes this situation most prominently. A translator ponders over to find an equivalent to a rear word or a notion. If he/she fails to find the equivalent, he uses the transliteral strategy. The text translated also incorporates allusions, references and other extra elements. This proves the dissipative nature of the language. And the first steps in its investigating have been already done.

BIBLIOGRAPHY

1. *Searle J.* Consciousness and language. Cambridge [a. o.] : Cambridge University Press, 2002. 269 p.
2. *Strawson P.* Individuals. NY ; L. : Routledge, 2006. 255 p.

DARKNESS AS PART OF THE URBAN SPACE EXPERIENCE (CASE OF NOVOKUZNETSK)

A. E. Piskunova

*Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute
of the Kemerovo State University*

The purpose of this paper is to provide an anthropological description of dark urban space that avoids dualistic essentialisms in the understanding of light and darkness.

In this research the complex images and meanings that surround urban darkness is studied in the context of a shortage of socio-humanitarian descriptions of illuminated and dark space. The lighting of modern cities has transformed the night experience by creating urban landscapes of regulation, hierarchical selectivity, consumption, fantasy, and imagination.

Light and darkness determine the perception of each other and landscapes and places are often embodied by conventions of scientific classification, tourist view, and aesthetic evaluation, which in many ways form our vision and experience [3]. Related to this, the research emphasizes that the comprehension of darkness depends on the prevailing cultural values, fears, and desires.

In the era when the widespread use of electric lighting has made the experience of darkness rare in the Western world, darkness continues to be conceptualized primarily in negative way. Against the symbolic appeals of light as a metaphor of truth, purity, revelation, and knowledge, the prevailing ideas about darkness, often justified by representations in photography, cinema, and literature, are associated with the primitive, evil, and dangerous [1]. It is important, however, that the fears associated with darkness have never been universal in cultural and historical terms. It has been supplemented in different ways by economic and practical imperatives, alternative aspirations that interpret darkness more positively as a chronotope of resistance, transgression, aesthetics, and mystical practices [2].

The purpose of this study is to understand how darkness is perceived in modern urban space. The dynamic play of shadow and light forms an integral part of everyday affective and sensory attunement with the landscape. Additionally, mythological images are consistent with our phenomenological experience of the place. The analysis is based on 13 interviews with Novokuznetsk's citizens and a media analysis.

Civic boosterism and place marketing are increasingly using lighting techniques as part of neoliberal commercial intensification in time and space. Geographical inequality in the distribution of urban lighting creates new centers of power and new boundaries of alienation. The contrasting darkness of the urban periphery is perceived as a sign and cause of moral, intellectual, and physical backwardness and destruction.

A key dimension of the subjective experience of dark urban places is the ability of darkness to rearrange and challenge the ways of perceiving even familiar spaces. Dark space offers enhanced and changeable sensory and social experiences. A subtle set of locally present and familiar sounds and changing underfoot textures make it possible to identify spatial configurations in a dark city. Vague and barely perceptible perception images in the dark generate continuous guesses, through which a connection with space is established.

Fear and imaginary dangers organize the invisible emotional infrastructure of the city. At the same time, the predominantly female urban experience can be considered as a history of limitations of spatial practices and related to these traumatic experiences. The problem of women's security, actively developed within the framework of Anglo-American feminist geography [4], is largely determined by the rootedness of gender inequality not only in social relations and cultural practices, but also in the materiality of life. The design of specific places in the city, in particular, insufficient lighting, is a manifestation of insensitivity to specific dangers that lie in wait for women. In the darkness of Novokuznetsk, the woman movement in the company of another person becomes an example of a strategy for coping with fear and anxiety, which allows to feel emotional comfort.

The insufficiency of the semantic distinctness of the city finds expression in a special kind of aesthetic, research, bodily and gaming practices of interaction between empty and abandoned spaces. In the local experience of participants of such «expeditions», darkness becomes an attribute of a place potentially replete with thrills and adventures.

The mythologization of urban space forms the perception of darkness as an oneiric realm of immaterial and indefinite forms. It can instill a sense of mystery, depth and speculation, generating unfamiliar, uninvited thoughts and sensations. In this case, the urban darkness contains our suppressed fears and prohibitions, symbolizes a parallel ghostly world.

Thus, the comprehension of urban darkness is formed in a historical, cultural, spatial, physical and sensual collision with changing forms and variants of dark space.

BIBLIOGRAPHY

1. *Dunnett O.* Contested landscapes: the moral geographies of light pollution in Britain // *Cultural Geographies*. 2015. No 22 (4). pp. 619–636.
2. *Edensor T.* Reconnecting with Darkness: experiencing landscapes and sites of gloom // *Social and Cultural Geography*. 2013. No 14 (4). pp. 446–465.
3. *Edensor T.* The gloomy city: Rethinking the relationship between light and dark // *Urban Studies*. 2013. No 52 (3). pp. 422–438.
4. *Valentine G.* The Geography of Women's Fear // *Area*. 1989. No 4. pp. 385–390.

HISTORY OF THE FORMATION OF MODERN LINGUOPHILOSOPHY

S.S. Rakhmatullin, M.D. Yelfutin

Academic advisor:: PhD in Philosophy G.V. Avdoshin

Kazan State Power Engineering University

As scientists declare, if we turn to the literature devoted to the study of the history of ancient Greece, we can notice that at the peak of the political development of this state, a great prevalence in the world was characterized by the issues that nowadays scientists refer to the scientific field of linguistics and linguistics. Especially popular were the problems of the origin of language as such. Moreover, such a question occupied almost a central place in the linguophilosophical discipline until the 19th century. At first, this was seen in Plato's attempts to resolve the dispute between the so-called naturalists and the supporters of conventionalism. The former, influenced by the works of Heraclitus and his followers, understood under the connection between a thing and the name of this thing, i.e. name, some natural causal law, while the latter (Democritus and his disciples) put the evidence of the presence of convention or human agreement in this problem field.

It is important to note that Plato accepted the position of naturalists and saw the process of the creation of words exclusively through the prism of the presence of natural nature in it. In his opinion, non-derivative words reflect the essence of things through sound composition: all soft and smooth is denoted by sounds similar to [s], and harsh, rough and hard by the presence of the sound [r] in words. As for derivative words, according to Plato, they are the only ones with some inherent meaning, which were created by men according to the principles of agreement.

If we turn to consider the development of philosophy of language in the Middle Ages, it was largely due to the strong influence of the factors of the prevalence of theology and theological currents, actively developed through the teachings of Aurelius Augustine, Gregory of Nyssa, Pamphylus, John Damascene. The writings of these «Holy Fathers» made a significant contribution to linguophilosophy. For example, for the first time in history they examined the problems of the relationship between non-verbal thinking and human speech. For example, 1.5 millennium before the German politician Friedrich Engels, Gregory of Nyssa had begun to study the origin of language from the point of view of its connection with the development of human hands [1.C.20].

In the following New Age, new theories of how language originated emerged. For example, the sound-mimicking theory of the origin of language, the author of which was H. Leibniz, was widespread. On the scale of prevalence, the latter was not inferior to the concept of Jean-Jacques Rousseau called «Social Contract Theory». Separate corresponding directions were also proposed by John Locke. During the same era there was also an increase in the number of subjects of linguophilosophy. Thus, philosophers and linguists began to address the problems of language communication, consider the functions of language in terms of its cognition.

The latter by the 19th century were thoroughly established in the first thanks to W. von Humboldt, a philosopher who taught his followers to look at language not simply as a set of ready-made and established thoughts, but as a means or an instrument for creating the idea or thought itself. Thanks to this approach of Humboldt and the

active scientific position of his students, the foundations of a cognitive theory of language were laid in linguophilosophy. In addition, it should be mentioned that Humboldt, when interpreting the communicative component of the language function, noted an important distinction between listeners and speakers. The researcher stressed the impossibility of any full-fledged understanding between the latter due to the fact that each person on Earth has his own individual idea of the world and the processes occurring in it, not to mention the thoughts and views on specific things.

Among other things, Humboldt proposed to introduce into linguophilosophy the notion of the pragmatic function of language. His considerations in this context were based on the fact that language could act as a stimulus for people to do something. Here he cited the example of young children, who often use language in terms of obtaining pragmatic results from adults. Indeed, children, when communicating with their parents, tend to direct their speech toward obtaining necessary benefits from them, and they generally do not attempt useless, non-pragmatic speech actions [3.C.8].

It cannot be overlooked that in the 20th century, linguophilosophy expanded its subject area by incorporating ontogenetic linguistics. Thus, its modern disciplinary structure today represents five key directions, which develop with almost the same intensity and frequency of publications of relevant scientific research:

- 1) Ontogenetic linguistics;
- 2) Linguoepistemological field;
- 3) Linguosemiotic scientific field;
- 4) Linguopraxology;
- 5) Phylogenetic linguistics.

At present, ontogenetic linguistics deals with the study of the origin of language in an individual. Linguosemiotic direction studies language from the point of view of its communicative functions. The linguoepistemological scientific field studies the cognitive functions of language, and the linguopraxeological field studies the practical or pragmatic functions. As for phylogenetic linguistics, today it is aimed at considering the emergence of all human language as such [2.C.116].

BIBLIOGRAPHY

1. Даниленко В.П. Важнейшие гипотезы о происхождении языка // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2015. № 2. С. 8–30.
2. Даниленко В.П. Введение в языкознание: курс лекций, учебное пособие для студентов, обучающихся по специальностям направления «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет. 2009. 354 с.
3. Даниленко В.П. Общелингвистический взгляд на язык // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2011. № 3. С. 6–11.

A. BOGDANOV AND V. LENIN ON CULTURAL REVOLUTION

V.I. Rukacheva

Academic advisor: PhD (Politics) B.A. Prokudin

Lomonosov Moscow State University

The many debates between two of the greatest socialist thinkers of the XX centuries have been studied extensively and that is not a coincidence: in their rivalry, Bogdanov and Lenin have come to represent two diametrically opposite, and yet crucial methodological approaches to socialism as a whole. The disputes between these two Marxists have emerged on philosophical and political grounds. Bogdanov seemed to be more open to accept new additions and expansions of the Marxist dogma, becoming the philosopher that boldly embraced R. Avenarius and E. Mach in his works. More importantly, his ideas were so theoretically influential that the debate between Lenin and Bogdanov seemed to represent a different understanding of the relationship between revolution and culture and, therefore, the conceptualization of the new state. [4].

The Proletkult and the activist Marxists who took on an active position in discussing the future of the state have come to an agreement that a cultural revolution was crucial in order for the socialist project to work. Lenin claimed that «the cultural revolution would now suffice to make our country a completely socialist country» [2], which evidently meant that the cultural revolution preceded the establishment of a socialist state. He believed that changes in the country's political culture are inevitable and warranted in order to dismantle the capitalist tendencies and the old ways of life. Lenin argued that there is no time to educate the new socialist individuals, they must be trained and ideology had to be developed as soon as possible, as it was necessary for direct action. [4] Nevertheless, it seems that the whole concept of the cultural revolution appeared to be uncertain, and it was not clear whether the revolution will arise spontaneously or will it have to be directed and manufactured by those holding the power.

On the other hand, Bogdanov's ideas seemed to present a different understanding of what a cultural revolution is. His approach postulated a necessity to move away from defining a cultural revolution as something that involved violence or force. To Bogdanov, it would yield no lasting results if the cultural change was forced – the new, socialist qualities in the new citizens had to develop organically, in a collectivist, interconnected society [3]. This meant that the state had to direct its attention to creating more schools and dedicating more attention to creating communities and promoting enlightenment. It is impossible to separate the cultural development and the socialist project in Bogdanov's theory, since no state could be established without creating a new, socialist individual – someone who's community-oriented, with a scientific mind and a keen understanding of organizational science. [3]

Cultural change, Bogdanov strongly believed, relied on organization: «The camaraderie, which makes up the specific form of the proletariat collectivism, involves something that everyone has in common. This commonality is being organized» [1]. The cultural revolution, therefore, would happen inside the minds of the citizens with the help of the government creating opportunities for collectivist culture to arise; this would happen in two separate stages – the transitional regime and the developed collective society [3]. Therefore, Bogdanov has a more developed and nuanced take on the cultural revolution, developed in opposition to the dominating Leninist understanding of the concept.

It is hard to deny that Bogdanov's works on the importance of proletariat culture and revolution spurred a myriad of debates, dialogues, responses and criticism that led to a theoretically productive discussion on the subject. Lenin, for the most part, formed his position in active discussion with Bogdanov, refining his stance and understanding of the revolution. Therefore, it could be concluded that current understanding of the cultural revolution debate that researchers possess stem from the positions of Leninism and Bogdanovism discussed above, expanding the theoretical base of the Soviet project widely.

BIBLIOGRAPHY

1. *Богданов А.А.* Падение великого фетишизма. М., 2010. 224 с.
2. *Ленин В.И.* О кооперации // Избранные произведения в трех томах. М., 1976. Т. 1, 844 с.
3. *Кисельникова Т.В.* Из истории социалистической мысли в России. А.А. Богданов о «коллективистском обществе» // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307. № 4. С. 166–169
3. *Румянцева Т.Г.* Модель социализма А.А. Богданова // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2018. №3. С. 28–35.
4. *Z. Sochor.* Revolution and Culture. The Bogdanov and Lenin Controversy. NY: Cornell University Press, 1988. 253 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

РОЛЬ ИГРЫ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

А.Р. Биалова

Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент К.М. Южанинов
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Детям свойственна способность к самостоятельному объединению в совместной игре, в процессе которой происходит принятие, «примерка» тех или иных социальных ролей, обмен ими, совместное выстраивание сценария и правил игры. Поэтому, игра – это деятельность, выраженная в самостоятельной творческой деятельности детей, в ходе которой они сами выстраивают пространство коммуникации, учатся взаимодействовать, познают сложный мир человеческих отношений и именно эта самостоятельность, автономия является важной для детей. То, каким образом игра влияет на формирование психологических и коммуникативных качеств ребенка, и является проблемой данной работы. Целью исследования является выявление форм и механизмов социализации детей во время игры. Для начала необходимо разобраться с понятийной составляющей проблемы.

Игра – форма деятельности в условных ситуациях, направленная на воссоздание и усвоение общественного опыта, фиксированного в социально закрепленных способах осуществления предметных действий, в предметах науки и культуры.

Социализация – это процесс усвоения индивидом образцов поведения, психологических установок, социальных норм и ценностей, знаний, навыков, позволяющих ему успешно функционировать в обществе.

Для детей дошкольного возраста, игра, это фундаментальный процесс, так как закладываются навыки общения и основы понимания собственного места в обществе. В зависимости от этапа дошкольного возраста, усваиваются определенные навыки. Социализация осуществляется в процессе общения со сверстниками и взрослыми. Общаясь, ребенок перенимает конкретное поведение. Обычно дошкольный возраст делят на 3 основных этапа: младший (3–4 года), средний (4–5 лет) и старший (5–7 лет). В зависимости от этапа, ребенку присущи характерные

черты социализации. Так, детям младшего дошкольного возраста свойственно познание окружающего мира с помощью определенных ролей во время игры. Основным содержанием игры являются действия с игрушками и предметами-заменителями. На этом этапе дети осваивают несколько ролей с простым сюжетом. Так, например, во время игры в «больницу», ребенок познает кто такие врачи, что они делают. Далее, когда ребенок переходит в возрастную группу среднего дошкольного возраста (4–5 лет) у него появляется большое количество вопросов об окружающем мире, ребенок учится взаимодействовать со сверстниками, педагогами, врачами. И поэтому в этот период ребенок активно примеряет на себя разные роли в играх, обменивается ролями со сверстниками, объединяется в коллективные игры на основе симпатий. В отличие от младшего дошкольного возраста, на этом этапе формируются реальные взаимоотношения между играющими детьми, где игра невозможна без согласованных действий. У детей старшего дошкольного возраста (6–7 лет) проявляется интерес не только к коллективным играм, но и к желанию быть первым, лучшим в игре. Появляется потребность действовать во время игры по определенным правилам, и, если участник не принимает правила, его ожидает осуждение со стороны сверстников. Вырабатывается умение оценивать поведение других детей и взрослых. На социализацию детей влияют некоторые факторы, в отечественной науке эти факторы выявлены А.В. Мудриком. Ученый выделяет три уровня факторов социализации:

- микрофакторы – семья, группа сверстников, детские учреждения.
- мезофакторы – язык, национальный характер, темперамент, традиции, обычаи, климат, география, тип поселения.
- макрофакторы – глобальные условия жизни в государстве и на планете в целом [1.С.46].

Микрофакторы самые весомые в первичной социализации ребенка. Непосредственное окружение оказывает воздействие на формирование личности в процессе повседневной жизни. Семья реализует социализацию, воспитание, обеспечивает комфорт, безопасность, психотерапию и эмоциональную защиту ребенка. Далее, мезофакторы также имеют свои механизмы социализации личности. Выражается это в передаче этнокультуры, заложенной в социальном опыте родителей и близких ребенку людей, которые сами являются продуктом данной культуры и носителями ее характеристик. В соответствии с мезофакторами, существует определенная система ценностей, традиции, субкультура. Макрофакторы не влияют прямо на социализацию дошкольника, так как политика, экономика и демография не важна для детей 3–7 лет, однако через родителей ребенок также ощущает изменения, происходящие в мире. В возрасте между тремя и пятью годами ребенок начинает активно осваивать трудную практику взаимодействия с себе подобными в игре, а потом и в других ситуациях, начинается детская социальная жизнь. Главным открытием для детей этого возраста, является возможность партнерства, соучастия. Через игру ребенок закрепляет полученные знания о социальной реальности, учится действовать и жить в формате определенных правил, развивает мышление и воображение ребенка, учит его существовать в рамках заданных правил и самостоятельно создавать эти правила. Когда дошкольник оказывается участником детской игровой группы, и его действия начинают подчиняться общим для всех людей психологическим законам группо-

вой жизни независимо от того, хочет этого ребенок или нет. Если он захочет играть, то ему придется терпеть некоторые неприятные, но необходимые ограничения свободы действий, возникающие из-за присутствия других участников, и ребенок соглашается с такими ограничениями [3.С.27]. Таким образом, дети учатся управлять, конкурировать, соревноваться и помогать. Коллективная игра прививает навыки общения, внимательности, развивает чувство общности, учит правильно выражать свои мысли и строить диалоги, развивает речь [2.С.27] Ребенок начинает вступать в контакт с окружающими его сверстниками, так как исследование окружающего мира, дети предпочитают совершать не в одиночку, а группой, тогда каждый отдельный участник ощущает себя в группе более сильным, бесстрашным, уверенным, а свои действия оправданными. Ребенку необходим контакт с разновозрастными детьми, так как тогда создается нужная психологическая разность между детьми в компании. Дети наиболее младшего возраста высоко ценят, когда их приглашают в игру старшие, другие же наоборот не упускают прекрасной возможности удовлетворить свое желание власти и пережить чувство собственной значимости. Играя с разными по возрасту и статусу детьми, они осваивают разные скрытые средства общения: подтексты, шутки, невербальные средства (интонации, жесты, мимику). Они начинают понимать, когда кто-то по-настоящему злится, а когда шутит. Так, например, во время игры «Казачьи разбойники» у детей развивается общительность, физические качества, упорство, стремление защитить свою команду, тем самым формируя общую коммуникабельность в обществе. Каждая игра направлена на развитие тех или иных способностей, умений и навыков, и одно из ее направлений – развитие коммуникативных умений, которые можно разделить на три группы:

–Группа информационно-коммуникативных умений состоит из умений вступать в процесс общения, это выражать просьбу, приветствие, вежливое обращение; соблюдать правила культуры (к примеру, во время игры «магазин» ребенок учится вежливо обращаться с клиентами), заговорить с незнакомым человеком, получать и излагать информацию, употреблять слова и мимику.

–Группа регуляционно – коммуникативных умений состоит из умений осуществлять самоконтроль, доверять, помогать и поддерживать тех, с кем общаешься, быть честным, слушать советы и самому давать советы, оценивать результаты совместного общения.

–Группа аффективно-коммуникативных умений основывается на умениях делиться своими чувствами, интересами, настроением с партнерами по общению; проявлять чуткость, отзывчивость, агрессивность, умение отстаивать собственные интересы, выработка групповой морали и маркеров групповой идентичности (каким я должен быть, чтобы меня признали своим) и, соответственно, агрессия, направленная на «иных», непохожих на нас.

В итоге, в зависимости от возраста дошкольника, ребенок приобретает знания об окружающем мире, усваивает нормы общения со сверстниками и взрослыми, учиться понимать, как нужно себя вести, и как нельзя. Игры приучают детей жить и работать в коллективе, считаться с другими детьми, приходиться им на выручку или травить их тех, кто «другие». Игры научают детей конкурировать, отстаивать свое «я», получать знания о мире не только от родителей, но и через сверстников.

И все эти базовые знания дошкольник приобретает в процессе игры, так как на этом этапе взросления это их основанная деятельность. Качества ребенка усваиваются в зависимости от типа игр, факторов социализации, которые определяют в будущем наши жизненные позиции в социуме, будем мы лидерами, или ведомыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мудрик А.В.* Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 200 с.
2. *Носкова А.В., Кузьмина Е.И., Малышева А.Э.* Изменения и преемственность в детских игровых практиках // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 3 (116). С. 116–123.
3. *Осорина М. В.* О-75 Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 4-е изд. СПб.: Питер, 2008. 304 с.

ВЛИЯНИЕ СОЗАВИСИМОСТИ НА ПРОЦЕСС РЕАБИЛИТАЦИИ ЗАВИСИМЫХ

В.А. Василишин

Научный руководитель: к.ф.н. Е.Ю. Быкова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Актуальность проблем алкоголизма и наркомании не вызывает сомнений, а также подтверждается статистикой, в то время, как явление созависимости, тесно связанное с проблемами зависимости, не имеет четких границ, что усложняет возможность сбора статистики. Однако сведения специалистов, работающих в социальной сфере, свидетельствуют о том, что в обществе существует запрос на решение проблемы созависимости, акцентируя внимание на том, что проблема созависимости оказывает негативное влияние не только на зависимого человека, но и на самого созависимого.

В обобщенном виде созависимость представляет собой форму аддиктивного поведения, характеризующуюся зависимым поведением одного человека от значимого зависимого другого [1.С.3]. В научной среде существует расхождение мнений как о том, чем является созависимость, так и о масштабах данной проблемы, что подтверждается как отечественными [2; 3], так и зарубежными исследователями [4].

В связи с этим было решено провести исследование по выявлению представлений специалистов и представителей общественных организаций о феномене созависимости и его влиянии на процесс реабилитации зависимых. Метод исследования: полужформализованное интервью. На данный момент опрошено 8 респондентов, среди которых: психологи, психотерапевты, члены общественных организаций. Одной из сложностей проведения исследования является закрытость некоторых организаций.

В результате исследования были сделаны следующие выводы:

Относительно влияния созависимости на рецидив алкоголизма или наркомании 5 опрошенных специалистов подтверждают существенное влияние проблемы созависимости на вероятность рецидива у зависимого. Связывается это с тем, что зависимый, возвращаясь из реабилитационного центра, попадает в ту среду и в те отношения, в контексте которых он существовал ранее как зависимый. Созависимый человек своим поведением может неосознанно подталкивать зависимого к употреблению, тем самым возвращая для себя привычную роль.

В вопросе о влиянии решения проблемы созависимости на процесс реабилитации зависимых 5 опрошенных специалистов и 1 представитель общественной организации высказались о том, что решение проблемы созависимости напрямую сказывается на процессе реабилитации. Один из специалистов также отметил, что это не является полной гарантией улучшения прохождения процесса реабилитации зависимым, но в то же время подчеркнул, что работа с созависимыми все же может влиять на динамику реабилитации зависимого.

Разницу между созависимыми алко- и наркозависимых подтвердили 1 специалист и 2 представителя общественных организаций. Основным аргументом является то, что алкоголь является социально одобряемым веществом, в то время как наркотики наоборот – социально не приемлемы. 4 опрошенных специалиста

посчитали, что паттерны поведения созависимых алко- и наркозависимых одинаковы, но также отметили, что между алко- и наркозависимыми разница очевидна, но существенной разницы между созависимыми алко- и наркозависимых нет.

На вопрос «Возможно ли не стать созависимым, взаимодействуя с зависимым родственником» 4 специалиста ответили, что возможно при условии, что человек имеет достаточное личностных ресурсов, чтобы абстрагироваться от созависимого и сосредоточиться на себе. В то же время 1 специалист отметил, что влияние зависимого на свое ближайшее окружение неизбежно в любом случае, тем самым способствуя возникновению созависимости.

Относительно возможности избавиться от проблемы созависимости окончательно 5 специалистов и 2 представителя общественных организаций высказались отрицательно. Из основных аргументов специалистов следует отметить, что созависимость может вернуться при определенных обстоятельствах, поэтому для созависимых необходимо подкреплять положительный результат, а также иметь возможность обратиться за консультацией по точечным вопросам. Также 2 специалиста отметили, что созависимость – имеющаяся в той или иной степени у каждого человека часть личности, от которой невозможно избавиться, но можно осознать, признать и направить в конструктивное русло при содействии специалистов. Также 2 представителя общественных организаций акцентировали внимание на невозможности окончательного избавления от созависимости, и человек нуждается в постоянной поддержке извне.

Анализ результатов по вопросу определения созависимости как болезни или психического состояния показал, что 2 специалиста и 2 представителя общественных организаций высказались в пользу определения созависимости как болезни. Следует отметить, что 1 специалист высказался, что все индивидуально, а созависимость является пограничным состоянием и иногда может выступать в качестве патологии. В пользу определения созависимости, как психологического состояния, высказался 1 специалист. Также 2 специалиста дали другие определения созависимости, как дисфункционального паттерна отношений и как способа организации личности.

Обобщив вышесказанное, можно сделать вывод, что отсутствие консенсуса в вопросе определения понятия и границ проблемы созависимости является следствием того, что специалисты разных областей, в виду различности представлений о созависимости, исходя из чего по-разному выстраивают свою работу, что, безусловно, напрямую сказывается на результате работы с созависимыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемова Н.Г., Галкина Т.В.* Созависимость как возможная угроза психологическому здоровью субъекта // Знание. Понимание. Умение. 2014. №4, С. 3.
2. *Москаленко В.Д.* Зависимость – семейная болезнь. М.: ПЕР СЭ, 2008. 352 с.
3. *Старшенбаум, Г.В.* Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. М., 2006. 288 с.
4. *Vacon, I., McKay, E., Reynolds, F. et al.* The Lived Experience of Codependency: an Interpretative Phenomenological Analysis. *Int J Ment Health Addiction* 18, pp. 754–771. 2018. URL: <https://doi.org/10.1007/s11469-018-9983-8>

АДАПТАЦИЯ УЧЕБНЫХ МИГРАНТОВ: ПЕРВЫЕ ПОЛГОДА (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА)

ИЗ ТАДЖИКИСТАНА)

П.М. Ворошилова

Научный руководитель: к.и.н. Н.П. Погодаев

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Международная образовательная миграция является одним из факторов экономического развития как принимающего, так и отдающего обществ. Данный вид миграции – это мощный геополитический ресурс, служащий для распространения и продвижения культуры и традиций, ценностных установок и технологий стран, которые обучают иностранцев. В свою очередь, иностранные студенты представляют собой источник финансовых и интеллектуальных ресурсов. Однако иногда процесс интеграции студентов, которые представляют видимое меньшинство, проходит не так гладко, как его привыкли описывать. Для них переезд в страну с иными культурными особенностями и менталитетом – испытание, которое сопровождается определенными трудностями. В своей работе я хочу изучить явление образовательной миграции на примере студентов первого курса бакалавриата НИ ТГУ, которые приехали из Таджикистана. Рассмотреть их пребывание в Томске, проанализировать их интеграцию и адаптацию в новую, студенческую жизнь – начиная с учебного процесса и заканчивая бытовыми ситуациями вне университета, а также сделать выводы на основе информации их пребывания в городе в течение первых 6 месяцев.

При анализе данной сферы также стоит отметить один из наиболее важных терминов в моем исследовании – культурный шок. Культурный шок – эмоциональный или физический дискомфорт, дезориентация индивида, вызванная попаданием в иную культурную среду, столкновением с другой культурой, незнакомым местом [1]. То есть это именно то состояние и те ощущения, которые студенты, адаптируясь, могут испытывать первоначально.

Несмотря на большое количество возможностей учиться у себя на родине, которые предоставляет Таджикистан, студенты все равно выбирают зарубежное образование, в том числе и российское, считая его более качественным, нежели чем в стране исхода.

Опросы студентов свидетельствуют о том, что основной проблемой адаптации стали климат и погодные условия города Томск. В целом, они не считают себя оторванными от общества, не испытывают какого-либо дискомфорта при общении с кем-либо, и чувствуют себя достаточно уверенно при посещении общественных мест города. Также в ходе бесед со студентами было выяснено, что они общаются только в кругу «своих», тем самым ограничивая свой круг общения своими земляками. Однако практический каждый из опрошенных заявил, что имеет трудности непосредственно в самом процессе обучения, объясняя их трудноусвояемым учебным материалом и отсутствия контакта с преподавателями. Что касается материального вопроса – здесь ответы были более разнообразны. Но в основном, большая часть из них живет на обеспечении своих родителей или родственников, но, чтобы иметь деньги на дополнительные расходы, многие из студентов подрабатывают на временном месте работы.

Быт и жизнь студентов из Таджикистана мало чем отличается от среднестатистического студента ТГУ. И, подводя итоги, стоит отметить, что за первые полгода их адаптация прошла плавно, и в целом, успешно. Но, стоит отметить, что

процесс непосредственно интеграции проходит у них затруднительно, и самый главный показатель этому – создание своего «социального пузыря», в котором студенты живут и общаются, и выходить, по всей видимости, пока что не собираются. Нежелание и страх студентов расширять свой круг общения путем добавления в него носителей других культур, национальностей, религий и т.д. существенно тормозит их процесс освоения в студенческой среде, и по оценке опрошенного эксперта, есть риск, что они могут так и не ассимилироваться в сообществе, что урезает их спектр возможностей реализации в университетском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тен Ю.П. Культурология и межкультурная коммуникация // Учебник для студентов // Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ЖЕНЩИН ИЗ СЕМЕЙ МИГРАНТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ТОМСКЕ

А.Р. Даутова

Научный руководитель: к.и.н. Н.П. Погодаев

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Данная работа посвящена проблемам социальной адаптации женщин из семей мигрантов из стран Центральной Азии, а также гендерной дифференциации в запросах на помощь и выделяемых проблемах. Современный глобализирующийся мир характеризуется нарастанием потоков миграции. При этом сама миграция может иметь существенное влияние на социально-экономическую ситуацию на новом месте. Эмпирической основой для данной работы стали результаты исследования проблем социальной адаптации, с которыми сталкиваются женщины в городе Томск.

Под социальной адаптацией понимается процесс приспособления населения к иным условиям жизни, в ходе которого вырабатываются новые, наиболее адекватные поведенческие стереотипы, формируется фактически новый образ жизни.

В рамках магистерской диссертации на тему «Адаптация и интеграция женщин из семей мигрантов из Центральной Азии в г. Томск», отдельное внимание заслуживает вопрос, касаемо проблем, с которыми женщины сталкиваются в первые месяцы пребывания в Томск.

В своей работе, я уделяю внимание всем социально-демографическим аспектам, которые оказывают влияние на женщин и их семейный уклад. Особенности устройства семьи на родине, сфера хозяйства и труда, воспитание детей и взаимоотношения с членами семьи, приоритеты и цели в желаемом будущем, взаимодействие с различными социальными институтами и диаспорами.

ОТНОШЕНИЕ К ДИСТАНЦИОННОМУ ОБУЧЕНИЮ КАК КЛАССОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

А.З. Диканов

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Е.В. Сухушина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

При анализе системы образования как социального института мы увидим, что образование представляет собой структуру учебных заведений различных уровней, осуществляющих свою деятельность по принципу общедоступности, равенства и качества.

Данная система стремится к обеспечению универсального подхода преподавателей к ученикам и предоставление им единого учебного материала, а также равных условий обучения. При этом очевидно, что качество и уровень образованности, грамотности и эрудированности у обучающихся из одного учебного коллектива может в значительной степени различаться.

Например, в то время, как одни обучающиеся воспринимают всю необходимую информацию и умеют ей распоряжаться, другие испытывают трудности в процессе образования, имеют низкую успеваемость и другие негативные последствия. В результате этого происходит процесс сегрегации в образовательной среде по уровню качества знаний и вовлеченности в образовательные процессы.

Это в определенной степени связано с индивидуальными особенностями обучающихся, которые в свою очередь связаны с воспитанием и социальным классом семьи. Так как социальный класс выступает одним из важнейших аспектов жизни, включающий в себя тип производства, в котором задействованы члены семьи, и многие другие характеристики человека: материальное состояние, поведение, образ мышления, характер воспитания [1] и т.д. И отношение к образованию также не является исключением, напротив, этот аспект стоит в ряду важных характеристик, определяющих будущее человека, сферы его интересов и деятельности [3].

Таким образом, образование является средством передачи социального опыта будущим поколениям и классового воспроизводства, а также средством развития личности [2].

Особенно интересным в данном контексте является отношение к дистанционному обучению, которое имеет ряд, как положительных, так и отрицательных сторон. Также данная форма обучения по сей день является противоречивым нововведением, идущим в разрез традиционному обучению, с точки зрения родительского сообщества [4].

Главной проблемой исследования стоит вопрос, является ли отношение к дистанционному обучению классовой характеристикой? На примере дистанционного обучения у нас возникает возможность более детально изучить отношение, позицию и аргументацию представителей разных социальных классов, выявить на основе этого определенные закономерности и ответить на ранее сформулированный вопрос.

Таким образом, в основе данного научного исследования по изучаемой теме лежит ряд гипотез, но основная заключается в том, что у представителей разных социальных классов отношение к дистанционному обучению будет отличаться, так как родители разных социальных классов имеют отличные и даже полярные

друг от друга картины мира и позиции (активная/пассивная) по отношению к образованию их детей, связанных с их классовой принадлежностью.

Исследование проводилось в формате полустандартизированных интервью с родителями-представителями разных социальных классов в возрасте 35-45 лет. На начальных этапах было проведено 4 интервью из запланированных 12. На их основании мы можем говорить о некоторых интересных предварительных выводах.

Независимо от социальной принадлежности родителя отношение к дистанционному обучению выражается как крайне негативное. Основными негативными аспектами выделяются: низкий контроль преподавателя, более низкое качество знаний, отсутствие коммуникации и контактов, как с преподавателем, так и с одноклассниками, меньшая вовлеченность, проблемы этического содержания, неуважение к преподавателю, неумение высказывать свое мнение.

Однако нами была выявлена такая характеристика социального класса, как позиция родителя к обучению своего ребенка. Представители среднего социального класса занимают активную позицию, всячески интересуясь процессом обучения своего ребенка, они стараются определять его на дополнительные курсы, секции и занятия. В то время, как представители более низкого социального уровня занимают пассивную позицию, они считают, что их дети умны и в дополнительных курсах не нуждаются, а также то, что они сами должны решать нужны ли им дополнительные знания или нет.

Аналогичные позиции прослеживались и в период дистанционного обучения. Представители среднего и высшего классов старались находить дополнительную интеллектуальную занятость для своих детей, показывая тем самым свою активную позицию, когда представители более низкого социального уровня не желали что-либо предпринимать, предоставляя своим детям возможность самостоятельно решать или не решать этот вопрос

Также за представителями более низкого социального уровня было отмечено перекладывание ответственности за воспитание и обучение их детей на школу, в том числе и за отношение и интерес к обучению. По их мнению, заинтересованное отношение ребенка к собственному обучению в большей степени зависит от преподавателя, нежели от семьи и того, какие установки она в него вложит.

В итоге можно отметить, что несмотря на одинаково негативное отношение представителей разных социальных классов к дистанционному обучению их детей, прослеживаются ряд характеристик, присущих тому или иному классу, говорящих об определенных закономерностях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Козлова Л.В.* «Высший класс»: интерпретация понятия в Западной классической социологии // Теория и практика общественного развития. 2015. № 7. С. 47–49.
2. *Краевский В.В.* Общие основы педагогики. М.: Изд. центр «Академия», 2006. 512 с.
3. *Кусимова Т.Б.* Образование и социальное неравенство // Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 3. С. 142–149.

4. *Новый учебный год: нововведения и предложения для совершенствования системы образования.* Электронный ресурс. URL: <https://www.garant.ru/article/1477128/> (дата обращения: 27.03.2022).

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

М.А. Касперский

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Е.В. Сухушина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Тема возможности гендерного равенства активно дискутируется еще с начала XX века и признана Организацией Объединенных Наций как глобальная. По данным ряда исследований, включая исследование «Global Gender Gap Report» ВЭФ, индекс гендерного неравенства в 2021 году составил 68%, в то время как на закрытие остальных 32% человечеству потребуются 135.6 лет. Данная работа выступает как своего рода «обзор» различных подходов к определению гендерного равенства в прошлом и на данный момент, дабы сформировать четкое представление о том, как видели решение проблемы в разные периоды феминистской теории и сейчас.

Проблема довольно хорошо научно разработана – наиболее важным текстом из библиографии я считаю работу И.Н. Тартаковской «Гендерная социология», предоставившую весьма компактный источник материалов по истории и подходам к феминистской теории. Наиболее важными для меня были текст Симоны де Бовуар «Второй пол», установивший идею различия двух полов, необходимую для формирования феминизма второй волны, и, как следствие, одного из его современных движений, «Гендерная психология» Шон Меган Берн, описывающая причины гендерного давления в обществе, и, как мне кажется, весьма интересной работы Джудит Батлер «Гендерная паника», в рамках которой само понятие гендера рассматривается с постмодернистской точки зрения как артикуляция повторяемых перформансов, социальный конструкт, неспособный существовать вне возникновения соответствующего дискурса.

Основной целью работы является обзор существующих с момента начала борьбы за гендерное равенство теорий с целью в конечном итоге рассмотрения современных подходов к определению гендерного равенства – радикального и либерального.

Основные тезисы

Гендер является совокупностью социальных установок, определяющих «мужское» и «женское» в соответствии с общественными нормами.

Исторически сложилось, что в ходе разделения труда баланс власти между полами перевесился в пользу маскулинного, мужского элемента, сформировав таким образом патриархальную власть.

Движение за гендерное равенство является ответом на парадокс существования иррационального распределения власти (доминирующая позиция мужчин при патриархате) в период рационализации мышления и универсализации гражданских прав.

Основной базой патриархата в условиях индустриального и постиндустриального общества является контроль над рабочей силой и культурой женского.

Гендерное равенство на юридическом уровне, за которое выступал феминизм первой волны, однако, не является равенством абсолютным – настоящая причина неравенства кроется в социуме.

Феминизм второй волны является наиболее важной ступенью развития феминизма, верно указав, что менее «глобальные» проблемы власти и политики являются причинами неравенства в обществе не менее серьезными («Personal is political»), однако, является довольно односторонней теорией, принимая во внимание только проблемы белых женщин среднего класса.

Третья волна феминизма рассматривает гендер с точки зрения социального конструкта, не имеющего биологического и психологического базиса и формирующегося в рамках определенных властных дискурсов, регулируемых «агентами власти», в отличие от более эссенциалистской теории феминизма второй волны.

На данный момент феминизм делится на два течения – радикальное и либеральное, являющиеся непосредственными наследниками идей феминизма второй волны.

Либеральный феминизм видит причину гендерного неравенства как набор воспитательных и правовых ограничений, и, как следствие, стремится бороться за равноправие в гендерной сфере с помощью своей политической и правовой программы, действуя в рамках уже установленной власти.

Радикальный феминизм видит современное общество как основную причину гендерного неравенства, считая, что, вписываясь в уже существующую политическую и правовую системы женщина все еще подчиняется власти патриархата, и что настоящее гендерное равенство достижимо лишь путем уничтожения патриархального уклада.

Вывод

Таким образом, гендер человека диктуется ему властными структурами на социальном уровне. На данный момент властным элементом в обществе считается так называемый «патриархат», подразумевающий власть мужчин. Достижение гендерного равенства разные течения, борющиеся за него, видят по-разному – радикальный феминизм стремится к уничтожению патриархата, в то время как либеральный стремится достичь равенства путем политических программ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Берн Ш.М.* Гендерная психология. «Олма-Пресс Инвест», 2004
2. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
3. *Тартаковская И.Н.* Гендерная социология. М.: ООО «Вариант» при участии ООО «Невский Простор», 2005.
4. *Butler J.* Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity. N.-Y.: Routledge, 1990.
5. *Wollstonecraft M.* The Complete Works of Mary Wollstonecraft. Ed. Janet Todd and Marilyn Butler. 7 vols. London: William Pickering, 1989.

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ «ПУШКИНСКАЯ КАРТА» В Г. ТОМСКЕ

А.Р. Крохта

Научный руководитель: ст. преп. Е.А. Аверина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Государственная социальная политика в различных странах, особенно в современных социально-экономических реалиях, играет наиважнейшую роль в жизни общества. Выбранный вектор, стратегия и доктрина социальной политики оказывают влияние не только на архитектуру самой системы социального обеспечения, но и влияют на различные аспекты жизнедеятельности всего общества, социальных групп и отдельных людей.

В России выбранный путь развития социальной сферы отражен в программе стратегических инициатив до 2030 года [5]. В данном документе раскрываются планы по стратегическому развитию, различных сфер. Одним из пунктов программы является введение «Пушкинской карты» - фиксированного дебетового счета, предназначенного для посещения культурных мероприятий гражданами Российской Федерации в возрасте от 14 до 22 лет и состоящего, на сегодняшний день из 5 000 рублей и пополняемого ежегодно до того момента, пока держателю карты не исполнится 23 года [2].

Однако уровень востребованности и актуальности данной социально – культурной программы в г. Томске остается под вопросом. Во-первых, ввиду менее развитой, в сравнении со столичными городами, культурной инфраструктурой, а во-вторых, из-за социокультурной специфики региона – превалирования в томской культурной среде самоорганизаций (самостоятельной организации культурных событий, объектов, институций, не носящих коммерческий характер, содержащихся на личные средства организаторов и участников, опирающихся на их инициативу).

Томск – город самобытного искусства, представленного через призму феномена самоорганизованной культуры. В среде томской молодежи самоорганизованные площадки пользуются огромной популярностью, в отличие, к примеру, от институциональных учреждений культуры. Томскую социокультурную среду можно охарактеризовать как самоорганизованную с превалирующим количеством неинституциональных и контркультурных площадок.

Согласно результатам, проведенного автором в форме серии интервью в 2021 году исследования следует отметить, что культурная специфика томской молодежи заключается в самостоятельной организации неинституциональных площадок для удовлетворения культурных потребностей. При этом, люди, в большинстве своем молодые, крайне редко обращаются к официальным томским культурным институциям – это означает, что крупнейший пласт молодежи предпочтет квартирную выставку или концерт посещению Томского художественного музея или Филармонии.

Внутри культурного пространства города Томска значение социальной программы «Пушкинская карта» не так однозначно, как в городах европейской части России с более развитой культурной инфраструктурой. Согласно данным «2ГИС» [1.], во всем Сибирском федеральном округе, к примеру, насчитывается порядка

232 театральных организаций, из которых 230 находятся в городах юго-западной Сибири и 2 – в северо-восточной.

В европейской части России складывается противоположная ситуация – в одной лишь московской области и близлежащих городах [3] – 395 театральных организаций, в ленинградской [4] – порядка 150, что говорит о намного более развитой культурной инфраструктуре в сравнении не только с отдельными сибирскими городами, но и со всем СФО.

Из сложившейся ситуации следует вывод, что реализация социальной программы «Пушкинская карта» в городе Томске будет иметь ряд трудностей, связанных как с уровнем развития культурной инфраструктуры, так и культурной спецификой молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карта* Сибирского федерального округа // Картографический интернет ресурс 2ГИС. URL: <https://2gis.ru/?m=92.999218%2C55.731188%2F5.36> (дата обращения 05. 01. 2022).
2. *Номинал* «Пушкинской карты увеличили до 5 тыс. рублей // ТАСС – новостной портал URL: <https://tass.ru/kultura/13342781> (дата обращения 05. 01. 2022).
3. *Театральные* организации Москвы и области // Картографический интернет – ресурс 2ГИС URL: <https://2gis.ru/search/%D0%A2%D0%B5%D0%B0%D1%82%D1%80%D1%8B/rubricId/199?m=38.432265%2C55.454602%2F7.84> (дата обращения 05. 01. 2022.).
4. *Театральные* организации Санкт – Петербурга // Картографический интернет – ресурс 2ГИС URL: <https://2gis.ru/spb/search/%D0%A2%D0%B5%D0%B0%D1%82%D1%80%D1%8B/rubricId/199?m=30.621415%2C59.947612%2F9.08> (дата обращения 05. 01. 2022).

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ И КОРРЕКЦИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ СЕЛЬСКИХ И ГОРОДСКИХ ШКОЛ

Е.П. Лежнина

Научный руководитель: к.ф.н. Е.Ю. Быкова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Девиантное поведение среди детей и подростков до восемнадцати лет остается серьезным психологическим, биологическим, педагогическим и социальным вопросом.

Важнейшим этапом развития личности, духовного воспитания и профилактики девиантных черт поведения остается период обучения в школе. Но при этом процесс воспитания и обучения концентрируется в основном на освоении конкретных навыков, а задача нравственного воспитания уходит на последнее место.

Вопросы, касающиеся выявления специфики формирования девиантного поведения, а также поиска путей его коррекции и создания единой системы воспитательной деятельности, являются сегодня актуальными как никогда ранее. Огромное значение имеют и исследования комплекса причин, побуждающих мотивов, обстоятельств, действий различных социальных групп, которые составляют разные механизмы их поведения, не соответствующего общественным нормам. Другим важным фактором является формирование устремлений и целей подростка. Необходимо помогать личности в выборе конкретных ценностей, которые должны быть связаны, в том числе и с будущей профессиональной ориентацией. [1]

Если говорить о роли места проживания в профилактической работе с подростками с девиантным поведением, то данный вопрос все еще практически не изучен. Для получения конкретных ответов было решено провести интервью с социальными педагогами сельских и городских учебных заведений.

Цель интервью заключается в выявлении основных методов профилактики и коррекции девиантного поведения подростков городских и сельских школ, состоящих и не состоящих на учете в ПДН (КДН). В рамках исследования также выдвинуто ряд гипотез:

1) Профилактики девиантного поведения подростков в условиях сельских и городских школ имеют ряд отличий.

2) Основной причиной «девиантного поведения» подростков можно считать буллинг в школе.

3) Процент городских подростков, состоящих на внутришкольном учете и учете в ПДН выше, чем процент сельских подростков.

4) По мнению педагогов, индивидуальная профилактическая работа с несовершеннолетними влияет на профилактику их девиантного поведения.

Исследование проводилось в виде полуструктуризованного интервью. В выборку вошли 10 социальных педагогов, 5 – из городских школ и 5 – из сельских школ. Вследствие анализа результатов исследования подтвердилось 2 из 4 гипотез.

Так, социальные педагоги городских школ делают акцент на первичную профилактику, которая напрямую направлена на установление обстоятельств, отрицательно влияющих на формирование личности. К первичной профилактике

педагоги относят мероприятия, которые направлены на вовлечение учеников в творческую и спортивную деятельность, а также на личные беседы с подростками «группы риска», которые еще не проявили себя как девиантные. Сельские же педагоги делают акцент на вторичную профилактику, и проводят профилактическую работу в основном с несовершеннолетними, которые уже совершили конкретные правонарушения, но не поставлены на учет. Именно поэтому можно сделать вывод, что первая гипотеза подтвердилась, так как профилактика девиантного поведения подростков в условиях сельских и городских школ имеют ряд отличий.

Вторая гипотеза не подтвердилась: в 8 из 10 интервью, социальные педагоги, выделили основной причиной «девиантного поведения» подростков неблагополучные и социально-дезорентированные семьи, которые имеют низкий социально-экономический статус или склонность к поведению, которое нарушает социальные или культурные нормы (употребление наркотиков и алкоголя, физическое и морально-нравственное насилие). И всего 20% социальных педагогов назвали основной причиной «девиантного поведения» подростков проблемы в школе.

Исследование также показало, что процент городских подростков, состоящих на внутришкольном учете и учете в ПДН ниже (на 6269 учащихся – 13 школьников состоят на учете в ПДН; 132 школьника – на внутришкольном учете), чем процент сельских подростков (на 1055 учащихся – 11 школьников состоят на учете в ПДН; 76 школьников – на внутришкольном учете, что опровергает третью гипотезу.

В то же время гипотеза о том, что индивидуальная профилактическая работа с несовершеннолетними влияет на профилактику девиантного поведения - подтвердилась. В особенности это отмечают педагоги городских школ, говоря о том, что чаще всего они занимаются с подростками «группы риска» индивидуально, что способствует их раскрытию личностных качеств, и направлению их в положительное русло.

На основании анализа особенностей профилактики и коррекции девиантного поведения подростков в условиях сельских и городских школ, а также проведенного исследования можно сделать ряд выводов:

1. Одной из наиболее актуальных причин возникновения «девиантного поведения» является семья, следовательно, коррекция и профилактика этого поведения должна проходить комплексно, как со стороны школы, так и со стороны родителей.

2. Профилактики девиантного поведения подростков в условиях сельских и городских школ имеют ряд отличий, что может быть связано со многими причинами, вот основные из них:

- Недостаток педагогических кадров (4 из 5 сельских социальных педагогов отметили то, что в школе не хватает кадров для полноценной работы с трудными подростками, а два из этих социальных педагогов, вообще занимают другую должность, и просто выполняют дополнительные обязанности).
- В городских школах у подростков есть выбор деятельности, чего нет у сельских школьников, вследствие чего, эти подростки формируются в группировки: катаются на машинах и мотоциклах, распивают спиртные напитки

прямо на улице и часто совершают правонарушения. Следовательно, и профилактика поведения таких подростков отличается от профилактики в городских школах.

3. Социальные педагоги городских школ делают акцент на вовлечение в творческую и спортивную деятельность подростков «группы риска» во избежание правонарушений и постановки на учет, в свою очередь, сельские социальные педагоги уже работают с теми, кто был замечен в хулиганстве и мелких правонарушениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воспитание* трудного ребенка: дети с девиантным поведением: учеб.-мет. пособие / под ред. М. И. Рожкова. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 120 с.

ОБРАЗ МАТЕРИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

Мариненко Екатерина Сергеевна

Научный руководитель: ст. преп. Е.А. Аверина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Образ женщины, которая дарует жизнь человечеству, с глубокой древности занимал важное место в изобразительном искусстве. Он запечатлен в изображениях Мадонны и Богоматери, встречающихся с древнейших времен до наших дней. Облик женщины стал основой разнообразных символических изображений, которые олицетворяют науку, искусство, политику, природу.

Особенности формирования образа матери детерминированы конкретным культурно-историческим контекстом, внедрением определенных общественно-политических и социокультурных процессов, а также характером принятия в мировоззрении индивида ценности материнства. В следствии этого образ матери может приобретать неоднородное смысловое наполнение, при выраженном признании материнства как высшего предназначения женщины. Важность образа матери для каждого человека и общества в целом, большое количество его культурных и индивидуальных вариантов позволяют говорить о нем как о категории, которая заслуживает исследовательского внимания и претендует на изучение как самостоятельной проблемы. Тематика материнства, безусловно, присутствует в социальной рекламе постсоветской России.

Автором были проанализированы 37 вариантов аудиовизуальной и печатной социальной рекламы, созданной в период с 2000 года до настоящего времени.

Социальная реклама современной России, в которой есть образ женщины-матери, отличается большим разнообразием тематик. Двумя самыми популярными направлениями в социальной рекламе, где присутствует образ женщины-матери, оказались «поддержка материнства» и «против аборта». Менее популярным оказалось направление – «профилактика жестокого обращения с детьми».

В ходе работы средства репрезентации были распределены в следующие группы: демография (повышением рождаемости); профилактика аборт, социального сиротства; направленность на поддержку, благодарность и позитивное отношение к материнству; социальная реклама, поднимающая проблему жестокости (как в отношении к детям, так и в отношении других членов семьи), родительской ответственности, вредных привычек.

Рассмотрим первую группу. Чаще всего, образ матери показан через счастливую женщину, которая окружена любящей семьей и детьми (в основном это три ребенка или больше). Социальная реклама «Семья – это здорово!» использует иносказательный образ – сравнивает маму с матрешкой. В аудиовизуальной рекламе «Рожать или не рожать» [3] образ матери противопоставлен первому и представлен через женщину, которая ставит карьеру и развлечения на первое место.

Вторая группа включает в себя примеры социальной рекламы, связанные с отказом от детей как до их рождения, так и после. В этой категории показаны два противоположных образа: счастливая мама, которая не сделала аборт (женщины улыбаются, выглядят здоровыми и не жалеют о своем выборе); и мама, которая испытывает страх, что не справится, или слишком молода для рождения ребенка. В эту группу входит и социальная реклама, где присутствует тема профилактики

социального сиротства. В этой категории два примера материнства: негативный иносказательный, т. е. вместо живого человека – абстракция (мама выкидывает малыша в урну) и противоположный первому – красивая женщина, которая желает усыновить девочку.

Третья группа объединяет в себе поддержку мамам, благодарность и позитивное отношение к материнству. Частый образ в рамках этого направления – счастливая и улыбающаяся мама, которая окружена детьми. Она ухожена, здорова и нет ни намека на усталость или какие-то проблемы. В качестве примера аудиовизуальная социальная реклама «Спасибо, мама!» [4]. Но, также есть и противоположный образ – усталая, измотанная, с проблемами женщина-мать, которая нуждается в поддержке не только общества, но и государства. В третьей группе встречается иносказательный образ матери – фигурка или сравнение с чем-то. В качестве примера реклама «Уступите место тому, кто несет кое-что более важное». На ней изображен сидячий человечек, внутри которого находится съеденная курица. Рядом стоит фигурка мамы, внутри которой ребенок. Главная мысль работы: поддержка матери в трудной ситуации.

Последняя группа - социальная реклама, поднимающая проблему жестокости (как в отношении к детям, так и в отношении других членов семьи), родительской ответственности, вредных привычек. В основном, часто встречающийся женский образ материнства – мама в позиции жертвы (как в социальной рекламе «Захотела бы – ушла?»), которая иллюстрирует проблему насилия в семье). Часто встречается образ безответственной матери, которая не заботится о своем будущем ребенке или не уделяет внимание уже родившемуся. Это в основном негативно окрашенные образы женщин, уставшие, злые или больные. Также, в это направление включается образ мамы, которая не заботится о своем здоровье.

Таким образом, в социальной рекламе современной России транслируются следующие образы женщины-матери:

1. Иносказательный образ. Связан с заменой живого человека на неживой объект, с которым сравнивают главного героя в каких-то характеристиках.

2. Безответственность женщины-матери в плане воспитания, образа жизни во время беременности. Они показаны злыми, уставшими, некрасивыми, больными или одинокими.

3. Образ матери с позиции жертвы – главным является испуг, следы побоев, не ухоженность.

4. Счастливая мама. Такой образ включает в себя радость, улыбку, женственность, здоровье. Нет намека на усталость или разочарование.

5. Многодетная мама.

Самый часто встречающийся образ – собирательный: перед нами предстает более женственная и ухоженная женщина, окруженная детьми (троем и более). В основном, это счастливая мама, которая не устает от детей или работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кириллова Н. Б. Медиасреда российской модернизации. М.: Академический проспект, 2005. 400 с.

2. *Николайшвили* Г. Социальная реклама: Теория и практика: уч. Пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2008. 16 с.
3. «Рожать или не рожать» / Аудиовизуальная социальная реклама. Электронный ресурс. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YvdS1XZOj9k> (дата обращения: 14.04.2022)
4. «Спасибо, мама!» / Аудиовизуальная социальная реклама. Электронный ресурс. URL: https://www.youtube.com/watch?v=6uo7_cP_UJs (дата обращения: 12.04.2022)
5. *Федорова* М.Г. Феномен аудиовизуальной социальной рекламы в России 1990-х годов // Человек в мире культуры. 2017. №2-3.

**ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ
УНИВЕРСАЛЬНОГО ДИЗАЙНА
(НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА
ГОРОДА ТОМСКА)**

Р. В. Маттер

Научный руководитель: к.ф.н. А. В. Голдовская

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В Российской Федерации все чаще ведутся дискуссии среди экспертов в области доступной среды о практическом воплощении концепции универсального дизайна в городскую инфраструктуру. Обращение исследователей к универсальному дизайну объясняется практичностью и инклюзивностью элементов, на которых базируется данная концепция, поскольку субъектами выступают не только люди с инвалидностью и маломобильные граждане (далее МГН) как, например, при организации безбарьерной среды, но и более широкий круг лиц. Особенностью универсального дизайна является стремление создать пространство, доступное и удобное для всех, а ограничения разделяют условно на три категории: постоянные (люди с инвалидностью); временные (человек с травмой); ситуативные (мама с ребенком на руках). Конвенция ООН о правах инвалидов определяет универсальный дизайн следующим образом: «<...> дизайн предметов, обстановок, программ и услуг, призванный сделать их в максимально возможной степени пригодными к пользованию для всех людей без необходимости адаптации или специального дизайна» [1].

На примере г. Томска на предмет доступности для маломобильных групп населения был рассмотрен общественный транспорт как вариант организации универсального дизайна. В ходе исследования были рассмотрены: входная группа, пути движения, средства информации на примере автобусов, осуществляющих следование по 32 маршруту, троллейбусов 3 маршрута и трамваев 4 маршрута.

Всего на 2021 год в Томске из 425 автобусов – 30 % низкопольных доступных для МГН [2]. К 2024 году планируется ввести в эксплуатацию не менее 50% от нынешнего показателя. Низкопольные автобусы 32 маршрута с внешней стороны не имеет каких-либо обозначающих знаков, информирующих о доступности для МГН. Во входной группе задней двери отсутствуют ступени, что позволяет беспрепятственно попасть в автобус, также водитель с помощью автоматической пневмоподвески может опустить автобус на уровень тротуара. Для маломобильных граждан в задней части автобуса отведена дополнительная площадка с обозначающим знаком для людей с ОВЗ, в которой можно свободно маневрировать на инвалидном кресле. Данное пространство снабжено: поручнями, закрепленными на доступной высоте удобной, как ребенку, так и взрослому человеку; двумя кнопками, подающими сигнал водителю о предстоящем выходе человека на остановке. Автобус снабжен звуковым сопровождением с указанием остановок и дублированием их бегущей строкой на экране.

Однако в автобусах 32 маршрута отсутствуют кондукторы, в связи с чем некоторые категории МГН могут столкнуться с трудностью самостоятельной оплаты проезда, так как дополнительный терминал оплаты на поручне не закреплен. Для оплаты проезда необходимо подняться с площадки на уровень выше и

пройти между узко зафиксированных сидений. Но зачастую сложности возникают еще до вхождения в автобус, связано это с тем, что водители не умеют обращаться с оборудованием, которое позволило бы попасть в автобус маломобильному человеку. Также в некоторых автобусах таблички со шрифтом Брайля являются заламинированными или распечатанными на обычном принтере.

В троллейбусах 3 маршрута с внешней стороны наклеян обозначающий знак доступности транспорта для инвалидов-колясочников. Во входной группе средней и задней двери отсутствуют ступени, но для того, чтобы, например, человек на инвалидном кресле смог попасть в него, необходимо дополнительно зафиксировать рампу, поскольку входная группа выше, чем бордюр. Пути движения между сидениями достаточно узкие. Напротив средней двери расположена дополнительная просторная площадка, оборудованная поручнями, однако поручни закреплены на уровне среднестатистического человека. В конце троллейбуса также есть дополнительная, но более узкая площадка, оборудованная поручнями. Внутри троллейбуса закреплен монитор для дублирования остановок, но, как правило, он находится в выключенном состоянии, оповещает только звуковое сопровождение. Троллейбусы 3 маршрута в пассажирской части не имеет каких-либо маркеров, информирующих о доступности для МГН. По мнению Е. В. Бурмистрова, эксперта по доступной среде, в Томске троллейбусы являются самым удобным и доступным видом транспорта.

В трамваях 4 маршрута с внешней стороны отсутствуют какие-либо указатели о наличии доступности для МГН. Во всех входных группах имеются ступени, без дополнительного устройства некоторые категории МГН не смогут воспользоваться услугой данного транспорта. Между второй и третьей дверью, находится просторная площадка с закрепленными поручнями на двух уровнях, также дополнительная площадка находится за входной группой третьей двери. Пути движения между сидениями просторное, тем самым не будут созданы препятствия для передвижения. Входная группа трамваев 4 маршрута расположена достаточно высоко от уровня земли, так, например, в первую дверь будет достаточно тяжело подняться даже человеку, не имеющему каких-либо физических ограничений.

Из трех исследуемых маршрутов в г. Томске только низкопольные автобусы 32 маршрута и троллейбусы 3 маршрута в целом отвечают требованиям доступной среды и являются вариантом организации универсального дизайна, так как предполагают доступность и удобство для всех людей, хоть и с некоторыми ограничениями, в трамваях 4 маршрута имеются существенные ограничения, только отдельные категории МГН смогут воспользоваться услугой, но также могут возникнуть сложности у людей без ограничений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция о правах инвалидов. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 04.04.2022).
2. За год в Томске число низкопольных автобусов увеличилось до 141. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.admin.tomsk.ru/db3/docs/2021011309> (дата обращения: 12.04.2022).

ПРОБЛЕМА БУЛЛИНГА В ВОСПРИЯТИИ

ТОМСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

А.Е. Орлова

Научный руководитель: к.ф.н. Е.Ю. Быкова
*Томский государственный университет систем
управления и радиоэлектроники*

В школьном возрасте у многих школьников возникают проблемы и трудности. Большинство из них находятся в тщательном изучении, но в ряду разнообразных проблем, должное внимание получил буллинг – постоянная травля, террор любого вида. Подростковый возраст сам по себе является достаточно конфликтным, но подростковый буллинг – это не обычная ссора [3].

Буллинг (от английского bullying – «запугивание», «издевательство», «травля») - это постоянное унижение. Причины подросткового буллинга связаны с жизнью всего нашего общества. «Неблагополучные» семьи, окружение, в котором пребывает подросток, общение в школе, СМИ. Эти причины являются основными в формировании подростковой жестокости.

Все это обуславливает рост насилия в школе между детьми. Практически в каждом классе есть ученики, которые становятся объектами открытых издевательств и насмешек [1].

В буллинге существует ряд проблем, одна из них – чувство безнаказанности у агрессоров. Это чувство носит социально-опасный характер, поскольку агрессор делает все, чтобы возникла блокировка обратной связи от «жертвы».

Имеется проблема последствий буллинга, которая складывается у «жертвы». Последствия могут нести, не только физический, но и психологический характер [2].

Данный вопрос рассматривается многочисленными авторами. В частности, Бочавер А.А, Хломов К.Д. рассказали о мировых достижениях в области изучения школьной травли (буллинга). А также рассказали о социальном контексте, порождающим травлю. Авторы статьи показали необходимость разработки технологий изучения и профилактики буллинга в России.

В ТУСУР в рамках учебного процесса студентами было проведено социологическое исследование, на тему «Отношение школьников г. Томска к проблеме буллинга».

В качестве метода исследования было использовано анкетирование, в ходе которого были опрошены 107 учащихся одной из школ г.Томска в возрасте от 13 до 17 лет, из которых – 36% мужского пола и 64% женского.

Согласно полученным результатам, практически половина опрошенных согласны оправдать безнравственные поступки школьников незрелым возрастом или незнанием норм морали. Также, в ходе данного исследования школьником необходимо было написать ассоциации на слово «буллинг». В основном, респонденты указали такие слова, как «травля», «унижения», «оскорбления». Это демонстрирует осведомленность школьников о проблеме буллинга.

Стоит отметить, что подавляющее большинство опрошенных считают, что в их школе имеются случаи буллинга (часто – 27%, редко – 49%), при этом в образовательном учреждении, по мнению учащихся, более распространены вербальные и психологические виды травли. Физическая агрессия присутствует, но в меньшей степени.

По результатам проведенного исследования можно прийти к выводу о том, что около половины опрошенных школьников испытывали оскорбления и унижения со стороны одноклассников, жертвой систематической травли себя признали 26% респондентов. Можно отметить, что жертв больше, чем агрессоров, но также есть сторонники и защитники, процент которых выше, чем количество агрессоров и жертв.

Хотелось бы подчеркнуть, что независимо от состава семьи и материального положения, агрессором или жертвой может быть абсолютно любой человек.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что буллинга достаточно распространенное явление в школе, принявшей участие в исследовании. При этом при попадании в ситуацию буллинга, большинство из опрошенных попытается решить данную проблему самостоятельно, не прибегая к помощи других.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бочавер А. А., Хломов К. Д.* Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 149–159.
2. *Глазман О. Л.* Психологические особенности участников буллинга // Известия Российско- го государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 105. С. 5–7.
3. *Шалагинова К. С., Куликова Т. И., Залыгаева С. А.* Половозрастные особенности школьников как предикторы риска буллинга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. С. 126–138.

АНАЛИЗ ПОПУЛЯРНОСТИ СКУЛШУТИНГА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ В РОССИИ И МЕРЫ БОРЬБЫ С ТРЕНДОМ

А.А. Пучинкина

Научный руководитель: к.ф.н. Ю.А. Пучкина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В России растет количество таких вооруженных нападений на образовательные учреждения, как скулшутинг. Используя новостные статьи с апреля 2014 по декабрь 2021 года из информационных порталов, автор выделил 16 происшествий с применением холодного оружия и еще 17 с использованием пневматического и огнестрельного оружия.

За первые 2 месяца с начала 2021–2022 учебного года было совершено 3 вооруженных нападения: 20 сентября студент первого курса Пермского государственного национального исследовательского университета открыл стрельбу на территории одного из корпусов вуза. В результате погибло 6 человек, еще 40 пострадало. 18 октября в поселке Сарс (Октябрьский городской округ Пермского края) ученик шестого класса пронес в школу оружие, совершив два выстрела в стену и стеклопластиковую дверь. Осколками разбитого стекла был ранен 11-летний школьник. 1 декабря в одной из школ Алтайского района ученик 10 класса принес в школу пистолет и начал стрелять, в результате попал в голову ученика 8 класса, мальчик был госпитализирован [1-2].

Безусловно, в данной теме скулшутинга нужно тщательно подобрать инструментарий исследования при всем многообразии существующих методов. Например, мнения детей и подростков можно было бы изучить при помощи фокус-групп и интервью с подростками, если бы не одно очень важное ограничение – актуализация этой темы для подростков может быть рискованной. Другими словами, исследовательская цель вступает в некое противоречие с социально-педагогической целесообразностью.

Те же самые риски просматриваются и при использовании метода анкетирования подростков, причем здесь риски наиболее серьезны, так как за анкетой нет ведущего или модератора, который мог бы корректировать ход мыслей информантов в конце фокус-группы, влиять на их мнение и добавить таким образом профилактических эффектов от встречи.

Использование вышеперечисленного инструментария исследования кажется сложным и рискованным для изучения феномена скулшутинга. Поэтому предлагается изучать «колумбайн-субкультуру» с помощью контент-анализа.

Было проведено исследование на основе эмпирического материала, опубликованного в сети Интернет за 2021 год. В выборку вошли 17 видеоматериалов с тематикой скулшутинга из социальных сетей «TikTok» и «Telegram» и 40 комментариев к видео из сети «TikTok».

Перед анализом контента были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Контент о скулшутинге и «Колумбайне» более распространен в «TikTok» и «Telegram», чем в других соц. сетях;
2. Большая часть контента и комментариев направлена на положительную оценку действий колумбайнеров.

Исследование видеоматериалов и комментариев показало следующий результат:

1. Видеоматериалы, направленные на положительную оценку действий «колумбайнеров» - 11:
 - Романтизация образов скулшутеров – 11;
 - Демонстрация скулшутеров с «хорошей» стороны / со стороны «жертвы» – 1;
 - Лайки – 2172.
2. Видеоматериалы, направленные на отрицательную оценку действий «колумбайнеров» – 6:
 - Осуждение скулшутеров – 6;
 - Призыв к ценности чужой жизни – 5;
 - Лайки – 245 729.
3. Комментарии, направленные на положительную оценку действий «колумбайнеров» - 25;
 - Романтизация образов скулшутеров – 25;
 - Демонстрация скулшутеров с положительной стороны / со стороны «жертвы» – 4;
 - Лайки – 168.
4. Комментарии, направленные на отрицательную оценку действий «колумбайнеров» – 15:
 - Осуждение скулшутеров – 15;
 - Призыв к ценности чужой жизни – 13;
 - Лайки – 2472.

В результате анализа контента были сформулированы следующие выводы:

1. «TikTok» и «Telegram» действительно оказались хорошими площадками для пропаганды скулшутинга и «колумбайна», т.к. слабо контролируются правоохранительными органами, в отличие от «ВКонтакте», где не было найдено ни одного сообщества о скулшутинге или «колумбайн-движении», потому что подозрительные группы заблокированы. Однако в «TikTok» и «Telegram» материалы с данной тематикой доступны и открыты всем пользователям;

2. Как и предполагалось, большинство видеоматериалов содержало романтизацию образов Дилана Клиболда и Эрика Хариса (из 17 материалов 11 оказались с положительной оценкой). Такая же ситуация сложилась и с комментариями (25 комментариев направлены на положительную оценку и 15 на отрицательную). Однако, судя по лайкам, видно, что зрители больше оценивают видеоматериалы и комментарии, направленные на негативную оценку действий скулшутеров (245 729 лайков под видео с отрицательной оценкой действий скулшутеров и 2 172 лайка под видео с положительной оценкой, 2 472 лайка комментариев, поддерживающих негативное отношение к «колумбайнерам» и 168 лайков комментариев, поддерживающих положительное отношение).

Таким образом, феномен скулшутинга действительно актуален на сегодняшний день и требует скрупулезного изучения. Однако для этого подходят не все исследовательские методы, поэтому важен не только правильный дизайн исследования, но и его педагогическое обоснование. Метод контент-анализа продемонстрировал высокий интерес к колумбайн-тематике среди молодежи, а также показал недостаточную способность системы профилактики и правоохранительной деятельности к управлению колумбайн-контентом в сети Интернет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нападения* в школах. ХРОНИКА 24 апреля 2019 года – 04 сентября 2020 года. Интерфакс, информационная группа. [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.interfax.ru/chronicle/naradeniya-v-shkolah.html](https://www.interfax.ru/chronicle/naradeniya-v-shkolah.html) (дата обращения: 13.04.2022).
2. *Хронология* случаев стрельбы в российских учебных заведениях. ТАСС, информационное агентство. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/12452757> (дата обращения: 13.04.2022).

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О ДОМАШНЕМ НАСИЛИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

У.П. Строганова

Научный руководитель: к.ф.н. К.М. Южанинов

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В настоящее время особую актуальность приобретает проблема домашнего насилия как одна из проблем, с которой может столкнуться семья, в процессе взаимодействия ее членов. Под понятием «домашнее насилие» принято понимать, повторяющийся цикл физических, словесных, сексуальных, эмоциональных и экономических действий по отношению к близким, которые совершаются против их воли с целью обретения власти и контроля.

В научной среде выделяется два блока причин проявления семейного насилия: Во-первых, это внешние причины, характеризующиеся воздействием на агрессора и жертву различных социальных, экономических, политических, культурных факторов. Во-вторых, внутренние причины, к которым относятся психологические особенности объектов и субъектов насилия.

Наиболее часто встречающаяся классификация форм домашнего насилия, это его разделение на: физическое, сексуальное, психологическое и экономическое.

Последствия семейно-бытового насилия выделяются как для жертвы и агрессора, так и для общества в целом. Например, физические, как наиболее частые последствия домашнего насилия; психологические, к которым относятся ощущение предательства, чувство бессилия и страх противоположного пола; а также убеждение общественности, что домашнее насилие – это преступление без наказания.

Несмотря на актуальность проблемы, исследований, изучающих данный феномен немного - данные обстоятельства дают основания осуществить исследование особенности репрезентации информации о домашнем насилии в сети Интернет. Проблема в работе поставлена следующим образом: как в сети Интернет отражена проблема домашнего насилия. Цель заключается в выявлении особенностей репрезентации информации о домашнем насилии в сети Интернет. В рамках исследования также выдвинуто ряд гипотез:

1. Под насилием у общественности понимается чаще физическое насилие, чем психологическое, экономическое и др.

2. В большинстве случаев проявления домашнего насилия, жертвами становятся женщины.

3. Причинами проявления домашнего насилия чаще выступают социальные факты, например, принадлежность к маргинальным группам; наркомания, алкоголизм, игромания.

4. Домашнее насилие – преступление без наказания: агрессоры зачастую не несут ответственность за свои действия.

Исследование проводилось на основе эмпирического материала, опубликованного в сети Интернет за 7 лет. В выборку вошли 28 историй жертв домашнего насилия. Вследствие анализа результатов исследования подтвердилось 3 из 4 гипотез.

Так, частота упоминания маркеров физического насилия численно превосходит другие виды насилия, следовательно, можно утверждать, что под насилием у общественности понимается чаще физическое насилие, чем психологическое, экономическое или сексуальное.

Вторая гипотеза также подтвердилась: в 21 из 28 рассматриваемых историй жертв насилия жертвами являлись женщины, являющиеся женами, дочерьми или сожительницами. Полученные данные подтверждаются официальной статистикой, так, по оценкам специалистов, жертвами рукоприкладства в семье в подавляющем большинстве (до 75% – случаев) становятся женщины, когда речь идет о супружеском насилии, их доля достигает 91%.

Исследование также показало, что причинами проявления домашнего насилия чаще выступают социальные факторы, прямо или косвенно провоцирующие агрессию, что подтверждает третью гипотезу.

В то же время гипотеза о наказуемости применения насилия в семье частично нашла подтверждение в результатах исследования. Так, основываясь на проанализированных историях, только в половине агрессор понес наказание за свои противоправные действия.

На основании анализа феномена «домашнее насилие», а также проведенного исследования можно сделать ряд выводов:

1. Одной из наиболее актуальных проблем межличностных взаимоотношений внутри семьи является домашнее насилие, проявляющееся в форме физического, психологического, сексуального или экономического воздействия.

2. Отражение феномена домашнего насилия в сети Интернет представляет собой массив криминальных статей из новостных источников, историй жертв насилия на сайтах газет и журналов, а также психологических форумах, преимущественно до 2017 года.

3. Наказуемость агрессоров за преступления домашнего насилия является одним из самых острых вопросов проблемы насилия в семьях, в связи с частичной декриминализацией домашнего насилия и изменением законодательства в этой сфере, а также нежеланием жертв обращаться в правоохранительные органы за помощью.

4. Несмотря на мифологизацию социальных причин проявления насилия в семье (алкоголизм, наркомания и т.д.), именно они оказывают наиболее сильное влияние на факты применения насилия в семьях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Исследование*: около 75% пострадавших от насилия в семье – женщины / ТАСС, информационное агентство. Электронный ресурс. URL: https://tass.ru/obshchestvo/7025013?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 04.04.2022).
2. *Клецина И.С.* Гендерный подход в анализе причин проявления насилия в близких отношениях между мужчинами и женщинами / И. С. Клецина, Е. В. Иоффе // *Гендерная психологи.* 2015. № 1. С.4 – 17.
3. *Насилие в семье: учебное пособие* / Р. И. Ерусланова, К. В. Милюхин. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2010. 208 с.
4. *The End to Hitting Women: Islamic Perspective on Domestic Violence* / Imam Abdullah Hasan: MaslimMatters. 2008. 69 p.

КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ И ТАДЖИКСКИХ СТУДЕНТОВ В МАТРИМОНИАЛЬНОЙ СФЕРЕ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОК ПЕРВЫХ КУРСОВ ТГУ)

К.М. Шумаева

Научный руководитель: к.и.н. Н.П. Погодаев

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Ежегодно российские ВУЗы привлекают на обучение большое количество абитуриентов из зарубежных стран, среди которых немало студентов из Средней Азии. В 2019–2020 учебном году общее количество иностранных студентов в российских университетах составило 315 тысяч человек (8% от общего числа студентов). Среди них есть и студенты из Таджикистана, численность которых составляет около 22 тысяч [1].

Поступая в российские университеты, иностранные студенты с одной стороны презентуют культуру своего родного общества, а с другой – постепенно усваивают культуру принимающего социума [2].

Период вхождения в новое общество связан с процессом адаптации и постепенной интеграции. Вполне естественно, что эти процессы не всегда проходят гладко. Иногда возникают сложности с учебой, проблемы во взаимоотношениях с другими студентами, дискомфорт от тех или иных бытовых условий.

Очевидно, что между студентами из разных стран существует определенная культурная дистанция. Рассмотрим данную проблему на примере культурной дистанции в сфере матримониальных отношений между студентками из Таджикистана и их русскими сверстницами.

В качестве методов исследования использовались индивидуальные полуструктурированные интервью с русскими и таджикскими студентками первого курса ТГУ и полувключенное наблюдение.

При проведении интервью основное внимание уделялось таким вопросам, как паттерны отношений с родителями, проблема предпочтений в выборе брачного партнера в данной культуре с точки зрения девушки, мнения девушек по поводу ЭКО и внебрачного рождения детей, вопрос о табуированности дискурса при обсуждении матримониальных отношений, а также жизненные приоритеты девушек в настоящем через проекцию сегодняшнего восприятия мира на будущее.

Полувключенное наблюдение было реализовано в ходе совместной экскурсии по Томску, экскурсии в Музей Томска и обеда в кафе в конце 2021 года. Это наблюдение продолжилось и в дальнейшем, в процессе совместного празднования Навруза в марте 2022 года. Все эти мероприятия позволили обратить внимание на некоторые особенности поведения девушек-таджичек в общественном пространстве.

В докладе делается вывод о том, что девушки-таджички, находясь в едином образовательном и бытовом пространстве с русскими сверстницами, демонстрируют приверженность паттернам своей культуры в сфере матримониальных отношений. Между ними и русскими девушками, безусловно, существует большая культурная дистанция. Интервью позволили вербализовать эту дистанцию, а полувключенное наблюдение позволило увидеть проекцию их культурных паттернов на поведение в повседневных практиках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рекордное* количество иностранных студентов выбрали Россию в 2020 году. Электронный ресурс. URL: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/rekordnoe-kolichestvo-inostrannykh-studentov-vybrali-rossiyu-v-2020-godu/> (дата обращения: 20.01.2022).
2. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // «Вестник МГИМО-Университета». 2012. № 4(25). С. 85–93.

АНАЛИЗ МЕРОПРИЯТИЙ ЦЕНТРА ДОСТПУНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Ю.В. Щетникова

Научный руководитель: к.ф.н. Е.Ю. Быкова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В настоящее время проблемы социальной инклюзии и интеграции лиц с ограниченными возможностями в современное общество приобретают особое значение. Это обусловлено потребностью в развитии принципов равенства и социальной справедливости, формирование которых происходит через участие молодых людей с инвалидностью в многообразных формах и мероприятиях социального и общекультурного направлений.

Данной проблемой занимались многие исследователи, психологи, педагоги, социологи. Большой вклад в рассмотрение практических аспектов социальной инклюзии в образовательном пространстве вуза внесли С.В. Алехина [1], В.И. Зиновьева [2], Э.К. Наберушкина [3].

С целью развития в вузе инклюзивного образования и организации помощи студентам с инвалидностью в преодолении их трудностей на пути получения высшего образования в ТУСУРе с 2011 г. действует «Центр доступности образования (ЦеДО)».

Одной из форм проявления социально-инклюзивной работы в ЦеДО являются мероприятия, проводимые проектной группой ИСР-1901, а именно кинолектории, встреча «Добро пожаловать в ЦеДО» и викторина, приуроченная к Декаде инвалидов. Цель данных мероприятий заключается в активном взаимодействии друг с другом, развитии навыков коммуникации, расширении знаний в области инклюзии и инклюзивного образования.

Одним из главных мероприятий, которому всегда придавали огромное значение, является проведение встречи «Добро пожаловать в ЦеДО!». Оно является стартовым в планах ЦеДО и направленно на знакомство с целевой группой первокурсников, поступивших в ВУЗ. На этой встрече устанавливаются контакты участников проектной группы со студентами с ограниченными возможностями. Это необходимо для оказания помощи в период адаптации первокурсников.

Таким образом, стартовое мероприятие «Добро пожаловать в ЦеДО!» является важным для получения информации о льготах при обучении, для установления межличностных контактов между участниками проектной группы и студентов, а также успешной адаптации студентов первокурсников с инвалидностью.

Кинолекторий - это групповой метод терапии, предполагающий просмотр художественных кинофильмов с последующим обсуждением в группе. Целью кинолектория является развитие самосознания и формирование позитивного мышления личности.

Для проведения первого кинолектория был выбран фильм «Фара» казахстанского режиссера Абая Карпыкова. Проектной группой были заранее отобраны и смонтированы ключевые сюжеты фильма, так же были продуманы вопросы по сюжету. Для проведения второго кинолектория был выбран фильм «Временные трудности» - российского кинорежиссера Михаила Расходникова.

Можно выделить несколько критериев эффективности данных мероприятий:

1. Объем высказывания мнения.
2. Проявление эмоций.
3. Обратная связь.

Объем высказывания мнения мы измеряли в минутах. Если человек рассуждает и высказывает свою точку зрения более двух минут, то для такого человека мероприятие было эффективным. Однако стоит учесть, что есть люди, которые не готовы высказывать свою точку зрения, но рефлексиируют мероприятие самостоятельно после его проведения.

Можно сделать вывод о том, что эффективнее проводить кинолекторий для средней группы от 5–10 человек. Потому что в такой группе у участников меньше шансов промолчать и больше шансов высказаться, чем в большой группе, состоящей из более 30 человек.

Рассматривая поведение групп по второму критерию, мы предполагаем, что, если участники проявляют эмоции, значит, они внимательно смотрели фильм, прониклись к актуальной проблеме. Так как фильмы подобраны по тематике «инвалидность», то 70 % участников сопоставляли себя с главными героями, что давало различные эмоции.

Рассматривая поведение групп по третьему критерию, мы предполагаем, что если участники давали обратную связь, то значит были заинтересованы мероприятием и качеством его проведения. Можно сделать вывод о том, что участники второго кинолектория более заинтересованы в проведении подобных мероприятий, чем участники первого кинолектория.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что кинолекторий оказывает на людей огромное эмоциональное воздействие. Обсуждение актуальных сюжетов, отождествление себя с героями, формирует самоидентичность и личностное развитие молодых людей с ограниченными возможностями, продвигает их в понимании инклюзии и новой реальности.

В рамках Декады инвалидов проводятся разнообразные мероприятия, целью которых является привлечение внимания общественности к проблемам людей с инвалидностью в современном мире. Мероприятие проводилось в холле главного корпуса ТУСУРа на часовом перерыве. Студентам, которые не смогли ответить на вопрос викторины, предлагали играть в «инклюзивную игру» крестики-нолики с закрытыми глазами и ставить фигурки «крестик» или «нолик» в игровое поле так, как это делают незрячие люди. Критерием эффективности данного мероприятия стало количество студентов, чем больше охват людей, тем эффективнее мероприятие. В ходе мероприятия было выявлено, что 95% из студентов не знакомо с термином «инклюзивное образование» и об инклюзии в целом представления не имеют. В студенческой среде преобладают устаревшие стереотипы об инвалидности. Повысить эффективность данного мероприятия можно тем, чтобы чаще проводить такие викторины и охватывать разные корпуса учебного заведения.

Таким образом, проводимые мероприятия положительно влияют на людей и имеют важное значение для социокультурной компенсации нарушенных или утраченных способностей инвалидов к деятельности в соответствии с их духовными интересами, потребностями и потенциальными возможностями. В студенческом сообществе необходимо проводить организационно - разъяснительную

работу совместно с Центром доступности образования, администрацией и преподавательским составом ВУЗа по формированию современных позиций в отношении инклюзии, преодолению социального исключения при помощи роста общественной ответственности и объединения людей в разных группах, а также расширять критерии эффективности мероприятий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Алехина С.В.* Принципы инклюзии в контексте развития современного образования // Психологическая наука и образование. М.: МГППУ, ООО «Буки Веди» 2014. №1.
2. *Зиновьева, В.И.* Формирование социальной идентичности студентов с ограниченными возможностями в вузовской среде // Вестник Томского государственного университета, 2016 № 406. С.86–89.
3. *Наберушкина Э.К.* Доступность городской среды для инвалидов. Электронный ресурс. // URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/02/13/1214888091/Naberushkina_07.pdf (дата обращения: 10.03.2022).

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ЛГБТ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Е.А. Яндакова

Научный руководитель: к.ф.н. Е.Ю. Быкова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Несмотря на то, что ЛГБТ приняты как сообщество, их права признаются не во всем мире: в странах Средней Азии и Африки гомосексуальные отношения криминализированы, а ЛГБТ не имеют защитных законов от насилия и дискриминации [3]. В России нет правовой защиты представителей гомосексуальной ориентации, пропаганда гомосексуальных отношений среди несовершеннолетних запрещена статьей 6.1 КоАП РФ ФЗ №195 [1], а в Конституции РФ заключение брака, согласно статье 72, о статусе семьи и брака, возможно только между мужчиной и женщиной [4]. По причине запрета на законодательном уровне и отсутствия открытого освещения проблем ЛГБТ, представители данного сообщества боятся быть подвергнутыми дискриминации: психологическое, физическое насилие, несоблюдение прав, буллинг и др. – и являются прямыми клиентами социальной работы – профессиональной деятельности, оказывающей социальную, психологическую, юридическую помощь незащищенным категориям населения – данная деятельность, например, широко представлена в странах Сев. Америки [2].

Изменение в отношении общества к ЛГБТ происходит, в первую очередь, с помощью массовой культуры, продукты которой формируют среди молодежи как главной целевой аудитории лояльное восприятие данной категории: с помощью кино и сериалов молодые люди получают информацию об однополых отношениях, с акцентом на социальное одобрение и поддержку ЛГБТ. При этом из-за разницы в представлении данной тематики в зарубежной и отечественной киноиндустрии, а также наличием особых требований к информации о ЛГБТ в нашей стране, имеют место диссонанс идеологических течений, мнений, отношения и картин мира. Под влиянием данного противоречия оказывается российская молодежь, которая с одной стороны воспитывается на западной культуре, но при этом испытывает влияние традиционных ценностей, транслируемых в нашей стране.

Для выявления степени влияния западной массовой культуры и российской социальной рекламы на отношения к ЛГБТ было проведено исследование – полуструктурированное интервью со студентами философского факультета ТГУ – с целью определения отношения к ЛГБТ и репрезентации ЛГБТ, а также выявления методов воздействия социальной рекламы и массовой культуры на формирование отношения. Специфика студентов заключается в изучении респондентов гуманитарных и социокультурных наук, позволяющее анализировать репрезентацию ЛГБТ через призму культуры, политики, истории, идеологий своего и других государств. Студентам предлагалось оценить несколько примеров современной российской социальной видео-рекламы о ЛГБТ государственных и общественных организаций и рассказать о собственном отношении к ЛГБТ и их репрезентации в массовой культуре и социальной рекламе.

Как показало исследование, студенты, в целом, осведомлены о проблемах, часто видят новости с участием ЛГБТ, однако не все дали точную расшифровку акронима. Равные части студентов не поддерживают политику властей РФ отно-

сительно ЛГБТ и относятся к ней равнодушно, меньшая часть считает ее правильной. Респонденты нейтрально относятся к гомосексуалам и трансгендерам, не выделяя различий с другими людьми, но презентация ЛГБТ в киноиндустрии для обеспечения толерантной среды, некоторым студентам непривычна, несправедлива по отношению к гетеросексуальным актерам или имеет пропагандистский характер. Складываемый западной культурой образ ЛГБТ-персоны не совпадает с отечественными репрезентациями представителей сообщества, однако образы государственной социальной рекламы, показывающие ЛГБТ как неестественное явление, не меняют мнения студентов и не воспринимаются студентами всерьез.

Студенты отмечают отсутствие единого образа представителя ЛГБТ, так как, по мнению большинства, гомосексуалы ни внешне, ни внутренне не отличаются от гетеросексуалов, и общих черт у такого большого сообщества ЛГБТ, кроме сексуальной ориентации, нет. Также малое число студентов выделило общими чертами более свободное и смелое поведение и желание уравнивать права граждан.

По мнению нескольких студентов социальная реклама должна быть направлена на гетеросексуальное общество, с целью изменения их модели поведения и устранения гомобифобии.

Студенты отмечают, их отношение к ЛГБТ посредством социальной рекламы не изменится, однако изменениям, возможно, подвергнутся мнения родителей и поколения постсоветского периода.

Большая часть студентов уверена, в России нет достойной социальной рекламы о ЛГБТ, но РФ нуждается в достоверной социальной рекламе, презентующей проблемы ЛГБТ и способствующей улучшению отношений между людьми: умаления негативного отношения со стороны гетеросексуального населения и уменьшения страха гомосексуалов обращения в социально-защитные службы. Однако в связи запретом на законодательном уровне издание социальной рекламы с участием ЛГБТ проблематично, так как грань между пропагандой и социальной рекламой тонкая. Пара студентов отметила, что существуют более актуальные для России проблемы, и российское общество еще достаточно консервативно и не готово к принятию ЛГБТ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 04.03.2022). КоАП РФ Статья 6.21. Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/f385ab5d34de901b2e5f3d08ac0b454481377d6a/ (дата обращения: 14.04.2022).
2. *Все* об убежище в США. Электронный ресурс. URL: <https://rusalgbt.com/asylum> (дата обращения: 13.04.2022).
3. *Карты* – законы о сексуальной ориентации Электронный ресурс. URL: https://ilga.org/downloads/RUS_ILGA_World_map_sexual_orientation_laws_dec2020.pdf (дата обращения: 13.04.2022).
4. *Полный текст* поправок в Конституции: что меняется? (статья 72, часть 1, дополнительный пункт ж) Электронный ресурс. URL: <http://duma.gov.ru/news/48045/> (дата обращения: 11.04.2022).

**INITIA:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
(22–23 апреля 2022 г)**

**Материалы XXIV Международной
конференции молодых ученых**

Издательство «Перо»
Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 27, ком. 105.
Подписано к использованию 30.12.2022. Объем Мбайт.
Электрон. текстовые данные. Заказ 1172.